С-Е-Р-П.

Сборникъ первый.

19 18/II 07

М. Борисовъ. Наши задачи.
М. Р—р. К политическому моменту.
Х. Житловскій. Націонализмъ и Классовая политика пролетаріата
Людвигъ Кульчицкій. Федерализмъ и соціалистическая политика.
Базинъ. Вопросы децентрализаціи въ программѣ Р. С. Д. Р. П.
Бенъ-Адѣръ. Наши критики. Статья первая
И. Казимировъ. Новѣйшія позиціи россійской буржуазіи.
В. Дальманъ. Октябрьскіе дни въ Екатеринославѣ.
Матеріалы къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія.

6к

3 экз.

МОСКВА.
Типографія Ф. Я. БУРЧЕ, Тверской бул., д. Яголковскаго.
1907.

Важнѣйшія опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
65	13 сн.	какой-либо	какого-либо.
69	12 „	вѣчества	вѣчества“
72	5 „	національный центръ	національный цензъ
78	9 свер.	политикѣ,	политикѣ
80	1 сн.	Не	Но
144	19 св.	вопросъ, у	вопросъ, варьируетъ у
149	19 сн.	критиками	критикомъ
152	2 „	индивидуальное	надъ-индивидуальное
160	19 „	самодѣятельность	самое дѣятельность
162	9 св.	старыми	сжатыми
169	12 „	производительныя	производственныя
170	11 „	особыя	особыя явленія

Примѣчаніе. Въ виду запозданія, по техническимъ причинамъ, выхода въ свѣтъ сборника, статья т. **М. Р-ра**—„Къ политическому моменту“ устарѣла и замѣнена нами соотвѣтствующей статьей т. **В. Гофмана**.

Принимается подписка на еженедѣльный журналъ

„ФОЛКСШТИМЕ“

(на разговорно-еврейскомъ языкѣ (жаргонѣ),

издающемся при ближайшемъ участіи:

Х. Житловскаго, М. Б. Ратнера, П. Добина, І. Новаковскаго, Базина и Бенъ-Адера.

Содержаніе 1-го номера: 1) Къ политическому моменту.—**М. Борисовъ**; 2) Предвыборная кампанія I—II.—**Нешефъ**; 3) Принципъ автономіи въ программѣ Р. С.-Д. Р. П.—**Базинъ**; 4) Письма еврейскаго соціалиста. Письмо первое.—**Х. Житловскій**; 5) Литература и жизнь.—**Шимойни**; 6) На могилѣ матери.—**Ф. Гальперинъ**; 7) Изъ соціалистическаго міра: массовая стачка на мангеймск. партейтагѣ; 8) Изъ жизни партіи; 9) Рабочая хроника; 10) Фельетонъ: письмо Ильи пророка къ Мессіи. **Ойломъ-Гатейникъ.**

Содержаніе 2-го номера: Нешефъ.—Предвыборная кампанія III; 2) **Базинъ.**—Территоріализмъ с.-с. и его діалектическое развитіе; 3) **Л. Кульчицкій.**—Федерализмъ и соціалистическая политика; 4) **Шимойни.**—Литература и жизнь; 5) **Р. Мордхеле.**—Современные мотивы; 6) Изъ соціалистическаго міра; 7) **М. Давидовъ.**—Рабочая хроника; 8) Изъ партійной жизни; 8) **Г—нъ.**—Библіографія; 9) **П. Гиршбейнъ.**—У широкой дороги.

Содержаніе 3-го номера. 1) **Ш. Д.**—Къ выборамъ; 2) **Нешефъ.**—Предвыборная кампанія IV, (о еврейскихъ соціалистическмхъ партіяхъ); 3) **Л. Кульчицкій.**—Федерализмъ и соціалистическая политика; 4) **Бенъ-Адѣръ.**—Къ вопросамъ программы. Національно-культурная или національно политическая автономія; 5) **З. И. Онейхи.**—Къ стѣнѣ (разсказъ); 6) **М. Давидовъ.** По городамъ и вѣсямъ (хроника); 7) Изъ партійной жизни; 8) **Мечтатель.**—Отъ Минска до Гельсингфорса (фельетонъ).

Содержаніе 4-го номера. 1) **Н. Ш.**—Послѣ выборовъ; 2) **Нешефъ.**—Партійная дифференціація еврейской буржуазіи и новый походъ ассимиляціи; 3) **Базинъ.**—Теорія с.-с. превращается въ свою противоположность; 4) **Л. Кульчицкій**—Федерализмъ и соціалистическая политика; 5) **М. Мазовецкій.**—Національный вопросъ въ партійной литературѣ и программѣ польской соціалистической партіи „Пролетаріатъ“; 6) **Р. Ручикъ**—Пѣсни; 7) **З. И. Онейхи.**—Къ стѣнѣ (продолженіе); 8) **А Гренадиръ.**—Письмо съ того берега океана; 9) **М. Давидовъ.**—По городамъ и вѣсямъ (хроника). 10) Изъ партійной жизни; 11) **М. Шалитъ.**—Библіографія.

Содержаніе 5-го номера. 1) **Ш. Д.**—Дума; 2) **Базинъ.**—Политическое пробужденіе еврейской буржуазіи; 3) **Нешефъ.**—Конференція уполномоченныхъ; 4) **Д. Беръ.**—Смертная казнь; 5) **Гр.**—Къ предстоящему съѣзду національныхъ соціалистическихъ партій; 6) Изъ партійной жизни; 7) **М. Б. Ратнеръ.**—Еще разъ по поводу „правды“ Бунда.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 12 мѣс.—3 р. 50 к., 6 мѣс.—1 р. 75 к. 3 мѣс.—90 к. Отд №№—8 к.

Редакція и Гл. Контора: Вильно, Б. Погулянка, 9, кв. 29.

Редакторъ-Издатель **Н. Аркускій.**

Наши задачи.

I.

Міровое, общечеловѣческое значеніе переживаемой нами россійской революціи съ каждымъ днемъ раскрывается все ярче и несомнѣннѣе въ быстрой смѣнѣ грандіозныхъ политическихъ событій. Теперь уже всѣмъ ясно, что счастливый финалъ нашей революціи будетъ означать собой не только разрѣшеніе всѣхъ многочисленныхъ историческихъ конфликтовъ, всѣхъ отдѣльныхъ революцій, совершающихся въ нѣдрахъ населяющихъ Россію народностей, но и могучій ударъ реакціи на всемъ земномъ шарѣ. Но если реакціонеры всего міра съ такимъ неослабѣвающимъ вниманіемъ, съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдятъ за исходомъ этой безпримѣрной борьбы, то въ этомъ виновата не только ихъ прямая непосредственная заинтересованность, тѣсная солидарность интересовъ всемірной реакціи, но и тѣ болѣе отдаленныя перспективы, которыя россійская революція развертываетъ предъ современнымъ обществомъ. Наряду съ своими грандіозными пространственными размѣрами, наша революція еще болѣе замѣчательна глубиной своего соціальнаго содержанія.

Каждое революціонное движеніе, потрясавшее человѣчество, отличалось особымъ, ему одному свойственнымъ сочетаніемъ стихійныхъ и сознательныхъ элементовъ. Но нигдѣ это сочетаніе не принимало такого причудливо-своеобразнаго характера, какъ въ россійской революціи. Съ одной стороны, громадныя многомилліонныя массы пребываютъ во мракѣ невѣжества, накопленнаго вѣковыми усиліями деспотизма, и, томясь подъ страшнымъ общественнымъ гнетомъ, стихійными взрывами протеста потрясаютъ старый режимъ. Съ другой—значительно меньшіе слои рабочаго класса и интеллигенціи, стоящіе на высотѣ современнаго соціалистическаго міровоззрѣнія, ведутъ съ неослабѣвающимъ энтузіазмомъ героическую борьбу, проникнутую глубокосознательнымъ отношеніемъ къ общественнымъ явленіямъ. И отъ того наше ре-

волюціонное движеніе неизмѣнно отличается такой нервной порывистостью политическихъ дѣйствій, такой капризной смѣной политическихъ настроеній. Моментами оно то озаряется яркимъ свѣтомъ политическаго сознанія, проникшаго въ глубь народныхъ массъ и всколыхнувшаго вѣковую стихію,—и тогда оно вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ народнаго возстанія; то, наоборотъ, могучая народная волна отхлынетъ, и только легкая зыбь на поверхности колеблющагося движенія говоритъ о былой его силѣ и грядущемъ прибоѣ революціонныхъ волнъ...

Какъ ни грандіозны стихійныя проявленія великаго движенія, но не они составляютъ отличительную сторону россійской революціи. Стихіи, въ ея глубочайшихъ народныхъ проявленіяхъ, было не мало и въ предыдущихъ историческихъ переворотахъ. Наоборотъ, россійское движеніе глубоко отличаетъ именно его сознательная сторона, вліяніе въ немъ планомѣрной и систематически проводимой соціалистической идеи, на долю которой должна быть отнесена наибольшая доля достигнутыхъ политическихъ и соціальныхъ завоеваній. Развитіе соціалистическихъ ученій и распространеніе революціонно-соціалистическихъ партій въ Россіи составляетъ общеизвѣстный фактъ, не нуждающійся здѣсь въ подробномъ изложеніи. Исторія русскаго освободительнаго движенія запечатлѣна мучительной и тяжелой, но геройской и успѣшной соціалистической работой въ народныхъ массахъ. Эта работа совершалась въ самыхъ тайникахъ народной жизни, когда отсутствовали еще малѣйшіе признаки пробуждающагося въ народныхъ массахъ общественнаго самосознанія, когда во тьмѣ исторической неволи еще не сверкало и искры политической свободы. Теперь же, когда рухнули бюрократическія плотины, несмотря на всѣ вновь воздвигаемыя на каждомъ шагу препятствія, всюду неумолчно звучитъ голосъ соціалистической пропаганды, и энергично организуются кадры соціалистической арміи. Такого значительнаго участія соціалистическихъ силъ въ моментъ первоначальной „политической“ революціи не знала ни одна страна, и здѣсь именно надо искать ключа къ пониманію всего характера россійской революціи.

Старый споръ объ основномъ характерѣ русской революціи, раскалывавшій прежде весь русскій соціализмъ на двѣ фракціи: соціалъ-демократовъ, настаивавшихъ на „буржуазномъ“ характерѣ русской революціи, и соціалистовъ-революціонеровъ, отмѣчавшихъ ея „народно-трудовой“ характеръ,— возродился теперь съ новой

силой, на этотъ разъ уже внутри самого соціалъ-демократическаго лагеря. Оспариваемое Плехановымъ и Мартовымъ и поддерживаемое Ленинымъ и другими большевиками мнѣніе К. Каутскаго о „не буржуазномъ“ и „не соціалистическомъ“ характерѣ революціи, само по себѣ взятое, независимо отъ его правоты или неправоты, служитъ показателемъ чрезвычайной сложности тѣхъ соціальныхъ измѣненій, совокупность которыхъ составляетъ нашу революцію. Для рѣшенія этого спорного вопроса необходимо, во-первыхъ, установить критерій самихъ понятій „буржуазной“ и „соціалистической“ революціи, а во-вторыхъ, опредѣлить конкретное соціальное содержаніе революціи. Первая задача, въ концѣ-концовъ, представляетъ чисто теоретическій интересъ: то или иное условное наименованіе, присваиваемое нами современной революціи нисколько не опредѣляетъ еще нашего пониманія самой сути этого своеобразнаго явленія. Зато рѣшеніе второй задачи даетъ намъ цѣлый рядъ выводовъ огромной теоретической и практической цѣнности. И здѣсь нельзя не замѣтить глубокихъ отличій нашей революціи отъ тѣхъ революцій, которыя уже безспорно заслужили названіе „буржуазныхъ“. Въ чемъ же состоятъ эти отличія?

Наряду съ борьбой противъ пережитковъ крѣпостничества,— характерной для всѣхъ предшествующихъ, буржуазныхъ революцій, — могучимъ стимуломъ нашей революціи является борьба пролетаріата съ городской буржуазіей за улучшеніе своего положенія и укрѣпленіе позицій не только политическихъ, но и соціальныхъ, — борьба болѣе острая, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ. Далѣе трудовое крестьянство борется съ землевладѣльческой буржуазіей, стремясь пошатнуть одинъ изъ самыхъ сильныхъ устоевъ частной собственности и оплотовъ политической реакціи,—земельную собственность. И поэтому-то главными движущими силами русской революціи является не буржуазія, а пролетаріатъ и трудовое крестьянство, налагающіе на революцію яркій отпечатокъ своей соціальной личности.

Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли, — доказательствомъ не чисто-буржуазнаго характера нашей революціи, — является отношеніе къ ней западно-европейской буржуазіи. Если бы русская революція, по своему соціальному содержанію, была борьбой за разрушеніе феодальнаго и крѣпостническаго политическаго строя, для установленія господства буржуазіи, — и *только этимъ*, — то европейская буржуазія не боялась бы такъ побѣды революціи:

часть буржуазіи относилась бы къ ней безразлично, часть же, непосредственно заинтересованная въ охраненіи своихъ экономическихъ привиллегій въ Россіи, сумѣла бы ихъ компенсировать и послѣ паденія самодержавія. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно доказать, что паденіе самодержавія откроетъ такой необъятный просторъ развитію производительныхъ силъ Россіи, при которомъ найдутъ себѣ пищу и примѣненіе самые жадные аппетиты и предпринимательская энергія европейской буржуазіи. Итакъ, если буржуазія всѣхъ націй такъ боится полной побѣды русской революціи, то отсюда слѣдуетъ, что нѣкоторые элементы этой революціи являются серьезной угрозой старому міру, что пламя объявшей Россію великой соціальной борьбы грозитъ каждый мигъ переброситься въ старую буржуазную Европу.

Отсюда понятны тѣ огромныя притязанія, которыя революція предъявляетъ къ соціалистическимъ партіямъ. Революціонеру дѣйствія—современному соціалисту въ Россіи—приходится быть и революціонеромъ мысли: въ разгарѣ революціонной борьбы, захватывающей всего человѣка, бороться съ буржуазными общественными доктринами, переоцѣнивать старыя общественныя цѣнности, разрѣшать новыя общественныя проблемы.

Поэтому въ Россіи несомнѣнно ощущается особенно благодарная почва для выработки цѣльнаго и во многихъ частяхъ самостоятельнаго соціалистическаго міросозерцанія и для разрѣшенія тѣхъ теоретическихъ проблемъ, которыя стоятъ на ordre du jour соціалистической мысли.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей западно-европейскаго научнаго соціализма, Карлъ Каутскій выразилъ надежду на то, что русскіе соціалисты, невольно удаленные отъ арены страстной политической борьбы, внесутъ много своего, новаго въ дѣло разработки теоретическихъ основъ научнаго соціализма. Теперь эти слова звучатъ горькой ироніей надъ русской жизнью и русскими дѣятелями. Теперь тотъ же Каутскій, въ своемъ послѣднемъ произведеніи: „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи“, замѣчаетъ, что „наше время не благопріятствуетъ теоретическимъ работамъ“, находя утѣшеніе въ томъ, что „изъ практическихъ успѣховъ вытекаютъ наши успѣхи въ области теоріи“. И все же высказанная имъ прежде надежда на самостоятельное творчество россійскаго соціализма не лишена серьезной основательности. Вопросы теоріи и практики соціалистическаго движенія такъ тѣсно и неразрывно связаны между собою,

что теоретическая работа соціалистической мысли не можетъ пріостановиться ни на одинъ мигъ. И несмотря на то, что условія спокойной теоретической работы надолго миновали для русскихъ соціалистовъ, что нынѣ россійское соціалистическое движеніе, достигшее широкаго революціоннаго размаха, удивляетъ весь соціалистическій міръ своей желѣзной энергіей, неизсякаемымъ одушевленіемъ и необыкновенной способностью къ непрестанному созиданію новыхъ формъ революціонной борьбы,—въ немъ ни на минуту не прекращается пытливая работа теоретической мысли надъ очередными проблемами, выдвигаемыми своеобразными задачами русской революціи.

Въ ряду этихъ задачъ, чрезвычайно углубляющихъ и усложняющихъ, какъ мы уже говорили, соціальное содержаніе нашей революціи, первое мѣсто занимаетъ, разумѣется, аграрный вопросъ. Предстоящая въ конечномъ итогѣ революціи, неслыханная по своей грандіозности, мобилизація земельной собственности въ величайшемъ изъ сохранившихся еще „крестьянскихъ царствъ“, и не менѣе грандіозное аграрное движеніе выдвинули аграрный вопросъ, какъ самостоятельную проблему соціалистической теоріи и практики, и создали значительную, до сихъ поръ далеко еще не завершенную, работу соціалистической мысли.

Наряду съ аграрнымъ вопросомъ стоитъ другая проблема современнаго соціализма: національный вопросъ. Эта проблема въ Россіи опять таки чрезвычайно сложна и велика какъ по объему, такъ и по содержанію. Десятки совершенно произвольно связанныхъ въ россійское государство народностей въ теченіе столѣтій задыхаются подъ чудовищнымъ общественнымъ гнетомъ, однимъ изъ существенныхъ элементовъ котораго является гнетъ національный. Революція пахнула на нихъ вѣтромъ свободы, и подъ ея животворнымъ дыханіемъ эти народы постепенно просыпаются къ свободной національной жизни. Каждый успѣхъ демократіи и соціализма среди угнетенныхъ національностей пробуждаетъ въ нихъ жажду и національнаго раскрѣпощенія. Опираясь на это зарождающееся могучее національно-освободительное движеніе, на опытъ западно-европейскаго соціализма и на свой собственный опытъ, какъ партіи, работающей среди еврейскаго народа, вся многовѣковая исторія котораго является безпримѣрной національной трагедіей, — Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія выдвигаетъ свое самостоятельное рѣшеніе національнаго вопроса въ Россіи. Она исходитъ, при-

этомъ, изъ того убѣжденія, что только революціонному соціализму,—освобождающему народы и объединяющему ихъ узами международнаго братства всѣхъ трудящихся,—подъ силу радикальное разрѣшеніе національнаго вопроса.

Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Важность національнаго вопроса, какъ одной изъ основныхъ проблемъ россійской государственной жизни, явствуетъ изъ простого даже бѣглаго взгляда на этнографическую карту Россіи.

По даннымъ всеобщей переписи въ 1897 году все населеніе Россіи распредѣлялось по національному составу слѣдующимъ образомъ:

Народности.	% всего населенія.	Народности.	% всего населенія
Великороссы	43,30	Грузины(съ имерет.,мингр. и сванетами).	1,05
Малороссы	17,41	Армяне.	0,91
Поляки	6,17	Молдаване и румыны . .	0,87
Бѣлоруссы	4,57	Мордва.	0,79
Евреи	3,94	Эсты.	0,78
Киргизы	3,18	Сарты	0,75
Татары.	2,91	Чуваши	0,66
Финны.	1,71	Узбеки	0,57
Нѣмцы.	1,40	Лезгины.	0,47
Литовцы и жмудь	1,29	Лезгины съ прочими горцами — чеченцами, черкесами и другими . . .	0,85
Башкиры и тептяри . . .	1,12		
Латыши	1,12		

Итого, въ Россіи насчитывается около 30-ти крупныхъ, съ рѣзко выраженными чертами національной индивидуальности, народностей и нѣсколько десятковъ народностей численностью менѣе полумилліона. Таковы внушительныя внѣшнія рамки національнаго вопроса.

А между тѣмъ, что сдѣлано у насъ даже наиболѣе вліятельными политическими сферами не то что для рѣшенія, но хотя бы для подготовки рѣшенія этой коренной проблемы? Ничего или почти ничего. Въ программахъ всѣхъ нашихъ политическихъ партій, отдѣлы и статьи, относящіеся къ національному вопросу, страдаютъ

поразительною бѣдностью содержанія и составляютъ несомнѣнно наиболѣе слабую, худшую часть этихъ программъ.

Обратимся прежде всего къ той партіи, которая, по собственному отзыву ея адептовъ, „сдѣлала спеціальнымъ предметомъ своей дѣятельности парламентскую работу“. Такая спеціальность, казалось бы, требуетъ особенно тщательной разработки программныхъ положеній. И что же мы видимъ въ дѣйствительности въ программѣ данной партіи,—конституціонно-демократической,— по кардинальному національному вопросу? Ничего, кромѣ общихъ заявленій о томъ, что должно быть „гарантировано“ для всѣхъ безъ исключенія народностей „право свободнаго культурнаго самоопредѣленія“, подъ которымъ разумѣется: полная свобода употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ публичной жизни, свобода основанія и содержанія учебныхъ заведеній, всякаго рода собраній, союзовъ и учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности и т. д.

Легко видѣть всю неудовлетворительность и, можно сказать, политическую наивность всѣхъ подобныхъ „программныхъ“ положеній, лишенныхъ въ дѣйствительности сколько-нибудь серьезнаго практическаго содержанія. Всѣмъ народностямъ должны быть „гарантированы“ право культурнаго самоопредѣленія, свобода родного языка, свобода школьнаго дѣла и т. д.! Какова, однако, возможная практическая постановка этихъ „гарантій“? Какъ осуществить въ данной политической средѣ, на почвѣ существующихъ условій государственной жизни и свободу языка, школы и вообще право хотя бы лишь только культурнаго самоопредѣленія для всѣхъ народностей, спутанныхъ въ пестрый клубокъ разновидностей, переплетающихся между собою на одномъ клочкѣ государственной территоріи? Словомъ, каковъ долженъ быть тотъ строй національныхъ отношеній, который могъ бы фактически осуществить для всѣхъ народностей даннаго государства дѣйствительную свободу національнаго развитія? Такова сущность національной проблемы въ ея практической постановкѣ. Но на всѣ эти вопросы мы напрасно стали бы искать отвѣта въ программѣ конституціонно-демократической партіи.

Не лучше обстоитъ это дѣло и въ программахъ русскихъ соціалистическихъ партій.

Въ программѣ, напр., Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, кромѣ общаго, ничего не говорящаго тезиса о

„правѣ на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства“,—содержится опять-таки только общій перечень требованій свободы языка всѣхъ гражданъ и національностей въ школѣ, на собраніяхъ и во всѣхъ учрежденіяхъ — мѣстныхъ, общественныхъ и государственныхъ (§§ 8—9 программы). Впрочемъ, въ одномъ пунктѣ здѣсь замѣчается важное нововведеніе. Именно, въ вопросѣ о школѣ соціалдемократическая программа гласитъ: „право населенія получать образованіе на родномъ языкѣ, обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства и органовъ самоуправленія необходимыхъ для этого школъ“. Здѣсь, наконецъ, сквозитъ пониманіе той элементарной истины, что устанавливаемое въ пользу кого-либо право лишь тогда пріобрѣтаетъ практическую цѣнность, когда сопровождается указаніемъ пути его реальнаго осуществленія, конкретныхъ способовъ его обезпеченія, и вотъ въ цитированномъ пунктѣ программы говорится объ обезпеченіи права на полученіе образованія на родномъ языкѣ. Но какъ оно обезпечивается? Указаніемъ на обязанность созданія „на счетъ государства и органовъ самоуправленія“ необходимыхъ для этого школъ. Но развѣ этого бѣглаго замѣчанія достаточно для разрѣшенія вопроса? Въ чьемъ завѣдываніи будутъ въ такомъ случаѣ находиться эти національныя школы? Каковы будутъ взаимоотношенія школы національной и общегосударственной? Чѣмъ гарантируется готовность государства и органовъ самоуправленія заняться созданіемъ дѣйствительно необходимыхъ для этого школъ? Не выростутъ ли на этой почвѣ между государствомъ и націей, съ одной стороны, и между отдѣльными національностями, съ другой, — серьезные конфликты? А если выростутъ, то кто и какъ ихъ будетъ разрѣшать?.. Очевидно, даже оставаясь въ тѣсной области чисто школьнаго дѣла, нельзя дать сколько-нибудь удовлетворительные отвѣты на всѣ эти неизбѣжные вопросы внѣ принципіальной постановки національнаго вопроса и конкретныхъ способовъ его практическаго разрѣшенія. А все это не дано въ программѣ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, какъ нѣтъ этого и въ другихъ россійскихъ соціалистическихъ программахъ.

Въ попыткахъ разрѣшенія національнаго вопроса весьма часто допускалось и допускается теперь одно крупное недоразумѣніе. Вопросъ просто отождествлялся съ другимъ, не менѣе важнымъ, но совершенно отъ него отличнымъ вопросомъ—областнымъ. Вслѣдствіе ли просто логической невыясненности соотвѣт-

ствующихъ понятій и неумѣнья ихъ должнымъ образомъ различать, или же, вѣрнѣе, потому, что въ порядкѣ историческаго возникновенія на русской почвѣ національный вопросъ, какъ вполнѣ законченная и самостоятельная проблема, со всѣми свойственными ей мучительными треніями и рѣжущими конфликтами, далъ себя почувствовать въ территоріально отграниченныхъ областяхъ—въ Польшѣ, на Украинѣ, на Кавказѣ,—но фактъ тотъ, что въ эволюціи русскаго общественнаго сознанія и въ исторіи русскаго общественнаго движенія понятіе національнаго и областного вопросовъ, разрѣшаемыхъ въ смыслѣ національной и областной автономіи, слились въ одно нераздѣльное цѣлое. Естественнымъ плодомъ такого незаконнаго смѣшенія понятій явились и соотвѣтствующія положенія въ программахъ даже новѣйшихъ соціалистическихъ партій. Такъ, программа народно-соціалистической партіи, представляющая собою, какъ извѣстно, продуктъ новѣйшаго творчества группы соціалистической интеллигенціи, роняетъ положеніе о „введеніи въ тѣхъ мѣстностяхъ государства, гдѣ этого пожелаетъ населеніе, національно-областной и областной автономіи“. Оговорка насчетъ желанія населенія наводитъ естественно на мысль, что здѣсь, по мысли авторовъ программы, идетъ рѣчь объ удовлетвореніи національныхъ потребностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что понятія національной и областной автономіи, какъ средствъ разрѣшенія національнаго вопроса, здѣсь какъ бы намѣренно спутаны между собою безъ малѣйшей попытки ихъ логическаго расчлененія и конкретнаго согласованія.

Мы назвали это смѣшеніемъ понятій и притомъ незаконнымъ. Силою самыхъ простыхъ соображеній и вполнѣ очевидныхъ фактовъ эта мысль можетъ быть доказана съ непререкаемою убѣдительностью. Областная автономія—это разумная мѣра внутренней политики, диктуемая ясно сознанною историческою необходимостью въ странѣ, гдѣ самая широкая и демократически организованная децентрализація является лучшимъ средствомъ борьбы съ застарѣлою язвою бюрократическаго режима—централизмомъ въ законодательствѣ и управленіи. Областная автономія представляетъ собою, поэтому, наболѣвшій и очередной вопросъ внутренней политики, разрѣшеніе котораго приведетъ къ оздоровленію всѣхъ сторонъ мѣстной жизни, возрожденной на широкихъ демократическихъ началахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для тѣхъ народностей, размѣщеніе которыхъ совпадаетъ съ распредѣленіемъ

государственной территоріи на рѣзко очерченныя въ географическомъ отношеніи области, осуществленіе мѣстной, областной автономіи попутно приведетъ и къ удовлетворенію ряда насущныхъ національныхъ потребностей. Автономія Польши означала бы полонизацію всѣхъ сторонъ краевой жизни и тѣмъ самымъ привела бы къ удовлетворенію жгучихъ потребностей польскаго народа, вѣками угнетеннаго и вѣками борющагося за свою національную свободу. То же самое имѣло бы мѣсто по отношенію къ малорусской народности въ случаѣ осуществленія автономіи Украины, гдѣ національный гнетъ и порабощеніе милліоновъ коренного населенія достигли издавна чудовищныхъ размѣровъ. И все же можно ли разсматривать автономію Польши или Украины какъ реальный способъ разрѣшенія *всего* національнаго вопроса въ предѣлахъ даже этихъ областей или въ отношеніи только польскаго или украинскаго народовъ? Вѣдь въ Польшѣ обитаютъ, помимо поляковъ, другіе народы, и съ полонизаціей края особыя національныя потребности этихъ народностей не только не будутъ утолены, но, наоборотъ, достигнутъ, быть можетъ, наибольшей интенсивности. То же самое и на Украинѣ. Съ другой стороны, и поляки, и малороссы сосредоточены не только въ Польшѣ или Украинѣ, но разсѣяны большими массами въ другихъ областяхъ Россіи. Автономія Польши не уничтожитъ, поэтому, польскаго вопроса въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а въ автономной Украинѣ все же будутъ перемѣшаны между собою національности: великорусская, малорусская, польская, еврейская и др., нуждающіяся въ точномъ размежеваніи взаимно переплетающихся и сталкивающихся національныхъ интересовъ. Наконецъ, что дастъ, что въ состояніи дать самая широкая областная автономія тѣмъ національностямъ, которыя давно вышли изъ рамокъ территоріальной отграниченности и разсѣяны среди другихъ народностей повсемѣстно въ предѣлахъ государства. А вѣдь и у этихъ національностей существуютъ свои насущныя національныя потребности, нужды, интересы, и никакая истинно демократическая организація не въ правѣ отказывать имъ въ необходимой защитѣ, разъ своеобразными судьбами не отъ нихъ зависящаго неумолимаго историческаго процесса они оказались оторванными отъ земли своихъ предковъ, гдѣ размѣстились другіе народы, и гдѣ созрѣли новыя національныя потребности.

Ясно, что областной вопросъ не покрываетъ собою вопроса національнаго, что областная и національная автономія—двѣ са-

мостоятельныя идеи, лишь попутно приходящія другъ съ другомъ въ соприкосновеніе, но не могущія быть замѣненными одна другой. Національный вопросъ сохраняетъ всю силу самостоятельной, отдѣльной проблемы, требующей столь же самостоятельнаго разрѣшенія.

Нѣкоторый цифровой матеріалъ наглядымъ образомъ освѣтитъ и правильность изложенныхъ мыслей, и всю великую важность вытекающихъ отсюда практическихъ задачъ.

Въ небольшой, но любопытной и цѣнной статистической работѣ („Національныя области Россіи", Спб. 1906) *К. А. Фортунатовъ* сдѣлалъ попытку „распредѣлить всю территорію Россіи на части съ областнымъ самоуправленіемъ, пользуясь національнымъ принципомъ". Но такъ какъ такое дробленіе территоріи имѣетъ свои естественные предѣлы, то, признавъ „наиболѣе удобной величиной для такихъ частей—„краевъ" или „штатовъ"—„штатъ" съ населеніемъ въ 6—9 милл. въ 1897 г., а теперь въ 7—10 милліоновъ", авторъ получилъ слѣдующее распредѣленіе національныхъ областей:

Польскій „край" или „штатъ" съ населеніемъ въ	8	мил.	696	тыс.
Бѣлорусскій „ „	7	„	328	„
Прибалтійскій „ „	5	„	46	„
3 малороссійскихъ „ „	27	„	228	„
1) *Юзападный* (Кіев., Подольск., и Волын. г. и 3 уѣзда Гродненск. губ.) съ насел. . . .	10	„	133	„
2) *Малороссійскій* (Полт., Харьков., Черниг. г.) съ населеніемъ	8	„	451	„
3) *Новороссійскій* (Бессарабія, Херсон., Таврич. Екатериносл. губ.) съ насел.	8	„	644	„
Кавказскій „край" или „штатъ" съ насел. въ	6	„	157	„
Среднеазіатскій „ „	7	„	490	„
Сибирскій „ „	6	„	15	„
7 Великорусскихъ „ „	57	„	680	„

Классификація эта имѣетъ свои серьезные дефекты. Допущеніе 3-хъ „малороссійскихъ" и цѣлыхъ 7-ми „великорусскихъ" областей само говоритъ за себя. Авторъ вынужденъ, между прочимъ, въ числѣ „великорусскихъ" областей намѣтить „татарско-башкирскій край" (губ. Казанская, Уфимская, Оренбургская, Самарская, Симбирская). И все же „національныхъ" областей—„краевъ" или

„штатовъ“—окажется около 15-ти, въ то время, какъ крупныхъ народностей въ Россіи насчитывается свыше 30-ти. Ясно, что внутри „національныхъ“ областей будутъ національныя тренія, и областной вопросъ, при самомъ благопріятномъ его разрѣшеніи, не сниметъ съ очереди вопроса національнаго. Вглядываясь ближе въ приведенную классификацію національныхъ областей, мы легко замѣтимъ слѣдующія ея особенности. „Кавказскій“ край или „штатъ“ обнимаетъ собою территорію цѣлаго ряда народностей (армянъ, татаръ, грузинъ, лезгинъ, имеретинцевъ, черкесовъ и пр. горцевъ) обычно, правда, называемыхъ „кавказскими“, но глубоко отличающихся другъ отъ друга по бытовымъ особенностямъ, историческому прошлому, строю внутренней соціальной жизни, и т. д. Въ какой-нибудь Таврической губ., относящейся къ числу „малороссійскихъ“ областей или „штатовъ“, въ дѣйствительности малороссовъ проживаетъ только около 42% населенія, остальные же 58% образуютъ другіе народы: великороссы, евреи, нѣмцы, татары и т.д. Съ другой стороны, напр., поляки живутъ не только въ „польскомъ“ краѣ, но и въ другихъ мѣстахъ въ количествѣ, напримѣръ:

130.054	чел.	въ губ.	Виленской
50.377	„	„	Витебской
184.161	„	„	Волынской
161.662	„	„	Гродненской
64.617	„	„	Минской
17.526	„	„	Могилевской
69.159	„	„	Подольской и т. д.

Тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ другимъ народностямъ, нигдѣ не умѣщающимся безъ остатка въ любезно предоставленныхъ имъ границахъ родной области.

Наконецъ, блага областного распредѣленія національностей совершенно не затрагиваютъ ни евреевъ, занимающихъ 5-ое по численности мѣсто въ странѣ, ни латышей, ни эстовъ, ни чувашей и т.д. А между тѣмъ, евреи, напр., уступаютъ въ численности бѣлоруссамъ на $^1/_2$% (и то весьма сомнительно), полякамъ на $2^1/_4$%, и если въ общемъ они образуютъ въ странѣ 4—5% всего населенія, то въ отдѣльныхъ областяхъ они достигаютъ 14% (Царство Польское), 14,4% (Сѣверо-Западный край), а при счетѣ исключительно *городского* населенія получаются слѣдующія цифры (по даннымъ корреспондентовъ еврейскаго колонизаціоннаго общества):

ОБЛАСТИ	Число евреевъ.	% къ общему нас.
Южный край	511.487	26,3
Югозападный край	978.406	38,1
Царство Польское	1.106.414	40,9
Сѣверо-Западный край	1.213.054	57,9

Словомъ, мертвыя цифры, въ переводѣ на языкъ конкретныхъ, живыхъ явленій вскрываютъ внушительный фактъ несовпаденія линіи національныхъ дѣленій съ линіей дѣленій областныхъ, вслѣдствіе чего и самое совершенное областное устройство не способно разрѣшить національнаго вопроса вообще и національнаго вопроса для національностей экстерриторіальныхъ въ частности.

И поэтому всѣ програмныя положенія, краснорѣчиво толкующія о демократически организованной областной автономіи, должны быть признаны неимѣющими спеціальнаго и непосредственнаго отношенія къ національной проблемѣ.

Въ предыдущемъ изложеніи намѣренно допущено умолчаніе объ одной соціалистической программѣ—партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Въ ней, помимо обычнаго требованія признанія за всѣми національностями „безусловнаго права на самоопредѣленіе“, декларировано также „возможно болѣе широкое примѣненіе федеративнаго начала къ отношеніямъ между отдѣльными національностями“. Федеративное начало въ отношеніяхъ между національностями,—это, какъ убѣдится читатель, прочитавшій до конца настоящую работу, то зерно, изъ котораго должно произрасти правильное и полное разрѣшеніе національной проблемы. Партія соціалистовъ-революціонеровъ вступила по этому вопросу на правильный путь, идя по которому она доберется до конечной цѣли. Къ сожалѣнію только, отмѣченное основное положеніе брошено въ программѣ какъ бы вскользь, безъ ближайшаго опредѣленія или подробнаго описанія, безъ какого-нибудь фактическаго обоснованія или логическаго развитія понятія. И въ этомъ смыслѣ несовершенство и этой, лучшей изъ программъ по національному вопросу остается фактомъ, лежащимъ внѣ сомнѣній.

Въ общемъ, если собрать всѣ разбросанныя по программамъ на-

нихъ демократическихъ партій отдѣльныя положенія, относящіяся къ національному вопросу, то въ совокупности получится въ лучшемъ случаѣ ничего болѣе пресловутой статьи 19-й австрійской конституціи, гласящей, что „всѣ народности въ государствѣ равноправны, и каждая народность *имѣетъ* неприкосновенное *право* на охраненіе и развитіе своей національности и своего языка". Примѣръ австрійской конституціи именно въ данномъ пунктѣ обладаетъ достаточной дозой поучительности и могъ бы служить нѣкоторымъ предостереженіемъ для составителей новѣйшихъ программъ, хотя бы русскихъ. Всѣми австрійскими юристами и политиками, всѣми вообще знатоками государственнаго права давно отмѣчены коренные дефекты цитированной нами 19-й статьи, содержащей въ себѣ, по выраженію Еллинека, „плохо стилизированный" въ терминахъ національнаго права отголосокъ декларацiи правъ человѣка и гражданина. Въ ней декларированы, провозглашены извѣстныя права національностей, какъ добрыя пожеланія, какъ благородный призывъ, въ лучшемъ случаѣ—какъ путь для предстоящаго законодательства. Но въ ней нѣтъ никакихъ конкретныхъ указаній,— указаній на способы осуществленія этихъ правъ, на возможныя гарантіи ихъ дѣйствительнаго, реальнаго значенія и т. д.

Такимъ же абстрактнымъ характеромъ, какъ показано выше, страдаютъ и всѣ русскія программы по національному вопросу.

Указанный несовершенный по формѣ, неудовлетворительный по содержанію австрійскій законъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою лучшее, до чего добралось въ области національнаго вопроса европейское законодательство. Конституціи другихъ государствъ ограничиваются по этому поводу лаконическимъ и почти стереотипнымъ заявленіемъ о томъ, что „всѣ равны передъ закономъ",— „всѣ безъ различія религіозныхъ воззрѣній, происхожденія и сословій", всѣ „безъ различія званія и чиновъ" (итальянская конституція), всѣ, „кто живетъ на территоріи королевства" (нидерландская конституція), и т. д. Итакъ, во всѣхъ этихъ законодательныхъ памятникахъ національный вопросъ и національныя различія затронуты, такъ сказать, исключительно съ отрицательной стороны: здѣсь устанавливается только, что ни религія, ни происхожденіе, ни другіе отличительные признаки какой-либо народности не могутъ служить препятствіемъ къ использованію гражданами общечеловѣческихъ правъ. Постановка вопроса получается формальная и абстрактная. И намъ

понятны причины этого явленія. Вѣдь всѣ эти европейскія конституціи—въ концѣ концовъ—плодъ просвѣтительнаго движенія XVIII вѣка, выкинувшаго лозунгъ естественнаго права и принесшаго съ собою декларацію правъ человѣка и гражданина. Этого „человѣка", именно съ точки зрѣнія идей естественнаго права, надо было абстрагировать отъ религіозныхъ, сословныхъ, классовыхъ путъ—во имя идеала всеобщаго равенства и братства. Въ національности, въ принадлежности къ отдѣльной народности мерещилась одна изъ такихъ путъ, затрудняющихъ свободное развитіе человѣчества. И отсюда—безразличное отношеніе къ самой національности, выраженное въ терминахъ отрицательнаго порядка. Но, чтобы въ этой области возникали какія-либо положительныя задачи, чтобы въ понятіи націи, національной жизни было заложено опредѣленное положительное содержаніе, чтобы требовалось точное опредѣленіе и урегулированіе общаго строя междунаціональныхъ отношеній и отдѣльныхъ національныхъ особенностей,—этого не подозрѣвали, и по обстоятельствамъ времени не могли подозрѣвать, авторы конституцій XVIII и даже прошлаго столѣтія.

Какъ бы то ни было, національный вопросъ въ современный моментъ представляетъ сложную и трудную область, въ которой необходимо проявленіе самостоятельнаго соціально-политическаго творчества; позади насъ здѣсь мало историческаго опыта и почти никакихъ историческихъ традицій, но зато впереди предвидится не мало политическихъ затрудненій и соціальныхъ треній. Трудность и сложность національной проблемы явствуетъ уже изъ того, что, какъ и въ области аграрнаго вопроса, здѣсь обнаруживается та же индивидуальность образующихъ проблему жизненныхъ отношеній, та же сложность формъ и проявленій національной жизни отдѣльныхъ народовъ, та же затруднительность найти общую формулу для универсальнаго выраженія этой сложной совокупности эластичныхъ соціальныхъ и культурныхъ потребностей и своеобразныхъ интересовъ...

Общія трудности, связанныя съ разрѣшеніемъ національнаго вопроса и отражающіяся въ законодательныхъ попыткахъ буржуазныхъ партій, еще болѣе увеличиваются съ нашей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія революціоннаго соціализма. Гордо выкинутое революціоннымъ соціализмомъ знамя *интернаціонализма*, какъ солидарной борьбы рабочихъ всѣхъ странъ и народовъ за общіе экономическіе и политическіе интересы рабочаго класса, невольно, хотя и по

недоразумѣнію, наводило на мысль о вытекающей будто бы изъ соціализма идеѣ *космополитизма*, подъ которымъ разумѣлось слія-ніе всѣхъ отдѣльныхъ національностей въ одну общечеловѣческую семью. Потребовалось много времени и не мало конкретнаго историческаго опыта, чтобы зародилось серьезное сомнѣніе въ правильности мнимой связи между этими двумя различными понятіями, и чтобы ясна стала безусловная возможность стойкой и солидарной защиты общеклассовыхъ интересовъ рабочими отдѣльныхъ народовъ, ведущихъ автономное національное существованіе, но связанныхъ братскими узами общей борьбы за общіе соціальные и культурные идеалы. И если ветхій завѣтъ научнаго соціализма—коммунистическій манифестъ — провозглашалъ, что „рабочіе не имѣютъ отечества“, что „національная обособленность и антагонизмъ все болѣе и болѣе исчезаютъ уже съ развитіемъ буржуазіи, съ свободой торговли, съ міровымъ рынкомъ, съ однообразіемъ промышленнаго производства“, и что „господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе“,—то въ наши дни даже старикъ Каутскій признаетъ, что „соціалдемократія должна быть въ такой же мѣрѣ національной, какъ демократической“, и что національная автономія можетъ и должна стать лозунгомъ интернаціональной соціалдемократіи.

Тѣмъ не менѣе, новая идея съ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу, проникая сквозь толщу унаслѣдованныхъ вѣками традицій и предразсудковъ. Старыя и даже новѣйшія соціалистическія программы хранятъ и до сихъ поръ по національному вопросу гробовое молчаніе, и только австрійская соціалдемократія, на партейтагѣ въ Брюнѣ въ 1899 году, сдѣлала первую, но весьма интересную и внушительную попытку воплощенія новыхъ воззрѣній въ форму практическихъ программныхъ положеній. Резолюція, принятая брюнскимъ партейтагомъ, „торжественно заявляетъ“, что „народы могутъ достигнуть прогресса своей культуры только въ дружной и тѣсной солидарности, а не путемъ мелочныхъ раздоровъ между собою“; что „въ особенности рабочіе всѣхъ національностей должны въ интересахъ какъ отдѣльныхъ націй, такъ и всего государства, твердо держаться принципа интернаціональнаго боевого единенія и вести совмѣстными усиліями свою политическую и профессіональную борьбу“. „Принципъ интернаціональнаго боевого единенія“! И, однако, устами той же брюнской резолюціи партейтагъ столь же торжественно заявляетъ, что „онъ признаетъ право каждой націи на національное суще-

ствованіе и національное развитіе"; что „разрѣшеніе національнаго вопроса въ Австріи въ духѣ равноправія и благоразумія есть прежде всего культурная необходимость, а потому оно является одной изъ насущнѣйшихъ потребностей пролетаріата", и что, въ концѣ концовъ, въ цѣляхъ коренного разрѣшенія національной проблемы, „Австрія должна быть преобразована въ государство, представляющее демократическій союзъ національностей".

Здѣсь, такимъ образомъ, старый, испытанный лозунгъ интернаціональнаго боевого единенія гармонически совмѣщается не только съ антикосмополитическимъ воззрѣніемъ, но съ опредѣленнымъ способомъ разрѣшенія національной проблемы въ духѣ національной автономіи.

Здѣсь не мѣсто критическому анализу работы брюнскаго партейтага, сужденій, тамъ высказанныхъ, резолюцій, тамъ постановленныхъ. Все это приведено здѣсь лишь en passant, какъ неопровержимое доказательство того, что національный вопросъ, реальная его постановка, конкретные способы его разрѣшенія, при всей неудовлетворительности его общей разработки, все же сталъ на очередь политическаго дня для партій, живущихъ, подобно австрійской соціалдемократіи, въ атмосферѣ національной борьбы, неизбѣжныхъ національныхъ антагонизмовъ.

III.

Насъ давно уже ждетъ общій и принципіальный вопросъ. Въ чемъ же сущность и содержаніе національной проблемы? каково ея дѣйствительное отношеніе къ другимъ сторонамъ соціальной жизни и соціальной борьбы? Каковы практическіе способы ея разрѣшенія?

Необходимо приступить къ принципіальному и притомъ положительному разсмотрѣнію національной проблемы въ цѣляхъ отысканія путей къ построенію системы національнаго права. Каждое право въ отдѣльности и система опредѣленныхъ правъ въ совокупности предполагаетъ, какъ необходимое и неотъемлемое условіе свое, наличность носителя права, то, что мы называемъ лицомъ или субъектомъ права. Въ этомъ смыслѣ лица бываютъ *физическія* (данное, опредѣленное физическое лицо, которому принадлежитъ право: А., В., Сидоровъ, Петровъ) или *юридическія*, подъ которыми разумѣются извѣстныя коллективности, конкретно существующія, какъ общества, союзы, учрежденія и т. п. Говоря о правахъ національностей, существующихъ или желательныхъ

въ законодательствѣ, о національномъ правѣ или о системѣ національныхъ правъ, мы понимаемъ, что нація не можетъ быть представляема, какъ физическое лицо, ибо въ природѣ существуютъ только отдѣльныя ея представители, сама же нація въ цѣломъ есть только коллективность, которая *можетъ* быть признана субъектомъ права не иначе, какъ въ формѣ лица юридическаго. Очевидно, что въ основу выработки системы національнаго права должно лечь признаніе націи юридическимъ лицомъ, снабженіе ея аттрибутомъ субъекта, какъ носителя опредѣленныхъ правъ и соотвѣтствующихъ обязанностей. А между тѣмъ, отсутствіемъ, игнорированіемъ этого элементарнаго требованія страдаютъ всѣ современныя европейскія законодательства, даже тамъ, гдѣ слышится робкій лепетъ о какихъ-то національныхъ правахъ.

При необходимости признанія націи лицомъ, субъектомъ правъ, возникаетъ предварительная необходимость въ опредѣленіи самого понятія націи. Если нація—лицо, за которымъ мы готовы признать сумму опредѣленныхъ правъ и вытекающихъ изъ нихъ обязанностей, то естественно необходимо дать точное представленіе о природѣ и содержаніи этого субъекта, равно какъ опредѣлить его основныя черты и особенности, отличающія его отъ смежныхъ понятій.

Въ рамки нашей статьи не входитъ подробное соціологическое разсмотрѣніе этого, до сихъ поръ еще не всѣми одинаково рѣшаемаго вопроса. Мы ограничимся, поэтому, простой ссылкой на положенія, не разъ уже обстоятельно доказывавшіяся въ литературѣ нашего направленія.

Юристы и соціологи, работавшіе по данному вопросу, въ цѣляхъ выработки правильнаго опредѣленія понятія націи, пользовались, прежде всего, такъ сказать, методомъ исключенія. Они предприняли критику тѣхъ объективныхъ методовъ, каждый изъ которыхъ, въ отдѣльности взятый, *не* можетъ лечь въ основу искомаго опредѣленія. Ни династія, ни религія, ни раса, ни языкъ, ни территорія,—ни одинъ изъ этихъ элементовъ не можетъ быть признанъ тѣмъ неотъемлемымъ признакомъ, наличность котораго создаетъ, или отсутствіе котораго уничтожаетъ понятіе національности. Безспорными историческими фактами наглядно доказывается, что общность языка или религіи у двухъ или нѣсколькихъ народностей не препятствуетъ кристаллизаціи національныхъ различій (примѣръ: англичане, американцы, ирландцы), и что, наоборотъ, различіе языковъ или религіозныхъ вѣрованій не пре-

пятствуетъ національному единству (напр., валлійцы и англичане, баски и испанцы); что въ настоящее время почти не существуетъ народа, состоящаго изъ какой-либо расы въ чистомъ видѣ; что, наконецъ, отсутствіе своей территоріи не сокрушило національнаго единства обдѣленныхъ въ этомъ отношеніи народовъ (напр., евреи, армяне, кочевые народы).

Въ виду этого, нѣкоторые изслѣдователи отказывались опредѣлить объективное значеніе національности и подчеркивали субъективную природу того соціально-психологическаго фермента, который сообщаетъ данной группѣ людей сознаніе національнаго единства. Такъ Ренанъ когда-то сказалъ: національность — это „великая солидарность, устанавливаемая чувствомъ жертвъ, которыя уже сдѣланы, и которыя народность расположена сдѣлать въ будущемъ". А въ новѣйшее время государствовѣдъ Еллинекъ повторилъ ту же мысль въ слѣдующихъ словахъ: національность— это „субъективное сознаніе людей, чувствующихъ и признающихъ себя принадлежащими къ опредѣленной націи". Неудовлетворительность этихъ опредѣленій, описывающихъ субъективную природу національности, но нисколько не выясняющую намъ ни объективнаго значенія, ни генезиса національности, такъ же очевидна, какъ очевидна намъ неудовлетворительность разобранныхъ выше опредѣленій по объективнымъ признакамъ.

Варьируя эти опредѣленія и логически расчленивъ смежныя, родственныя, но не тождественныя понятія *національности* и *націи*, мы получимъ слѣдующія, искомыя опредѣленія:

Національность—это форма, въ которую отливается своеобразіе соціально-исторической жизни народа.

Нація — это группа людей, которые въ теченіе долгаго историческаго періода совмѣстнаго существованія, рѣшали или стремились рѣшать всѣ свои соціальныя задачи для себя и иначе, чѣмъ другіе, вслѣдствіе чего у нихъ и выработались своеобразныя формы соціальнаго бытія, — своя національность.

Самый бѣглый анализъ выясняетъ съ полной очевидностью правильность этихъ опредѣленій. Члены одной и той же обширной и чрезвычайно устойчивой соціальной коллективности, — члены одной націи въ своей общественной жизни вступаютъ между собою въ разнообразныя отношенія, формирующіяся на почвѣ удовлетворенія всѣхъ своихъ коллективныхъ потребностей, по восходящей скалѣ этихъ потребностей — отъ элементарныхъ и насущныхъ—экономическихъ и до политическихъ, культурныхъ и эсте-

тическихъ. Въ высшихъ областяхъ соціальной жизни—въ образованіи культурныхъ формъ, въ которомъ участвуетъ большее количество элементовъ, національность проявляется ярче и нагляднѣе, но напрасно нѣкоторые дѣлаютъ отсюда тотъ выводъ, что нація есть культурно-психологическій феноменъ, и что въ національныхъ отношеніяхъ наибольшее значеніе имѣетъ культурный факторъ. Мы видимъ, напримѣръ, въ Австріи, что тамъ національная борьба вращается главнымъ образомъ вокругъ вопроса о языкѣ, но изъ-подъ этой внѣшней оболочки нетрудно разглядѣть споръ о „должностяхъ“ и другія проявленія борьбы за власть, за вліяніе на государство, т.-е. борьбу различныхъ націй за экономическое, политическое и культурное господство. Ясно, поэтому, что линіи національныхъ дѣленій проходятъ гораздо глубже, чѣмъ это кажется при взглядѣ на поверхность національной жизни—на культурныя проявленія данной націи.

Съ другой стороны, напрасно стали бы мы искать у каждой націи наличности всѣхъ безъ исключенія ярко-индивидуализированныхъ національныхъ формъ, — атрофія этихъ формъ является слѣдствіемъ потери автономности въ соотвѣтствующей сферѣ соціальной жизни; но элементы національнаго своеобразія нетрудно отыскать даже и въ этомъ случаѣ. Такъ напримѣръ, далеко не у каждой націи имѣются особыя государственныя учрежденія, но каждой націи присуще особое соотношеніе политическихъ силъ, особыя политическія партіи и другія проявленія своеобразія политической жизни.

Изъ нашего опредѣленія феномена націи становятся ясными генезисъ и реальное содержаніе національнаго вопроса у угнетенныхъ народовъ. Процессъ историческаго образованія современнаго общества, цѣликомъ построеннаго на привиллегіяхъ и эксплоатаціи, сопровождался систематическимъ подавленіемъ націями сильными, поставленными въ болѣе благопріятныя внѣшнія условія соціальнаго развитія, слабыхъ націй, образованіемъ цѣлой системы національныхъ привиллегій, сковывающихъ свободное соціальное развитіе послѣднихъ. Господствующія націи оттѣсняютъ зависимыя и подчиненныя имъ націи на худшія позиціи во всѣхъ сферахъ соціальной жизни, гдѣ онѣ соприкасаются другъ съ другомъ, навязываютъ имъ чуждыя для нихъ формы національной жизни и тѣмъ осложняютъ для неимущихъ классовъ ихъ соціальный гнетъ новымъ видомъ общественнаго гнета—гнетомъ національнымъ. Свободное развитіе производительныхъ

силъ націи тормозится, навязанныя извнѣ формы политической жизни не соотвѣтствуютъ соотношенію общественныхъ силъ внутри данной націи, культурныя формы—ея культурнымъ потребностямъ, и вся національная жизнь въ цѣломъ протекаетъ не согласно внутреннимъ законамъ и потребностямъ развитія угнетенной націи, а подъ давленіемъ навязанныхъ извнѣ, чуждыхъ общественныхъ формъ.

Поэтому пробужденіе общественнаго самосознанія и активности среди рабочаго класса,—этого авангарда всего освободительнаго движенія нашего времени,—съ желѣзной необходимостью пробуждало и пробуждаетъ въ немъ стремленіе къ освобожденію и отъ національнаго гнета. Развитіе капитализма, въ которомъ до сихъ поръ многіе усматривали тенденцію къ ассимиляціи угнетенныхъ націй, и къ централизаціи экономической, политической и культурной жизни, съ непререкаемой очевидностью обнаружило противоположную тенденцію. Повышая активность рабочаго класса, вовлекая въ историческую жизнь огромныя, дотолѣ пассивныя и аморфныя народныя массы, капитализмъ увеличиваетъ число активныхъ агентовъ общественной жизни и, тѣмъ самымъ, усложняетъ ее и дѣлаетъ рѣзче особенности національной жизни, какъ результатъ своеобразныхъ комбинацій общественныхъ элементовъ. Отъ уничтоженія средневѣкового партикуляризма, чрезъ централизмъ, капитализмъ ведетъ къ раскрѣпощенію и расцвѣту угнетенныхъ національностей и федерализму, какъ высшему синтезу, гармонически сочетающему тѣсную связанность частей всего общества, какъ цѣлаго, свободу соціальнаго и культурнаго взаимодѣйствія съ свободой индивидуальнаго развитія и самодѣятельностью отдѣльныхъ частей.

Таковъ общій фонъ національно-освободительнаго движенія. На этомъ фонѣ возникаетъ цѣлая сѣть общественныхъ и индивидуальныхъ взаимоотношеній, цѣлый рядъ національныхъ антагонизмовъ, не поддающихся регулированію общедемократическаго законодательства, даже дополненнаго коррективами отрицательнаго порядка въ защиту угнетенныхъ національностей. Національныя привиллегіи, изгнанныя изъ сферы писаннаго законодательства, продолжаютъ упорно существовать въ обычномъ правѣ. Борясь съ этими привиллегіями и стремясь удовлетворить свои соціальныя потребности, которыя игнорируетъ современное государство, какъ орудіе классоваго и національнаго господства и угнетенія,—члены угнетенной націи стремятся опереться въ этой борьбѣ на

однородные съ ними по своему классовому положенію элементы родного народа. Такимъ образомъ создается цѣлый рядъ національныхъ институтовъ, которыми угнетенный народъ восполняетъ дефекты своей національной жизни. Эти институты плохо и неудовлетворительно рѣшаютъ задачи, посильныя только государственнымъ учрежденіямъ.

Эта картина національныхъ отношеній съ небольшими варіантами можетъ наблюдаться повсюду, гдѣ маленькія народности еще не успѣли добиться національнаго равноправія, и гдѣ существуютъ національныя меньшинства. Въ однихъ случаяхъ національная проблема еще не достигла достаточной остроты и находится еще въ эмбріональномъ состояніи, въ другихъ, какъ напримѣръ, въ Австріи, она уже достаточно назрѣла. Но закономѣрность ея развитія вездѣ одна и та же. Легко предвидѣть, что и у насъ въ Россіи, когда современная полукрѣпостническая, полубуржуазная Россія станетъ Россіей мѣщанской и демократической,—національный вопросъ приметъ такой же самый характеръ. „Такъ было, такъ будетъ“...

Но мы уже указывали въ первой главѣ на огромную роль сознательнаго элемента въ россійской революціи,—на роль соціалистическаго рабочаго класса и интеллигенціи, пользующихся огромнымъ опытомъ западно-европейскаго соціализма и результатами своихъ собственныхъ наблюденій,— эта сознательность должна проявиться и въ сферѣ національнаго вопроса. Интересы труда тѣсно и неразрывно связаны съ свободой національнаго развитія, и соціалистическія партіи Россіи должны дать радикальное, истинно-революціонное рѣшеніе національнаго вопроса. Чего же добиваться въ этой области?

Надо подвергнуть правовому регулированію не затронутую имъ область національныхъ отношеній. Надо вмѣсто суррогатовъ національной самодѣятельности создать цѣлесообразные національно-государственные институты. Другими словами, надо въ предѣлахъ объективной возможности открыть каждой націи дорогу къ свободному и всестороннему соціальному развитію и творчеству.

Мы опредѣлили, въ общихъ чертахъ, объемъ и соціальное содержаніе національной проблемы и можемъ теперь перейти къ ея политическому разрѣшенію, предлагаемому нами.

Какъ мы настойчиво указывали, національная проблема не совпадаетъ съ проблемой областной автономіи. Если, слѣдовательно, мы установимъ, хотя бы по схемѣ Фортунатова, „національныя области“ съ преобладающимъ въ нихъ большинствомъ населенія какой-либо данной націи, и тѣмъ дадимъ послѣдней возможность свободнаго, опредѣляемаго главнымъ образомъ, борьбою ея внутреннихъ силъ, общественнаго развитія,—то тогда національная проблема встанетъ предъ нами въ видѣ проблемы такъ называемыхъ „національныхъ меньшинствъ“. Здѣсь мы должны разсѣять нѣкоторыя недоразумѣнія по поводу этой разновидности національной проблемы.

Намъ иногда указываютъ на неизбѣжность извѣстной степени разноплеменности въ любой части современнаго общества и на невозможность урегулировать всю вытекающую отсюда сложную и тонкую сѣть человѣческихъ взаимоотношеній правовыми нормами и спеціальными государственными институтами. Поэтому намъ необходимо пояснить, что разумѣемъ мы подъ понятіемъ „національнаго меньшинства“. Говоря о „національныхъ меньшинствахъ“, мы не имѣемъ въ виду ту разноцвѣтную „человѣческую пыль“, которую суровые вѣтры буржуазнаго общества сорвали съ родной почвы своего народа и развѣяли по чужимъ народамъ и странамъ. Думать о созданіи спеціальныхъ нормъ національнаго права для защиты интересовъ этихъ миніатюрныхъ оазисовъ, затерявшихся въ нѣдрахъ чужихъ національныхъ организмовъ, значило бы доводить до каррикатуры идею національной автономіи. Мы не добиваемся, поэтому, распространенія институтовъ національной автономіи на нѣмцевъ—колбасниковъ, проживающихъ въ Самарѣ и Нижнемъ Новгородѣ, на татаръ, торгующихъ старымъ платьемъ, итальянцевъ—шарманщиковъ, поляковъ—содержателей „польскихъ кофейныхъ“—и другихъ представителей различныхъ „отраслей производства“, носящихъ на себѣ несомнѣнную печать національнаго своеобразія. Подъ „національными меньшинствами“ мы разумѣемъ такія, достигшія извѣстнаго, точно опредѣленнаго въ законѣ, числового коэффиціента національныя группы, которыя живутъ значительными массами, и,—либо, подъ вліяніемъ своей собственной соціальной устойчивости, опредѣленной конкретными условіями ихъ національнаго уклада, либо питаемыя соками тѣхъ, концентрированныхъ на отдѣльныхъ территоріяхъ національностей, отъ которыхъ онѣ оторвались,—не утрачиваютъ своей національной

индивидуальности и не обнаруживаютъ стремленія къ такой утратѣ. Для такихъ національныхъ группъ, лишенныхъ возможности полнаго и всесторонняго національнаго и соціальнаго развитія, но и неспособныхъ къ національной смерти, мы и требуемъ національной автономіи.

Но и выставляя это требованіе, диктуемое непреложной исторической необходимостью, мы не предаемся никакимъ иллюзіямъ и не думаемъ, что національная автономія для этихъ меньшинствъ можетъ цѣликомъ, безъ остатка, разрѣшить національный вопросъ. Національная автономія явится для нихъ лишь извѣстнымъ, чрезвычайной важности коррективомъ къ общедемократическимъ реформамъ, но она не въ состояніи замѣнить той цѣлостной, интегральной національной жизни, когда границы національной автономіи совпадаютъ съ границами автономіи территоріальной, когда данная національная группа можетъ сама рѣшать всѣ свои соціальныя проблемы и сохраняетъ такимъ образомъ ту огромную, хотя и не поддающуюся объективному учету, массу соціальной энергіи, которая неизбѣжно расходуется понапрасну частями народа, оторванными отъ своего національнаго ядра. Образованіе національныхъ меньшинствъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ является результатомъ общеизвѣстныхъ отрицательныхъ сторонъ капиталистическаго развитія и, само по себѣ взятое, есть явленіе безусловно отрицательное.

Какъ же, все-таки, парализовать его дѣйствіе?

Мы видѣли, что нація—это группа людей, связавшихся въ процессѣ совмѣстной исторической жизни единствомъ соціальныхъ интересовъ, единствомъ тѣхъ или иныхъ сферъ соціальной жизни. Во всѣхъ проявленіяхъ соціальной дѣятельности и соціальной борьбы члены данной націи стремятся опереться на тотъ или иной элементъ своего національнаго коллектива. Необходимо, исходя изъ этого стихійно существующаго факта, дать этой соціальной коллективности соотвѣтствующую юридическую санкцію. Необходимо каждую націю признать *публично-правовымъ союзомъ*, рождающимъ для лицъ, къ нему принадлежащихъ, опредѣленную сумму правъ и вытекающихъ изъ этихъ правъ обязанностей въ предѣлахъ нуждъ и интересовъ чисто-національной жизни. Такимъ образомъ, въ основу системы національнаго права кладется идея національнаго союза съ публично-правовымъ характеромъ; этотъ союзъ и образуетъ субъектъ соотвѣтствующихъ правъ. Къ такому союзу считаются принадлежащими всѣ проживающіе въ предѣ-

лахъ государства лица опредѣленной національности, не заявившія о выходѣ изъ союза. Лица инонаціональнаго происхожденія вступаютъ въ союзъ путемъ особаго о томъ заявленія. Національный союзъ въ сферѣ своей компетенціи, т. е. въ области нуждъ и интересовъ чисто-національныхъ, исполняетъ часть отошедшей къ нему чисто-государственной работы, а работа эта требуетъ, для обезпеченія реальныхъ результатовъ, опредѣленной практической постановки. Вступленіе въ *данный* національный союзъ, равно и выступленіе изъ него признаются добровольными. Но для лицъ, пребывающихъ въ союзѣ, послѣдній обладаетъ всѣми аттрибутами принудительной организаціи, издающей обязательныя постановленія, подлежащія безусловному проведенію въ жизнь. Для возможности же такого функціонированія въ качествѣ одной изъ существенныхъ частей государственнаго механизма, вѣдающаго важную область національныхъ нуждъ и интересовъ, національному союзу, въ мѣру его активной работы, присваивается и соотвѣтствующее бюджетное право, сводящееся къ уступкѣ ему государствомъ права изыскивать и распредѣлять средства, необходимыя для покрытія національныхъ потребностей. Въ итогѣ получается слѣдующая, такъ сказать, тройственная формула системы законодательства и управленія: 1) учрежденія *общегосударственныя*, вѣдающія общегражданскія дѣла, относящіяся ко всѣмъ областямъ и народамъ страны; 2) учрежденія *областныя*, вѣдающія дѣла данной области въ отношеніи всѣхъ націй, ее населяющихъ; 3) учрежденія *національныя*, въ кругъ вѣдѣнія которыхъ входятъ исключительно національные интересы, связанные только съ данной національностью и не затрагивающіе интересовъ другихъ національностей. Какова, однако, необходимая организація вновь конструируемыхъ національныхъ учрежденій? Каковъ непосредственный предметъ и границы ихъ компетенціи?

Отвѣтъ на эти вопросы логически вытекаетъ изъ нашего теоретическаго опредѣленія понятія націи и роли національнаго фактора въ общественной жизни. Какъ своеобразная, многосторонняя общественная связь, не поддающаяся точному объективному опредѣленію и охватывающая различныя стороны народнаго организма, выдвинутыя реальнымъ ходомъ историческаго процесса *даннаго* народа, *данной* націи,—содержаніе національной жизни не можетъ быть фиксировано, не можетъ быть пріурочено къ опредѣленнымъ моментамъ. Нельзя сказать разъ навсегда по отношенію ко всѣмъ народамъ: вотъ что составляетъ содержаніе націо-

нальной жизни вообще, вотъ граница, отдѣляющая національные интересы отъ интересовъ общихъ, и т. д. Наоборотъ, своеобразныя историческія судьбы каждаго народа въ отдѣльности, въ связи съ условіями данной политической среды, его окружающей, создаютъ естественныя индивидуальныя границы отдѣльной національной жизни и опредѣляютъ степень интенсивности отдѣльныхъ національныхъ потребностей. Какъ мы уже говорили, національный гнетъ проникаетъ всѣ стороны жизни угнетенной націи, отражаясь съ особенной силой тамъ, гдѣ въ данный моментъ сосредоточивается общественная борьба. Но *непосредственно* національный гнетъ можетъ проявляться съ особенной силой и яркостью въ различныхъ областяхъ. Такъ напр., чудовищный національный гнетъ, развиваемый россійскимъ централизмомъ, выражается не въ одинаковой формѣ по отношенію ко всѣмъ народностямъ и поражаетъ не въ одинаковой мѣрѣ различныя стороны народной жизни. Подъ давленіемъ этого гнета для современной Польши національный вопросъ ярче всего проявляется, какъ проблема политической и отчасти культурной автономіи; напротивъ, Украйна была всегда наиболѣе наглядно попираема въ своихъ элементарныхъ культурныхъ потребностяхъ, а евреи, испытывающіе сравнительную „свободу“ въ своей національно-культурной жизни, чувствуютъ вліяніе національнаго гнета во всѣхъ сферахъ соціальной жизни, преимущественно же въ области экономическихъ и политическихъ отношеній. Задача законодателя, идущаго навстрѣчу дѣйствительнымъ народнымъ нуждамъ, уловить эту колеблющуюся гамму національныхъ нестроеній, и въ примѣненіи къ реальнымъ историческимъ и бытовымъ условіямъ каждаго народа, въ соотвѣтствіи съ его подлинной народной волей конструировать строй національныхъ отношеній. Ниже мы покажемъ путь такого реальнаго строительства въ примѣненіи къ одному народу—еврейскому.

Такова въ самыхъ общихъ и сжатыхъ чертахъ та система національныхъ правъ, которой присвоено наименованіе *національно-политической автономіи*. Съ проповѣдью этой идеи, въ ея зачаточномъ состояніи, выступила впервые южно-славянская партія въ Австріи; юридическое обоснованіе придалъ ей впослѣдствіи австрійскій соціологъ и публицистъ Рудольфъ Шпрингеръ, съ именемъ котораго обыкновенно связываютъ самую идею. Легко видѣть истинную сущность и отличительныя черты этой концепціи, выросшей въ значительной мѣрѣ на почвѣ борьбы съ про-

тивоположной ей идеей—автономіи областной, территоріальной. Источникомъ правъ,—національныхъ правъ,—здѣсь служитъ не внѣшняя случайная черта—проживаніе на опредѣленной территоріи, а признакъ внутренній, личный—сознательное и добровольное существованіе въ предѣлахъ даннаго національнаго союза, обусловленное, поэтому, подлинными, соціальными интересами и потребностями. Вотъ почему національно-политическую автономію называютъ еще часто автономіей *личной*, *персональной*. Идея національно-политической автономіи, исходя изъ жизненно-вѣрной теоретической концепціи—національнаго союза, сильнаго своимъ внутреннимъ единствомъ, а не случайнымъ признакомъ—нахожденія на опредѣленной территоріи, ограждая интересы наиболѣе угнетаемыхъ національныхъ меньшинствъ,—начинаетъ невольно привлекать умы политическихъ дѣятелей, ищущихъ выхода изъ гнетущихъ національныхъ конфликтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—это единственное рѣшеніе національнаго вопроса, которое можетъ быть согласовано съ высшимъ выраженіемъ соціальной мысли—съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ. Какъ правильно было отмѣчено въ резолюціи, предложенной брюнскому партейтагу комитетомъ южно-славянской соціалдемократической партіи, „установившаяся точка зрѣнія на (австрійскій) національный вопросъ ложна, ибо въ ней смѣшивается понятіе о націи съ понятіемъ о территоріи... Между тѣмъ, живая нація никогда не можетъ отождествляться съ мертвымъ географическимъ факторомъ—ограниченной территоріей“. Совершенно вѣрно. Тутъ мы встрѣчаемся въ области національнаго вопроса съ своеобразнымъ фетишизмомъ, подставляющимъ въ качествѣ источника права на мѣсто живого организма—націи—„мертвый факторъ“—территорію. Соціализму всегда и всюду во всѣхъ областяхъ мысли и дѣятельности былъ и остается чуждъ подобный фетишизмъ воззрѣній, борьбѣ съ которымъ посвящены лучшія страницы соціалистической литературы. Каутскій совершенно правъ, когда онъ говоритъ: „Автономія территоріальная вполнѣ совмѣстима съ духомъ буржуазнаго общества, ибо она отдѣляетъ одну націю отъ другой, создавая изъ каждой особый индивидъ. Мирное же сожительство націй, живущихъ въ перемежку, не имѣющихъ возможности разграничить свои сферы дѣйствія, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ существѣ буржуазнаго общества, основой котораго является конкурренція, антагонизмъ различныхъ слоевъ народа... Буржуазныя партіи упорно отворачиваются до сихъ поръ отъ идеи національной автономіи“...

Буржуазныя партіи „отворачиваются“!.. Не кроется ли тутъ новое, эмпирическое доказательство того, что идея національной автономіи, выстраданная въ умахъ и сердцахъ наиболѣе угнетенныхъ національностей, находится въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ основными предпосылками соціалистическаго міровоззрѣнія?..

IV.

Среди народовъ, населяющихъ земной шаръ, трудно найти другой, кромѣ еврейскаго, интересамъ котораго въ такой же мѣрѣ соотвѣтствовалъ бы институтъ національно-политической автономіи.

„Еврейская нація представляетъ собою наиболѣе яркій типъ національнаго меньшинства. Разсѣянная по всему земному шару, она ни въ одномъ государствѣ, ни въ одной области не составляетъ компактнаго большинства. На ея развитіи поэтому съ особенной силой отразились всѣ отрицательныя стороны современныхъ національныхъ отношеній.

Совершенно исключительныя условія исторической жизни выработали изъ еврейской націи своеобразный національный организмъ. Еврейская нація прочно сложилась еще въ періодъ своей многовѣковой самостоятельной жизни, предшествовавшей римскому завоеванію. Послѣ же своего изгнанія изъ родины евреи вдругъ большими массами очутились въ нѣдрахъ чужихъ національныхъ и государственныхъ организмовъ. Не въ одиночку, не въ разбродъ, а сплошными массами, какъ коллективное цѣлое, еврейство начало процессъ своего приспособленія къ этой чуждой ему этнографической и соціальной средѣ. Стремленіе приспособиться къ этой подвижной, активной и къ тому еще довольно враждебной внѣшней средѣ, опираясь при этомъ на силу всего еврейскаго національнаго коллектива,— опредѣляетъ собою всю дальнѣйшую историческую жизнь евреевъ. Съ одной стороны, безпрерывная напряженная борьба, которую приходится вести еврейской націи, сообщаетъ ей особенную силу устойчивости, вырабатываетъ ея удивительно прочную внутреннюю организацію; съ другой стороны, процессы ея внутренней жизни и развитія становятся въ громадной степени зависимыми отъ эволюціи окружающей ее внѣшней соціальной среды. Все это нашло свое яркое выраженіе въ своеобразной соціально-экономической структурѣ, въ особомъ укладѣ политической и культурной жизни еврейскаго гетто.

Этотъ основной характеръ еврейской жизни не мѣняется и

послѣ того, какъ вмѣстѣ съ паденіемъ феодализма рушатся стѣны гетто"...

Своеобразныя историческія судьбы еврейскаго народа отразились на всѣхъ сторонахъ его современной жизни, и поэтому національный вопросъ для современнаго еврейства затрагиваетъ всѣ стороны его соціальнаго бытія. Тѣмъ, которые сомнѣваются въ истинности этой элементарной мысли, слѣдуетъ только обратить вниманіе на специфическія особенности экономическаго быта, въ совокупности своей образующія крайне ненормальныя условія развитія еврейскаго пролетаріата.

Въ двухъ-трехъ словахъ напомнимъ главнѣйшія изъ этихъ особенностей.

Въ странѣ, гдѣ земледѣліе и сельско-хозяйственные промыслы составляютъ жизненный центръ экономической дѣятельности, гдѣ численность населенія, занимающагося земледѣліемъ, доходитъ до семидесяти и даже до девяноста процентовъ,—у евреевъ классъ земледѣльцевъ представленъ всего 3,55%. Огромное, подавляющее большинство еврейскаго населенія составляютъ городскіе элементы, численность которыхъ, по даннымъ всеобщей переписи, доходитъ до 30% въ обитаемыхъ ими раіонахъ. Но самую важную особенность составляетъ структура самого городского населенія внутри еврейства. По даннымъ корреспондентскихъ свѣдѣній еврейскаго колонизаціоннаго общества, правда, нѣсколько неточнымъ и недостаточнымъ, но скорѣе пріуменьшеннымъ, чѣмъ преувеличеннымъ,—процентъ еврейскаго населенія, занимающагося мелкимъ ремесломъ, доходитъ до 20%, а если взять процентное отношеніе ремесленниковъ мужчинъ къ мужскому еврейскому населенію не моложе 10 лѣтъ, то оно выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

для	Волынской губ.	36%
„	Кіевской „	37%
„	Подольской „	29%
„	Полтавской „	26%
„	Черниговской „	39%

Такого огромнаго процента ремесленниковъ не знаетъ ни одна страна въ мірѣ. Такъ напр., въ Германіи процентное отношеніе ремесленниковъ къ другимъ классамъ населенія не превышаетъ 6—7%.

Нужно ли говорить о томъ, что такой преобладающій харак-

теръ ремесленныхъ занятій еврейскаго населенія служитъ доказательствомъ его экономическаго упадка и, съ точки зрѣнія современнаго экономическаго развитія, не можетъ быть признанъ нормальнымъ. Низкій уровень техническаго прогресса, отсутствіе сколько-нибудь серьезнаго профессіональнаго образованія, отвратительныя гигіеническія условія обстановки труда, слабое распространеніе трудовыхъ кооперацій, тяжелыя условія пріобрѣтенія сырья, матеріаловъ, кредита, большое развитіе скупничества, со всѣми его ростовщическими послѣдствіями и, наконецъ, нищенская заработная плата, не обезпечивающая даже скуднаго существованія,—таковы реальныя условія, сопровождающія подневольное, кабальное существованіе еврейскаго ремесленника, краснорѣчиво бытописуемое и сухими статистическими данными, и живыми, душу надрывающими описаніями мѣстныхъ наблюдателей. Какъ хорошо знакомый экономистамъ признакъ ненормальнаго состоянія еврейскаго ремесла, бросается въ глаза сравнительно высокій процентъ участія въ немъ еврейской женщины, доходящій до 15,3% по отношенію къ общему числу ремесленниковъ, и выражающійся, лишь по 25 губерніямъ, въ солидной цифрѣ 76.548 еврейскихъ женщинъ ремесленницъ. Обращаетъ на себя вниманіе и то, что среди евреевъ весьма распространены ремесла, не требующія большихъ физическихъ усилій, но наиболѣе распространенными оказываются такъ называемыя простѣйшія ремесла: болѣе сложныя профессіи, требующія серьезной технической подготовки и, конечно, наиболѣе выгодныя находятся въ зачаточномъ состояніи или вовсе отсутствуютъ. Внутренній строй еврейскаго ремесла отличается крайней простотой, мелкимъ характеромъ, ясно говорящимъ объ его экономической отсталости; такъ напр., въ юго-западномъ краѣ мастера составляютъ почти половину общаго числа ремесленниковъ: такъ мало въ этомъ мелкомъ ремеслѣ требуется подмастерьевъ и учениковъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ того, что евреи, лишь оттѣсняемые въ наиболѣе отсталыя отрасли производства, ютятся въ ремеслѣ, служатъ цифры, характеризующія отношеніе числа еврейскихъ ремесленниковъ къ общему числу ремесленниковъ въ Россіи. По Могилевской губерніи еврейскій ремесленникъ составляетъ 78% общаго числа ремесленниковъ, по Витебской—72%, по Гродненской—61% и т. д. Однимъ словомъ, евреи на $^2/_3$ или $^3/_4$ заполняютъ классъ мелкихъ производителей, на долю которыхъ выпадаетъ наибольшая тяжесть современнаго капиталистическаго гнета.

Съ другой стороны, поражаетъ крайне слабое участіе евреевъ въ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ отрасляхъ фабрично-заводскаго производства. Всего во всей чертѣ осѣдлости, включая Царство Польское, имѣется 45,506 евреевъ рабочихъ, составляющихъ въ общемъ 1—1½% по отношенію ко всему еврейскому населенію этого края. При этомъ процентъ еврейскихъ рабочихъ по отдѣльнымъ районамъ находится какъ бы въ обратномъ отношеніи къ промышленному развитію каждаго района.

Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ факторовъ неприглядной экономической дѣйствительности внутри еврейскаго народа создается и принимаетъ грозные размѣры явленіе, хорошо знакомое въ своей реальной жизненной обстановкѣ всякому еврею, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало обслѣдованное и недостаточно оцѣненное. Мы говоримъ о томъ колоссальномъ эмиграціонномъ потокѣ, который въ теченіе ряда лѣтъ выкачиваетъ изъ еврейскаго трудового населенія послѣдніе соки и превращаетъ ежегодно сотни тысячъ здоровыхъ работниковъ въ невольныхъ скитальцевъ, искателей счастья далеко за предѣлами родины. Но разсѣянная неурегулированная, направляющаяся совершенно стихійно и отчасти построенная на омерзительныхъ благотворительныхъ началахъ, эта эмиграція не служитъ въ дѣйствительности къ огражденію интересовъ еврейскаго труда и, въ современной ея постановкѣ, не можетъ быть разсматриваема, какъ средство къ коренному разрѣшенію еврейской экономической проблемы.

Такимъ цифрамъ, такой картинѣ положенія еврейскаго труда въ нашей соціалистической прессѣ не разъ придавалось значеніе основныхъ фактовъ, неминуемо предрѣшающихъ и грядущую экономическую эволюцію. Утверждалось и утверждается, что еврейство „въ мѣстахъ своего разсѣянія“ обречено на неминуемое вырожденіе, что внѣ своего автономнаго національнаго хозяйства немыслимо сколько-нибудь значительное участіе еврейскаго пролетаріата въ фабрично-заводской промышленности, и, слѣдовательно, планомѣрная организація его на почвѣ классовой борьбы во имя соціализма. И рѣшительнымъ выводомъ изъ этихъ, покоящихся на явленіяхъ сегодняшняго дня, утвержденій является умозаключеніе, что только выселеніе на отдѣльную территорію съ организаціей самостоятельнаго національнаго производства явится единственнымъ цѣлебнымъ средствомъ противъ язвъ экономическаго вырожденія.

Эти смѣлые выводы и рѣшительныя умозаключенія, по наше-

му глубокому убѣжденію, эмпирически необоснованы, статистически не провѣрены и съ логической стороны покоятся на цѣломъ рядѣ дефектовъ и ошибокъ.

Статистика еврейскаго труда настолько несовершенна, что на этомъ единственномъ основаніи невозможно вообще построеніе строго научныхъ выводовъ. Сплошь и рядомъ случайныя цифры, характеризуя болѣе или менѣе удачно положеніе вещей, даютъ намъ представленіе о статикѣ явленія, но не рисуютъ намъ процесса въ его динамикѣ, а въ этой послѣдней все дѣло. Никакія цифры не убѣдительны, если съ ихъ помощью мы не въ состояніи прослѣдить преемственной связи явленій, и это имѣетъ полную силу въ вопросѣ о пролетаризаціи еврейскихъ массъ. Далѣе, въ этой литературѣ, приписывающей недостаточности пролетаризаціи столь опредѣляющее значеніе, еще не взвѣшены въ достаточной мѣрѣ такіе факторы, какъ отсутствіе права осѣдлости и передвиженія для еврейскаго пролетаріата, вліяніе субботняго отдыха и т. д. Между тѣмъ, съ устраненіемъ этихъ препятствій, распредѣленіе и классификація еврейскаго труда можетъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ. Огромную роль играетъ въ этомъ отношеніи отсутствіе у евреевъ національно-автономнаго устройства, которое давало бы возможность еврею всюду, гдѣ бы онъ ни жилъ, чувствовать себя членомъ единой національной организаціи, подъ покровомъ которой возможно было бы удовлетвореніе необходимыхъ соціально-бытовыхъ потребностей. Отсутствіе такой организаціи невольно парализуетъ развитіе еврейскаго пролетаріата въ чертѣ осѣдлости, привязывая его, тѣмъ не менѣе, къ ней, какъ къ мѣсту массового скопленія родного народа, гдѣ зрѣютъ стихійно сложившіеся, хотя и несовершенные органы національной автономіи. Наконецъ, въ еврейской экономической литературѣ недостаточно взвѣшено то обстоятельство, что еврейское населеніе, по существу городское, и не могло выдѣлить изъ своей среды значительнаго контингента пролетаріата, занятаго фабрично-заводской промышленностью. Исторія капитализма, какъ европейскаго, такъ и русскаго рядомъ неопровержимыхъ фактовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что главнымъ элементомъ населенія, откуда выкачивались нужныя для индустріи рабочія силы, было крестьянство, и процессъ отрыванія крестьянъ отъ земли подъ вліяніемъ нарождающагося капитализма, составляетъ наиболѣе характерный моментъ современнаго экономическаго развитія. Капитализмъ не только не развивается на счетъ ремесла, но сплошь

и рядомъ въ свою очередь вызываетъ къ жизни все новыя и новыя отрасли ремесленнаго производства.

Вообще въ теоріяхъ, строющихъ выводъ о вырожденіи еврейскихъ массъ, вслѣдствіе недостатка ихъ пролетаризаціи, имѣется нѣкоторая аналогія со старыми русскими народническими ученіями, заслужившими названіе „экономическаго славянофильства“. Еврейскіе самобытники, подобно русскимъ, въ поискахъ самостоятельнаго изученія народнаго быта нашли нѣкоторыя любопытныя статистическія данныя, сдѣлали нѣсколько интересныхъ фактическихъ сопоставленій, но слишкомъ поспѣшно перешли отъ этого отрывочнаго матеріала къ построенію слишкомъ смѣлыхъ выводовъ и провозглашенію научно-необоснованныхъ предсказаній.

Черезчуръ пессимистическіе выводы относительно экономическихъ перспективъ еврейскаго пролетаріата, дѣлаемые сіонистами-соціалистами и иже съ ними, построены, по нашему мнѣнію, на игнорированіи тѣхъ огромныхъ и не поддающихся никакому предварительному учету измѣненій, которыя внесетъ въ развитіе производительныхъ силъ Россіи паденіе самодержавія. Рѣчь идетъ лишь о томъ, насколько еврею-рабочему удастся приспособиться къ экономическому возрожденію Россіи. И здѣсь мы опять-таки должны указать на ту роль, которую сыграетъ, по нашему мнѣнію, институтъ національно-политической автономіи.

Необходимо теперь указать тѣ конкретныя формы, въ которыя можетъ вылиться національная автономія для евреевъ въ мѣстахъ ихъ разсѣянія въ Россіи.

Насъ называютъ „сеймовцами“, „сеймистами“. Мы не возражаемъ противъ этого названія. Но необходимо указать на его неточность, на то, что оно не охватываетъ не только всего содержанія нашихъ воззрѣній, но и ихъ сущности. Съ полотна большой картины здѣсь взятъ маленькій штрихъ, и было бы неосновательно по штриху судить о цѣлой картинѣ. Мы не только не видимъ въ сеймѣ, какъ таковомъ, панацею отъ національнаго зла для евреевъ, но и самый „сеймъ“ рисуется намъ не какъ начало, а лишь какъ завершеніе цѣлой сѣти учрежденій, призванныхъ разрѣшать повседневныя нужды національнаго быта и уходящихъ своими корнями въ глубь исторически сложившихся отношеній и навыковъ.

Присмотримся къ этимъ учрежденіямъ поближе.

Евреи разсѣяны по всей территоріи Россіи. Тѣмъ не менѣе, они живутъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, если не сплошными массами, то группами, иногда очень большими, и въ мѣстахъ своей осѣлости они естественнымъ ходомъ вещей, основаннымъ на непреодолимой жизненной потребности, создали органы своего національнаго общенія, исполняющіе—худо ли, хорошо ли—кое-какія функціи національнаго обихода. Созданныя силою стихійнаго историческаго процесса, переживъ эволюцію разнообразныхъ общественныхъ формъ и политическихъ наслоеній, эти несовершенныя національныя учрежденія все же образуютъ, правда, аморфную ячейку, изъ которой, однако, на почвѣ иного политическаго строя и при надлежащей реорганизаціи на истинно-демократическихъ началахъ можетъ произрасти здоровая клѣточка нормальнаго національнаго организма.

Исторія еврейской общины до сихъ поръ никѣмъ не написана. Намъ до сихъ поръ чрезвычайно мало извѣстно о тѣхъ, въ высшей степени своеобразныхъ, учрежденіяхъ и о внутреннемъ соціальномъ укладѣ еврейской общины, которыя отличали ее въ различные періоды еврейской исторіи. Между тѣмъ, безъ этой исторіи совершенно нельзя понять наиболѣе существенныхъ моментовъ соціальной исторіи еврейскаго народа. Исторія еврейской общины разскажетъ, какъ еврейскій народъ въ различные моменты своей исторической жизни приспособлялся къ бурямъ и непогодамъ, врывавшимся извнѣ въ его жизнь, какъ онъ боролся съ ударами своихъ враговъ, съ болѣзнями, разъѣдавшими его соціальный организмъ, и какъ ему, вообще, удалось пережить многовѣковую трагедію своей исторіи. Далѣе, мы узнаемъ, что внѣшній, нееврейскій міръ всегда разсматривалъ еврейскую общину, какъ цѣльную и единую соціальную организацію, и что государство иногда даже давало юридическую санкцію этой организаціи, не ради ея собственныхъ интересовъ, разумѣется, а для того, чтобы имѣть возможность подвергать еврейскій народъ *организованной* и потому болѣе совершенной эксплоатаціи. Такъ напримѣръ, пресловутый „кагалъ“ былъ несомнѣнно государственно-правовымъ союзомъ, пользовавшимся принудительной властью надъ своими членами и нѣкоторыми чисто-государственными прерогативами, какъ-то, правомъ взиманія и раскладки податей, регулированія воинской повинности и т. д. Этотъ кагалъ служилъ государству орудіемъ для выколачиванія двойныхъ податей изъ еврейскаго населенія, а еврейская буржуазія пользовалась преимуществами

своего классоваго положенія, чтобы свалить всю тяжесть этихъ налоговъ на еврейскую нищету и трудящееся населеніе. И нетрудно установить, что такой же характеръ — двойной эксплоатаціи — носятъ и всѣ современные спеціально-еврейскіе налоги, прямые и косвенные, вродѣ налога на такой предметъ первой необходимости, какъ налогъ на мясо,—такъ называемый коробочный сборъ и т. п.

Мы обращаемъ вниманіе читателя на исторію еврейской общины потому, что только въ свѣтѣ этой исторіи намъ станетъ ясно огромное значеніе современной еврейской общины въ народной жизни. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ и по вопросу о состояніи современной еврейской общины, данныхъ, которыя дали бы намъ возможность цифровымъ матеріаломъ подкрѣпить наше убѣжденіе въ огромномъ значеніи еврейской общины и въ настоящій моментъ. Но мы полагаемъ, что всѣ, кто сколько-нибудь соприкасался съ повседневной реальной жизнью еврейскихъ массъ, безъ труда сумѣютъ подкрѣпить наше положеніе многочисленными фактами еврейской дѣйствительности. Послѣдняя избирательная кампанія убѣдила всѣхъ принимавшихъ въ ней непосредственное участіе, что еврейскую общину нельзя никоимъ образомъ игнорировать даже въ крупнѣйшихъ проявленіяхъ политической жизни еврейскаго народа, гдѣ, казалось бы, еврейство должно затеряться, какъ quantité négligeable, въ открытомъ морѣ окружающей политической борьбы.

Невниманіе къ еврейской общинѣ, характерное для значительной части еврейской соціалистической интеллигенціи, вытекаетъ или изъ незнакомства съ ней или изъ своеобразнаго аристократическаго презрѣнія къ ея современнымъ мало-привлекательнымъ формамъ. Но съ этимъ презрительнымъ отношеніемъ должна радикально покончить всякая еврейская партія, реалистически понимающая свои задачи и стремящаяся всколыхнуть самыя глубины народной жизни и воздѣйствовать на измѣненіе всей соціально-бытовой обстановки развитія еврейскаго пролетаріата. Отрицать необходимость построенія какой-либо положительной программы для реформы еврейской общины—значитъ для всякой еврейской соціалистической партіи подрѣзать тотъ сукъ, на которомъ она сидитъ. Современная еврейская община несомнѣнно разлагается, но на ея мѣстѣ возникаютъ новые, не менѣе своеобразные институты, въ соотвѣтствіи съ новыми соціальными потребностями. Слѣдовательно, необходимо найти для нея цѣлесообраз-

ную политическую форму и наполнить ее новымъ соціальнымъ и культурнымъ содержаніемъ.

Итакъ, въ основу новаго строя національной автономіи нами кладется еврейская община, демократизація и легализація которой составляетъ ближайшую очередную задачу нашей національной политики. Но вопросы и задачи общинной жизни естественно обладаютъ извѣстной общностью въ предѣлахъ большихъ территоріальныхъ единицъ, и поэтому въ нашу программу національнаго самоуправленія входитъ планъ объединенія отдѣльныхъ общинъ въ областные общинные союзы, періодически собирающіеся на съѣзды. Наконецъ, у русскаго еврейства, вслѣдствіе его экстерриторіальности, несомнѣнно возникнетъ цѣлый рядъ общихъ, не связанныхъ съ даннымъ мѣстомъ нуждъ, и, слѣдовательно, явится необходимость въ высшемъ національно-политическомъ органѣ, направляющемъ и суммирующемъ дѣятельность всѣхъ органовъ національной автономіи. Такимъ учрежденіемъ и явится всероссійскій еврейскій національный сеймъ, избираемый изъ представителей всего еврейскаго населенія Россіи. Сеймъ служитъ верховнымъ органомъ еврейской національно-политической автономіи и единственнымъ оффиціальнымъ представителемъ всего еврейства по дѣламъ носящимъ обще-національный характеръ.

Совокупность всѣхъ перечисленныхъ органовъ, при условіи гармоническаго ихъ сочетанія и правильнаго внутренняго соподчиненія, вѣдаетъ всѣ національныя нужды и интересы евреевъ. Дѣятельность эта, по условіямъ конкретной еврейской дѣйствительности, укладывается въ слѣдующія рамки:

а) организація народнаго образованія (устройство школъ, гимназій, университетовъ, учительскихъ курсовъ и институтовъ и т. д. и завѣдываніе ими);

в) созданіе учрежденій, способствующихъ развитію національной культуры (устройство библіотекъ, театровъ, музеевъ, художественныхъ галлерей и т. д.);

с) организація профессіональнаго образованія въ цѣляхъ поднятія уровня технической подготовки еврейскихъ рабочихъ;

d) организація общественнаго призрѣнія и народнаго здравія (устройство больницъ, инвалидныхъ домовъ, санаторій, безплатныхъ и дешевыхъ столовыхъ, дѣтскихъ яслей и т. п.);

е) организація взаимной и трудовой помощи (учрежденіе дешеваго кредита, взаимнаго страхованія, обществъ трудовой помощи, потребительныхъ и производительныхъ товариществъ и т. п.)

f) организація распространенія среди трудящагося населенія сельскохозяйственныхъ знаній съ цѣлью приспособленія еврейскаго труда къ сельскохозяйственной промышленности, въ особенности къ городскимъ культурамъ ея (устройство сельскохозяйственныхъ фермъ, школъ огородничества, садоводства и т. п.);

g) организація статистики по всѣмъ вопросамъ еврейской жизни;

h) руководство эмиграціоннымъ и переселенческимъ дѣломъ въ цѣляхъ огражденія интересовъ еврейскаго труда и урегулированія этого крупнаго явленія народной жизни въ направленіи территоріальной концентраціи народныхъ массъ,—

и другіе вопросы, по опредѣленію Еврейскаго Національнаго Учредительнаго Собранія.

Разумѣется, вся эта дѣятельность въ національной области и самая конструкція органовъ еврейской національно-политической автономіи возможны лишь на почвѣ признанія еврейскаго народа въ Россіи полноправнымъ національнымъ союзомъ публичноправового характера, на изложенныхъ выше основаніяхъ, и при условіи признанія за нимъ бюджетнаго права въ предѣлахъ національныхъ нуждъ и интересовъ.

Въ сдѣланномъ выше перечисленіи задачъ еврейскихъ національныхъ учрежденій мы указали тѣ задачи, которыя диктуются намъ конкретнымъ анализомъ еврейской дѣйствительности въ данный историческій моментъ и ближайшими историческими перспективами. По поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ этой программы намъ приходилось выслушивать возраженія и недоумѣнія, почему мы придаемъ особенное значеніе цѣлесообразному удовлетворенію указанныхъ соціальныхъ потребностей именно въ еврейской средѣ, и почему мы считаемъ необходимымъ включить ихъ въ кругъ вѣдѣнія національно-политической автономіи. Сдѣлаемъ по этому поводу нѣкоторыя разъясненія.

Менѣе всего возраженій дѣлается обыкновенно противъ національной автономіи въ культурной области. Еврейская масса производитъ огромную дополнительную трату культурной энергіи и матеріальныхъ средствъ вслѣдствіе того, что государство не приходитъ на помощь еврейской народной школѣ, взимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ еврейскаго населенія подати и налоги на общегосударственную школу. Что нѣчто подобное можетъ произойти и у

насъ въ Россіи, даже при демократическомъ строѣ,—объ этомъ ярче всего свидѣтельствуетъ примѣръ Галиціи, гдѣ еврейскія массы коснѣютъ въ невѣжествѣ, не въ силахъ вырваться изъ тисковъ традиціонной культуры, и начинаютъ постепенно отставать по уровню своего европейскаго образованія отъ городского населенія другихъ національностей. Но сложность и страшныя аномаліи культурнаго развитія еврейскихъ массъ создали цѣлый рядъ трудныхъ проблемъ, порождающихъ всякаго рода сомнѣнія и колебанія. Наши идейные противники различныхъ лагерей выражаютъ, напримѣръ, сомнѣніе въ томъ, что главный нервъ культурной жизни—языкъ пойдетъ по той линіи развитія, которую мы указываемъ, т. е. въ сторону развитія еврейскаго народнаго языка, такъ называемаго „жаргона“. Многочисленные факты еврейской жизни послѣдняго времени укрѣпляютъ, однако, еще болѣе наше убѣжденіе, что „жаргонъ“ есть единственный языкъ, на которомъ, по конкретнымъ обстоятельствамъ еврейской жизни, мыслимо нормальное культурное развитіе широкихъ еврейскихъ массъ, и что именно это обстоятельство служитъ наилучшей гарантіей грядущаго прогрессивнаго развитія жаргона и поднятія его до степени равноправнаго члена въ семьѣ европейскихъ языковъ. Къ жаргону обращаются теперь всѣ, кто хочетъ быть услышаннымъ широкими еврейскими массами; жаргонная литература совершенно отодвинула на задній планъ древне-еврейскую и русско-еврейскую литературу; всѣ соціалистическія и демократическія партіи и фракціи, работающія въ чертѣ, пользуются этимъ языкомъ и такимъ образомъ обогащаютъ его новыми словами и понятіями, и притомъ словами, выражающими наиболѣе абстрактныя понятія—научныя, публицистическія и т. д.; наконецъ, жаргонная литература привлекла къ себѣ лучшія еврейскія литературныя силы, художественныя и публицистическія. Да это и неудивительно: плохъ или хорошъ жаргонъ, но онъ есть родной языкъ подавляющаго большинства еврейскаго народа, и его литература питается живыми корнями изъ глубочайшихъ источниковъ народной жизни. Противники жаргона и сторонники замѣны его русскимъ, польскимъ и другими мѣстными языками, во имя якобы эстетическихъ и культурныхъ соображеній,—помимо полнѣйшей утопичности этого предложенія,—забываютъ, что этотъ якобы „польскій“, „русскій“ и т. п. языки въ устахъ еврейской массы представляютъ собою такой же „жаргонъ“, жалкую пародію на подлинные русскій и польскій языкъ, съ тою лишь разницею,

что они совершенно лишены яркости и красочности еврейскаго народнаго языка. Дефекты жаргона отражаютъ дефекты самого еврейскаго народа—отсутствіе цѣлостной, интегральной національной жизни,—по мѣрѣ раскрѣпощенія еврейскаго народа будетъ выпрямляться еврейская личность и будетъ расти и развиваться нашъ языкъ, постепенно восполняя всѣ свои органическіе недостатки.

На границѣ между культурными и экономическими потребностями еврейской массы лежитъ задача широкой организаціи профессіональнаго образованія. Всѣмъ, знакомымъ съ особенностями нашего анализа еврейской дѣйствительности, должно быть ясно, почему мы именно выдвигаемъ ее въ первую очередь въ ряду другихъ задачъ экономической политики еврейскаго пролетаріата. Исключительно неблагопріятная соціально-экономическая обстановка еврейскаго труда, какъ это ни странно, до сихъ поръ не удостоилась надлежащаго вниманія со стороны Бунда и не нашла своего отраженія въ его программѣ,—мы исходимъ изъ гораздо болѣе пессимистическаго взгляда въ этомъ отношеніи; но, съ другой стороны, мы безконечно далеки отъ сіонистовъ-соціалистовъ, усматривающихъ что-то фатальное, не поддающееся нашему непосредственному воздѣйствію въ каждой неблагопріятной особенности во внѣшней и внутренней обстановкѣ еврейскаго труда. Очень многое можетъ быть исправлено въ этой области путемъ поднятія технической подготовки еврейскаго рабочаго. Причемъ же тутъ органы еврейской національно-политической автономіи?—Такъ какъ для насъ имѣетъ наибольшее значеніе низшее техническое образованіе, неразрывно связанное съ общимъ первоначальнымъ образованіемъ, а послѣднее ведется на родномъ языкѣ, то отсюда понятно, почему профессіональная школа должна быть въ то же время школой еврейской, національной. Съ другой стороны, огромное значеніе профессіональнаго образованія для еврейскаго пролетаріата, занятаго почти цѣликомъ въ ремеслѣ, требуетъ такой широкой организаціи профессіональныхъ школъ, которая не подъ силу частной иниціативѣ и можетъ быть цѣлесообразно осуществлена лишь государствомъ. Слѣдовательно, эта задача можетъ быть осуществлена лишь органами еврейской національно-политической автономіи.

Наибольшее количество возраженій и полемическихъ выпадовъ вызываетъ включеніе въ программу дѣятельности національной автономіи организаціи учрежденій общественнаго призрѣнія и народнаго здравія. Эти возраженія идутъ обыкновенно изъ ла-

геря нашихъ „друго-враговъ“, т. е. другихъ еврейскихъ соціалистическихъ партій, и поэтому мы остановимся на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Центръ тяжести этихъ возраженій состоитъ въ томъ, что эта сфера общественности составляетъ достояніе буржуазной филантропіи, и поэтому намъ—соціалистамъ здѣсь дѣлать нечего.

Противъ этого положенія мы возстаемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ питается буржуазная филантропія?

Буржуазная филантропія,—поскольку въ основѣ ея не лежатъ тѣ или иныя гуманныя человѣческія чувства, наличность которыхъ нельзя отрицать даже у буржуазіи,—является своего рода предохранительнымъ клапаномъ для буржуазіи, куда она отводитъ стихійное недовольство трудящихся массъ. Не будь буржуазія филантропична, не удѣляй она отъ щедротъ своихъ то той, то другой крупицы на нужды „меньшого брата“, не симулируй она всесторонней и непрестанной заботливости о нуждахъ голодныхъ и неимущихъ жертвъ Молоха капитализма,—то тогда соціальная пропасть между эксплоататорами и эксплоатируемыми зіяла бы еще страшнѣе, буржуазная эксплоатація окрашивалась бы въ цвѣтъ еще большей нравственной беззастѣнчивости и цинизма, классовая борьба время отъ времени потрясала бы устои буржуазнаго общества такими страшными взрывами, какіе не часто приходятся на долю современной буржуазіи.

Какой же выводъ вытекаетъ изъ такого пониманія сущности буржуазной филантропіи для соціалистической политики?

Если тѣ или иныя отрицательныя стороны буржуазнаго строя въ нѣкоторой, хотя бы и весьма незначительной степени компенсируются имъ изъ самого себя, то намъ—соціалистамъ важно, чтобы эта компенсація являлась результатомъ классовой борьбы пролетаріата. Достигнуть этого можно лишь путемъ соотвѣтствующаго давленія на буржуазное государство. Если важнѣйшія отрасли общественнаго хозяйства, имѣющія дѣйствительно существенное значеніе для рабочаго класса, будутъ изъяты изъ вѣдѣнія буржуазной филантропіи и войдутъ въ кругъ компетенціи государственнаго хозяйства, то это будетъ имѣть для классовой борьбы рабочаго класса большое значеніе и объективное и субъективное: во-первыхъ, уступка, добытая отъ буржуазнаго строя путемъ давленія на государство, будетъ значительно больше, чѣмъ доброхотныя даянія буржуазіи, во-вторыхъ, съ глазъ безсозна-

тельной части рабочихъ спадетъ пелена, и рабочіе будутъ стремиться добыть борьбою то, что теперь является результатомъ буржуазнаго „милосердія“.

Этотъ взглядъ начинаетъ преобладать въ западно-европейскомъ соціализмѣ, но противоположныя утвержденія кажутся намъ еще болѣе странными и анахроничными, когда ихъ слышишь на еврейской улицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ насъ неизвѣстно, какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигаетъ въ еврейской средѣ филантропія во всѣхъ ея видахъ и родахъ? Статистика еврейской филантропіи показываетъ, напримѣръ, что въ 1897 году среди шестимилліоннаго русскаго еврейства 150.000 семействъ получили отъ различныхъ филантропическихъ учрежденій пособія на Пасху! Это значитъ, что три четверти милліона евреевъ, т. е. *шестая часть еврейскаго населенія въ Россіи* пользуется общественной благотворительностью... Мы могли бы привести цѣлый рядъ другихъ, не менѣе краснорѣчивыхъ цифръ, но взамѣнъ этого мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ вспомнить, какія многочисленныя и своеобразныя,—существующія только у евреевъ,—благотворительныя общества опутываютъ каждую общину черты: кредитныя, медицинскія, попечительства о бѣдныхъ, эмиграціонныя бюро и т. п. Помимо этихъ мѣстныхъ филантропическихъ учрежденій существуютъ еще и громадныя благотворительныя учрежденія, выходящія изъ мѣстныхъ рамокъ, а иногда даже охватывающія евреевъ чуть ли не всего міра, какъ напримѣръ: Alliance Israélite Universelle, Еврейское Колонизаціонное Общество, американское „Bnei-Brith“, „Общество распространенія просвѣщенія“ и т. д.

Эти учрежденія, очевидно, не случайно произрастаютъ въ такомъ изобиліи именно на еврейской нивѣ. Національный гнетъ и страшная нищета, столь характерная для еврейской массы, окружаютъ еврейскую буржуазію въ чертѣ осѣдлости атмосферой голода и стенаній и заставляютъ ее дѣлать то, что отказывается дѣлать государство для спасенія еврейской массы отъ голодной смерти. Еврейская же буржуазія въ Западной Европѣ также должна прикрыть чѣмъ-нибудь лохмотья и язвы еврейской нищеты, которыя привлекаютъ къ еврейскому вопросу вниманіе внѣшняго нееврейскаго міра и мѣшаютъ еврейской буржуазіи безмятежно отдаться въ объятія ассимиляціи.

Надо-ли пояснять, что, наряду съ еврейской мелкой буржуазіей и нищетой, и еврейскій пролетаріатъ опутанъ сѣтью буржуазной филантропіи? Еврейскій рабочій, явившій міру примѣръ

величайшаго соціальнаго идеализма и революціоннаго энтузіазма, въ своей повседневной жизни, въ своей будничной обстановкѣ вынужденъ пользоваться жалкими подачками буржуазіи, объѣдками съ ея стола... Это составляетъ одну изъ наиболѣе трагическихъ чертъ его соціальнаго уклада и въ демократической Россіи надо довести до минимума это явленіе. Вотъ почему мы включаемъ организацію общественнаго призрѣнія и народнаго здравія въ кругъ вѣдѣнія еврейской національной автономіи.

Въ задачи охраны народнаго здравія должны быть включены и всѣ тѣ мѣры, которыя направлены къ физическому воспитанію и развитію еврейскихъ массъ. Физическое безсиліе и дегенерація евреевъ—фактъ слишкомъ общеизвѣстный, подтверждаемый къ тому же изслѣдованіями врачей и антропологовъ. Главнымъ источникомъ этой дегенераціи является нищета, но борьба съ нищетой не исключаетъ спеціальныхъ заботъ о народномъ здравіи.

Къ физическому возрожденію еврейства должна косвеннымъ образомъ вести и другая мѣра, имѣющая сверхъ того огромное экономическое и соціальное значеніе: мы говоримъ объ организаціи распространенія среди еврейскаго трудящагося населенія сельскохозяйственныхъ знаній, и объ организаціи самого еврейскаго земледѣлія при предстоящей аграрной реформѣ. Базисомъ въ этомъ отношеніи должны будутъ служить какъ несомнѣнное, неоднократно уже констатированное стремленіе нѣкоторой части еврейскихъ рабочихъ и массы безработныхъ въ чертѣ осѣдлости перейти къ сельскохозяйственному труду, такъ и имѣющіяся уже еврейскія земледѣльческія колоніи. Для того, чтобы открыть еврейскому труду эту новую, широкую сферу приложенія и, приспособляясь къ аграрной реформѣ, поставить это дѣло на широкихъ и раціональныхъ основаніяхъ, необходимы опять-таки соотвѣтствующіе еврейскіе національно-государственные институты: частная иниціатива, даже въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ знаменитые аргентинскіе проекты Гирша, но построенная на филантропическихъ основаніяхъ, неизбѣжно приводила до сихъ норъ къ пораженіямъ и разочарованіямъ.

Организація взаимной и трудовой помощи врядъ-ли встрѣтитъ съ чьей-либо стороны серьезныя возраженія, такъ какъ и въ этой области мы лишь стремимся найти болѣе цѣлесообразную форму проявленія для фактически существующихъ жизненныхъ явленій. Но организація потребительныхъ и производительныхъ товариществъ, о которой теперь опять усиленно заговорили въ нѣко-

торыхъ слояхъ рабочей массы, не во всѣхъ своихъ проявленіяхъ можетъ быть нами поддержана: нѣкоторые виды такихъ кооперацій экономически нецѣлесообразны или недопустимы съ точки зрѣнія нашихъ соціалистическихъ принциповъ. Предъ нами возникаетъ, слѣдовательно, новая задача: разсмотрѣть различные виды кооперацій съ указанныхъ точекъ зрѣнія, примѣняясь въ то же время къ реальнымъ условіямъ еврейскаго труда. Этой задачей, во всемъ ея объемѣ, мы займемся какъ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь мы лишь укажемъ на то, что какъ въ удачахъ, такъ и въ пораженіяхъ кооперативнаго соціализма до сихъ поръ рѣшающую роль обыкновенно играла та или иная степень культурности и организованности рабочихъ массъ. Поэтому еврейскій пролетаріатъ,—помимо внѣшнихъ условій его труда,—представляетъ собою чрезвычайно благопріятную среду для развитія потребительныхъ и производительныхъ кооперацій.

Дальнѣйшей очередной задачей, которая встанетъ предъ органами національной автономіи, является разрѣшеніе сложныхъ проблемъ еврейской эмиграціи,—какъ эмиграціи изъ Россіи, такъ и многочисленныхъ передвиженій еврейскаго трудового населенія, наблюдаемыхъ внутри самой Россіи. Объ огромномъ значеніи эмиграціи въ жизни еврейскаго пролетаріата и всего еврейскаго народа, о глубокихъ причинахъ, вызывающихъ ее и коренящихся въ страшной неустойчивости соціальныхъ позицій, занимаемыхъ еврейскими массами,—въ еврейской публицистикѣ говорилось достаточно много. Неоднократно указывалось и на то, что въ эмиграціи необычайно ярко проявляется сходство національнаго положенія еврейскаго народа въ различныхъ странахъ міра: въ странахъ восточной Европы и за океаномъ. Эмиграціонные потоки изъ разныхъ странъ Европы скрещиваются обыкновенно въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ земного шара, и тѣмъ поддерживаютъ въ разрозненныхъ частяхъ гонимаго народа чувство національной солидарности на почвѣ общаго національнаго гнета. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій еврейская мысль въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ пыталась овладѣть этимъ стихійнымъ движеніемъ и воспользоваться имъ, какъ орудіемъ національнаго возрожденія и полнаго оздоровленія всѣхъ экономическихъ, соціальныхъ и культурныхъ устоевъ еврейскаго быта. Миражъ автономнаго еврейскаго общества, съ евреемъ—земледѣльцемъ, съ физически, экономически и культурно возрожденнымъ еврейскимъ населеніемъ,—общества выкованнаго изъ обломковъ стараго, спа-

яннаго воспоминаніями объ изжитой національной трагедіи и свѣтлыми надеждами на будущее,—неотступно носится предъ самыми различными по своему соціальному составу элементами еврейства. Попытки концентраціи еврейской эмиграціи во имя національнаго возрожденія, — въ однихъ случаяхъ связаннаго, въ другихъ не связаннаго съ интересами еврейскаго труда,—имѣютъ уже свою богатую исторію. Достаточно вспомнить Дакоту, палестинофильство, Аргентину, Уганду, политическій сіонизмъ и территоріализмъ. Эти попытки возникали во всѣхъ безъ исключенія слояхъ еврейства — отъ филантропической крупной буржуазіи и до пролетаріата — и оставили намъ въ наслѣдіе цѣлый рядъ территоріалистическихъ обществъ: Еврейское Колонизаціонное Общество, Палестинскій Комитетъ въ Одессѣ, сіонистическую организацію, Еврейское Территоріалистическое Общество, и мы, вѣроятно, не ошибемся, если предскажемъ нарожденіе въ ближайшемъ будущемъ такого же общества въ Америкѣ. Всѣ эти организаціи въ данный моментъ занимаются платоническими воздыханіями, но сфера ихъ вліянія растетъ и поиски сферы приложенія для своей энергіи не прекращаются. Мы неоднократно въ самой категорической формѣ выражали свое отрицательное отношеніе къ этимъ попыткамъ и поискамъ и глубокое убѣжденіе въ несоотвѣтствіи предлагаемыхъ этими организаціями путей и средствъ намѣченнымъ цѣлямъ и состоянію общественныхъ силъ еврейства; но, съ другой стороны, мы нисколько не сомнѣваемся въ реальности тѣхъ интересовъ и потребностей соціальнаго развитія, которыя вызвали и продолжаютъ вызывать на свѣтъ Божій эти попытки. Поэтому мы убѣждены, что, когда эмиграціонная проблема въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ встанетъ предъ лицомъ еврейскаго національнаго сейма, то она будетъ рѣшена въ направленіи территоріальной концентраціи въ какой бы то ни было странѣ. Органы національной автономіи будутъ обладать тѣми матеріальными и политическими силами, безъ которыхъ организація планомѣрной колонизаціи есть чистѣйшая утопія, и такимъ образомъ откроется новая сфера для проявленія внутреннихъ силъ еврейскихъ народныхъ массъ, которая заполнитъ дѣятельность этихъ органовъ богатымъ содержаніемъ соціальнаго творчества.

Остановимся еще на одномъ моментѣ въ дѣятельности еврейскихъ національныхъ учрежденій,—на организаціи статистики по всѣмъ вопросамъ еврейской жизни.

Для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ экономическихъ, культурно-хозяйственныхъ или культурныхъ потребностей, какъ и во всякой другой сферѣ раціонально-организованнаго государственнаго хозяйства, требуется статистическое изслѣдованіе соотвѣтствующей отрасли,—но въ современной еврейской дѣйствительности организація статистики пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе. Русское еврейство, какъ это ни странно, совершенно не подвергнуто еще научному изслѣдованію и описанію, и въ этомъ отношеніи оно стоитъ наряду съ самыми некультурными народностями Россіи. Это объясняется различными причинами: отсутствіемъ до самаго послѣдняго времени достаточнаго количества культурныхъ силъ, работающихъ внутри еврейства, безразличнымъ отношеніемъ къ еврейству государственной—центральной и мѣстной—статистики, и, наконецъ, затрудненіями, встрѣчающимися при пользованіи общегосударственной статистикой, когда приходится путемъ сложныхъ комбинацій и пріемовъ выдѣлять цифры, касающіяся спеціально еврейства, изъ болѣе общихъ цифровыхъ категорій. Парализовать дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ можно лишь спеціальной организаціей статистики по всѣмъ вопросамъ еврейской жизни.

Эта мѣра будетъ имѣть не только непосредственно практическое значеніе: она окажетъ неоцѣнимыя услуги еврейской общественной мысли. Всѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ внутренней политической жизнью еврейства, не могутъ не броситься въ глаза специфическія аномаліи этой жизни. Чрезвычайно развитая фракціонность и интенсивная борьба фракцій между собой составляютъ отличительную черту современнаго еврейства, не только соціалистическаго, но и буржуазнаго. При этомъ, если мы присмотримся къ партійному разслоенію среди, напримѣръ, еврейскаго пролетаріата и соціалистической интеллигенціи, работающей въ его рядахъ, то мы замѣтимъ слѣдующее, чрезвычайно характерное и важное обстоятельство: линіи партійнаго расчлененія внутри даннаго класса далеко не всегда совпадаютъ съ какими-либо объективными признаками соціальныхъ различій или особенностей, разслояющихъ данный классъ, и лишь съ огромными логическими и фактическими натяжками партійной полемикѣ удается подогнать одно къ другому. Въ одной и той же еврейской рабочей или интеллигентской семьѣ, выросшей въ одинаковой экономической и идеологической обстановкѣ, мы въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ встрѣчаемъ представителей двухъ или трехъ

соціалистическихъ партій. Обстоятельство это въ нашихъ глазахъ имѣетъ огромное симптоматическое значеніе, до сихъ поръ не получившее еще своего объективнаго освѣщенія. По нашему мнѣнію, оно ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что проблемы еврейской жизни чрезвычайно запутанны и сложны, и что научный матеріалъ, надъ которымъ приходится оперировать еврейской общественной мысли во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, столь же скуденъ и убогъ. Еврейская мысль переживаетъ теперь тяжелые, мучительные умственные роды, но эти роды протекаютъ при крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. И въ особенности мучительно чувствуемъ это мы, евреи—соціалисты, для которыхъ еврейская національная проблема неразрывно связана съ классовыми проблемами еврейскаго пролетаріата. Мы смѣло и откровенно заявляемъ, что есть цѣлый рядъ реальныхъ, жизненныхъ проблемъ еврейскаго пролетаріата, въ области которыхъ мы блуждаемъ, какъ въ потемкахъ... Никакія смѣлыя построенія и догадки, никакіе обзоры съ птичьяго полета еврейской исторіи, не въ силахъ разрѣшить тѣ проблемы, которыя требуютъ пытливаго эмпирическаго изученія, вдумчиваго и непосредственнаго наблюденія еврейской дѣйствительности. И пока отсутствуетъ это изученіе, до тѣхъ поръ совершенно неизбѣжна та огромная и часто непроизводительная трата интеллектуальной энергіи, которая расходуется въ нѣдрахъ одного и того же общественнаго класса, среди людей, воодушевленныхъ однимъ и тѣмъ же конечнымъ соціальнымъ идеаломъ, раскалывая ихъ на станы враговъ и „друго-враговъ“. Чѣмъ скорѣе сведемъ мы еврейскій вопросъ съ заоблачныхъ высотъ абстракціи на языкъ реальной жизни, тѣмъ скорѣе приблизимся мы къ его разрѣшенію. Мы считаемъ, поэтому, всестороннее научное изслѣдованіе еврейской жизни одной изъ самыхъ жгучихъ и существенныхъ внутреннихъ потребностей нашихъ. Самая проблематичность еврейской дѣйствительности должна стать для насъ практической проблемой...

Сдѣлаемъ еще одно общее замѣчаніе по вопросу о конкретномъ содержаніи функцій національно-политической автономіи.

Насъ часто спрашиваютъ: гдѣ тотъ объективный критерій, внѣшній признакъ, по которому мы могли бы опредѣлить, что та или иная отрасль государственнаго хозяйства, удовлетвореніе тѣхъ или иныхъ культурныхъ, культурно-хозяйственныхъ или экономическихъ потребностей, должны быть выдѣлены изъ круга вѣдѣнія областныхъ или общегосударственныхъ потребностей и вклю-

чены въ сферу національной автономіи? Теоретическій отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ всей нашей теоретической концепціи національнаго вопроса, наглядной же иллюстраціей можетъ служить все сказанное нами о дѣятельности еврейскаго сейма. Теоретически мы уже указывали, что въ элементахъ національной жизни нѣтъ ничего совершенно специфическаго, ничего такого, чего абсолютно невозможно было бы встрѣтить въ жизни другой національности: національная жизнь слагается изъ однихъ и тѣхъ же универсальныхъ элементовъ соціальной жизни, различны и индивидуальны лишь тѣ комбинаціи, въ которыя слагаются эти элементы. Было бы поэтому напрасной тратой времени искать такой абстрактный, разъ навсегда данный критерій, по которому можно было безошибочно опредѣлять сферу компетенціи данной національности. Но мы показали конкретно, на примѣрѣ еврейской дѣйствительности, какъ жизнь той или иной національности можетъ выдвигать цѣлый рядъ безспорныхъ потребностей и интересовъ, пріобрѣтшихъ по различнымъ конкретнымъ историческимъ причинамъ особенное значеніе и требующихъ особой комбинаціи общественныхъ силъ и нѣсколько отличнаго отъ другихъ рѣшенія именно въ средѣ данной національности. Единственно компетентнымъ органомъ при опредѣленіи наличности такихъ потребностей являются Національныя Учредительныя Собранія, устанавливающія первоначальное содержаніе своей дѣятельности и національные сеймы, расширяющіе или съуживающіе эту дѣятельность въ ея дальнѣйшемъ развитіи. Коррективомъ къ ихъ дѣятельности являются верховные суды, разграничивающіе сферу компетенціи различныхъ націй.

Какіе же измѣненія вызоветъ въ судьбахъ еврейскаго народа и еврейскаго пролетаріата національная автономія?

Какъ это ни странно, но въ еврейской соціалистической средѣ находятся многочисленные элементы, которые презрительно пожимаютъ плечами по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ нашей національной программы. Они указываютъ на якобы скудное содержаніе этой програмы, на незначительность той или иной детали съ точки зрѣнія тѣхъ грандіозныхъ требованій, которыя они почему-то предъявляютъ къ современному государству въ дѣлѣ регулированія органическихъ процессовъ общественной жизни. Мы уже развили главнѣйшія конкретныя соображенія въ защиту отдѣльныхъ пунктовъ нашей программы, сдѣлаемъ теперь нѣсколько общихъ замѣчаній по этому поводу.

Допустимъ на минуту, что наши противники правы, и что національная автономія не откроетъ такого широкаго простора развитію внутреннихъ силъ еврейскихъ массъ и той эры кипучей и плодотворной дѣятельности, которую мы пророчествуемъ,—какіе выводы надо сдѣлать изъ такого положенія?—Единственный логическій выводъ отсюда будетъ тотъ, что положительное содержаніе тѣхъ соціальныхъ связей, которыя спаиваютъ отдѣльные элементы еврейскаго народа въ одно коллективное соціальное цѣлое, безконечно скудно и малозначуще, что еврейская община, а вслѣдъ за нею и весь еврейскій народъ, быстро руинируетъ у насъ на глазахъ. Врядъ-ли такой выводъ хотя бы въ самой ничтожной степени соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но онъ былъ бы самоубійственнымъ для нашихъ противниковъ изъ еврейскихъ партій... Это обстоятельство, само по себѣ взятое, должно было бы навести ихъ на необходимость радикальнаго пересмотра ихъ аргументаціи.

Нѣтъ, мы остаемся при своемъ старомъ убѣжденіи! Скудость содержанія нашей національной программы-минимумъ,—если она и существуетъ на самомъ дѣлѣ,—есть скудость современной соціальной обстановки, скудость соціальнаго творчества еврейскаго пролетаріата... Таковъ еврейскій пролетаріатъ, такова и его программа. Одно изъ двухъ: или еврейскій народъ живетъ, жить хочетъ и жить будетъ,—и тогда ему ни въ коемъ случаѣ нельзя миновать радикальнаго переустройства и дальнѣйшаго развитія своихъ реальныхъ жизненныхъ условій; или „судебъ повинуясь закону, все, что могъ, онъ уже совершилъ, создалъ... исторію подобную стону и за нею навѣки почилъ...“ Тогда,—какъ ни больно бы это казалось кому-либо изъ насъ,—борющійся еврейскій пролетаріатъ долженъ прежде всѣхъ другихъ элементовъ еврейства заняться ликвидаціей всякихъ національныхъ программъ. Tertium non datur, и всякіе поиски этого tertium до сихъ поръ приводили къ слабости, оппортунистичности, неопредѣленности, или же къ схоластическимъ и даже просто смѣхотворнымъ теоретическимъ концепціямъ. Всѣ живыя силы еврейскихъ народныхъ массъ давно уже стали на первую точку зрѣнія, и это служитъ наилучшей порукой, что мы стоимъ на правильномъ историческомъ пути.

Нашу національную программу, поэтому, не надо разсматривать, какъ „разсыпанную храмину“, по отдѣльнымъ ея камешкамъ и элементамъ: всѣ отдѣльные элементы нашей программы

связаны между собою убѣжденіемъ, что раскрѣпощенный еврейскій народъ въ своемъ свободномъ развитіи неизбѣжно создастъ новое содержаніе національной жизни и наполнитъ этимъ содержаніемъ новыя формы жизни, созданныя ему національной автономіей. Вся наша программа проникнута глубокой вѣрой въ культурную и соціальную мощь еврейскаго пролетаріата, вѣрой въ то, что подъ его давленіемъ старая еврейская община будетъ разрушена до тла, и въ той новой общинѣ, которая создастся на обломкахъ старой, еврейскій пролетаріатъ сможетъ бороться за свои соціалистическіе принципы и осуществлять начало демократіи и культурнаго прогресса.

Національно-политическая автономія создастъ ту трибуну, на которой еврейскій пролетаріатъ станетъ лицомъ къ лицу съ еврейской буржуазіей; она, съ другой стороны, вообще осмыслитъ борьбу общественныхъ силъ внутри еврейства за то или иное направленіе его національныхъ судебъ, тотъ или другой способъ удовлетворенія его соціальныхъ потребностей, ибо въ настоящее время эта борьба въ значительной степени безрезультатна. Въ самомъ дѣлѣ, теперь еврейскій народъ лишенъ тѣхъ политическихъ орудій, которыя дали бы ему возможность распоряжаться своими внутренними силами, и это внѣшнее обстоятельство сильно обезцѣниваетъ борьбу его общественныхъ силъ.

Но каково же будетъ все-таки подлинное направленіе историческихъ судебъ еврейскаго народа? Куда мы намѣрены направлять эти судьбы?

Обосновывая наши взгляды на національную автономію, гарантирующую интересы не только національнаго ядра того или иного народа, но и національныхъ меньшинствъ, мы уже указывали, что „процессъ образованія національныхъ меньшинствъ, самъ по себѣ взятый, есть одна изъ отрицательныхъ сторонъ капиталистическаго развитія“, что онъ поглощаетъ излишнюю соціальную энергію и вызываетъ тренія, тормозящія правильное развитіе классовой борьбы. Отсюда само собою слѣдуетъ, что мы— территоріалисты. Не касаясь дальнѣйшихъ судебъ національныхъ меньшинствъ вообще, ибо эти судьбы будутъ чрезвычайно различны въ зависимости отъ индивидуальныхъ историческихъ особенностей соотвѣтствующихъ національностей, мы перейдемъ къ судьбамъ еврейскаго народа.

Еврейскій вопросъ, эту „убѣгающую въ даль міровой человѣческой исторіи“ національную проблему, никоимъ образомъ нель-

зя всецѣло отождествлять съ проблемой національныхъ меньшинствъ. Всѣ попытки сдѣлать это являются грубой и вульгарной натяжкой. При первомъ взглядѣ на положеніе какой-либо группы еврейства и какого-либо національнаго меньшинства бросаются въ глаза тѣ рѣзкія и глубокія различія, которыя здѣсь имѣются.

Еврейскій народъ продѣлалъ безконечно-длинную, двухтысячелѣтнюю исторію скитальчества и гоненій и несетъ на своихъ плечахъ тяжелое историческое наслѣдіе своего скитальчества: всѣ стороны еврейской жизни, экономическая, политическая и культурная, носятъ на себѣ яркую печать дисгармоническаго развитія. Нѣтъ ни одной сферы общественной жизни и борьбы, гдѣ развитіе еврейскаго народа опредѣлялось бы внутреннимъ соотношеніемъ и борьбою его собственныхъ силъ, гдѣ онъ не занималъ бы, уже въ силу исторической преемственности, неблагопріятныхъ для себя соціальныхъ позицій. Помимо этихъ историческихъ особенностей, еврейскій народъ отличается отъ другихъ національныхъ меньшинствъ еще и той глубокой и существеной особенностью, что меньшинства огромнаго большинства другихъ національностей являются лишь случайными осколками отъ компактной массы своего народа, что за ними, слѣдовательно, стоитъ большинство той же націи, питающее ихъ своими соками и уравновѣшивающее ихъ вліяніе въ общей системѣ борющихся національныхъ силъ. Всего этого нѣтъ у еврейскаго народа, но за то у него есть всѣ тѣ явленія, на которыя мы указывали: неслыханная по своимъ размѣрамъ и по своему хроническому характеру нищета, отсталыя и убогія сферы приложенія труда для еврейскихъ рабочихъ, неустойчивыя и единственныя въ своемъ родѣ по „своеобразію“ занятія мелкой буржуазіи, отсутствіе крестьянства, страшная гипертрофія мелкой буржуазіи, отсутствіе цѣлостной и интегральной политической и культурной жизни, атмосфера застарѣлаго антисемитизма кругомъ... Все это явленія, не столь легко исцѣлимыя въ условіяхъ буржуазнаго строя.

Единственнымъ рѣшеніемъ еврейскаго вопроса является, слѣдовательно, территоріальная концентрація еврейскихъ массъ, а реальнымъ мостомъ къ этому рѣшенію постепенная концентрація еврейской эмиграціи. Мы не станемъ повторять всѣ тѣ соображенія, по которымъ мы считаемъ не только разрѣшеніе, но и самую постановку этой проблемы весьма отдаленной отъ настоящаго момента. Но настанетъ моментъ, когда падутъ самыя тя-

желыя цѣли нашего національнаго рабства, когда въ еврействѣ расцвѣтетъ новая жизнь, изъ-подъ густого слоя современнаго рабства ярче выступятъ очертанія нашего историческаго гнета, и территоріализмъ станетъ очередной проблемой еврейства. Онъ не будетъ тогда результатомъ паническаго бѣгства, результатомъ отказа отъ нашего историческаго наслѣдства, а продуктомъ національнаго возрожденія и свободнаго развитія внутреннихъ силъ еврейскаго народа.

И именно поэтому мы убѣждены, что ни одному угнетенному народу національная автономія непосредственно не дастъ такъ много, какъ она дастъ народу еврейскому. Мы будемъ бороться со всѣми территоріалистическими проектами и предпріятіями, выдвигаемыми въ данный моментъ, будемъ игнорировать всѣ существующія и возникающія теперь территоріалистическія организаціи, но будемъ въ то же время проповѣдывать нашъ конечный національный идеалъ и освѣщать имъ всѣ язвы и дефекты нашей современной національной жизни, такъ органически связанные съ экстерриторіальностью еврейской націи.

Такъ синтезируемъ мы свою максимальную національную программу со своей программой-минимумъ. Перефразируя прекрасныя слова Богданова, сказанныя имъ о человѣкѣ буржуазнаго общества, мы можемъ выразить этотъ синтезъ слѣдующими словами: „еврейскаго народа еще нѣтъ, но онъ идетъ, и силуэтъ его ясно обрисовывается на историческомъ горизонтѣ!“...

Таковы „Наши задачи“. Читатель легко замѣтитъ, что это наши задачи лишь въ одной области — въ области національно-освободительнаго движенія. О другихъ сторонахъ нашей программы мы или вовсе не говорили, или говорили только вскользь, но это было сдѣлано нами не случайно.

Стоя на точкѣ зрѣнія революціоннаго соціализма и разсматривая себя, какъ „одинъ изъ отрядовъ всемірной соціалистической арміи“, мы вмѣстѣ со всѣми другими соціалистическими и демократическими элементами страны считаемъ своей ближайшей очередной задачей борьбу съ отжившимъ бюрократическимъ строемъ за полное политическое освобожденіе всѣхъ народовъ Россіи, за демократизацію всѣхъ сторонъ ея общественной жизни и за максимумъ достижимыхъ теперь соціально-экономическихъ реформъ. Достиженіе этихъ ближайшихъ цѣлей намъ необходимо для того, чтобы съ новыми силами и увеличенной энергіей вести

еврейскій пролетаріатъ по пути классовой организаціи и классовой борьбы до полнаго разрушенія буржуазнаго общества и водворенія на его развалинахъ соціалистическаго строя.

Идя къ этой цѣли по испытанной дорогѣ революціоннаго соціализма, усѣянной костями лучшихъ борцовъ за освобожденіе человѣчества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дѣти одной изъ наиболѣе угнетенныхъ національностей, съ особенной силой подчеркиваемъ значеніе національной проблемы. Эта проблема является одной изъ очередныхъ проблемъ соціализма, и правильное ея разрѣшеніе должно, по нашему глубокому убѣжденію, расчистить путь для нормальнаго развитія классовой борьбы и полнаго раскрѣпощенія человѣчества.

И помимо національной проблемы предъ нами, какъ предъ партіей еврейскаго рабочаго класса, стоитъ рядъ другихъ проблемъ, — тѣхъ же проблемъ, которыя волнуютъ всю современную соціалистическую мысль. Нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая глубоко не задѣвала бы интересовъ еврейскаго рабочаго класса. Въ сферѣ политическихъ реформъ мы являемся крайними федералистами, ибо ничто не увеличиваетъ такъ удѣльнаго вѣса угнетенныхъ націй внутри отдѣльныхъ областей государства и ничто не увеличиваетъ такъ политической самодѣятельности пролетаріата, какъ крайняя децентрализація. И соціально-экономическія требованія нашей программы, и наши взгляды на соціальную революцію отмѣчены той же печатью глубокой соціальной революціонности, той же ненавистью къ старому міру, которая такъ характерна для одного изъ самыхъ обдѣленныхъ пасынковъ этого міра—для еврейскаго пролетаріата...

Наши задачи — задачи Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи—состоятъ въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ проблемъ, въ гармоническомъ сочетаніи въ теоріи и практикѣ еврейскаго соціалистическаго движенія всѣхъ требованій нашей программы, и въ борьбѣ за нихъ съ врагами интернаціональнаго соціализма.

Велики трудности теоретическихъ проблемъ, лежащихъ предъ нами, еще болѣе велики наши практическія трудности, но мы вѣримъ въ идейную и боевую мощь еврейскаго соціализма и на всѣ сомнѣнія и колебанія отвѣчаемъ словами поэта:

Бросимъ прочь мы сомнѣнья гнетущія,
Смѣло жизни посмотримъ въ глаза!..

Пусть борьба тяжела,
Пусть гнетуща, мрачна
Непроглядная ночь безпросвѣтная,—

Но на битву со зломъ
Всѣ мы смѣло пойдемъ,
Куда цѣль намъ укажетъ завѣтная!..

М. Борисовъ.

Націонализмъ и классовая политика пролетаріата.

Изъ всѣхъ теорій историческаго матеріализма наиболѣе цѣннымъ для человѣческаго прогресса является его ученіе о классовой борьбѣ пролетаріата противъ буржуазіи. Это ученіе, не въ качествѣ опредѣленнаго ключа для уразумѣнія историческихъ судебъ человѣчества, а лишь въ качествѣ основного принципа соціалистической борьбы въ настоящемъ и будущемъ, даетъ надежный фундаментъ для этой борьбы. Только та соціалистическая партія можетъ надѣяться на успѣхъ, которая сможетъ теоретически и практически связать осуществленіе своихъ конечныхъ цѣлей съ классовой борьбою пролетаріата, этого авангарда всѣхъ трудящихся слоевъ населенія, противъ всевозможныхъ видовъ эксплоатаціи человѣческаго труда.

Въ первоначальную концепцію классовой борьбы историческій матеріализмъ не могъ вводить какіе бы то ни было національные моменты. Исходя изъ основного историко-философскаго положенія, что „все въ исторіи совершается, сообразно тому, какъ и что производится, и какимъ образомъ продукты обмѣниваются между собою“, онъ долженъ былъ стремиться всѣ перипетіи національной борьбы и всѣ проявленія національной жизни свести къ экономическимъ явленіямъ, лежащимъ, по теоріи, въ ихъ основѣ, и, сообразно съ этимъ, долженъ былъ естественно, тяготѣть къ тому взгляду, по которому будущее уравненіе экономической жизни народовъ приведетъ также къ равенству ихъ національной жизни, и будущее *сліяніе* отдѣльныхъ *обществъ* въ одно міровое хозяйство неминуемо приведетъ также съ сліянію отдѣльныхъ народовъ въ одно космополитическое человѣчество, однородное по національному составу.

Дальнѣйшее развитіе историческаго матеріализма, болѣе вдумчивое отношеніе къ дѣйствительному ходу человѣческой исторіи и къ основнымъ силамъ, управляющимъ ею, заставили одного

изъ наиболѣе компетентныхъ теоретиковъ марксизма, К. Каутскаго, признать за національнымъ моментомъ такое же основное, нерастворимое въ экономикѣ, значеніе для образованія и измѣненія обществъ, какое признается имъ за способами производства и географической средой *).

Старая марксисткая, враждебная національному формула, о которой мы говорили выше, должна послѣ того, какъ Каутскій фактически внесъ въ нее значительные коррективы, получить совершенно другой видъ, уже нисколько не угрожающій вѣрно понятому національному принципу. Въ согласіи съ этими поправками Каутскаго, все въ исторіи совершается не только сообразно тому, что и какъ производится, и какимъ образомъ продукты обмѣниваются между собою, но еще и сообразно тому, въ какой географической средѣ живутъ народы, какими свойствами обладаютъ они и въ какихъ отношеніяхъ они находятся другъ къ другу **).

Если развитіе историческаго матеріализма и дальше пойдетъ по тому же направленію, которое придано ему Каутскимъ, тогда ему придется кореннымъ образомъ пересмотрѣть многія и многія изъ его установившихся теорій и догмъ. Уже на основаніи этой расширенной основной формулы можно съ очевидностью доказать хотя бы узость и непригодность того основного положенія, по которому „человѣкъ, въ своей дѣйствительности, есть совокупность общественныхъ отношеній“. (Изъ афоризмовъ Маркса противъ Фейербаха). Уже теперь можно было бы вполнѣ въ духѣ „историческаго матеріализма“ прибавить: *„и климатическихъ вліяній и расовыхъ свойствъ“* и т. д.

Измѣненіе основной формуыы марксизма неминуемо отразится также и на... Впрочемъ, не будемъ утопистами по отношенію къ марксизму. Не будемъ мечтать о томъ его конечномъ состояніи, которое пока еще совершенно не соотвѣтствуетъ состоянію его „производительныхъ силъ“, т. е. умственной энергіи, безстрашія мысли и научной добросовѣстности тѣхъ, которые стоятъ во главѣ историческаго матеріализма. Будемъ лучше на время „оппортунистами“ по отношенію къ нему: возьмемъ то,

*) См. Каутскаго „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи“. Подробнѣе объ этомъ мы еще поговоримъ въ другой разъ.

**) Собственно говоря, слѣдовало бы прибавить: „и сообразно еще многому другому“. Правда, „формула“ много потеряетъ тогда въ своей точности, но ато значительно выиграетъ въ своей вѣрности.

что онъ вынужденъ уступить и постараемся укрѣпить наши позиціи на той почвѣ, которая отнынѣ сдѣлалась общею и для насъ, и для него.

Въ современномъ своемъ состояніи человѣчество раздѣлено не только поперечными разрѣзами на классы, но и продольными разрѣзами на народы. Поэтому теоретическое изученіе и практическое установленіе классовой политики пролетаріата должно руководствоваться не только фактомъ его принадлежности къ данному классу, но еще и фактомъ его принадлежности къ данному народу. Представленіе о „поперечныхъ“ и „продольныхъ“ разрѣзахъ человѣчества является удобной схемой, наглядно иллюстрирующей это взаимное отношеніе классовыхъ и національныхъ моментовъ въ жизни пролетаріата.

Болѣе или менѣе смутное или ясное представленіе о такомъ чертежѣ лежитъ въ основѣ всѣхъ общественныхъ теченій и ученій, поскольку они касаются вопроса о національностяхъ и объ ихъ отношеніи къ классовой борьбѣ. Нѣтъ ни одной теоріи такихъ общественныхъ ученій, которая не могла бы быть выведена a priori изъ „figura docet“ этого чертежа. И наоборотъ, нѣтъ почти ни одной теоремы, могущей быть выведенной a priori изъ этой „figura docet“, которая не имѣла бы своихъ представителей въ современной общественной мысли.

При первомъ же взглядѣ на подобнаго рода чертежъ прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что „клѣтки суть клѣтки“, и что продольные разрѣзы ничѣмъ не отличаются отъ поперечныхъ. И, на самомъ дѣлѣ, мы находимъ многихъ мыслителей и теоретиковъ, которые *одинаково* относятся какъ къ классовымъ, такъ и къ національнымъ раздѣленіямъ въ человѣчествѣ. Они проводятъ полную аналогію между поперечными — классовыми полосами и продольными—національными полосами.

Подобно тому, говорятъ одни изъ нихъ, — какъ поперечныя классовыя полосы должны современемъ исчезнуть, такъ какъ одинъ классъ (пролетаріатъ) поглотитъ всѣ остальные, такъ и продольныя полосы національностей тоже обязательно должны исчезнуть, такъ какъ человѣчество будетъ поглощено одной какой-либо національной культурой, которая завоюетъ и подчинитъ себѣ весь міръ. И въ той же мѣрѣ, въ какой пріятно видѣть, какъ классы все болѣе и болѣе поглощаются пролетаріатомъ, въ той же мѣрѣ пріятно сознавать, что мелкіе народы поглощаются какой-нибудь болѣе крупной національностью, которая въ свою очередь

не преминетъ быть поглощенной еще болѣе крупной. Одинаково „реакціонно“ бороться противъ пролетаризаціи какого-либо класса и противъ денаціонализаціи, ассимиляціи какого-либо народа.

Другіе, наоборотъ, вѣрятъ въ вѣчное существованіе и классовъ, и народовъ. Народы будутъ вѣчно грызться между собой изъ-за кусочка земного шара, оспаривая другъ у друга господство надъ нимъ, а въ средѣ самихъ народовъ классы будутъ вѣчно грызться между собою изъ-за той доли земныхъ продуктовъ, которую они получаютъ отъ своей земли, отъ своей національной собственности надъ кусочкомъ земного шара.

Есть еще такіе, которые тоже вѣрятъ въ вѣчное существованіе классовъ и народовъ, но, по своему глубокому добросердечію, пророчатъ имъ миръ, а не вражду. Это — въ особенности буржуазные теоретики „вѣчнаго мира“ и приверженцы „этическаго движенія“, которое нѣкоторое время стояло въ центрѣ вниманія европейской общественной мысли. Весь ихъ идеалъ соціальныхъ реформъ состоялъ въ томъ, чтобы нѣсколько болѣе правильно распредѣлить „продольныя“ и „поперечныя“ полосы, и идеалъ этотъ былъ бы полностью осуществленъ, если бы человѣчество окончательно и навсегда приняло бы видъ шахматной доски: каждый классъ каждаго народа занималъ бы свой квадратикъ и жилъ бы въ согласіи и мирѣ со всѣми сосѣдними квадратиками. „Leben und leben lassen“—вотъ ихъ основной принципъ. И фабриканту надо жить, и рабочему надо жить, и кабатчику надо жить. Надо жить и французу, и нѣмцу, и русскому.

Заниматься критическимъ разборомъ теорій, которыя выросли на почвѣ полной аналогіи между классовыми раздѣленіями человѣчества и его національными раздѣленіями, мы здѣсь не будемъ. Мы оставимъ также безъ отвѣта и ту изъ нихъ, которая сулитъ человѣчеству полное исчезновеніе народовъ по аналогіи съ полнымъ исчезновеніемъ классовъ. Самое большее, что мы теперь можемъ позволить себѣ по отношенію къ ней, это—нѣсколько полнѣе провести ту же аналогію. Подобно тому, говоримъ мы, какъ всѣ классы будутъ поглощены самымъ низшимъ и самымъ угнетеннымъ классомъ, т. е., пролетаріатомъ, точно также и всѣ народы должны быть поглощены самымъ угнетеннымъ народомъ, пролетаріемъ среди народовъ: безземельными *евреями*. Отсюда ясно, какъ божій день, что всѣ народы сольются воедино въ одно *еврейское* человѣчество, и что будущій языкъ этого человѣчества

будетъ не только еврейскій народный языкъ,—въ этомъ случаѣ аналогія была бы еще не полна,—но непремѣнно тотъ московскій еврейскій жаргонъ, на которомъ создаются выраженія: „ди деревьесъ пахненъ митъ а пріятнэмъ запэхъ“, потому что этотъ „zehn — тысячи — капорэсъ“ — жаргонъ стоитъ на самой низкой ступени еврейскихъ діалектовъ.

Гораздо большаго вниманія заслуживаютъ тѣ мысли и разсужденія, которыя не ограничиваются проведеніемъ аналогій между классовымъ и національнымъ факторами, какъ самостоятельными силами, дѣйствующими порознь, но спускаются глубже во внутреннія взаимоотношенія ихъ. Къ сожалѣнію, и въ этихъ теоріяхъ не всѣ деревья пахнутъ пріятнымъ запахомъ.

Вдумываясь въ эти теоріи, получаешь такое впечатлѣніе, будто и передъ глазами ихъ творцовъ носилась таже схема продольныхъ и поперечныхъ разрѣзовъ человѣчества, но съ тою разницей, что имъ больше всего бросался въ глаза фактъ *скрещиванія* національныхъ и классовыхъ полосъ. Классовыя тенденціи и національныя тенденціи не бѣгутъ въ параллельныхъ направленіяхъ, но пересѣкаютъ путь другъ другу. Чѣмъ больше вы будете растягивать „квадратикъ“ по продольному, національному направленію, тѣмъ уже сдѣлается его поперечный, классовый объемъ, и наоборотъ: съ расширеніемъ поперечнаго, классоваго объема, дѣлается все уже и уже мѣсто, занимаемое клѣточкой въ національной полосѣ. Классовые интересы и національные интересы, классовое самосознаніе и національное самосознаніе находятся въ постоянномъ антагонизмѣ, и чѣмъ сильнѣе одно, тѣмъ слабѣе другое.

Повсюду, гдѣ человѣческая мысль встрѣчается съ антагонизмомъ двухъ борющихся силъ, человѣческій умъ склоненъ избавиться отъ этого антагонизма либо путемъ доставленія окончательной побѣды одной изъ нихъ на счетъ другой, либо путемъ размежеванія сферъ ихъ дѣйствія и взаимнаго обезвреживанія ихъ. Первый путь — путь насильственнаго „монизма“; второй путь—путь „полюбовнаго“ дуализма, для котораго уже Гегель нашелъ формулу: въ одномъ карманѣ одно, а въ другомъ карманѣ другое.

Въ примѣненіи къ интересующему насъ антагонизму національныхъ и классовыхъ тенденцій въ пролетаріатѣ, эти попытки теоретической мысли выразились въ слѣдующихъ основныхъ теченіяхъ.

Во-первыхъ, чисто національстическое теченіе мысли, требующее прекращенія всякой классовой борьбы пролетаріата во имя общенаціональныхъ интересовъ и цѣлей. Суворины и Крушеваны всѣхъ временъ и народовъ являются представителями этого теченія. Классовая борьба ослабляетъ, по мнѣнію этихъ теоретиковъ, силу національнаго цѣлаго и въ особенности силу тѣхъ господствующихъ классовъ, которые стоятъ во главѣ народа и ведутъ его историческую борьбу за національное освобожденіе или національное господство надъ другими. „Узко-эгоистическіе“ и „жадные“ инстинкты рабочихъ массъ должны быть обузданы во имя идеаловъ національнаго величія. Съ тѣмъ большей страстью должны быть раздуты національные инстинкты массъ въ пламя безконечной ненависти къ чужимъ. Когда наше палестинофильство впервые выступило въ борьбу противъ еврейскаго соціализма, въ немъ уже тлѣли эти суворино-крушевановскія искры человѣконенавистничества, съ одной стороны, и полнаго презрѣнія къ экономическимъ потребностямъ массъ, съ другой. По мѣрѣ развитія палестинофильства онѣ то тамъ, то здѣсь вспыхивали зловѣщими огоньками, и странно, горько, и обидно было видѣть такихъ лицъ, какъ М. Л. Лиліенблюмъ, съ крушевано-суворинскими факелами въ рукахъ. Теперь эти искры почти повсюду опять таятся подъ пепломъ сгорѣвшаго буржуазнаго сіонизма, готовыя, однако, вспыхнуть при первомъ удобномъ случаѣ. Нью-Іоркскій органъ еврейскаго крушеванства „Morgen Journal“, до сихъ поръ еще является яркимъ представителемъ чисто національстическаго теченія еврейской мысли. Это теченіе несомнѣнно связано съ классовыми интересами еврейской буржуазіи, но оно отнюдь не вытекаетъ изъ нихъ. И здѣсь, какъ и повсюду въ чисто національстическихъ стремленіяхъ, рядомъ съ классовыми интересами буржуазіи, проявляется односторонняя фанатическая преданность принципу, выдвигаемому самой жизнью, и стремленіе принести въ жертву на алтарь излюбленнаго идола всѣ теченія, идущія въ разрѣзъ съ нимъ.

Второе теченіе „насильственнаго“ монизма представляетъ собою полнѣйшую противоположность первому. Тамъ принципъ классовой борьбы пролетаріата былъ принесенъ на закланіе на жертвенникъ національныхъ интересовъ. Здѣсь національные интересы пролетаріата приносятся въ жертву во имя его классовыхъ интересовъ и идеаловъ. Пролетаріатъ долженъ забыть про то, къ какой націи, къ какому народу онъ принадлежитъ. Передъ его

глазами должна постоянно свѣтиться одна цѣль—торжество всемірнаго пролетаріата надъ всемірной буржуазіей. Въ той мѣрѣ, въ какой онъ будетъ помнить о своей принадлежности къ опредѣленному народу, въ этой же мѣрѣ ослабнетъ его чувство классовой солидарности къ пролетаріату другихъ народовъ и въ той же мѣрѣ притупится сознаніе его классовой розни съ собственной буржуазіей, съ которой онъ національно связанъ. Вотъ почему необходимо искоренять изъ сознанія пролетаріата всякую мысль о какихъ бы то ни было національныхъ задачахъ и энергично бороться противъ всякихъ попытокъ введенія національнаго элемента въ его классовую политику.

Почти на такой же точкѣ зрѣнія стоятъ тѣ теоретики и практики рабочаго дѣла, преимущественно среди національно угнетенныхъ народовъ, которые, подобно большинству нашихъ „бундистовъ“, считаютъ ошибкой—совершенно не обращать вниманія на національныя чувства пролетаріата и совѣтуютъ бросить этимъ національнымъ чувствамъ, какъ собакѣ кость, кое-какія національныя права для того, чтобы національное самосознаніе пролетаріата подавилось этой костью и совершенно очистило мѣсто для его классоваго самосознанія.

Гораздо ближе къ запросамъ жизни находятся представители третьяго теченія „полюбовнаго дуализма“, понимающіе, что никакой костью не утолить національнаго голода пролетаріата и прекрасно понимающіе, что и національный аппетитъ является во время ѣды. Классовое сознаніе и національныя потребности пролетаріата другъ другу мѣшаютъ, другъ друга нейтрализуютъ. Но это лишь тогда, когда они сталкиваются въ одной и той же сферѣ дѣятельности, когда они сливаютъ свои задачи воедино. Чтобы дать свободно развиваться и тому, и другому, необходимо освободить обоихъ отъ несноснаго для нихъ сожительства, необходимо строго разграничить сферы приложенія ихъ силъ и, такимъ образомъ, устранить возможность ихъ конфликта. Пусть въ экономической своей дѣятельности, въ предѣлахъ своего народа, пролетаріатъ не только неустанно борется съ буржуазіей за лучшее экономическое будущее, пусть онъ даже стремится къ тому, чтобы положить окончательный предѣлъ господству буржуазіи и уничтожить навсегда частновладѣльческое хозяйство. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общенаціональныхъ интересахъ, тамъ, гдѣ одинъ народъ становится лицомъ къ лицу съ другимъ въ борьбѣ ли за міровое господство или за лучшее положеніе на

земномъ шарѣ, тамъ, въ области международной, „иностранной“, политики, классовая борьба непримѣнима, и голосъ классовой розни долженъ умолкнуть. Буржуазія и пролетаріатъ должны подать другъ другу руки, помня, что они сыновья одного отечества, одной націи и, сплотившись грудью, должны они урвать совмѣстными силами у „чужихъ“ то, что потомъ перейдетъ въ исключительное владѣніе пролетаріата. Таковъ основной принципъ всѣхъ наиболѣе радикальныхъ „націоналъ-соціаловъ“, совѣтующихъ въ Германіи нѣмецкому пролетаріату вотировать „Kaiser“ 'у какъ можно больше броненосцевъ и мортиръ, а во Франціи французскому пролетаріату—не забывать національной обиды, нанесенной Франціи отобраніемъ Эльзаса и Лотарингіи. Пѣсни „реванша“, распѣваемыя „націоналистическимъ соціалистомъ“ Рошфоромъ и „Heil dir im Siegeskranz“, распѣваемый германскими націоналъ-соціалами, въ родѣ пастора Наумана, даютъ прекрасную иллюстрацію для этого типа національно-мыслящихъ соціалистовъ.

Къ этому же типу принадлежатъ и наши еврейскіе „націоналъ-соціалы“ всевозможныхъ оттѣнковъ: соціалъ-демократическіе пойалей-сіонисты, сіонисты-соціалисты и т. д. Подобно всѣмъ націоналъ-соціаламъ, они въ одномъ карманѣ имѣютъ очень радикальную классовую программу для пролетаріата, которая по своей основной тенденціи не хочетъ ничего общаго имѣть съ націонализмомъ, а въ другомъ карманѣ—проектъ чисто національной политики, разсчитанный на тѣсное сотрудничество съ еврейской буржуазіей и потому ничего общаго на практикѣ не имѣющій съ классовой борьбою пролетаріата.

Мы очень хорошо знаемъ, что въ этомъ нашемъ очеркѣ важнѣйшихъ программъ, вытекающихъ изъ теоріи несовмѣстимости націонализма съ классовой политикой пролетаріата, охвачены однимъ общимъ множителемъ группы и теченія чрезвычайно различной цѣнности для прогресса человѣчества, который лежитъ, по нашему мнѣнію, въ соціализмѣ, опирающемся на классовую борьбу рабочихъ противъ буржуазіи. Съ точки зрѣнія интересовъ соціализма нельзя, конечно, смѣшивать воедино представителей крушевано-суворинской программы и націоналъ-соціаловъ рошфоро-наумановскаго пошиба съ еврейскими ассимиляторами изъ „Искры“, еврейскими ассимиляторами изъ соціалъ-революціонеровъ, соціалъ-революціонерами изъ ассимиляторовъ (это—два различныхъ эсъ-эровскихъ еврейскихъ типа, о которыхъ когда-либо

въ другой разъ), „бундовцами“ и сіонистами-соціалистами всѣхъ оттѣнковъ. Принципъ признанія пролетарской борьбы противъ буржуазіи во имя соціалистическаго идеала и солидарности пролетаріата всѣхъ народовъ, вотъ та глубокая пропасть, которая не можетъ быть соединена никакими мостами и которая лежитъ между чистокровной всемірной крушевановской хулиганціей и рошфоро-наумановскимъ національнымъ соціализмомъ, съ одной стороны, и соціалистической интеллигенціей всевозможныхъ оттѣнковъ, съ другой. Соціализмъ, классовая борьба и международная солидарность достаточно опредѣленные и достаточно великіе принципы, которые даютъ намъ право причислить къ одной партіи всѣхъ эсъ-дековъ, и эсъ-эровъ, пэ-пэ-эсниковъ, эсъ-эсниковъ, пойалей-ціонистовъ, бундистовъ и всевозможныхъ другихъ носителей соціально-революціонной номенклатуры, какъ бы они не относились другъ къ другу и къ вопросу о націонализмѣ. Въ особенности необходимо подчеркнуть, что сіонисты-соціалисты и большинство пойалей-сіонистовъ всевозможныхъ оттѣнковъ принадлежатъ, несмотря на фатальное сходство ихъ дуалистической программы съ такой же дуалистической программой націоналъ-соціаловъ, ко всѣмъ намъ, стоящимъ по сю сторону пропасти, отдѣляющей всѣхъ насъ отъ рошфоро-крушевановской хулиганціи. Рѣзко отдѣляетъ еврейскихъ націоналъ-соціаловъ отъ ихъ программныхъ родственниковъ у другихъ народовъ то обстоятельство, что они самымъ рѣшительнымъ образомъ прорвали замкнутый кругъ національно-шовинистическихъ идей, не признающихъ братской солидарности народовъ, и идейно вошли въ ту великую семью международной соціалистической партіи, которая написала на своемъ знамени равенство и братство народовъ, солидарность трудящихся безъ различія національностей. Если бы судьбы міра сего уже теперь зависѣли отъ воли международной соціалистической партіи, то уже теперь не было бы національнаго вопроса, не потому, что всѣ народы слѣпились бы въ одинъ неразборчивый, неопредѣленный слитокъ, а потому, что соціализмъ нашелъ бы достаточно дорогъ и средствъ, помощью которыхъ можно было бы обезпечить за всѣми народами не только абстрактное право, но и фактическую возможность вольнаго, безпредѣльнаго и безпреграднаго развитія своей національной жизни. Бѣда въ томъ, что соціализмъ еще не въ состояніи сдѣлать это, и что сама классовая борьба пролетаріата сильно нуждается въ контролѣ со стороны соціалистической мысли какъ разъ въ этой области національныхъ вопросовъ, съ

которою пролетаріату пришлось ознакомиться сравнительно недавно. Здѣсь программныя ошибки отдѣльныхъ пролетарскихъ партій, какъ ни гибельно отзываются эти ошибки на всемъ веденіи пролетарской борьбы и на всемъ положеніи того народа, часть котораго составляетъ пролетаріатъ, болѣе простительны, чѣмъ въ какой бы то ни было другой отрасли соціальной политики. Вотъ почему мы не можемъ, подобно фарисеямъ и книжникамъ, отгораживаться отъ сіонистовъ-соціалистовъ и пойалей-сіонистовъ благочестивымъ доносцемъ: „смотрите, они якшаются съ буржуазіей“ Какъ намъ не больно то, что они „якшаются“ съ нею, мы видимъ въ этомъ не ошибку ихъ сердца, не ослабленіе ихъ преданности интересамъ рабочаго класса, не готовность съ легкимъ сердцемъ продать эти интересы еврейскимъ эксплоататорамъ еврейскаго и не еврейскаго труда, а ошибку ихъ теоретической мысли, которую они раздѣляютъ со всѣми вышеперечисленными соціалистическими направленіями, и которая гласитъ, что національнализмъ—сознаніе своей принадлежности къ опредѣлнному народу и связанность съ нимъ—и классовое самосознаніе или сознаніе своей принадлежности къ опредѣленному классу, по существу своему, антагонистичны и могутъ быть примиримы,—если они могутъ быть примиримы,—лишь въ томъ случаѣ, когда сфера дѣятельности каждой изъ этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу принциповъ будетъ совершенно отграничена.

Въ основѣ этой ошибки лежитъ абстрактное, схематичное представленіе о перекрещивающихся „продольныхъ“—національныхъ и „поперечныхъ“—классовыхъ полосахъ, при чемъ не принимается во вниманіе, что эта схема, какъ всякая схема, претерпѣваетъ въ дѣйствительной жизни значительныя осложненія подъ вліяніемъ тѣхъ конкретныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ она должна проявляться. Изученіе этихъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ многосложнаго сплетенія жизненныхъ фактовъ привело бы нашу соціалистическую мысль, а стало быть и всю дѣятельность нашего рабочаго класса, къ совершенно другимъ взглядамъ на этотъ предметъ.

Прежде всего надо было бы принять въ разсчетъ тотъ неоспоримый фактъ, что классовые и національные разрѣзы человѣчества не суть единственные принципы, раздѣляющіе людей другъ отъ друга, что, кромѣ того, имѣются еще другія группировки людей на *партіи*, *религіи*, *философскія направленія* и т. д., и т. д., которыя дѣйствуютъ модифицирующимъ образомъ на взаимную

игру классовыхъ и національныхъ началъ. Напомню хотя бы о той громадной роли, которую *католицизмъ* играетъ въ дѣлѣ экономической и политической борьбы германскаго пролетаріата, которую этотъ же *католицизмъ* играетъ въ дѣлѣ экономической, политической и *національной* борьбы пролетаріата *польскаго*,— столь поспѣшно наполняющаго теперь ряды польской шовинистической „народовой демократіи“,—о томъ вліяніи, которое все тотъ же католицизмъ и христіанство вообще оказываетъ на *антисемитизмъ*, значительнымъ образомъ модифицируя ту атмосферу, гдѣ *еврейскому* пролетаріату приходится вести свою экономическую, политическую и національную классовую борьбу. Все это—факты, хотя и выросшіе на почвѣ „идеологической надстройки“, но довольно ощутительно врывающіеся въ область экономическихъ и національныхъ основъ и безжалостно разрушающіе ихъ ясную и прямолинейную схематичность.

Но мы не будемъ теперь касаться ихъ. Мы дали себѣ слово не напирать въ этихъ нашихъ замѣткахъ на вліяніе тѣхъ идеологическихъ факторовъ, которые пока еще только борются за уравненіе въ правахъ съ „коренными“ факторами и покуда что должны пребывать въ той чертѣ осѣдлости, „гдѣ идеологіи жить дозволяется“, которая отведена для нихъ господствующей теоріей. Правда, границы этой „черты осѣдлости“ теперь значительно расширены и одной категоріи этихъ факторовъ—національной—даровано равноправіе наравнѣ съ „коренными“ факторами, но остальные все еще принуждены оставаться въ отведенныхъ для нихъ „надстройкахъ“, осмѣливаясь показаться въ „коренныя“ области только тогда, когда они снабжены довѣренностью отъ какой-либо первой гильдіи „способа производства“.

Даже устранивъ, по мѣрѣ возможности, вліяніе идеологическихъ теченій на ходъ и направленіе національной политики какого-либо класса, мы находимъ въ многосложной дѣйствительности достаточно данныхъ, вытекающихъ изъ самихъ классовыхъ и національныхъ основъ жизни, которые значительнымъ образомъ видоизмѣняютъ теорему объ антагонизмѣ между классовымъ самосознаніемъ и самосознаніемъ національнымъ.

Этотъ „антагонизмъ“ въ дѣйствительности принимаетъ совершенно различныя формы и выступаетъ съ совершенно различной силой, смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло съ буржуазіей и пролетаріатомъ *господствующаго* народа или съ буржуазіей и пролетаріатомъ народа порабощеннаго, или же, наконецъ, съ обще-

ственными классами такого свободнаго и самостоятельнаго народа, котораго судьба пощадила отъ національнаго рабства и національнаго господства надъ другими.

Совершенно не трудно понять, что тамъ, напримѣръ, гдѣ господствующій классъ есть въ то же время и господствующая національность, а угнетенный ею народъ состоитъ исключительно изъ рабочихъ слоевъ, „экономическое“ и „національное“ должны непремѣнно итти рука объ руку. Господствующій классъ, въ одинаковой мѣрѣ заинтересованъ и въ своемъ экономическомъ, и въ своемъ національномъ господствѣ. Порабощенный народъ въ одинаковой мѣрѣ заинтересованъ и въ своемъ экономическомъ, и въ своемъ національномъ освобожденіи. Польская шляхта, угнетавшая малорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ, налагала на нихъ двойной гнетъ и вызывала въ нихъ этимъ жажду двойного освобожденія: и экономическаго, и національнаго. Здѣсь національнымъ и классовая политика не относились другъ къ другу, какъ огонь и вода, но какъ огонь и нефтяной кирпичъ: огонь растапливалъ нефть, а растопленная нефть, въ свою очередь, увеличивала огонь.

Правда, допустима мысль, что въ сознаніи крестьянъ національный элементъ заслонялъ собою элементъ экономическій, что ихъ двойной гнетъ ощущался только, какъ *одинъ* гнетъ, вытекающій изъ одного источника — національнаго порабощенія. Но и въ этомъ случаѣ врядъ ли справедливо было бы утверждать, что, если бы онъ созналъ, что онъ страдаетъ не *только* какъ малороссъ отъ поляка, но и какъ крѣпостной отъ помѣщика, чувство его гнета сейчасъ же уменьшилось бы наполовину, и жажда національнаго освобожденія исчезла бы, какъ дымъ. Психологически болѣе вѣрно то положеніе, что *сознаніе* классоваго гнета еще болѣе обострило бы сознаніе національнаго рабства.

Гораздо сложнѣе и запутаннѣе отношенія тамъ, гдѣ въ роли національнаго поработителя выступаетъ не одинъ только господствующій классъ какого-либо народа, но вся совокупность его классовъ, и гдѣ, съ другой стороны, и на сторонѣ угнетеннаго народа фигурируютъ вполнѣ дифференцировавшіеся общественные слои. Но и здѣсь не всегда національнымъ идетъ въ разрѣзъ съ классовымъ самосознаніемъ.

Что буржуазія господствующаго народа зорко слѣдитъ за сохраненіемъ *и* своего классоваго, *и* своего національнаго могущества; что ея шовинизмъ оказываетъ значительныя услуги ея

эксплоатаціи чужака, а ея экономическое господство укрѣпляетъ ея національное положеніе, — это не нуждается въ особыхъ поясненіяхъ. И въ этомъ случаѣ экономическіе и національные интересы буржуазіи совершенно солидарны и, стало быть, не мыслимъ здѣсь какой бы то ни было антагонизмъ между ея классовымъ и ея національнымъ самосознаніемъ.

Но уже не такъ отчетливы и однозначны взаимоотношенія между національнымъ и классовымъ элементомъ у буржуазіи *порабощеннаго народа*. Политика этого класса подвержена значительнымъ колебаніямъ. Въ однихъ случаяхъ, подъ вліяніемъ однихъ историческихъ условій, она связываетъ свою судьбу съ судьбами своихъ угнетенныхъ собратьевъ и, отказываясь отъ всевозможныхъ классовыхъ выгодъ, которыя она получила бы отъ измѣны дѣлу своего народа, остается вѣрной идеѣ національнаго освобожденія. Еврейская буржуазія въ Испаніи шла на костры и въ изгнаніе, липалась всѣхъ своихъ классовыхъ преимуществъ и экономическихъ выгодъ, но не измѣняла вѣрности еврейскому народу. Національный элементъ, оживленный и поддержанный религіозной идеологіей, бралъ верхъ надъ экономическимъ разсчетомъ, почти окончательно подавляя его. Въ другихъ случаяхъ, при другихъ историческихъ условіяхъ, та же еврейская буржуазія продавала дѣло своего народа за жирную похлебку. И не только съ еврейской буржуазіей дѣло обстояло такимъ образомъ. Всякая буржуазія угнетеннаго народа находится въ двойственномъ положеніи, и только совокупность историческихъ условій, идейныхъ традицій и матеріальныхъ обстоятельствъ рѣшаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, склоняться ли ей въ сторону своихъ матеріальныхъ выгодъ въ *настоящемъ* и ассимилироваться съ господствующей буржуазіей или же пожертвовать классовыми интересами момента во имя *классовыхъ и національныхъ интересовъ будущаго*, когда она, освободивъ свой народъ отъ чужеземнаго ига, станетъ единственнымъ господствующимъ классомъ его. Случаи ассимиляціи и продажи народныхъ интересовъ во имя временныхъ матеріальныхъ выгодъ, случаи *расхожденія* національныхъ и матеріальныхъ интересовъ у буржуазіи угнетенныхъ народовъ встрѣчаются въ исторіи гораздо рѣже, чѣмъ случаи классоваго самопожертвованія во имя народнаго освобожденія. Только тогда, когда національная энергія народа идетъ на убыль, когда теряется надежда на національное возрожденіе, буржуазныя крысы спѣшатъ покинуть тонущій національный корабль и перебраться,

если это возможно, на тотъ чужой, но большой корабль, которому исторія сулитъ большое плаваніе. Но какъ только опять является надежда на самостоятельную національную жизнь, національное самосознаніе буржуазнаго класса вновь поднимаетъ голову и антагонизмъ между національнымъ и классовымъ самосознаніемъ сызнова исчезаетъ. Исторія польскаго и еврейскаго народа изобилуетъ примѣрами подобнаго рода колебаній, и каждый можетъ самъ проанализировать взаимоотношенія между національнымъ и классовымъ самосознаніемъ у древне-еврейскихъ эллинистовъ, у еврейскихъ ассимиляторовъ, буржуазныхъ сіонистовъ, „достиженцевъ“, польскихъ угодовцевъ и „народовой (національной) демократіи“. Повсюду онъ найдетъ, какъ правило, что національное самосознаніе и классовое самосознаніе только въ исключительныхъ случаяхъ расходятся по различнымъ направленіямъ, и что при первомъ удобномъ случаѣ они стремятся слиться воедино.

Но это—буржуазія. Какъ же обстоитъ дѣло съ пролетаріатомъ? Не должна ли его политика во всѣхъ случаяхъ и во всяческихъ отношеніяхъ представлять собою полнѣйшую противоположность политикѣ его экономическаго врага?—Нѣтъ, далеко не во всѣхъ случаяхъ и далеко не во всѣхъ отношеніяхъ.

Возьмемъ сперва пролетаріатъ какого-либо господствующаго народа, и пусть это будетъ пролетаріатъ *англійской* націи, могущество которой опирается на порабощеніи многихъ чужихъ народовъ, живущихъ на „черномъ“ и „желтомъ“ материкахъ. Казалось бы, что если англійская буржуазія проникнута „имперіализмомъ“, и если ея интересы диктуютъ національное порабощеніе другихъ народовъ, то у англійскаго пролетаріата это должно быть какъ разъ наоборотъ. Изъ абстрактной схемы пролетарской борьбы должна была бы вытекать приблизительно слѣдующаго рода политика англійскаго пролетаріата. Пролетаріату нѣтъ дѣла ни до интересовъ буржуазіи, ни до ея національныхъ счетовъ съ другими народами. Покуда онъ вынужденъ терпѣть господство эксплоатирующаго класса, вся его задача должна состоять въ томъ, чтобы отвоевать отъ буржуазіи какъ можно больше уступокъ въ свою пользу. „Мы сегодня работаемъ на тебя девять часовъ въ сутки, завтра мы начнемъ работать восемь часовъ, пять часовъ, а послѣ завтра совсѣмъ прекратимъ работу на тебя. Мы теперь получаемъ лишь 50% изъ вырабатываемыхъ нами продуктовъ, завтра мы потребуемъ 70%, 90%, а послѣ завтра заберемъ и всѣ сто. Вотъ смыслъ нашей политики. Что намъ

за корысть поддерживать твои воинственныя авантюры за моря-ми-океанами, которыя ложатся страшнымъ бременемъ на нашу же платежную способность и ведутъ лишь къ высасыванію всѣхъ соковъ изъ нашихъ же братьевъ-рабочихъ другихъ порабощенныхъ тобою народовъ!" Приблизительно такъ долженъ былъ бы говорить англійскій пролетаріатъ по адресу англійской буржуазіи. Иногда онъ и ведетъ такія рѣчи, т. е., не онъ, а его соціалистическіе идеологи, но хитроумная англійская буржуазія, скосивъ глаза въ сторону, скромно возражаетъ. „Оно точно, что мы два различныхъ класса и нашъ Биконсфильдъ даже сказалъ, что мы какъ бы двѣ націи. Я поэтому и не буду апеллировать къ твоему національному чувству. Но все-таки слѣдуетъ тебѣ принять въ соображеніе и то, что если я прекращу свои заморскія авантюры, то вѣдь всю лавочку придется прикрыть... Съ какихъ же моихъ доходовъ ты будешь урывать свои 70%, 90%? Пусть наши интересы *дома* противоположны, они совершенно совпадаютъ въ дѣлѣ... распространенія нашей высшей культуры и цивилизаціи среди дикихъ и варварскихъ народовъ".

Какова должна была бы быть національная политика англійскаго пролетаріата при такомъ положеніи дѣла? *При свѣтѣ* интернаціональнаго соціалистическаго *идеала* отвѣтъ пролетаріата долженъ былъ бы быть таковъ: „не хочу я 70%, созданныхъ не только изъ моего пота и крови, но изъ пота и крови моихъ несчастныхъ братьевъ по труду, задыхающихся отъ благодѣяній твоей цивилизаціи и культуры. Не надобно мнѣ твоего національнаго могущества и тѣхъ экономическихъ выгодъ для моего класса, которыя сопряжены съ нимъ, если оно основано на безжалостѣнчивой эксплоатаціи массъ родного мнѣ трудящагося человѣчества.

Таковъ долженъ былъ бы быть отвѣтъ англійскаго пролетаріата при свѣтѣ соціалистическаго ученія о солидарности интересовъ всѣхъ трудящихся. Но въ не столь свѣтлой соціальной дѣйствительности отвѣтъ этотъ въ лучшемъ случаѣ сводится къ глубокому молчанію—знаку прискорбнаго согласія. Англійскій пролетаріатъ, руководимый своимъ классовымъ положеніемъ и интересами, вытекающими изъ него для даннаго времени, не можетъ подрѣзать тотъ сукъ, на которомъ онъ самъ сидитъ, и самое большее, чего можно ожидать отъ него, это—чтобы онъ не допускалъ, поскольку это лежитъ въ его власти, излишествъ и вакханалій въ области колоніальной политики, которую его бур-

жуазія вынуждена вести, подъ угрозою потери своего вліянія на всемірномъ рынкѣ. *Требовать* отъ него большаго, конечно, можно и должно, и на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, тамъ, гдѣ проявляется наружу совѣсть всего мірового пролетаріата, и онъ присоединится къ протесту противъ завоевательной и колоніальной политики европейскихъ державъ, даромъ, что эта политика лежитъ въ интересахъ развитія капитализма и, поэтому, ее слѣдовало бы одобрить съ точки зрѣнія узко понятаго марксизма. Но мы говоримъ здѣсь не о томъ, что должно было бы требовать отъ англійскаго пролетаріата, а о томъ, что онъ, по своему классовому и національному положенію дѣлаетъ. Такимъ образомъ, въ классовой политикѣ англійскаго пролетаріата по отношенію къ національной политикѣ буржуазіи необходимо различать два момента. По отношенію къ своимъ собственнымъ классовымъ интересамъ, въ предѣлахъ своего собственнаго народа, классовое самосознаніе и національное самосознаніе не только не антагонистичны, но, наоборотъ, помогаютъ и поддерживаютъ другъ друга. Англійскій пролетаріатъ слишкомъ развитъ, чтобы поддаваться на удочку патріотической шумихи фразъ, которой англійская буржуазія считаетъ нужнымъ украсить свои хищническіе набѣги на чужіе народы, и если онъ въ значительной степени идетъ здѣсь рука объ руку съ своей буржуазій, то это потому, что его классовые интересы совпадаютъ съ его національными, такъ какъ только удовлетвореніе послѣднихъ даетъ ему матеріальный базисъ, на которомъ онъ можетъ съ успѣхомъ вести свою классовую борьбу. Но по отношенію къ классовымъ интересамъ другихъ народовъ, порабощенныхъ всѣмъ англійскимъ народомъ, а стало быть, между прочимъ, и англійскимъ пролетаріатомъ, чувство классовой солидарности покидаетъ его, затемненное національнымъ интересомъ. Здѣсь, стало быть, мы видимъ чистый примѣръ антагонизма классоваго и національнаго самосознанія, громадный вредъ національнаго фактора, удушающаго международную классовую солидарность, но этотъ антагонизмъ и вытекающій изъ него вредъ по необходимости выросли на почвѣ той экономической классовой борьбы, которую англійскій пролетаріатъ вынужденъ вести въ предѣлахъ своей собственной націи, живущей на счетъ угнетенія другихъ національностей.

Выводъ, найденный нами на примѣрѣ англійскаго пролетаріата, примѣнимъ положительно ко всѣмъ рабочимъ классамъ го-

сподствующихъ народовъ. Повсюду, гдѣ существуетъ національный антагонизмъ между народами, этотъ національный антагонизмъ неминуемо отзовется и на классовой борьбѣ пролетаріата соотвѣтствующихъ націй. Единственное средство избавиться отъ національныхъ антагонизмовъ въ средѣ пролетаріата различныхъ національностей, это—уничтоженіе національныхъ антагонизмовъ между народами. Братская солидарность между трудящимися классами всего человѣчества установится только тогда, когда исчезнутъ всяческіе національные конфликты между народами, т. е., тогда, когда всѣ народы будутъ, *какъ наши*, а не только, какъ люди, равноправны и равносильны.

Покуда же господствуетъ національное угнетеніе одного народа другимъ, до тѣхъ поръ буржуазія господствующаго народа будетъ использовывать этотъ гнетъ въ своихъ классовыхъ выгодахъ, а эти классово-національныя выгоды буржуазіи представляютъ несомнѣнную классовую выгоду и для пролетаріевъ господствующаго народа, такъ что, молчаливо поддерживая свою буржуазію, они не только не затемняютъ своего классоваго самосознанія по отношенію къ ней, но, наоборотъ, еще болѣе усиливаютъ его. Ихъ классовое самосознаніе затемняется лишь по отношенію къ своимъ братьямъ изъ другихъ народовъ, и въ этомъ виноватъ не только „націонализмъ“, т. е., фактъ распаденія человѣчества на націи и рознь національныхъ интересовъ въ предѣлахъ одного и того же класса, но и *экономизмъ*—рознь классовыхъ интересовъ въ предѣлахъ одной и той же націи.

Особенно любопытна національная политика господствующаго народа по отношенію къ пролетаріату угнетенныхъ народовъ тамъ, гдѣ имъ всѣмъ приходится жить почти на одной и той же территоріи, подъ одной и той же государственной кровлей. Суть дѣла, найденная нами для англійскаго пролетаріата, нисколько не мѣняется и здѣсь. Только здѣсь она принимаетъ своеобразныя формы. Для своей *политической* борьбы съ господствующей буржуазіей господствующему пролетаріату выгодно итти рука объ руку съ пролетаріатомъ угнетенныхъ народовъ, въ объединенной всепролетарской партіи, силы которой растутъ пропорціонально участію въ ней всѣхъ представителей рабочаго класса безъ различія національностей. Но въ области *экономической* борьбы съ буржуазіей ему, наоборотъ, выгодно держать своихъ инонародныхъ товарищей по труду и убѣжденіямъ на почтительномъ разстояніи отъ тѣхъ выгодъ, которыми онъ пользуется, благодаря

своему привилегированному національному положенію. Оба эти столь противоположныхъ интереса удовлетворяются космополитической теоріей и требованіемъ, чтобы рабочіе классы угнетенныхъ народовъ бросили, наконецъ, свои эгоистическіе, узко-національные предразсудки и сдѣлались бы просто людьми, пролетаріями, членами единаго, нераздѣльнаго пролетарскаго класса. Само собою разумѣется, что фраза о *людяхъ* и о *„пролетаріяхъ вообще“* въ дѣйствительности не имѣетъ никакого разумнаго смысла. Нѣтъ такого человѣчества, которое лежало бы гдѣ-то внѣ націй и куда можно было бы прыгнуть, выскочивъ изъ своей національной шкуры. Нельзя быть „nationslos“ на тотъ манеръ, на какой можно быть „Konfessionslos“. Сбрасываютъ одну національную шкуру лишь тогда, когда подъ ней уже выросла другая національная шкура, шкура другой національности. Переставая быть евреемъ, напримѣръ, еврейскій пролетарій не дѣлается человѣкомъ вообще, пролетаріемъ вообщее, но опредѣленнымъ *національно окрашеннымъ* человѣкомъ: полякомъ, русскимъ, малороссомъ. Человѣчество лежитъ не внѣ національностей, а *внутри* ихъ, и призывъ къ тому, чтобы перестать быть членомъ націи и сдѣлаться „человѣкомъ“ можетъ имѣть лишь одинъ смыслъ: развивать въ себѣ чувство любви и братства ко всѣмъ народамъ, составляющимъ человѣчество, и усовершенствовать въ себѣ все то хорошее, чѣмъ богата человѣческая природа. Но этотъ призывъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ означать: выпрыгните изъ своей національной шкуры, потому что онъ долженъ былъ бы сейчасъ же добавить: и вскочите въ другую, національную же. Космополитизмъ на практикѣ требуетъ *ассимиляціи* одной національной группы другой. И именно такая ассимиляція и выгодна для пролетаріата господствующаго народа. Она выгодна для него и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи. Ассимиляція увеличиваетъ ряды пролетаріата, борющагося политически противъ буржуазіи, на все то количество голосовъ и на всю ту сумму классовой энергіи, которыми обладаютъ рабочіе классы угнетенныхъ народовъ. Съ другой же стороны, она въ сферѣ экономической борьбы устанавливаетъ для всѣхъ членовъ пролетаріата извѣстный *національный центръ*, уменьшающій количество конкуррентовъ на рынкѣ организованнаго труда.

Эта мысль нуждается въ поясненіи. Чѣмъ выше въ своей организаціи стоитъ наемный трудъ, тѣмъ больше обнаруживается

въ немъ стремленіе добиться со стороны предпринимателей признанія своихъ рабочихъ союзовъ. Чѣмъ организованнѣе какая-либо отрасль производства, тѣмъ легче добиться такого признанія, благодаря которому рабочіе могутъ контролировать рынокъ труда и заставить предпринимателей—тѣми или другими способами—пользоваться въ своихъ предпріятіяхъ исключительно организованнымъ трудомъ. Бокъ-о-бокъ съ этимъ стремленіемъ идетъ явная тенденція *ограничить* число членовъ въ данной отрасли труда и держать его на опредѣленномъ уровнѣ, дающемъ возможность повысить заработную плату рабочихъ. Хорошо организованному рабочему союзу иногда даже выгодно, чтобы нѣкоторая часть рабочихъ его профессіи оставалась *внѣ* профессіональной организаціи и продавала сравнительно за безцѣнокъ свой трудъ мелкимъ и неважнымъ предпринимателямъ, лишь бы постоянный и экономически наиболѣе важный рынокъ труда данной профессіи находился подъ полнымъ контролемъ профессіональнаго союза, доступъ въ который дѣлается тѣмъ труднѣе, чѣмъ выше по своей организаціи, чѣмъ крѣпче и сплоченнѣе данный профессіональный союзъ. Исторія труда въ Англіи и Америкѣ изобилуетъ примѣрами искусственно созданныхъ привилегій для счастливцевъ и ряда несправедливыхъ ограниченій для несчастливцевъ организованнаго труда. Суровыя условія пріема въ союзъ, предварительный денежный взносъ, высокая помѣсячная или понедѣльная плата въ пользу кассы союза, нелегкій и подчасъ придирчивый экзаменъ тамъ, гдѣ онъ введенъ, ограниченіе числа учениковъ, крупные страховые платежи,—все это—средства, ограничивающія приливъ лицъ къ данной профессіи и дающія возможность организованному пролетаріату добиться хоть сколько-нибудь сносныхъ условій жизни и труда. Обратная сторона медали профессіональныхъ союзовъ (къ сожалѣнію, на этомъ свѣтѣ ничего нѣтъ безъ обратной стороны) заключается именно въ томъ, что они создаютъ „аристократическія“ градаціи труда отъ самыхъ организованныхъ, богатыхъ и почти кастово-замкнутыхъ профессій до самыхъ низшихъ слоевъ люмпенпролетаріата. И эта обратная сторона даетъ себя наиболѣе чувствовать рабочимъ классамъ угнетенныхъ народовъ тамъ, гдѣ пролетаріатъ господствующей національности задаетъ тонъ и устанавливаетъ нормы для всѣхъ рабочихъ слоевъ его страны, подавляя космополитическо-ассимиляціонной теоріей всякую попытку самостоятельнаго выступленія національно-подавленныхъ рабочихъ классовъ въ сферѣ чисто

экономической борьбы. Прежде всего эта обратная сторона медали сказывается въ томъ, что рабочимъ подавленныхъ національностей de facto разными благовидными и неблаговидными пріемами затрудняется доступъ въ профессіональныя организаціи. Далѣе, возможность доступа туда сокращается для нихъ тѣмъ, что мы назвали „*національнымъ цензомъ*“. Только вполнѣ ассимилировавшіеся рабочіе могутъ чувствовать себя сравнительно хорошо въ сферѣ пролетаріата чужой господствующей національности. Не ассимилировавшіяся массы, стоящія на болѣе низкомъ уровнѣ развитія, и сами не полѣзутъ въ сферу привилегированнаго труда. Онѣ остаются въ замкнутой косности еще и потому, что ассимиляція отнимаетъ у нихъ самыхъ энергичныхъ борцовъ и обогащаетъ ими ряды господствующаго пролетаріата. Вслѣдствіе этого и въ силу господствующихъ космополитически-ассимиляціонныхъ взглядовъ рабочимъ классамъ угнетенныхъ народовъ и въ голову не приходитъ выступать въ качествѣ сознательной силы, въ качествѣ самодовлѣющаго класса не только противъ буржуазіи, но и противъ привилегированнаго положенія рабочаго класса чужой господствующей націи. Дѣло начинаетъ принимать совершенно другой оборотъ лишь тогда, когда въ рабочихъ классахъ угнетенныхъ народовъ просыпается прежде всего ихъ *человѣческое* самосознаніе, а съ нимъ вмѣстѣ—его два неотдѣлимыхъ отъ него и другъ отъ друга аттрибута: *классовое* самосознаніе и *національное* самосознаніе. Но объ этомъ—послѣ. Пока мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе, чтобы закончить характеристику національнаго элемента въ классовой политикѣ пролетаріата господствующей національности.

Есть на свѣтѣ слова и общественные призывы, отъ одного звука которыхъ сердце приходитъ въ радостный трепетъ, точно уха коснулся гласъ „шойфера шэлъ мошіахъ“ („трубный гласъ Мессіи“), возвѣщающій будущую справедливую и прекрасную жизнь на землѣ. Но когда эти общественные призывы спускаются съ заоблачныхъ высотъ теоріи на грѣшную землю, они, въ атмосферѣ царящихъ здѣсь насилій и золъ, превращаются въ свою полнѣйшую противоположность, усиливая гнетъ неправды, вмѣсто того, чтобы окончательно изгнать ее. Таковъ, напримѣръ, общественный лозунгъ *гражданской свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ*. Что можетъ быть выше и благороднѣе этого принципа, возвращающаго человѣку его человѣческую самостоятельность, избавляющаго человѣка отъ унизительной и корыстолюбивой опеки со

стороны бюрократіи! Однако, спускаясь съ неба общей политической свободы въ тѣ низины, гдѣ ежедневно происходитъ схватка между трудомъ и капиталомъ, какимъ могучимъ орудіемъ подавленія пролетаріата оказался этотъ принципъ въ рукахъ буржуазіи! „Мы всѣ свободные граждане. Не смѣйте же вмѣшиваться въ наши частныя дѣла съ рабочими, въ нашъ свободный, полюбовный договоръ. Мы всѣ равны передъ закономъ. Не смѣйте же, законодатели, думать и заботиться объ огражденіи интересовъ трудящихся въ ущербъ интересамъ капиталистовъ." Одна изъ величайшихъ заслугъ соціалистической мысли заключается въ томъ, что она раскрыла весь вредъ этой формулы, когда ее приходится наполнять содержаніемъ, взятымъ изъ сферъ экономическаго насилія и порабощенія. Не можетъ быть равенства между капиталистомъ и рабочимъ, покуда одинъ капиталистъ, а другой рабочій. Не можетъ быть уваженія къ свободѣ договора между волкомъ и овцой.

Къ числу такихъ же возвышенныхъ мелодій „шойфера шэлъ мошіахъ" относится гимнъ солидарности интересовъ всѣхъ пролеріевъ тамъ, гдѣ одинъ рабочій классъ поставленъ исторіей въ положеніе волка, а другой той же исторіей осужденъ на положеніе овцы. И здѣсь соціалистическая мысль, не страшась никакихъ традицій, *обязана* открыть таящійся подъ формулой обманъ, *обязана* указать на ту сферу насилій, которая дѣлаетъ изъ этой формулы ея прямую противоположность, *обязана* требовать устраненія этого насилія, дабы гласъ „шойфера шэлъ мошіахъ" не превратился въ гласъ вопіющаго къ небу беззаконія...

Одинъ народъ повалилъ другой на землю, сталъ колѣномъ ему на грудь, впился цѣпкими пальцами въ его горло, такъ что душа еле держится въ тѣлѣ... И тутъ приходятъ *соціалисты*, громко говорятъ о томъ, что разницы между народами нѣтъ, что всѣ равны въ классовой борьбѣ и что не слѣдуетъ вмѣшиваться въ такія мелочи, какъ межнаціональныя отношенія пролетаріата, что надо набросить покровъ на нихъ, ибо они-де заслоняютъ его классовое самосознаніе... А когда указываешь на положеніе угнетеннаго народа, на его невыносимыя муки, на его жажду воздуха, свѣта, свободной національной жизни, они съ „научнымъ" спокойствіемъ возражаютъ: „да гдѣ у него національная жизнь? Онъ уже посинѣлъ весь и языкъ высунулъ"...

Прежде всего—руки прочь отъ горла! Дайте свободно вздохнуть! Снимите колѣно съ груди! Дайте стать на ноги... А потомъ

уже увидимъ, есть ли еще силы для жизни или цѣпкіе пальцы уже сдѣлали свое дѣло...

Девизъ гражданской свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ оказался въ рукахъ угнетенныхъ классовъ удобнымъ орудіемъ для борьбы съ тѣми житейскими насиліями и неравенствами, которыя превращали его въ свою собственную противоположность. Точно также и девизъ солидарности всѣхъ рабочихъ классовъ и ихъ равенства уже теперь дѣлается орудіемъ въ рукахъ пролетаріата угнетенныхъ національностей для борьбы съ тѣми неравенствами и насиліями, которыя превращали этотъ девизъ въ пустую фразу или еще хуже—въ красивую мантію, подъ которой скрывается порабощеніе одного рабочаго класса другимъ. Да, интересы всѣхъ рабочихъ классовъ солидарны, и ихъ права равны, ибо не можетъ быть равенства интересовъ тамъ, гдѣ нѣтъ равенства въ правахъ. Поэтому *всѣ* тѣ права, которыми пользуется пролетаріатъ господствующаго народа, должны быть предоставлены пролетаріату угнетенныхъ націй. Языкъ національно-порабощеннаго пролетаріата долженъ пользоваться тѣми же правами, какими пользуется языкъ національно-господствующаго пролетаріата. Право устраивать свои дѣла и возможность вмѣшиваться въ ходъ жизни всего своего народа, которыми обладаетъ послѣдній, должны быть предоставлены и первымъ. А такъ какъ этими правами онъ владѣетъ не какъ пролетаріатъ, а какъ часть опредѣленнаго народа, то поэтому и *всѣ* національныя права должны быть даны тѣмъ угнетеннымъ народамъ, часть которыхъ составляютъ его рабочіе классы.

Мы нѣсколько увлеклись въ сторону „должнаго“, не окончивъ еще съ изложеніемъ важнѣйшихъ чертъ „сущаго“.

Національная политика рабочаго класса господствующей національности, тамъ, гдѣ она не встрѣчаетъ сильнаго фактическаго и идейнаго отпора со стороны національной политики пролетаріата угнетенныхъ народовъ, характеризуется тѣми же самыми основными чертами, которыя мы нашли изъ анализа положенія англійскаго пролетаріата. По отношенію къ своей собственной буржуазіи его національное самосознаніе нисколько не вредитъ его классовому сознанію. Фактъ его господствующаго національнаго положенія нисколько не заслоняетъ въ его глазахъ факта его экономическаго рабства, и тамъ, гдѣ его классовое самосознаніе не сильно развито, это происходитъ не потому, что онъ сытъ своей народной гордостью, а потому, что классовое самосоз-

наніе не есть растеніе, произрастающее въ дикомъ видѣ. Оно— въ высшей степени культурное растеніе, которое должно быть посажено, для котораго почва должна быть заранѣе воздѣлана, за которымъ необходимъ постоянный и внимательный уходъ. Тамъ же, гдѣ всѣ эти условія выполнены, и гдѣ классовое самосознаніе уже цвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ, оно нисколько не страдаетъ отъ того обстоятельства, что привилегированное положеніе его націи сопряжено съ экономическими выгодами и для его класса. Не страдаетъ—по отношенію къ собственной буржуазіи. Но его классовое самосознаніе оказываетъ большой изъянъ по отношенію къ національнымъ интересамъ и связаннымъ съ ними экономическимъ интересамъ его собратьевъ по классу изъ другихъ порабощенныхъ національностей. Здѣсь національное положеніе ослѣпляетъ его глаза и заслоняетъ передъ нимъ его *классовый долгъ* по отношенію къ національно-угнетеннымъ братьямъ-пролетаріямъ. Происходитъ это въ силу того основного закона, что политика пролетаріата каждаго народа диктуется не только фактомъ его принадлежности къ опредѣленному классу, но и фактомъ его принадлежности къ опредѣленному народу. И поддерживается эта его національная политика тѣми его идеологами, которые всего громче кричатъ о вредѣ націонализма для классоваго самосознанія пролетаріата, потому что ихъ проповѣдь никоимъ образомъ не имѣетъ въ виду возбудить то чувство классоваго долга по отношенію къ рабочимъ классамъ порабощенныхъ народовъ, которое было притуплено его господствующимъ національнымъ положеніемъ. Наоборотъ, эта проповѣдь имѣетъ въ виду лишь ту цѣль, чтобы притупить національное чувство и затушевать національные интересы національно-порабощенныхъ рабочихъ классовъ, идущіе въ разрѣзъ съ національно-экономическими интересами господствующаго пролетаріата.

Положеніе дѣла, сказали мы, совершенно мѣняется, какъ только на сцену выступаетъ проснувшійся пролетаріатъ угнетенныхъ народовъ. Его политика, разумѣется, тоже диктуется тѣмъ основнымъ обстоятельствомъ, что онъ принадлежитъ къ опредѣленному классу и къ опредѣленному народу. Но положеніе его народа и его класса таково, что онъ неминуемо долженъ ввести національный элементъ въ свою классовую политику не *вопреки*, а *вслѣдствіе* своего разбуженнаго общечеловѣческаго, классоваго и національнаго самосознанія. Далѣе его положеніе таково, что раньше или позже онъ вынужденъ сочетать національный и классовый

элементы своей политики такъ, чтобы изъ нихъ исчезъ всякій антагонизмъ между его классовымъ и его національнымъ самосознаніемъ.

Положеніе пролетаріата какой-либо угнетенной національности сильно отличается отъ положенія его класса у какой-либо самостоятельной и никого не угнетающей націи, съ одной стороны, и отъ положенія того же класса у господствующей національности —съ другой. Пролетаріатъ свободной и никого не угнетающей націи во всей своей политикѣ, *безсознательно націоналенъ*. Онъ говоритъ прозой, не воображая, что это—проза. Своего націонализма онъ дѣйствительно не чувствуетъ, какъ человѣкъ со здоровыми зубами во рту не чувствуетъ своихъ зубовъ. Но пролетаріатъ *господствующей* національности уже не можетъ быть индиферентнымъ къ національному вопросу; онъ не можетъ не натолкнуться раньше или позже на фактъ національной розни среди рабочаго класса своей родины, не можетъ не чувствовать, что у него въ зубахъ что-то застряло, и если онъ заговариваетъ зубы космополитизмомъ, то дѣлается это полусознательно, полубезсознательно, подъ властнымъ велѣніемъ его національно-классоваго положенія. Пролетаріатъ же угнетенной національности долженъ еще рѣшительнѣе столкнуться съ фактомъ національной розни въ предѣлахъ его класса, потому что этотъ фактъ прописанъ на его спинѣ. И когда онъ, наконецъ, разгибаетъ спину, то прописанный на ней фактъ начинаетъ чувствоваться все острѣе и острѣе, заставляя мысль искать реальнаго выхода въ самой дѣйствительной жизни, а не въ заговариваніи зубовъ. Замолчать его онъ не можетъ, а замаскировать его не въ его интересахъ.

Не только въ *классовыхъ* столкновеніяхъ между пролетаріями различныхъ національностей загорается его національное самосознаніе, хотя и эти столкновенія бьютъ, какъ обухомъ по головѣ, и только притупленная чувствительность, пониженіе человѣческаго достоинства, продолжающееся и въ предразсвѣтный періодъ пробужденія національнаго самосознанія, дѣлаетъ мало чувствительными эти побои или скрадываетъ ихъ дѣйствительное значеніе. Національное самосознаніе зарождается и загорается яркимъ пламенемъ на почвѣ его *общечеловѣческой* жизни. Пролетарій не только пролетарій: онъ также, „такъ сказать“, человѣкъ. И если не все, что касается пролетарія, касается человѣка вообще, такъ что имѣются уже дѣйствительно, *такъ сказать*, люди, для кото-

рыхъ существованіе пролетаріата и связанные съ нимъ вопросы суть во всѣхъ отношеніяхъ трынь-трава, то все, что касается человѣка вообще обязательно должно, не можетъ не касаться пролетарія. Но абстрактнаго человѣка нѣтъ; въ конкретной дѣйствительности онъ непремѣнно человѣкъ какой-либо національности, и если дѣлаютъ какую-либо пакость данной человѣческой національности, то она отзывается безразлично на буржуа ли или на пролетаріѣ. Даже на пролетаріѣ больше, чѣмъ на буржуа, потому что пролетарская спина обладаетъ свойствомъ притягивать къ себѣ всякаго рода напасти и грозы, какъ заостренный шпиль притягиваетъ къ себѣ громъ и молнію. Пролетарій какой-либо угнетенной національности—пусть это будетъ „для примѣра“ еврейская національность—вначалѣ не дѣлаетъ психологическихъ анализовъ, въ качествѣ чего онъ чувствуетъ причиненную ему пакость: въ качествѣ ли пролетарія, въ качествѣ ли еврея или въ качествѣ человѣка вообще. Въ его мысли пролетарій, еврей и человѣкъ еще не дифференцировались, и онъ реагируетъ въ своихъ чувствахъ нераздѣльнымъ, еврейско-человѣчески-пролетарскимъ протестомъ. Но мало-по-малу житейскій опытъ научаетъ его аналитической психологіи. Онъ замѣчаетъ, что опредѣленный родъ пакостей сыплется на его голову не потому, что онъ хорошій или дурной человѣкъ, не потому, что онъ зарабатываетъ хлѣбъ свой тѣмъ или другимъ способомъ, а, безразлично ко всему этому, единственно, потому, что онъ еврей, членъ данной національности. А такъ какъ „Искру“ и Каутскаго онъ еще не читалъ, то ему и невдомекъ, что такой національности совсѣмъ на свѣтѣ нѣтъ. По неразвитости ума и недостатку высшихъ познаній, ему, наоборотъ, кажется, что нѣтъ такого свѣта, гдѣ еврейской національности не было бы: и старый свѣтъ, и новый свѣтъ одинаково осчастливлены ея присутствіемъ, и повсюду на нее валятся тѣ же самыя шишки, отъ которыхъ и его спина побаливала не разъ. Онъ замѣчаетъ, далѣе, что отъ этихъ же пакостей въ той или иной степени страдаетъ не только еврей-пролетарій, но и еврей-буржуа, и приходитъ, наконецъ, къ правильному выводу, что его горе, поскольку онъ еврей, есть общенаціональное еврейское горе...

Вотъ это-то и смущаетъ сторонника чисто-классоваго самосознанія. Въ немъ-то онъ и видитъ причину затемненія пролетарской мысли. И не можетъ быть спора: чувство національной солидарности между пролетаріатомъ и буржуазіей угнетеннаго

народа—такое естественное и непреоборимое чувство, отъ котораго абсолютно нельзя избавиться, покуда на свѣтѣ будутъ существовать національности и ихъ взаимныя тренія. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что опасность этого чувства для классоваго самосознанія угнетеннаго народа въ значительной степени преувеличена. Во Франціи на голову капитана арміи Дрейфуса неожиданно упалъ тотъ Дамокловъ мечъ, который виситъ повсюду надъ головою каждаго еврея: учинена была пакость надъ человѣкомъ единственно потому, что онъ—еврейскаго происхожденія. Но развѣ, когда мое чувство возмущалось и протестовало противъ антисемитизма и совершенно естественно подсказывало жалость къ гонимому офицеру-еврею,—развѣ оно отъ этого стало симпатичнѣе относиться къ офицерскому званію? Если оно и прежде отрицательно относилось къ этой профессіи организованнаго и законнаго человѣкоубійства, то симпатіи къ гонимому *еврею* Дрейфусу или даже къ гонимому *человѣку* Дрейфусу ни на волосъ не уменьшили моей ненависти къ героямъ человѣческихъ боенъ. Современная человѣческая душа, даже въ самыхъ отсталыхъ массахъ, слишкомъ дифференцирована и сложна, чтобы не разбираться въ тѣхъ *моментахъ*, которые вызываютъ ту или другую симпатію или антипатію. Представьте себѣ, что нормально развитой еврейскій пролетарій узнаетъ, что изъ Москвы, скажемъ, изгнаны одинъ еврей—содержатель публичнаго дома и другой еврей—содержатель ссудной кассы, не потому, что они переступили „нравственныя“ границы, отведенныя современнымъ обществомъ для этихъ отраслей современной цивилизаціи, а единственно потому, что они—евреи. Какъ *человѣкъ*, еврейскій пролетарій могъ бы, пожалуй, и порадоваться тому, что выгнанъ въ холодъ и голодъ торгашъ человѣческимъ мясомъ. Какъ *пролетарій*, онъ могъ бы почувствовать нѣкоторое нравственное удовлетвореніе въ томъ, что окончательно разоренъ одинъ изъ самыхъ злостныхъ представителей буржуазіи—*ростовщикъ*. Но, какъ *еврей*, онъ не можетъ не чувствовать той обиды, которая нанесена его собрату по гонимой національности, потому что эгоистическая основа чувства состраданія говоритъ ему: то, что стряслось надъ ростовщикомъ, можетъ стрястись и ежедневно сотрясается надъ тобою, пролетаріемъ, потому что и ты—еврей. Это чувство и это сознаніе являются съ такой желѣзной необходимостью, что борьба противъ него столь же утопична, какъ борьба противъ законовъ природы. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что состраданіе къ *еврею*—

содержателю публичнаго дома и *еврею*—содержателю ссудной кассы можетъ превратиться въ *симпатію* къ подобнымъ профессіямъ и *одобреніе* ихъ? Иногда даже чувство пролетарія въ подобномъ случаѣ можетъ вылиться въ форму *злорадства* по отношенію къ жертвамъ явной несправедливости: „такъ вамъ и надо: не поганьте еврейскаго имени!“ Но не надо быть большимъ психологомъ, чтобы замѣтить, что въ подобномъ злорадномъ чувствѣ не меньше, если не больше, *національной* симпатіи, чѣмъ въ чувствѣ простого національнаго сострадания. Надо ужъ слишкомъ плохо думать о человѣческой душѣ, слишкомъ низко ставить чувство классоваго антагонизма, усугубленнаго у пролетаріата сознаніемъ общечеловѣческой справедливости своего дѣла, чтобы думать, что національное сострадание къ буржуазіи можетъ на долгое время заслонить чувство глубокой соціально-экономической и нравственной пропасти, которая отдѣляетъ классъ эксплоатируемыхъ отъ класса эксплоататоровъ. Тамъ, гдѣ національное самосознаніе дѣйствительно заслоняетъ собою классовое самосознаніе пролетаріата, тамъ мы можемъ почти съ математической достовѣрностью сказать, что классоваго самосознанія у пролетаріата *еще не было*, что онъ еще не созналъ той пропасти, которая отдѣляетъ его отъ буржуазіи, и что, слѣдовательно, нечего было заслонять. Но даже и въ этомъ случаѣ національное угнетеніе и вытекающій изъ него фактъ *національной* солидарности между буржуазіей и пролетаріатомъ не являются серьезной помѣхой для того, чтобы разбудить классовую рознь. Дифференцированность человѣческой души даетъ ей возможность легко разобраться въ этой двойной бухгалтеріи и вести двумъ своимъ стремленіямъ отдѣльный счетъ. Это дѣло не труднѣе того, которое приходится вести двумъ хищникамъ буржуа, конкурирующимъ другъ съ другомъ, когда ихъ классовые интересы сплачиваютъ ихъ воедино. Какъ отдѣльные хищники, они готовы другъ друга утопить въ ложкѣ воды, какъ члены одного класса они выступаютъ солидарно тамъ, гдѣ это диктуется интересами ихъ класса. Въ качествѣ двухъ различныхъ классовъ, пролетаріатъ и буржуазія должны вести свою неизбѣжную историческую борьбу; въ качествѣ двухъ частей одной и той же національности, они должны выступать солидарно тамъ, гдѣ ихъ національные интересы оказываются одинаковыми.

Пусть читатель не думаетъ, что мы клонимъ рѣчь къ тому, чтобы доказать необходимость выдѣленія національнаго элемен-

та въ особую сферу и предоставленія ея общему вѣдѣнію пролетаріата и буржуазіи. Это значило бы впасть въ ту же самую ошибку „полюбовнаго дуализма“, въ которую впали наши сіонисты-территоріалисты и родственныя имъ теченія. Болѣе глубокій анализъ покажетъ намъ неразумность и неестественность такой національной политики пролетаріата угнетеннаго народа.

Какъ ни естественно чувство національнаго состраданія къ буржуазіи, поскольку она является частью родного угнетеннаго народа, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, поскольку самъ пролетаріатъ является его представителемъ; какъ ни ясно стоитъ передъ его глазами то обстоятельство, что его классовое горе и его національное горе вытекаютъ изъ двухъ *различныхъ* источниковъ, требующихъ *различныхъ* средствъ для ихъ устраненія,—тѣмъ не менѣе, въ самой жизни пролетаріата горе обоихъ порядковъ до того тѣсно переплетено и связано между собою, что никакимъ мечомъ Александра не разрубишь этого гордіева узла и никакими хитросплетеніями не раздѣлишь въ дѣйствительной жизни того, что такъ легко разъединяется въ психологическомъ анализѣ. Пролетаріатъ страдаетъ *и* отъ своего классоваго, *и* отъ своего національнаго положенія. Онъ долженъ найти выходъ *и* изъ того, *и* изъ другого. Въ своемъ отношеніи къ своей національной задачѣ для него въ сущности совершенно безразлично, нагромождены ли на его спинѣ *еще* какіе-нибудь классы, которые страдаютъ отъ того же національнаго горя, или же онъ является единственнымъ носителемъ своей національности. Національный гнетъ прежде всего давитъ *его*, *онъ* долженъ его сбросить, безразлично къ тому, изъ какихъ классовъ состоитъ его народъ и, стало быть, какіе классы освободятся, благодаря тому, что пролетаріатъ рѣшитъ національный вопросъ. Національный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ для одного класса, но изъ этого не слѣдуетъ, что *всѣ* классы абсолютно должны заниматься его рѣшеніемъ. Если пролетаріату дѣйствительно удастся рѣшить этотъ вопросъ, онъ поневолѣ рѣшитъ его въ такомъ объемѣ, который долженъ освободить и всѣ другіе классы отъ національнаго гнета. *Необходимость* сотрудничества классовъ никоимъ образомъ не можетъ вытекать изъ факта нѣкоторой частичной солидарности ихъ интересовъ. Эта истина должна быть ясна для всякаго, кто хоть немного размышлялъ надъ задачами общественной дѣятельности. Примѣръ изъ области борьбы за политическую свободу вполнѣ уяснитъ намъ ее. Въ политической свободѣ заинтересованы или

должны быть заинтересованы буржуазія, пролетаріатъ и крестьянство. Согласованность ихъ дѣйствій на полѣ борьбы является дѣломъ желательнымъ, но вовсе не необходимымъ и не всегда возможнымъ. Если бы у одного пролетаріата хватило силъ для ниспроверженія стараго режима, тогда было бы глупо съ его стороны ждать, покуда другіе классы тоже возьмутся за выполненіе той задачи, которая обща всѣмъ этимъ тремъ слоямъ населенія: а что если они еще не пришли къ сознанію необходимости политической борьбы? И было бы еще болѣе преступно съ его стороны совершенно отдѣлить свою политическую задачу отъ экономической классовой борьбы и передать ее какой-либо безпартійной или междупартійной организаціи на томъ основаніи, что и тѣмъ нужна та же политическая свобода. Что справедливо для пролетаріата, справедливо для каждаго другого класса. *Если бы* крестьянство было въ состояніи завоевать политическую свободу, то и для него было бы глупо и преступно поставить свою политическую и классовую борьбу въ зависимость отъ того, какъ будутъ поступать другіе, тоже жаждущіе политическаго освобожденія. Но какой бы классъ ни освободилъ родину отъ самодержавія, свобода эта въ тѣхъ или другихъ предѣлахъ является свободою для всѣхъ. Тоже и съ національнымъ дѣломъ. Кто бы ни рѣшалъ національный вопросъ, *если* онъ дѣйствительно рѣшенъ, онъ не можетъ быть рѣшеніемъ только для одного класса, а для всего народа. *Если бы* еврейской сіонистической буржуазіи удалось раздобыть территорію, привлечь туда большіе капиталы и открыть возможность колонизаціи для широкихъ еврейскихъ массъ, еврейскій національный вопросъ былъ бы рѣшенъ для всѣхъ классовъ, и честь этого рѣшенія принадлежала бы буржуазіи. И честь, и выгода...

Примѣръ съ политической борьбой бросаетъ свѣтъ еще на одну, чуть ли не *главную сторону дѣла*. Политическая свобода, которая была бы завоевана буржуазіей и только ею, сильно отличалась бы отъ той политической свободы, которую завоевалъ бы пролетаріатъ и только онъ, и въ не меньшей мѣрѣ отличалась бы отъ той политической свободы, которая была добыта борьбою исключительно одного крестьянства. Каждый классъ не можетъ отдѣлять свои политическіе интересы отъ экономическихъ *и изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній политической проблемы онъ выбираетъ то, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его экономическимъ классовымъ интересамъ*. То же самое и съ соціальнымъ вопросомъ. Одна и

та же проблема національнаго освобожденія можетъ быть выполнена *различнымъ образомъ*. Изъ этихъ различныхъ способовъ одинъ болѣе выгоденъ одному классу, другой болѣе выгоденъ другому. Смотря по тому, *какой* классъ проводитъ въ жизнь задачу національнаго освобожденія, въ этой жизни торжествуютъ тѣ или другіе экономическіе классовые интересы. Дѣло національной самостоятельности въ одинаковой степени интересуетъ и нѣмецкаго буржуа, и нѣмецкаго пролетарія. Недаромъ Бебель объявилъ, что если какой-нибудь сосѣдъ справа или слѣва осмѣлится воинственно переступить границы Германіи, то всѣ соціальдемократы лягутъ костьми въ защиту своего отечества. Задача національной германской самозащиты является, такимъ образомъ, *общей* задачей, какъ для нѣмецкой буржуазіи, такъ и для нѣмецкаго пролетаріата. Почему же нѣмецкой соціальдемократіи не итти рука объ руку съ господствующими классами въ дѣлѣ защиты общей родины? А потому, что общая задача національной самозащиты допускаетъ много частныхъ рѣшеній, которыя не могутъ быть одинаково выгодны для всѣхъ классовъ. Буржуазія рѣшаетъ эту задачу путемъ постоянной, хорошо дисциплинированной арміи, которая, въ случаѣ надобности для нея, для буржуазіи, могла бы и на сосѣда напасть, да и свой собственный народъ въ страхѣ держать. Пролетаріату нѣтъ никакого расчета нападать на сосѣдей, и всѣми силами своей души онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не только не держать народъ въ страхѣ, но, наоборотъ, дать народу возможность держать въ страхѣ свои господствующіе классы. Поэтому рѣшеніе задачи національной самозащиты представляется пролетаріату въ видѣ всеобщаго, постояннаго народнаго вооруженія, въ видѣ постоянной, всеобщей народной милиціи. Если бы кто-либо обратился къ пролетаріату съ предложеніемъ отдѣлить его *національную* задачу, которая для него выражается въ заботѣ о національной независимости германскаго народа, отъ его классовой борьбы и передать ее какому-либо междупартійному союзу, такъ какъ *всѣ* партіи заинтересованы въ той же задачѣ, онъ бы на такую доброжелательную наивность отвѣтилъ указаніемъ на ту глубокую пропасть, которая существуетъ между пролетаріатомъ и буржуазіей почти по *всѣмъ* вопросамъ, касающимся всей общественной жизни народа, и сказалъ бы: „классовая борьба есть политическая борьба. Политическая борьба есть борьба за устройство *всей* народной жизни съ точки зрѣнія нашего класса. Неудивительно поэтому,

что и по такому важному вопросу, какъ *національная самозащита*, наши взгляды и интересы расходятся съ интересами и взглядами буржуазіи, а потому и въ *этомъ* вопросѣ между нами не можетъ быть мира, а потому и здѣсь должна горѣть классовая борьба. Какъ бы мы ни сочувствовали нашей буржуазіи въ ея желаніи сохранить свободу и независимость нашей родины,—мы и сами воодушевлены этимъ желаніемъ,—какъ мы ни готовы сдѣлать и съ своей стороны все, что необходимо для того, чтобы нѣмецъ, буржуа или пролетарій, нигдѣ въ мірѣ не страдалъ, какъ *нѣмецъ*, потому что мы сами нѣмцы,—мы дѣла народной самозащиты не можемъ упустить изъ нашихъ рукъ въ руки кого бы то ни было. Если *буржуазія* находитъ, что во имя высокой задачи національной самозащиты „*частности*“ не должны играть никакой роли, тогда *мы приглашаемъ ее присоединиться къ нашимъ пролетарскимъ пріемамъ рѣшенія этой общей всему народу задачи*. Если же буржуазія считаетъ это для себя невозможнымъ, то ужъ одно это служитъ для насъ достаточнымъ основаніемъ чтобы не пристать къ ней, чтобы и въ этомъ, національномъ вопросѣ остаться на своей классовой позиціи“.

Такъ отвѣтилъ бы германскій пролетаріатъ на предложеніе рѣшать національный вопросъ совмѣстно съ буржуазіей. Германскій пролетаріатъ принадлежитъ къ народу, который *почти* приближается къ типу свободныхъ, никого не угнетающихъ народовъ. Его національная задача, съ точки зрѣнія пролетаріата, въ высшей степени упрощена. Между тѣмъ, національная задача пролетаріата угнетеннаго народа въ высшей степени сложна, потому что національный гнетъ налагаетъ свою руку на *всѣ* проявленія его жизни и не одинаково отзывается на немъ и на буржуазіи. Чѣмъ сложнѣе жизнь, опутанная національнымъ гнетомъ, тѣмъ больше точекъ расхожденія съ буржуазіей по національному вопросу, тѣмъ меньше представляется возможной совмѣстная работа съ нею, даже тамъ, гдѣ обѣ стороны одушевлены стремленіемъ избавиться отъ одного и того же источника національнаго гнета.

Это, конечно, не исключаетъ возможности *временныхъ* соглашеній для выполненія тѣхъ или другихъ частностей, одинаково вошедшихъ и въ національную программу буржуазіи, и въ національную программу пролетаріата. Но для этого пролетаріатъ угнетенной національности долженъ предварительно организоваться самостоятельно, какъ классъ, независимо отъ буржуазіи, стро-

го взвѣсить все то, что онъ можетъ сдѣлать для своего національнаго освобожденія, какъ классъ опредѣленнаго народа, что онъ *долженъ былъ бы и могъ бы дѣлать*, какъ таковой, безъ *всякой* помощи буржуазіи, *на тотъ случай, когда она покинула бы его* (потому что ея политика иногда ведетъ ее къ ассимиляціи), и лишь тогда, когда онъ взвѣситъ всѣ пути и шансы чисто пролетарскаго освобожденія своего народа, онъ сможетъ, какъ свободная, ничѣмъ не связанная сила вступать въ тѣ или другіе *временные* переговоры и соглашенія съ буржуазными партіями, преслѣдующими тѣ же задачи національнаго освобожденія. Само собою разумѣется, что необходимымъ предварительнымъ условіемъ для этого является полная организаціонная независимость пролетаріата отъ какихъ бы то ни было непролетарскихъ организацій.

Дуализмъ, разрывающій надвое національную и классовую проблему пролетаріата и стремящійся передать его національную проблему какой-то внѣклассовой сферѣ, а классовую проблему какой-то внѣнаціональной сферѣ, одинаково далекъ отъ пониманія жизненной дѣйствительности и ея запросовъ въ обѣихъ областяхъ. Въ жизни и политикѣ пролетаріата нѣтъ внѣнаціональныхъ сферъ, какъ нѣтъ внѣклассовыхъ сферъ. Связывая пролетаріатъ съ буржуазіей въ національномъ вопросѣ, этотъ дуализмъ дѣлаетъ его лакеемъ родной буржуазіи; связывая его въ одну организацію съ пролетаріатомъ господствующей національности, онъ дѣлаетъ его лакеемъ чужого народа. Въ томъ и другомъ случаѣ неотдѣлимые другъ отъ друга національно-классовые интересы пролетаріата угнетеннаго народа не могутъ быть удовлетворены въ томъ объемѣ, въ какомъ это требуется его положеніемъ подъ двойнымъ классовымъ и національнымъ гнетомъ.

Выше мы говорили о космополитической политикѣ пролетаріата господствующей націи, выгодной для него и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, которая на дѣлѣ выступаетъ въ видѣ требованія ассимиляціи, предъявленнаго къ пролетаріату угнетеннаго народа.

Если въ первыхъ фазисахъ своего развитія національно-угнетенный пролетаріатъ склоненъ принять для себя тактику, навязанную ему пролетаріатомъ господствующей націи, то съ ростомъ своего движенія онъ приходитъ къ совершенно иному взгляду на свои національныя задачи.

Его не можетъ не поражать та разница, которая существуетъ между *теоріями* пролетаріата господствующей націи и его дѣйствительнымъ *поведеніемъ* въ области экономической борьбы, гдѣ онъ не упускаетъ случая, чтобы воспользоваться преимуществами своего положенія. Къ тому же ростъ рабочаго движенія въ его средѣ дѣлаетъ необходимымъ созданіе отдѣльныхъ отъ пролетаріата господствующей націи *экономическихъ* организацій, которыя оказываются болѣе жизненными и болѣе удовлетворяющими экономическимъ интересамъ національно-угнетеннаго пролетаріата, чѣмъ организаціи смѣшанныя. Мало-по-малу приходится общечеловѣческую пропаганду классовыхъ интересовъ приспособить къ опредѣленной особенной атмосферѣ національно-порабощеннаго пролетаріата. Чѣмъ успѣшнѣе идетъ эта пропаганда, чѣмъ болѣе широкіе круги народа она охватываетъ, тѣмъ больше она окрашивается въ тотъ цвѣтъ, который присущъ всему угнетенному народу, тѣмъ больше она пропитывается тѣми конкретными проблемами жизни, которыя выросли на почвѣ его національныхъ особенностей. По мѣрѣ умственнаго и культурнаго развитія пролетаріата онъ начинаетъ участвовать въ культурной жизни своего народа, являясь новымъ потребителемъ его культурныхъ цѣнностей, которыя могутъ быть потреблены именно этимъ классомъ данной національности. Потребность вызываетъ производство, спросъ вызываетъ предложеніе, и въ процессѣ производства и потребленія національныхъ культурныхъ цѣнностей пріобрѣтаетъ особый смыслъ и особый вѣсъ то естественное національное чувство, которое присуще каждому, которое наиболѣе остро у членовъ угнетенной національности и которое лишь на время было усыплено или отодвинуто на второй планъ господствующей космополитической теоріей. То или другое крупное или мелкое столкновеніе его народа съ господствующимъ народомъ на почвѣ національныхъ правъ, неожиданное открытіе, что пролетаріатъ господствующей націи при этомъ почти всегда оказывалъ до сихъ поръ пассивную поддержку послѣдней, и что это его отношеніе совершенно естественно вытекаетъ изъ отрицанія самаго факта существованія угнетенной національности, или, по крайней мѣрѣ, изъ требованія, какъ можно скорѣе, ликвидировать это существованіе,—все это открываетъ глаза угнетеннаго пролетаріата на истинное положеніе дѣла и на всю ту громадную несправедливость, которая заключается въ требованіи ассимиляціи. Ибо требованіе ассимиляціи *узаконяетъ національный гнетъ*. Это требо-

ваніе говоритъ: „все то, что ты претерпѣваешь, какъ членъ данной національности, ты претерпѣваешь законно: не слѣдуетъ быть членомъ ея. Брось свой народъ, сдѣлайся членомъ другой національности, и тогда не *надобно* будетъ преслѣдовать тебя". Требованіе ассимиляціи *санкціонируетъ* то самое національное порабощеніе, противъ котораго возстаетъ космополитическая теорія національно-господствующаго пролетаріата. Оно—высшая форма національнаго порабощенія. Ибо національное господство требуетъ отъ порабощеннаго народа лишь подчиненнаго положенія, ассимиляція же требуетъ его полнаго исчезновенія. Этотъ смертный приговоръ, который выносится цѣлому народу не можетъ не встряхнуть окрѣпшій и ставшій на ноги національно-порабощенный пролетаріатъ, когда онъ слышитъ его не только изъ устъ чужой буржуазіи, но и изъ устъ своего же братскаго класса господствующей національности. Никакой народъ не можетъ смотрѣть на себя, какъ на преступника, заслужившаго смертную казнь, никакой пролетаріатъ не можетъ позволить себѣ подобнымъ образомъ топтать ногами его человѣческую личность, неотдѣлимую отъ той національной формы, въ которой она выступаетъ. Тотъ фактъ, что пролетаріатъ господствующей національности своей національной политикой санкціонируетъ этотъ смертный приговоръ, прибавляетъ къ горечи *экономическихъ* обидъ, исходящихъ отъ него, еще и горечь прямой національной обиды, которую господствующіе классы угнетеннаго народа стараются использовать для своей классовой политики. Для національно-угнетеннаго пролетаріата настаетъ моментъ критическ пересмотрѣть космополитическую, ассимиляціонную теорію. И въ результатѣ этого пересмотра всегда оказывается тотъ выводъ, что ни одинъ народъ не имѣетъ права требовать отъ другого народа его уничтоженія или исчезновенія, что общая работа пролетаріата всѣхъ народовъ лишь тогда можетъ итти безпрепятственно, и лозунгъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" лишь тогда можетъ быть проведенъ въ жизнь, когда ни одна страна не порабощаетъ другой, когда ни одна нація не накладываетъ цѣпей на другую. Пролетаріатъ угнетенной національности вырабатываетъ тогда *національную* программу, которая стремится на первыхъ порахъ завоевать ему полное національное равноправіе въ предѣлахъ обще-пролетарской организаціи, куда онъ вступаетъ уже не какъ сумма членовъ пролетаріата вообще, а какъ полноправная *единица* безъ всякаго отношенія

къ количеству его членовъ. Къ чести пролетаріата господствующей націи надо констатировать, что, чѣмъ выше онъ стоитъ по своему развитію, тѣмъ скорѣе у него исчезаетъ тотъ антагонизмъ между классовымъ самосознаніемъ и національнымъ, о которомъ мы говорили выше: его *классовая* совѣсть, требующая отъ него отказа отъ какихъ бы то ни было *національныхъ* преимуществъ, беретъ верхъ надъ его національнымъ интересомъ, выдвинувшимъ космополитическую теорію. Формы совмѣстной жизни пролетаріата различныхъ народовъ все болѣе и болѣе приближаются къ формамъ полной, свободной федераціи рабочихъ классовъ отдѣльныхъ народовъ, и *внѣ*національная атмосфера (а на самомъ дѣлѣ шовинистическая атмосфера) господствующаго пролетаріата превращается въ *интер*національную атмосферу равноправныхъ, объединенныхъ общимъ соціалистическимъ идеаломъ народовъ. Федерація рабочихъ классовъ въ предѣлахъ рабочей партіи вызываетъ мысль о переустройствѣ всего государства на федеративныхъ началахъ, чтобы этимъ путемъ разрѣшить національный вопросъ не только для пролетаріата, но и для всѣхъ слоевъ населенія данной страны. Пролетаріатъ выступаетъ съ своей собственной національной программой, сознательно проводитъ въ жизнь свою собственную пролетарски-національную политику, рѣзко отличающуюся отъ національной политики буржуазіи, какъ угнетенныхъ, такъ и господствующихъ народовъ, и уже по одному этому дѣлаетъ невозможнымъ его постоянное сотрудничество съ буржуазіей угнетенныхъ народовъ даже на почвѣ общаго стремленія къ національному освобожденію. Пролетаріату угнетенной національности уже тогда не приходится разрываться на части, пропорціональныя тѣмъ „zwei Seelen“, которыя „wohnen, ach! in seiner Brust“. У него *одна* душа, и всей своею душою онъ отдается тому соціалистическому идеалу, который разрѣшитъ не только классовую проблему, но и національную проблему въ духѣ братства и равенства всѣхъ народовъ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшіе моменты взаимоотношенія между націонализмомъ и классовой политикой пролетаріата. Основной принципъ, найденный нами, заключается въ томъ, что для пролетаріата, *на высшей стадіи его развитія*, классовый и національный элементы не находятся ни въ какомъ антагонизмѣ, что они являются проявленіемъ во внѣ двухъ сторонъ единаго и интернаціональнаго соціалистическаго идеала,

въ свою очередь, формулирующаго лишь наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ рѣшеніе тѣхъ проблемъ, которыя выдвигаются конкретной жизнью рабочихъ классовъ различныхъ національностей, фактомъ классоваго и національнаго расчлененія человѣчества.

Но прежде, чѣмъ пролетаріатъ какой-нибудь многоязычной страны доходитъ до высшей ступени развитія, онъ находится подъ вліяніемъ космополитическихъ теорій пролетаріата господствующей націи того періода, когда ему не приходится считаться съ громко выраженной національной волей рабочаго населенія угнетенныхъ народовъ. Переходъ отъ этого періода къ высшему мы теперь переживаемъ въ Россіи и Польшѣ. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи національная программа *польскаго* пролетаріата, который въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ дѣйствуетъ сообразно своему *двойственному* положенію и какъ пролетаріата *угнетеннаго* народа (по отношенію къ Россіи), и какъ пролетаріата *господствующаго* народа (по отношенію къ евреямъ). Но въ нашу задачу теперь не входитъ разборъ національной политики рабочихъ классовъ отдѣльныхъ народовъ, историческое положеніе которыхъ наполняетъ общія формулы, найденныя нами для ихъ отношенія къ націонализму, многоразличными подробностями и осложненіями. Наиболѣе сложна въ этомъ отношеніи національная проблема еврейскаго пролетаріата, какъ потому, что еврейскій народъ лишенъ территоріи, такъ и потому, что его рабочій классъ, какъ и онъ самъ, разорванъ пространственно на куски, разсѣянныя по всему бѣлому свѣту.

Въ другой разъ мы попытаемся дать анализъ этой проблемы, показать, что и для еврейскаго пролетаріата, какъ и для всякаго другого, національная сторона жизни и задачи, выдвигаемыя ею, не идутъ въ разрѣзъ съ классовой борьбой и ея задачами. Тогда же будетъ умѣстно намѣтить важнѣйшіе пункты его національной политики и его тактики по отношенію къ рабочимъ классамъ другихъ народовъ, съ одной стороны, и своей собственной буржуазіи—съ другой.

Х. Житловскій.

Федерализмъ и соціалистическая политика.

На ряду съ вопросами о непосредственномъ народномъ законодательствѣ и парламентаризмѣ стоитъ проблема федералистической организаціи государствъ и отношенія къ ней рабочей и соціалистической политики. Она пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ большихъ государствахъ, въ составъ которыхъ входятъ земли и области, населенныя жителями съ рѣзкими національными различіями, отличающимися состояніемъ своей матеріальной, нравственной, умственной и политической культуры.

Эволюція политическихъ отношеній въ Австро-Венгріи ставитъ предъ ней слѣдующую дилемму: распаденіе на составныя части или преобразованіе въ федеративное государство. Россія находится теперь въ періодѣ тяжелаго соціальнаго и политическаго кризиса, и въ ней также ставятся на очередь проблемы автономіи и федераціи, требующія разрѣшенія и усложняющія, и безъ того очень сложныя, политическія отношенія, хотя господствующая въ Россіи національность несравненно сильнѣе по отношенію къ другимъ національностямъ Россіи, чѣмъ господствующая національность Австріи и Венгріи къ отодвинутымъ на второй планъ національностямъ габсбургской монархіи.

Соціалисты вообще, и соціалисты, дѣйствующіе въ Россіи, Царствѣ Польскомъ, Литвѣ и т. д., въ частности—расходятся во взглядахъ на федерализмъ. Одни относятся къ нему совсѣмъ враждебно, какъ русскіе соц.-демократы, особенно такъ называемые большевики, польскіе соц.-дем. Царства Польскаго и Литвы и прочіе. Другіе же являются его ярыми приверженцами, какъ соціалисты-революціонеры, члены Польской Соціалистической Партіи и „Пролетаріата.“

Нашей задачей будетъ вкратцѣ разсмотрѣть проблему федерализма съ точки зрѣнія соціалистической политики.

I.

Проблему федерализма надо разсматривать на фонѣ другой проблемы, болѣе широкой, а именно: централизаціи и децентрализаціи вообще. Послѣдняя проблема очень сложна и касается многихъ вопросовъ, которыми мы не можемъ здѣсь заниматься, ибо для того, чтобы даже бѣгло разобраться въ нихъ, потребовался бы особый трудъ. Для нашей непосредственной задачи достаточно будетъ вкратцѣ разсмотрѣть, при какихъ условіяхъ государственная организація вырабатывалась въ централистическомъ и при какихъ—въ децентралистическомъ направленіи.

Разсмотрѣніе этого вопроса дастъ намъ твердую почву для выводовъ, относительно возможности федерализма въ настоящемъ и въ будущемъ.

Еще въ до-государственной эпохѣ, когда вообще была неизвѣстна территоріальная организація, а лишь племенно-родовая, мы встрѣчаемъ свободные самородные племенно-родовые союзы человѣческихъ группъ, построенныхъ на общемъ происхожденіи и родствѣ, дѣйствительномъ или воображаемомъ.

Союзы эти состояли изъ элементовъ, слабо связанныхъ между собой, они обезпечивали каждой группѣ полную внутреннюю самостоятельность и примѣнялись къ особымъ цѣлямъ: военнымъ, религіознымъ или хозяйственнымъ. Центральныя учрежденія были очень слабы и лишены особыхъ исполнительныхъ органовъ, отличающихся отъ тѣхъ, которые имѣлись у каждой отдѣльной группы.

Они составляли нѣчто въ родѣ конфедераціи. Общество не было еще разъединено, и каждая изъ общественныхъ группъ со своимъ коммунистическимъ хозяйствомъ вполнѣ удовлетворяла свои нужды; даже обмѣнъ существовалъ лишь въ зародышѣ.

Подъ вліяніемъ эволюціи производительныхъ силъ хозяйственныя отношенія постепенно измѣнялись: человѣкъ сталъ производить болѣе, чѣмъ потреблять, такъ что обмѣнъ, въ свою очередь, увеличился и расширился. Одновременно ростъ населенія увеличилъ общественныя группы и вызвалъ все болѣе частыя племенно-родовыя столкновенія и войны, увеличивающія власть вождей. Когда всѣ вышеприведенныя обстоятельства раздѣлили общество на бѣдныхъ и богатыхъ, правящихъ и управляемыхъ — должно было образоваться государство, исполняющее двоякую роль: ор-

ганизаціи безопасности, иногда труда [1]) и господство однихъ надъ другими.

По отношенію къ предшествующей общественной органазаціи, государство было шагомъ впередъ по направленію къ централизаціи. Первое время, однако, не было у него законченной, послѣдовательно примѣняемой централистической организаціи; наоборотъ, въ немъ сохранились еще остатки прежняго времени. Впрочемъ, исторія и этнографія указываютъ намъ первобытныя государства весьма различной организаціи: у однихъ мы замѣчаемъ признаки феодализма,—такія государства занимаютъ значительныя пространства, въ нихъ преобладаетъ деревенскій укладъ жизни; другія заключаютъ въ себѣ городъ съ ближайшими окрестностями и имѣютъ совершенно другой характеръ — городской. Однако, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, верховная и центральная власть дѣйствуетъ лишь въ сравнительно ограниченной сферѣ отношеній. Различныя части государства живутъ своей собственной внутенней жизнью. Даже въ государствахъ-городахъ сначала территоріальная децентрализація существуетъ вмѣстѣ съ остатками племенно-родовой организаціи, и лишь впослѣдствіи она уступаетъ мѣсто централизаціи. Однако, прежде, чѣмъ эта послѣдняя могла развиться, верховная государственная власть примѣнялась обыкновенно лишь въ очень немногихъ дѣлахъ, какъ-то: финансовыхъ, въ широкомъ смыслѣ слова, военныхъ и,—въ очень важныхъ случаяхъ,—судебныхъ. Государство удовлетворяется сборомъ дани и пошлинъ, наборомъ людей для организаціи вооруженныхъ силъ и прерогативами власти въ сферѣ крупныхъ преступленій или споровъ, какъ между отдѣльными личностями, такъ и общественными группами.

Въ различныхъ формахъ государства верховная власть выступаетъ различнымъ образомъ, однако, общій характеръ ея остается таковъ, какъ указано нами выше. Каждая часть государства имѣетъ свои обычаи, регулирующіе внутреннія отношенія ея жителей. Хозяйственныя отношенія различныхъ частей государства замкнуты въ себѣ; даже обмѣнъ продуктовъ и товаровъ между ними не совершается вполнѣ свободно, а ограничивается различными пошлинами и предписаніями относительно перевозки, способа продажи и т. п.

[1]) Здѣсь мы имѣемъ въ виду тѣ общества, въ которыхъ правительство организовало большія хозяйственныя работы, какъ напр., искусственное орошеніе пахатныхъ полей и т. п.

По мѣрѣ дальнѣйшаго общественнаго развитія происходило сліяніе меньшихъ государствъ въ большія. Разныя территоріи, отличающіяся своимъ политико-государственнымъ строемъ, часто соединялись, создавая большіе организмы, однако, это единство долгое время не вело за собой политической централизаціи. Отдѣльныя государственныя территоріи чаще всего соединены были между собою лишь особой монарха, составляли личную или реальную унію; причемъ личныя уніи встрѣчались гораздо чаще[1]). Такіе союзы были прочны или временны, образующая ихъ связь была органической или механической. Въ уніяхъ у каждой государственной территоріи имѣлось свое правительство, собственные законы, на извѣстной степени развитія также свои мѣстныя собранія и только позже, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ факторовъ, эти вольные союзы сдѣлались тѣснѣе и ихъ политическая организація стала централистической.

Государства-города съ республиканскимъ строемъ создавали различныя конфедераціи, удерживавшія за собой полную независимость. Даже въ случаѣ покоренія однимъ государствомъ другого, за покореннымъ оставляли обыкновенно довольно значительный объемъ внутренней самостоятельности.

Все возрастающее развитіе производительныхъ силъ и торговли, военныя нужды государствъ, военно-техническія изобрѣтенія, необходимость общественной безопасности, на извѣстной степени развитія государствъ, принуждали ихъ къ централизаціи. Возникающій и развивающійся капитализмъ нуждался прежде всего въ большей безопасности, чѣмъ натуральное хозяйство, потому что всякія волненія, нападенія и разорительныя войны дѣлали невозможнымъ развитіе ремеслъ и промышленности. Войны, грабежи и т. п. нарушенія порядка нежелательны для всякаго хозяйства, однако, натуральное хозяйство можетъ переносить ихъ гораздо легче, чѣмъ обмѣнно-капиталистическое, даже въ первой стадіи развитія.

---

[1]) Среди современныхъ теоретиковъ государственнаго права преобладаетъ слѣдующій взглядъ: личной уніей называется соединеніе государствъ личностью монарха, составившееся случайно, напр., на основаніи права наслѣдства; реальной же уніей называется цѣлесообразное соединеніе государствъ при посредствѣ личности государя. Другіе теоретики видятъ разницу между личной и реальной уніями совершенно въ другомъ: при реальной уніи, кромѣ общей особы государя, должны быть еще общія учрежденія, хотя бы вольно связывающія государство.

Оживленная торговля нуждается въ хорошихъ и безопасныхъ дорогахъ, разныхъ удобствахъ, а также въ устраненіи стѣснительныхъ предписаній относительно храненія товаровъ, способовъ ихъ перевозки и т. п. Развитіе торговли нуждается также въ извѣстномъ, довольно значительномъ, минимумѣ территоріи, внутри которой предписанія относительно нея были бы однородны.

Безопасность отъ сосѣдей бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ данное государство сильнѣе, чѣмъ лучшее у него войско, чѣмъ устойчивѣе его организація и т. п. Понятно также, что лишь большое государство можетъ быстро примѣнить у себя военно-техническія изобрѣтенія въ большихъ размѣрахъ. Когда же какое-нибудь государство становилось достаточно сильнымъ, чтобы организовать постоянную и дисциплинированную армію, ввести сильное правительство, найти финансовыя средства – оно тѣмъ самымъ пріобрѣтало въ политической борьбѣ превосходство надъ другими государствами или же присоединяло ихъ къ себѣ. Такое государство пріобрѣтало также торгово-промышленные рынки.

Могущественная, воинственная и сварливая аристократія, жившая въ отдѣльныхъ провинціяхъ, нарушала общественную безопасность и являлась препятствіемъ экономическому развитію страны и городского сословія. Обуздать ее можно было лишь посредствомъ учрежденія независимой отъ нея арміи и бюрократіи.

Итакъ: усиленіе центральной власти, однообразность законовъ и администраціи въ государствѣ, увеличеніе его пространства для пріобрѣтенія болѣе обширной торгово-промышленной территоріи—вотъ задачи, которыя подлежали разрѣшенію современнаго государства (въ Европѣ)[1].

Итакъ, мы видимъ, что государственная централизація была необходимой, что она являлась слѣдствіемъ естественнаго общественнаго развитія и во многихъ отношеніяхъ была полезной для культурно-экономической и политической жизни.

Констатируя этотъ, не подлежащій сомнѣнію, фактъ, надо разсмотрѣть, въ какихъ размѣрахъ и формахъ государственная централизація являлась жизненной и необходимой, и когда дальнѣйшее развитіе ея переставало соотвѣтствовать общественнымъ

---

1) Въ другихъ частяхъ міра, какъ въ Азіи и Африкѣ, и въ настоящее время преобладаютъ еще государства стараго типа, основанныя на до-капиталистическомъ хозяйствѣ.

нуждамъ и даже становилось вреднымъ? Выше было уже указано, что союзы нѣсколькихъ государственныхъ территорій, составлявшіе государства большихъ размѣровъ, имѣли различный характеръ: иногда они состояли изъ странъ очень схожихъ между собою въ хозяйственномъ, національномъ и культурномъ отношеніи; иногда же разница между ними была довольно значительна. Наконецъ, весьма различны были также и географическія условія, среди которыхъ развивались большія государства, состоявшія изъ разныхъ частей, имѣющихъ собственную историческую и политическую индивидуальность.

Согласно характеру государствъ, взаимной связи ихъ частей, централизація могла давать различные результаты въ зависимости отъ степени своего развитія и формъ, въ которыхъ она проявлялась.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ централизація являлась прогрессивнымъ факторомъ: такъ напр., созданіе общихъ внѣшнихъ таможенныхъ границъ при одновременномъ устраненіи внутреннихъ областныхъ и введеніе одинаковыхъ торговыхъ уставовъ, оказывали благопріятное вліяніе на развитіе хозяйственныхъ отношеній; тамъ, гдѣ степень общественнаго развитія во всемъ государствѣ въ общихъ чертахъ была одна и та же, и гдѣ жители его принадлежали къ одной національности, тамъ желательно было ввести одно гражданское и уголовное уложеніе, одну финансовую систему, желательно было организовать народное просвѣщеніе на одинаковыхъ началахъ, ввести въ администраціи однородность основныхъ принциповъ и т. п., такъ какъ относительное хозяйственное и національно-культурное единство жителей прямо требовали общихъ учрежденій.

Единообразность арміи также была необходима для интересовъ государства.

Но даже въ государствахъ этого типа крайній централизмъ былъ вреденъ, такъ какъ онъ велъ за собою всемогущество бюрократіи, лишалъ широкіе общественные круги участія въ управленіи страной и создавалъ очень вредную въ административномъ отношеніи, ведущую къ рутинѣ, шаблонность.

Эти отрицательныя стороны крайняго централизма можно замѣтить не только въ самодержавныхъ, но и въ конституціонныхъ государствахъ; доказательствомъ этого можетъ служить современная Франція, въ которой бюрократія пользуется громадною властью и стѣсняетъ не только дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, но даже

учрежденій волостного, департаментскаго и муниципальнаго самоуправленія, несмотря на то, что въ ней существуетъ парламентскій строй, опирающійся на широкомъ основаніи всеобщей подачи голосовъ.

Цѣльныя въ національно-культурномъ отношеніи государства, въ границахъ, необходимыхъ для своего единства, должны создать на своей территоріи извѣстныя одинаковыя учрежденія и установленія, а именно: торговое, гражданское и уголовное законодательство, организацію судебной власти, администрацію, систему преподаванія въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, устройство большихъ путей сообщенія, общія предписанія относительно общественной благотворительности и гигіены. Эта общность организаціи необходима и неизбѣжна въ государствахъ вышеуказаннаго типа. Было бы нецѣлесообразнымъ и даже въ высшей степени вреднымъ создавать въ однородныхъ, въ культурно-хозяйственномъ и національномъ отношеніи, областяхъ совершенно различныя учрежденія, устанавливать въ нихъ особое торговое и гражданское законодательства и т. п. Законодательство и администрація должны соотвѣтствовать интересамъ общества; поэтому общія учрежденія необходимы ему настолько, насколько одинакова въ общихъ чертахъ его культура. Однако, даже въ однородныхъ государствахъ необходимо волостное, областное и городское самоуправленіе.

Во избѣжаніе недоразумѣній мы вкратцѣ объяснимъ, что такое самоуправленіе и автономія территоріальныхъ единицъ.

Самоуправленіе означаетъ извѣстную самостоятельность мѣстныхъ (волостныхъ, уѣздныхъ, областныхъ и городскихъ) учрежденій въ административныхъ дѣлахъ, иначе говоря, означаетъ общественное управленіе, осуществляемое не при посредствѣ профессіональныхъ государственныхъ чиновниковъ, а при посредствѣ лицъ изъ мѣстнаго общества, живущихъ въ данной территоріальной единицѣ. Органы самоуправленія могутъ издавать постановленія, отличающіяся отъ постановленій, издаваемыхъ въ общегосударственныхъ парламентахъ или автономныхъ мѣстныхъ собраніяхъ, тѣмъ, что въ качествѣ административныхъ актовъ они не могутъ быть въ разногласіи съ существующими законами; автономное же законодательство можетъ во всѣхъ подлежащихъ ему дѣлахъ издавать законы, хотя бы относительно этого существовали постановленія центральныхъ общегосударственныхъ учрежденій для остальныхъ частей государства.

Чаще всего, однако, самоуправленіе территоріальныхъ единицъ соединяется съ большимъ или меньшимъ кругомъ ихъ автономныхъ правъ; бываетъ иногда самоуправленіе и безъ автономіи.

Въ государствѣ относительно единомъ и однородномъ центральныя власти обязаны дать обществу извѣстный минимумъ одинаковыхъ для всей территоріи учрежденій, позволяющій органамъ самоуправленія и автономіи издавать дополнительныя распоряженія и законы, превышающіе этотъ минимумъ. Напр., общегосударственный учебный уставъ вырабатываетъ планъ занятій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, однако, собранія отдѣльныхъ областей должны имѣть возможность вводить дополнительные предметы, а равно создавать спеціальныя учебныя учрежденія съ выработаннымъ ими планомъ; то же самое касается благотворительности, культурныхъ дѣлъ и т. п.

Такимъ образомъ единство государства тамъ, гдѣ оно нужно, можетъ быть вполнѣ согласовано съ разнообразіемъ городскихъ, волостныхъ и областныхъ учрежденій и давать общественной иниціативѣ возможность свободно проявляться.

Такая децентрализація не только согласна съ основными стремленіями современнаго строя, но, кромѣ того, чрезвычайно полезна, ибо даетъ обществу возможность въ органахъ самоуправленія ближе знакомиться съ общественными дѣлами и пробуждаетъ интересъ къ нимъ.

Если въ упомянутыхъ выше относительно единыхъ государствахъ нужна децентрализація, то тѣмъ болѣе необходимой является она, и притомъ въ значительно большей степени, въ государствахъ, составленныхъ изъ частей довольно отличныхъ другъ отъ друга въ культурно-хозяйственномъ и національно-политическомъ отношеніяхъ.

Въ такихъ государствахъ законодательство, однообразное для всего ихъ пространства, является абсурдомъ и не можетъ соотвѣтствовать интересамъ не только отдѣльныхъ обществъ его населяющихъ, но и интересамъ цѣлаго; лишь широкая политическая автономія отдѣльныхъ частей государства можетъ удовлетворить эти интересы. Что же такое автономія, и какая разница между ней и самоуправленіемъ и федерализмомъ?

Мы уже видѣли, что автономія, въ противоположность самоуправленію, означаетъ предоставленіе возможности мѣстнымъ собраніямъ издавать для данной мѣстности, входящей въ составъ

государства, особые законы, которые могутъ разниться отъ аналогичныхъ законовъ въ прочихъ частяхъ государства.

Довольно трудно найти разницу между частями государства, пользующимися широкой политической автономіей и—составляющими федерацію. Въ настоящее время, особенно въ нѣмецкой наукѣ, наиболѣе распространено мнѣніе, что самая широкая политическая автономія какой-нибудь страны или области, составляющихъ часть государства, построена исключительно на постановленіяхъ, изданныхъ центральной политической властью, а въ конституціонныхъ государствахъ—центральнымъ парламентомъ; слѣдовательно, она не вытекаетъ изъ самостоятельныхъ законовъ этой страны или области. Согласно этому взгляду, федерація, въ противоположность автономіи, означаетъ союзъ равноправныхъ частей государства, независимыхъ во внутреннихъ дѣлахъ и пользующихся этой самостоятельностью не на основаніи изданныхъ общимъ центральнымъ государственнымъ учрежденіемъ законовъ, но на основаніяхъ, вытекающихъ изъ государственнаго характера соединенныхъ между собою частей государства (областей, штатовъ, кантоновъ и т. п.). Изъ вышеприведеннаго опредѣленія слѣдуетъ выводъ, что федеративное государство отличается отъ пользующагося автономными учрежденіями не болѣе широкимъ кругомъ политической самостоятельности отдѣльныхъ частей: областей, кантоновъ и штатовъ, но характеромъ этой самостоятельности, или, говоря точнѣе, ея основами.

Даже самая обширная политическая автономія какой-нибудь области, какъ вытекающая изъ постановленій, изданныхъ центральной государственной властью, можетъ быть ею самостоятельно, безъ согласія данной области, измѣнена или даже совсѣмъ упразднена; въ федераціи же взаимное отношеніе частей, соединенныхъ въ союзное государство, не можетъ быть произвольно измѣнено частично, а тѣмъ болѣе совершенно, одною лишь центральной властью, а должно быть осуществлено съ согласія частей, вступившихъ въ федеративный союзъ.

Вышеизложенный взглядъ на разницу между автономіей областей, входящихъ въ составъ сложнаго государства и ихъ федераціей, нельзя обосновать, ибо онъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ: согласно общему мнѣнію, Кроація, по отношенію къ Венгріи, пользуется политической автономіей, однако, автономія ея построена не только на одностороннемъ постановленіи венгерскаго парламента, утвержденномъ императо-

ромъ, но и на органическихъ законахъ самой Кроаціи, такъ что всякая перемѣна въ отношеніяхъ ея къ Венгріи можетъ произойти лишь при обоюдномъ согласіи этихъ странъ.

Хотя автономія Канады и Австраліи въ англійскомъ законодательствѣ и построена дѣйствительно на одностороннемъ рѣшеніи англійскаго парламента, но на дѣлѣ это лишь юридическая фикція, ибо эти колоніи пользуются по отношенію къ метрополіи большей самостоятельностью, чѣмъ отдѣльные штаты Сѣверной Америки.

Впрочемъ, и федераціи бываютъ разнаго рода: однѣ построены на полномъ равноправіи частей, какъ наприм., Швейцарская и Сѣверо-Американская, иныя допускаютъ извѣстную гегемонію нѣкоторыхъ своихъ частей надъ другими, какъ напр., германская (германская имперія); однѣ являются болѣе, другія менѣе децентралистическими.

Въ общемъ, можно сказать, что въ федераціи каждая часть государства пользуется большей внутренней самостоятельностью, чѣмъ въ автономномъ строѣ. Въ первомъ случаѣ принципъ равноправія отдѣльныхъ областей и странъ примѣненъ полнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ во второмъ.

Итакъ, въ дѣйствительности является очень трудной задачей дать такое опредѣленіе автономіи и федераціи, которое бы точно и вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ дѣйствительностью разграничивало эти понятія.

Надо принять во вниманіе, что въ сложныхъ государствахъ, въ которыхъ одна нація превосходитъ другія въ численномъ, культурномъ или хозяйственномъ отношеніи, ввести федерацію, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, труднѣе, чѣмъ даже обширную политическую автономію отдѣльныхъ частей государства, потому что господствующая нація, дѣлая уступки въ пользу другихъ націй и предоставляя имъ даже довольно значительную область политической самостоятельности—не желаетъ признать въ нихъ равносильный политическій факторъ.

Разсмотримъ теперь, согласна ли широкая политическая автономія отдѣльныхъ частей составного государства, а также и федерація, съ тенденціями, присущими современному капитализму? Отвѣтъ нашъ долженъ быть основанъ прежде всего на фактахъ, относящихся къ эволюціи государственно-юридическихъ учрежденій настоящаго времени, а затѣмъ уже на отвлеченныхъ разсужденіяхъ.

Факты убѣдительно доказываютъ, что эволюція капитализма не только не противорѣчитъ автономнымъ и федеративнымъ учрежденіямъ, но даже благопріятствуетъ имъ. Разсмотримъ отношенія существующія внутри Австріи, отношенія между Англіей и ея колоніями, наконецъ, политическую жизнъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Швейцаріи и Германіи.

Въ Австріи во второй половинѣ XIX вѣка децентралистическія стремленія не только не слабѣютъ съ ростомъ капитализма, но даже усиливаются. До революціи 1848 года Австрія была самодержавно-централистической монархіей; теперь отдѣльныя ея (Австріи въ точномъ слыслѣ этого слова) области пользуются автономіей, хотя и не полной, но все-таки съ довольно большимъ объемомъ внутренней самостоятельности; мало того: децентралистическія стремленія съ каждымъ днемъ становятся все сильнѣе.

Взаимоотношеніе Австріи и Венгріи, родъ реальной уніи, служитъ причиной частыхъ недоразумѣній между этими государствами: отрицательной стороной этого взаимоотношенія является отсутствіе общаго законодательнаго учрежденія, которое занималось бы установленіемъ общихъ расходовъ, общихъ пошлинъ, уставовъ, касающихся желѣзныхъ дорогъ, почтъ, телеграфовъ, общаго войска и т. п. Современное государство нуждается въ объединенной и энергичной власти, работающей въ этомъ направленіи. Взаимоотношенія же Австріи и Венгріи основаны на томъ, что, время отъ времени, между ними заключаются взаимные договоры, которые часто ни къ чему не приводятъ, что дѣлаетъ государство слабымъ извнѣ.

Изъ такого положенія могутъ быть два выхода: упраздненіе уніи Австріи съ Венгріей и самостоятельное существованіе этихъ государствъ, или преобразованіе этихъ государствъ въ федерацію всѣхъ странъ, входящихъ въ ихъ составъ, принимая за исходный пунктъ при опредѣленіи границъ этихъ странъ не историческія традиціи, а національныя территоріи, и принимая во вниманіе права національныхъ меньшинствъ.

Никому и въ умъ не приходитъ утверждать, что австро-венгерскій конфликтъ можно разрѣшить посредствомъ возврата къ древне-австрійскому централизму, даже въ конституціонной формѣ.

Федерація закрѣпила бы за Венгріей и другими націями, входящими въ составъ Австріи, полную внутреннюю самостоятельность, государству же дала бы центральное учрежденіе—парламентъ, который регулировалъ бы общія дѣла, рѣшаемыя боль-

шинствомъ голосовъ, а не добровольнымъ договоромъ заинтересованныхъ сторонъ. Эволюція капитализма въ Австріи и Венгріи не создаетъ почвы для государственнаго централизма въ габсбургской имперіи.

Разсматривая отношеніе Англіи къ ея колоніямъ, мы опять видимъ, что эволюція капитализма не только не уменьшаетъ ихъ политическую самостоятельность относительно метрополіи, а, наоборотъ, увеличиваетъ.

Канада и Австралія представляютъ собою нынѣ почти совершенно самостоятельныя государства, свободно самоуправляющіяся и даже имѣющія возможность заключать съ другими государствами особые торговые договоры. Англія почти никогда не пользуется своими верховными правами по отношенію къ этимъ колоніямъ. Даже Шотландія, давно соединенная съ Англіей, удержала за собою свою политическую обособленность въ судопроизводствѣ, другой формѣ организаціи представительства въ палатѣ лордовъ и т. п. Впрочемъ, въ настоящее время поднимаются въ Англіи голоса, требующіе болѣе тѣснаго союза всѣхъ колоній съ метрополіей, однако, не съ цѣлью создать изъ всѣхъ англійскихъ владѣній централистическое государство, а лишь федерацію, гарантирующую отдѣльнымъ частямъ полную внутреннюю самостоятельность. Теорія, доказывающая, что эволюція капитализма ведетъ къ полной централизаціи государственныхъ учрежденій, при которой нѣтъ мѣста ни для автономіи, ни для федераціи—опровергается эволюціей политическихъ отношеній въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, а отчасти и въ Германіи.

Въ самомъ дѣлѣ, капитализмъ, развивающійся въ Соед. Шт. Сѣв. Америки съ громадной быстротой, очень хорошо уживается съ федеративнымъ строемъ, существующимъ въ нихъ свыше 100 лѣтъ. Введенныя въ конституцію, сообразно требованіямъ жизни, поправки, ни въ чемъ не угрожали ея существованію; немногія проявленія централистическихъ стремленій замѣчаются лишь въ области торгово-путейскаго законодательства, что въ капиталистическомъ государствѣ вполнѣ естественно и согласно съ федеративнымъ строемъ. Однако, не только этотъ строй въ Соедин. Штатахъ не измѣнился, но теперь даже нѣтъ никакихъ признаковъ, предвѣщающихъ возможность измѣненія въ будущемъ. Не только ни одна партія въ Соед. Шт. не требуетъ замѣны федеративнаго строя централистическимъ, но за такую перемѣну не

высказывается даже никто изъ мало-мальски извѣстныхъ и вліятельныхъ отдѣльныхъ публицистовъ, теоретиковъ государственнаго права, мыслителей или политиковъ.

Швейцарская конституція была преобразована въ XIX вѣкѣ, и сейчасъ Швейцарія представляетъ собою федеративное государство; раньше же она была скорѣе конфедераціей. Нѣтъ сомнѣнія, что вольный союзъ, какой существовалъ раньше въ этой странѣ, не гармонировалъ съ стремленіями капитализма; но федерація соединяетъ въ себѣ двѣ вещи: полную внутреннюю самостоятельность государственныхъ территорій, вошедшихъ въ составъ федераціи, съ единствомъ и энергіей центральной власти, а также единствомъ законодательства въ области общихъ для всего государства дѣлъ.

Эволюція капитализма въ Швейцаріи за нѣсколько послѣднихъ десятковъ лѣтъ не обнаружила въ политической жизни централистическихъ стремленій, которыя старались бы преобразовать Швейцарію въ централистическое государство.

Германія представляетъ собою федерацію въ неполной формѣ, въ которой государства, вошедшія въ составъ союза, не пользуются совсѣмъ одинаковыми правами, и одно изъ нихъ—Пруссія, преобладаетъ надъ другими.

Нельзя забывать, что, въ общемъ, Германія представляетъ собою государство довольно однородное въ національно-культурномъ отношеніи. Изъ 60 милліоновъ жителей ея считается лишь свыше трехъ милліоновъ поляковъ и болѣе милліона литовцевъ, датчанъ, лужицкихъ сербовъ и французовъ. Объемъ дѣлъ, общихъ для всего государства, здѣсь больше, чѣмъ въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки. Въ противоположность послѣднимъ въ Германіи существуетъ общее гражданское и уголовное уложеніе.

Въ Германіи также проявляются централистическія стремленія, клонящіяся къ тому, чтобы возможно большую часть дѣлъ предоставлять обще-германскому парламенту, исключая ихъ изъ сферы вѣдѣнія собраній отдѣльныхъ государствъ. На практикѣ эти стремленія не привели къ значительнымъ результатамъ, такъ какъ отдѣльныя государства, входящія въ составъ Германіи, въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ совершенно самостоятельны. Фабричное законодательство подлежитъ компетенціи отдѣльныхъ сеймовъ, а не центральнаго парламента.

Централистическія стремленія въ Германіи имѣютъ своимъ источникомъ не только общность культуры, но и демократическое

и соціалистическое движеніе. Въ самомъ цѣлѣ, всѣ, кто стремится, если не къ полному преобразованію современнаго строя, то хотя бы даже только къ демократизаціи Германіи, хорошо понимаютъ, что только центральный парламентъ, основанный на всеобщемъ избирательномъ правѣ, можетъ осуществить большія реформы, что отдѣльные ландтаги, построенные на нераціональномъ, несправедливомъ, неестественномъ и полезномъ лишь для высшихъ слоевъ избирательномъ правѣ, уничтожатъ всякую попытку, стремящуюся къ демократизаціи Германіи.

Однако, если бы въ отдѣльныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ Германіи, собранія были основаны на равной, всеобщей, прямой и тайной подачѣ голосовъ, то прогрессивные элементы врядъ ли стремились бы тогда расширить права центральнаго парламента, въ ущербъ ландтагамъ.

Въ Южной Америкѣ, Канадѣ и Австраліи мы видимъ побѣду федерализма. Характернымъ является также фактъ, что онъ пріобрѣлъ право гражданства не только какъ форма союза государственныхъ территорій (напр., колоніальныхъ въ Канадѣ и Австраліи), существовавшихъ до того отдѣльно, но и какъ организація областей, составлявшихъ одно цѣлое (какъ напр., въ Южной Америкѣ).

Федеративно-децентралистическія стремленія въ настоящее время можно наблюдать въ испанской провинціи Каталоніи, которая добивается полной внутренней самостоятельности, такъ какъ соотношеніе ея общественныхъ силъ болѣе благопріятствуетъ прогрессу и демократіи, чѣмъ соотношеніе ихъ во всей Испаніи.

Понятно, что автономныя и федеративныя учрежденія не противорѣчатъ стремленіямъ современнаго капитализма, а наоборотъ, гармонируютъ съ ними. Вышеприведенные факты убѣдительно доказываютъ это, и никакія изворотливыя умозаключенія не въ состояніи опровергнуть вытекающихъ изъ нихъ выводовъ. Противники этого взгляда обнаруживаютъ лишь вопіющее невѣжество въ области юридическихъ и государственныхъ вопросовъ, проистекающее изъ игнорированія исторіи и права и смѣшенія понятій: личной и реальной уніи и федерализма.

Къ выводу, что федерализмъ вполнѣ гармонируетъ съ капитализмомъ, можно прійти также путемъ чисто абстрактнаго разсужденія, помимо анализа государственнаго строя Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, Швейцаріи, Германіи и т. п.

Капитализмъ требуетъ хозяйственнаго единства государства,

т. е., свободы торговли внутри него, однородности путей сообщенія, крѣпкой внѣшней и внутренней организаціи государства, энергичнаго и скораго производства политическихъ дѣлъ, предупрежденія конфликтовъ, возникающихъ между отдѣльными частями государства и тормозящихъ его политическую жизнь.

Что же касается разнообразія фабричнаго законодательства въ различныхъ частяхъ государства, разнородности системы просвѣщенія и системъ управленія, судопроизводства, гражданскаго и уголовнаго уложеній,—то это разнообразіе для капитализма безразлично. Капитализмъ въ Царствѣ Польскомъ и Россіи нисколько не потерялъ отъ того, что здѣсь дѣйствуетъ другое гражданское уложеніе, чѣмъ въ Россіи.

Централизація, какъ мы это видѣли, развивалась параллельно капитализму. Въ государствѣ обыкновенно представляла ее монархическая власть, которая въ своей политикѣ руководилась, конечно, не хозяйственными интересами общества, какъ цѣлаго, а прежде всего интересами династіи и тѣхъ общественныхъ группъ, которыя служили ей безпрекословно. Монархія заботилась объ увеличеніи государственной территоріи и числа подданыхъ, не обращая вниманія на то, будетъ ли увеличенное такимъ образомъ государство составлять органическое или только механическое цѣлое. Всемогущая центральная власть старалась завладѣть всѣмъ въ государствѣ такъ, чтобы безъ нея или помимо нея ничто не могло развиваться. Въ результатѣ получилось, что ростъ централизаціи пошелъ гораздо дальше, чѣмъ этого требовали хозяйственныя нужды государства.

Средневѣковый партикуляризмъ не соотвѣтствовалъ эволюціи капитализма; современный же федерализмъ вполнѣ гармонируетъ съ нимъ, создавая въ государствѣ извѣстныя общія рамки, необходимыя для экономической жизни, рамки, внѣ которыхъ отдѣльныя части государства могутъ, по своему желанію, устраивать свою общественную жизнь.

Мы видѣли, что федерализмъ развивается лучше всего въ Новомъ Свѣтѣ; здѣсь является вопросъ, случайное ли это явленіе или нѣтъ?

Преобразованіе самодержавныхъ государствъ въ конституціонныя, а также ихъ демократизація вели все къ большему участію въ общественно-государственной жизни все болѣе широкихъ общественныхъ слоевъ. Какъ отдѣльные граждане пріобрѣтали въ конституціонныхъ государствахъ все большую гра-

жданскую свободу, такъ и отдѣльныя государственныя территоріи, составляющія сами по себѣ культурно-хозяйственную или національно-политическую индивидуальность, стали требовать себѣ самостоятельныя учрежденія и юридическую и государственную независимость.

Какъ уже было упомянуто выше, большія централистическія государства часто заключали въ себѣ территоріи, различающіяся либо характеромъ культуры, либо національностью жителей. Въ такихъ государствахъ процессу ассимиляціи, если она вообще происходила, подвергались преимущественно лишь высшіе слои общества, низшіе обыкновенно сохраняли свою національность, а государство не заботилось о нихъ слишкомъ много. Поэтому, пока эти низшіе слои не имѣли вліянія на государственную жизнь—до тѣхъ поръ вопросъ о независимости національныхъ территорій не былъ насущнымъ; но съ прогрессомъ демократизаціи общества должны были развиться сильнѣе, чѣмъ раньше, децентралистическія стремленія, осуществляющіяся въ автономныхъ и федеративныхъ учрежденіяхъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, ростъ центробѣжныхъ стремленій въ государствахъ, состоящихъ изъ довольно значительно разнящихся между собою частей, въ настоящее время не является чѣмъ-то случайнымъ.

Дальше мы увидимъ, что федералистическія стремленія могутъ имѣть прочныя основы для своего развитія въ государствахъ относительно однородныхъ въ національномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обширныхъ и отличающихся разнообразной культурно-хозяйственной структурой различныхъ частей.

II.

Мы видѣли, что современный капитализмъ вполнѣ гармонируетъ съ широкой политической автономіей отдѣльныхъ частей государства, а также съ федерализмомъ, и что развитіе децентралистическихъ автономныхъ и федералистическихъ учрежденій находится въ тѣсной связи съ демократизаціей общества.

Констатируя эти факты, мы разсмотримъ значеніе федерализма, его вліяніе на общество и политику вообще, а также положеніе, которое по отношенію къ нему долженъ принять рабочій классъ и въ особенности соціалистическія партіи.

Выше мы обратили вниманіе, что однородное законодательство не соотвѣтствуетъ потребностямъ большого государства, различныя части котораго населены націями, очень отличающимися другъ отъ друга въ культурно-хозяйственномъ и политико-національномъ отношеніяхъ. Несоотвѣтствіе это много разъ очень рѣзко проявлялось на практикѣ. Если бы даже одинъ центральный парламентъ и хотѣлъ издавать различные законы для различныхъ частей государства, то онъ вслѣдствіе своего состава не былъ бы въ состояніи удовлетворительно выполнить эту задачу.

Въ самомъ дѣлѣ, законъ, соотвѣтствующій нуждамъ какой-нибудь государственной территоріи, можетъ быть изданъ лишь такимъ собраніемъ, въ которомъ участвуютъ представители этой территоріи. Въ государствахъ, состоящихъ изъ различныхъ частей, большинство депутатовъ центральнаго парламента не можетъ быть столь всестороннимъ, чтобы быть въ состояніи издавать законы для различныхъ частей государства.

Поэтому центральному парламенту приходится предоставить лишь дѣла общегосударственныя: военныя, дипломатическія, торговыя пошлины и договоры, желѣзнодорожное, почтовое, телеграфное и монетное законодательство, а всѣ другія—областнымъ собраніямъ отдѣльныхъ частей государства.

Положительной стороной федеративной организаціи въ большихъ составныхъ государствахъ является и то обстоятельство, что самыя широкія массы всякаго народа могутъ лучше разбираться въ политикѣ, слѣдовательно, могутъ принимать въ ней болѣе дѣятельное участіе, чѣмъ при строго централистической организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, центральный парламентъ въ большомъ, организованномъ и централизованномъ государствѣ, занимается столь многими и столь усложняющими другъ друга дѣлами, касающимися различныхъ территорій и обществъ, что вникнуть въ нихъ могутъ лишь люди, одаренные большой интеллигентностью и крупными знаніями. Другое дѣло при федеративномъ и даже автономномъ строѣ, когда у отдѣльныхъ частей государства имѣются собственныя собранія, въ которыхъ рѣшаются всѣ внутреннія дѣла, и лишь общегосударственныя переносятся въ центральный парламентъ: тогда народныя массы могутъ хорошо разбираться въ дѣятельности мѣстнаго собранія, могутъ также контролировать своихъ депутатовъ. Политическая борьба въ мѣстныхъ собраніяхъ проще, чѣмъ въ центральномъ парла-

ментѣ, и населеніе имѣетъ возможность хорошо понимать ее, оно политически воспитывается.

Но при федеративной организаціи и общегосударственныя дѣла въ центральномъ парламентѣ являются болѣе доступными населенію, чѣмъ при централистической организаціи. Это происходитъ отъ того, что этихъ дѣлъ становится меньше, и они являются менѣе сложными.

Правда, въ федеративномъ строѣ дѣла одной части государства какъ бы отдѣлены отъ другихъ, такъ что можетъ казаться, будто слѣдствіемъ этого является какъ бы суженіе политическихъ горизонтовъ гражданъ.

Но на дѣлѣ этого нѣтъ, ибо кто хочетъ и можетъ больше заниматься политикой и лучше знакомъ съ ней, тотъ и при федеративной организаціи будетъ слѣдить за теченіемъ ея въ отдѣльныхъ частяхъ государства; тѣ же, кто вслѣдствіе условій труда или недостатка соотвѣтствующаго образованія и т. п. не будетъ въ состояніи или не сумѣетъ это сдѣлать, тѣ и при централистической организаціи смыслятъ очень мало; при федеративномъ строѣ они, по крайней мѣрѣ, будутъ ясно сознавать, что происходитъ на ихъ родинѣ, а также будутъ разбираться въ наиболѣе важныхъ вопросахъ, касающихся всего государства.

Федеративный строй дѣлаетъ возможнымъ быстрое и болѣе скорое осуществленіе реформъ, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ частяхъ государства. Въ сложномъ государствѣ можетъ существовать различное соотношеніе общественныхъ силъ, такъ что въ нѣкоторыхъ частяхъ его можно уже ввести большія преобразованія, тогда какъ въ другихъ это является невозможнымъ. Въ централизованномъ государствѣ можно осуществить большія преобразованія лишь въ случаѣ соотвѣтственной степени развитія всего государства,—въ федеративномъ же строѣ только нѣкоторыхъ его частей (областей, штатовъ, кантоновъ,—соотвѣтственно соотношенію общественныхъ силъ); въ другихъ частяхъ государства все можетъ остаться попрежнему.

Итакъ, очевидно, что федерализмъ облегчаетъ осуществленіе преобразованій, хотя бы въ извѣстной только части территоріи даннаго государства.

Федеративный строй даетъ, въ извѣстной степени, возможность производить соціально-политическіе опыты, а это является очень важнымъ, такъ какъ опыты такого рода на небольшой

обособленной территоріи гораздо легче и представляютъ меньше риска, чѣмъ на всей территоріи государства въ цѣломъ.

Опыты соціально-политическихъ реформъ, производимые время отъ времени на небольшой территоріи, не даютъ иногда желаемыхъ результатовъ, ибо такая территорія не обособлена и не является сама по себѣ государственной единицей.

Въ опроверженіе вышеприведеннаго разсужденія, послѣдователи централизаціи могутъ выдвинуть слѣдующій аргументъ: правда, федеративный строй даетъ частямъ государства, стоящимъ выше въ культурно-хозяйственномъ и политическомъ отношеніи, возможность болѣе быстраго развитія, чѣмъ другимъ; но централистическій строй, тормозя эволюцію стоящихъ выше частей, ускоряетъ прогрессивное развитіе стоящихъ ниже, слѣдовательно, имѣетъ превосходство надъ федеративнымъ.

Однако, это возраженіе не убѣдительно, и вотъ почему: нормальнымъ и желательнымъ является такое положеніе дѣлъ, при которомъ каждая государственная территорія развивается подъ вліяніемъ такого соотношенія общественныхъ силъ, какое въ ней имѣется; вообще, лучше, когда части государства съ консервативнымъ характеромъ соотношенія своихъ общественныхъ силъ имѣютъ консервативныя учрежденія, чѣмъ когда ихъ имѣютъ части съ прогрессивнымъ соотношеніемъ своихъ общественныхъ силъ. Нельзя также игнорировать тотъ фактъ, что осуществленіе реформъ въ однѣхъ областяхъ государства и ихъ явно-благопріятныя послѣдствія поощряютъ къ нимъ и жителей областей менѣе прогрессивныхъ.

Сложныя государства состоятъ изъ разныхъ странъ, населеніе которыхъ имѣетъ особую культуру и національность. При централистическомъ строѣ развиваться можетъ лишь господствующая нація, только ея культура пользуется поддержкой; иначе въ федераціи: она всѣмъ гарантируетъ возможность свободнаго развитія. Одно признаніе правъ языка въ школѣ, судѣ и присутственныхъ мѣстахъ не гарантируетъ еще свободы культурнаго развитія отдѣльныхъ націй въ централистическомъ государствѣ. Происходитъ это потому, что равноправіе очень легко можетъ быть нарушено; иначе въ федеративномъ строѣ, въ которомъ основные законы, регулирующіе отношеніе отдѣльныхъ частей государства къ цѣлому, могутъ быть отмѣнены не только съ согласія большинства голосовъ въ центральномъ парламентѣ, но и съ согласія большинства провинціальныхъ парламентовъ. При об-

мирной автономіи отношеніе части къ цѣлому измѣняется лишь съ обоюднаго согласія обѣихъ сторонъ.

Централистическій строй всегда выдвигаетъ на первый планъ однѣ части государства въ ущербъ другимъ, что особенно вредно въ государствахъ, состоящихъ изъ частей различныхъ въ культурно-національномъ отношеніи. Развитіе національной культуры нуждается въ той или иной формѣ собственной государственности, хотя бы и не полной. Ибо только при помощи общественно-политическихъ учрежденій, поощряемыхъ государствомъ, возможны болѣе высокіе расходы на всякаго рода просвѣтительныя нужды, на высшія заведенія, ученыя учрежденія, музеи и т. п. Федералистическій строй удовлетворяетъ [1]) въ значительной степени всему этому—это еще одно доказательство его превосходства надъ централизмомъ.

До сихъ поръ мы разбирали пользу федеративнаго строя въ нормальныхъ условіяхъ; остается, слѣдовательно, еще разсмотрѣть, насколько онъ полезенъ въ исключительные историческіе моменты, въ эпохи большихъ сотрясеній и политическихъ преобразованій. Можетъ быть, тогда централистическая организація окажется полезнѣе для общества? Разсмотрѣть этотъ вопросъ является задачей особенно важной, такъ какъ среди радикаловъ и огромной части соціалистовъ очень распространено мнѣніе о большомъ якобы значеніи централизма въ революціонныя эпохи. Французскіе революціонныя преданія играютъ въ этомъ отношеніи большую роль.

Во время великой французской революціи Парижъ дѣйствительно господствовалъ надъ Франціей, однако же ему много помогла и провинція. Въ самомъ дѣлѣ: большія крестьянскія движенія въ деревняхъ, разрушеніе замковъ и уничтоженіе документовъ по всей территоріи Франціи могущественнымъ образомъ поддержали Парижъ въ его борьбѣ съ абсолютизмомъ и аристократіей. Когда деспотизмъ былъ уже побѣжденъ, столица все еще продолжала оказывать вліяніе на всю Францію, что объяснить не трудно. Большинство общества, въ особенности въ деревнѣ

[1]) Конечно, постольку, поскольку члены отдѣльныхъ націй сосредоточиваются на отдѣльныхъ территоріяхъ. Въ другомъ случаѣ необходимо примѣнить т. наз. нетерриторіальную національную автономію, построенную по персональному принципу. По этому предмету см.: L. Kulczyckiego—Autonomja i federalizm, гл. III и М. Б. Ратнера: о національной и территоріальной автономіи, изд. „Серпъ“.

и вообще въ провинціи, не было систематически организовано, у него не было ясныхъ политическихъ концепцій, оно лишь очень сильно чувствовало недостатки стараго порядка. Долгое время провинція слѣдовала за Парижемъ, сознавая, что достигнетъ того, въ чемъ нуждается Франція.

Съ теченіемъ времени, когда дифференціація общественнаго мнѣнія сдѣлала большіе успѣхи, когда журналы, брошюры, клубы и публичныя сходки объяснили французскому народу, за что борются различныя партіи—господство Парижа надъ провинціей не было уже такъ велико, какъ раньше. Наконецъ, пришли времена, когда онъ долженъ былъ это господство удерживать за собою силою.

Въ XIX вѣкѣ, особенно во второй его половинѣ, нельзя было уже и думать о томъ, чтобы Парижъ могъ навязать всей Франціи соціально-политическій строй; поэтому мы и видимъ, что во время коммуны 1871 года революціонная столица вмѣсто якобинскаго лозунга—централизма, провозгласила прямо противоположное—лозунгъ свободной общины и федеративнаго союза такихъ общинъ.

Такъ какъ въ Парижѣ соотношеніе общественныхъ силъ было другое, чѣмъ въ провинціи, соотношеніе, благопріятствующее обширнымъ реформамъ, то необходимо было дать Парижу возможность управлять собой и устранить препятствія со стороны центральнаго правительства и парламента, консервативныхъ по отношенію къ нему.

Мы не намѣрены защищать цѣликомъ не всегда ясныя соціально-политическія концепціи коммуны; мы увѣрены, что если бы коммуна и не была побѣждена правительственными войсками—нельзя было бы преобразовать Францію изъ централистическаго государства въ федерацію городскихъ и деревенскихъ общинъ, какъ слишкомъ мелкихъ территоріально государственныхъ единицъ.

Припоминая лозунги коммуны, я хочу лишь показать, что французскіе революціонеры 1871 года хорошо понимали, что для осуществленія въ ихъ странѣ основныхъ соціально-политическихъ преобразованій надо стремиться не къ централизму, а къ децентрализаціи, не къ господству Парижа надъ Франціей, а къ нѣкоторой, по отношенію къ ней, самостоятельности.

Безъ сомнѣнія, Каутскій правъ, что въ интересахъ соціализма большее вліяніе городовъ на деревни; однако, добиться этого

можно и при федеративномъ строѣ. Въ настоящее время даже въ федеративномъ государствѣ, въ каждой его части, обладающей политическою самостоятельностью, города будутъ, само собою разумѣется, имѣть громадное вліяніе на деревню, такъ какъ они представляютъ собою центры промышленной, интеллектуальной и политической жизни.

Если даже во Франціи, которая представляетъ собою государство довольно единое и однородное, Парижъ съ теченіемъ времени не былъ уже въ состояніи безусловно господствовать надъ провинціей, то что и говорить о государствахъ сложныхъ, да къ тому еще очень разнородныхъ, распадающихся на различныя области, населенныя отдѣльными націями, имѣющими свою собственную культуру, собственную хозяйственную структуру, какъ Австро-Венгрія и Россія. Въ нихъ столица никогда не въ состояніи будетъ сильно господствовать надъ цѣлой государственной территоріей. Конечно, даже въ такихъ странахъ, событія, происходящія въ Петербургѣ или Вѣнѣ, имѣютъ большее значеніе, чѣмъ тѣ, которыя разыгрываются въ Прагѣ или Варшавѣ; но не можетъ быть здѣсь и рѣчи о такомъ могущественномъ вліяніи столицы, какое мы видѣли, напримѣръ, во Франціи во время великой французской революціи.

Эволюція капитализма приводитъ гражданъ государства въ движеніе, т. е., выводитъ ихъ изъ застоя, сближаетъ жителей провинціи съ жителями городовъ и столицы; вслѣдствіе этого, провинція даже въ централистическихъ государствахъ съ развитіемъ капитализма не является больше въ государственной жизни лишь пассивнымъ элементомъ, а становится активной. Большіе промышленные центры появляются и въ провинціи, иногда даже внѣ большихъ городовъ, въ которыхъ находится мѣстопребываніе центральной политической власти. Все это дѣлаетъ невозможной въ будущемъ диктатуру столицы надъ страной.

Поэтому въ настоящее время политическій централизмъ, не допускающій широкую политическую автономію отдѣльныхъ частей государства, не представляетъ никакихъ преимуществъ, даже съ точки зрѣнія исключительныхъ революціонныхъ моментовъ.

До сихъ поръ мы говорили о качествахъ федералистическаго строя съ точки зрѣнія интересовъ демократіи и прогресса отдѣльныхъ государственныхъ территорій и т. п. Однако, всѣ вышеприведенныя соображенія недостаточны, такъ какъ необходимое

еще разсмотрѣть, насколько федералистическій строй государства соотвѣтствуетъ интересамъ пролетаріата вообще и соціалистическаго пролетаріата въ особенности?

Матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы находимъ отчасти въ томъ, что было сказано раньше, а отчасти въ другихъ положеніяхъ, которыми мы теперь и займемся.

Пролетаріатъ различныхъ государствъ и націй развивается культурно и интеллектуально на фонѣ извѣстной національной культуры: для польскаго, грузинскаго, армянскаго, чешскаго, малороссійскаго пролетаріата не можетъ не имѣть значенія то обстоятельство, имѣетъ ли его національная культура широкую возможность развитія или нѣтъ, а выше мы видѣли, что лишь федералистическій строй создастъ условія, соотвѣтствующія развитію различныхъ націй, населяющихъ разноплеменное государство.

Далѣе, интересамъ пролетаріата соотвѣтствуетъ, чтобы классовая борьба не затемнялась и не искажалась борьбой національной. Если въ какомъ-нибудь этнически-неоднородномъ государствѣ различныя части, населенныя различными націями, не обладаютъ полной политической автономіей или же не связаны узломъ федераціи,—то въ его центральномъ парламентѣ національная борьба затемняетъ сознаніе классовой обособленности пролетаріата, и тогда классовая борьба очень усложняется національной, которая въ большой мѣрѣ служитъ причиной безплодности парламентской дѣятельности. Такъ происходитъ въ Австріи, такъ же будетъ и въ Россіи, если ея политическій строй останется централистическимъ.

При федеративномъ строѣ каждая страна, населенная преимущественно одной какой-либо націей, пользуется полной внутренней самостоятельностью, вслѣдствіе чего въ ней нѣтъ больше національной борьбы, взамѣнъ ея на первый планъ выступаетъ классовая борьба.

Централистическій строй уже въ настоящее время является значительнымъ препятствіемъ соціалистическому движенію. Напр., въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи соціалисты добились большинства въ городскихъ учрежденіяхъ и имѣютъ возможность осуществить много полезныхъ реформъ, которыя наглядно доказали бы жизненность ихъ партіи, если бы не то обстоятельство, что центральное правительство, даже состоящее изъ парламентскаго

большинства, часто не одобряетъ, а наоборотъ, упраздняетъ резолюціи муниципальныхъ совѣтовъ.

То же самое можно сказать о нѣмецкихъ городахъ: если бы объемъ ихъ самостоятельности былъ больше и организація демократичнѣе, то Берлинъ, Франкфуртъ, Гамбургъ и т. д. были бы поприщемъ для величественнаго развитія новыхъ учрежденій, приспособленныхъ къ интересамъ пролетаріата.

Нѣкоторые соціальдемократы, въ особенности польскіе, выдвигаютъ противъ федерализма возраженіе, что онъ разъединяетъ пролетаріатъ, вмѣсто того, чтобы соединять его.

Это возраженіе очень поверхностно, такъ какъ оно совершенно не затрагиваетъ сути дѣла. Примѣняя такой методъ, можно, напр., сказать, что профессіональные союзы разъединяютъ, а не соединяютъ пролетаріатъ, такъ какъ было бы лучше, если бы рабочіе всѣхъ профессій составляли одинъ союзъ на одной территоріи.

Отдѣльныя составныя части федераціи, съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, являются поприщемъ, на которомъ лучше, чѣмъ при централистической государственной организаціи, удовлетворяются культурно-хозяйственныя, политическія и національныя нужды рабочихъ различныхъ государственныхъ территорій.

Существованіе отдѣльныхъ автономныхъ территорій: отдѣльныхъ областей, штатовъ или кантоновъ, связанныхъ между собой узломъ федераціи,—отнюдь не влечетъ за собой сближеніе классовъ на этихъ территоріяхъ и раздѣленіе на части пролетаріата всего государства. Наоборотъ, классовая борьба въ автономныхъ или федеративныхъ частяхъ государства будетъ напряженнѣе, чѣмъ это могло бы быть во всемъ государствѣ при централистической организаціи, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ она усложнялась бы національными отношеніями, о чемъ было сказано выше.

Если въ какомъ-либо государствѣ, населенномъ различными націями, пролетаріатъ не является чѣмъ-то единымъ въ отношеніи культуры, языка и т. п., то эта его разнородность въ той или другой формѣ должна повлечь за собою отдѣльныя учрежденія, соотвѣтствующія спеціальнымъ нуждамъ различныхъ группъ пролетаріата. Федеративныя или автономныя учрежденія будутъ лишь обобщеніемъ этихъ различій.

Впрочемъ, и при федеративномъ строѣ у пролетаріата всего государства имѣются общіе интересы, тѣсно связывающіе его.

Если бы федерализмъ дѣйствительно разрушалъ солидарность пролетаріата, то лозунгъ международнаго единства рабочаго класса былъ бы лишь фразой, фикціей. Однако, мы знаемъ, что этого въ дѣйствительности нѣтъ; доказательства совсѣмъ противоположнаго характера мы постоянно встрѣчаемъ то въ профессіональномъ, то даже въ политическомъ движеніи. Достаточно будетъ привести международные конгрессы или же помощь, оказываемую западно-европейскими рабочими рабочему движенію въ Россіи.

При федеративномъ устройствѣ австрійской соціальдемократической партіи—нѣмецкіе соціалисты собственной Австріи оказываютъ помощь соціалистамъ Богеміи, Галиціи и Силезіи.

Встрѣчаются, однако, неразвитые люди, которые разсматриваютъ солидарность рабочаго класса не какъ естественный результатъ объективнаго положенія вещей, а какъ результатъ лишь внѣшней необходимости.

Всѣмъ извѣстно, что въ Соединен. Штатахъ Сѣв. Ам. организація профессіональныхъ союзовъ является болѣе централистической, чѣмъ въ Англіи, хотя въ нихъ и существуетъ федеративный строй, котораго въ Англіи нѣтъ.

Что доказываетъ этотъ фактъ?

Что федералистическій строй государства не разъединяетъ рабочихъ и уживается не только съ ихъ солидарностью, но даже съ большой мѣрой централизаціи рабочихъ организацій въ случаяхъ, когда она является необходимой.

Какъ мы уже убѣдились, федерализмъ вполнѣ уживается съ развитіемъ капитализма и соотвѣтствуетъ интересамъ рабочаго класса вообще и интересамъ соціализма въ частности.

Фактъ введенія федеративнаго строя значительнымъ числомъ государствъ имѣлъ бы также положительное вліяніе и на международныя отношенія: федеративная идея, отвѣчающая реальнымъ интересамъ общества внутри сложныхъ государствъ, постепенно перешла бы и въ международныя отношенія тѣмъ легче, что необходимость нормальныхъ междугосударственныхъ отношеній чувствуется все сильнѣе.

Когда будутъ раздѣлены незанятыя еще могущественными державами громадныя пространства въ Африкѣ, когда объединятся пока еще варварскія государства, ставшія цивилизованными, когда установится сфера вліянія отдѣльныхъ государствъ,—тогда созрѣетъ идея всемірной федераціи государствъ. Побѣда федера-

лизма во внутренней организаціи можетъ приблизить этотъ моментъ и облегчить осуществленіе союза государствъ.

Затронутый здѣсь вопросъ очень сложенъ и требуетъ особой разработки, что, однако, не является задачей настоящей работы.

Какой родъ федерализма является наиболѣе желательнымъ съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата? На этотъ вопросъ нельзя дать одинъ общій удовлетворительный отвѣтъ. Въ различныя времена и въ разныхъ мѣстахъ формы федерализма могутъ быть различны.

Признавая пользу федерализма, не надо, однако, примѣнять его вездѣ и всегда. Вообще, можно сказать, что федерализмъ долженъ существовать въ государствахъ, состоящихъ изъ частей, населенныхъ различными въ культурномъ и національномъ отношеніи жителями, или отличающихся своей хозяйственной структурой.

Если территоріи, государственно-обособленныя и связанныя узломъ федераціи, слишкомъ мелки и не представляютъ собою выдающихся соціальныхъ индивидуальностей, тогда ихъ политическая самостоятельность можетъ создать партикуляризмъ. Отчасти мы встрѣчаемъ это въ Швейцаріи, въ которой кантоны слишкомъ мелки и въ большинствѣ случаевъ не представляютъ изъ себя выдающихся, рѣзко очерченныхъ индивидуальностей. Для швейцарской федераціи полезнымъ было бы уменьшить число кантоновъ, соединяя нѣкоторые изъ нихъ въ одно цѣлое. Введеніе федеративнаго строя въ Россіи и Австріи не повело бы за собою партикуляризмъ, такъ какъ каждая отдѣльная часть государства, въ особенности въ Россіи, открывала бы большое и самостоятельное поприще для богатой политической жизни.

Людвигъ Кульчицкій.

Вопросы государственной децентрализаціи въ программѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

„Быстрое и страстное развитіе классоваго антагонизма,—говоритъ Карлъ Марксъ,—дѣлаетъ въ старыхъ и сложныхъ общественныхъ организмахъ революцію могущественнымъ факторомъ общественнаго и политическаго прогресса... Во время этихъ бурныхъ потрясеній націи проходятъ въ пять лѣтъ больше, чѣмъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ теченіе вѣка“ („Революція и контръ-революція въ Германіи“).

Если это положеніе возбуждало еще въ комъ-нибудь сомнѣнія, то русская революція должна была ихъ окончательно разсѣять. Кто внимательно наблюдаетъ картину все шире развертывающейся русской революціи и улавливаетъ своеобразную игру красокъ и оттѣнковъ на общемъ фонѣ, тому навѣрное бросается въ глаза быстрый и прогрессивный ростъ политическаго самосознанія и активности широкихъ массъ населенія. Въ революціонномъ огнѣ родились, подобно саламандрѣ, новыя политическія партіи, выражающія *сознанные* интересы опредѣленныхъ общественныхъ группъ и отмежевавшіяся отъ родственныхъ и смежныхъ политическихъ теченій. При свѣтѣ революціи исчезали туманныя неопредѣленности, и всѣ активные общественные элементы, заинтересованные въ томъ или другомъ исходѣ революціи, должны были политически самоопредѣляться и соорганизоваться, создавъ вокругъ себя въ силу массоваго сцѣпленія опредѣленную сочувствующую периферію. Даже „звѣздная палата“, которая, кажется, ограждена непроницаемой стѣной отъ политическихъ вліяній улицы, и та не могла въ моментъ революціи болѣе довольствоваться своимъ старымъ испытаннымъ средствомъ фальсифицированія общественнаго *мнѣнія* при помощи продажной прессы и вынуждена была искать опору въ опредѣленной общественной *организаціи*, для созданія которой она, конечно, должна была спуститься на самое „дно“ общества. Ея трогательный и интимный союзъ съ

черной сотней знаменуетъ собою актъ ея политическаго самоопредѣленія. Но политическое развитіе страны идетъ не только вширь, но и вглубь. Школа революціи съ ея предметной, наглядной системой преподаванія даетъ лучшее политическое воспитаніе широкимъ массамъ, вырабатывая у нихъ навыки реальнаго политическаго мышленія. При той смѣнѣ политическихъ ситуацій, которыми такъ отличается русская революція, при тѣхъ большихъ и малыхъ coups d'état, при тѣхъ скачкообразныхъ поворотахъ, которыми она такъ богата, политическая мысль должна была въ каждый моментъ производить учетъ реальныхъ силъ и вырабатывать такіе лозунги, которые отличались бы не только принципіальной выдержанностью, но и фактической осуществимостью. Революція сводитъ политическія идеи съ высотъ абстракціи, облекая ихъ въ реальныя, конкретныя формы. Она подвергаетъ нелицепріятному суду программныя разногласія и споры и, безпощадно разрушая несокрушимой силой фактовъ всякія кабинетныя утопическія построенія, она въ силу, такъ сказать, естественнаго подбора выдвигаетъ наиболѣе жизненныя политическія требованія, превращая ихъ въ боевыя лозунги, подхватываемые и поддерживаемые широкими борющимися массами.

Въ этомъ отношеніи пройденная уже стадія русской революціи, неуклонно приближающейся къ своему историческому завершенію, доставала намъ очень цѣнный и поучительный опытъ. Въ свѣтѣ этого опыта мы желаемъ критически провѣрить взгляды и программныя требованія активныхъ русскихъ партій по національному и областному вопросамъ.

Россійская имперія представляетъ собою пестрый конгломератъ провинцій и національностей, которыя стягивались подъ скипетръ россійскихъ монарховъ различными стратегическими путями и подъ различными дипломатическими предлогами.

Наѣзднические подвиги Ермака, который „билъ челомъ всей Сибирью“ Ивану Грозному, добровольное присоединеніе Украины, которая, спасаясь отъ преслѣдованій Польши, искала покровительства у „единовѣрнаго государя“, захватъ Финляндіи, неслыханный по своей наглости троекратный раздѣлъ Польши, сопровождавшійся вивисекціей польскаго народнаго организма и расщепленіемъ его на три части—таковы разнообразные виды и способы наростанія территоріи Россійской имперіи, которое началось еще въ эпоху „собиранія Руси“ и продолжалось вплоть до второй половины XIX вѣка. Россійскій государственный орга-

низмъ то и дѣло выпускалъ свои колючіе щупальцы, и облюбованныя имъ провинціи послѣ тщетныхъ судорожныхъ метаній оказывались внутри желѣзнаго обруча, именуемаго россійской государственной властью. Такимъ образомъ установились проведенныя огнемъ и мечемъ границы россійскаго государства, такимъ образомъ сложился китообразный организмъ, который, не встрѣтивъ естественныхъ преградъ, распростерся на шестую часть земного шара. Какія же цѣли ставило себѣ русское правительство по отношенію къ покореннымъ національностямъ? Какую политику оно преслѣдовало въ „присоединенныхъ“ провинціяхъ? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: это была хищническая политика въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Ни о какомъ-нибудь раціональномъ управленіи „присоединенной“ провинціей въ соотвѣтствіи съ мѣстными нуждами, потребностями и обычаями, ни о какихъ-нибудь мѣропріятіяхъ, способствующихъ развитію промышленности и поднятію культурнаго уровня провинціи, не можетъ быть и рѣчи. Система кнутобойства и безконтрольнаго хозяйничанья бырократіи примѣнялась на окраинахъ съ наибольшимъ усердіемъ. Какъ только русскій флагъ поднимался надъ „присоединенной“ провинціей, туда немедленно откомандировывались наиболѣе отличавшіеся своими укротительскими способностями чиновники, а за ними, какъ стая вороновъ, слетались ихъ вѣчные спутники—сіятельные и превосходительные авантюристы и всякаго рода истинно-русскіе патріоты. При дружныхъ усиліяхъ этихъ „коренныхъ“ элементовъ совершалось дѣло „умиротворенія“ „инородцевъ“ и насажденія „русской культуры.“ Изъ края выжимали все, что можно было, посредствомъ податей, налоговъ и рекрутскаго набора. Эксплоатація природныхъ богатствъ отличалась своими хищническими способами, мѣстные языки изгонялись изъ общественной жизни, надъ національной культурой и обычаями издѣвались самымъ циничнымъ образомъ, и безпощадно перерѣзывались всѣ нити, связывающія воедино національную жизнь покореннаго народа. Но за то провинція прикрѣплялась мертвой петлей къ центру такъ, чтобы до нея долеталъ каждый свистъ петербургскаго кнута. Такимъ образомъ, населеніе окраинъ было обречено на культурное и экономическое вырожденіе, всякая же живая мысль, всякое свободное слово, всякое общественное движеніе должны были уходить въ подполье. Но если въ подпольѣ иной разъ и кипѣла жизнь, то на поверхности господствовали тишь и гладь да чиновничья благодать. Правда,

„кичливый ляхъ“ долго не успокаивался и все пытался втягивать въ „польскую интригу“ кое-кого изъ сильныхъ міра сего. Но въ такихъ случаяхъ объявляли, что это—„споръ славянъ между собою, домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбой“, и Муравьевы-Вѣшатели назначались въ качествѣ „третейскихъ судей“ въ этихъ „домашнихъ спорахъ“. Если же „жидъ“ или „армяшка“ обнаруживалъ признаки политической жизни, то съ ними еще меньше церемонились—на нихъ натравляли всегда готовыя къ услугамъ черныя сотни, а въ такихъ „проявленіяхъ національной розни и племенной ненависти“—таково скромное названіе погромовъ на оффиціальномъ языкѣ—на долю бюрократіи всегда выпадала роль tertius gaudens. Такъ дѣло продолжалось десятки лѣтъ. Но въ то время, когда власти предержащія увѣряли себя и другихъ, что „на Шипкѣ все спокойно“, вогнанныя во внутрь раны ускоряли процессъ разложенія громоздкаго государственнаго организма Россіи, который, вслѣдствіе своей дряхлости и внутренней немощи чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становился въ противорѣчіе съ растущими требованіями экономическаго и политическаго развитія страны. Когда же подъ тяжелыми ударами революціи порвалась, наконецъ, та мутная гладь общественной жизни, которая была скована мертвящимъ режимомъ, тогда съ особенной силой выступила наружу вѣками накоплявшаяся скрытая энергія недовольства угнетенныхъ національностей. На всемъ протяженіи многоязычной Россіи разрастались національныя движенія—пролетарскія и буржуазныя, втянувъ въ активную политическую жизнь широкія массы, остававшіяся до сихъ поръ пассивными и инертными. Революція вывела изъ вѣковой летаргіи такія національности, въ которыхъ, казалось, навсегда погасла искра національной энергіи. Достаточно указать на движеніе среди бурятъ, имѣвшихъ въ прошломъ году свой съѣздъ, на которомъ были формулированы ихъ національныя и областныя требованія, да на молодую—вѣроятно самую младшую въ пролетарской интернаціональной семьѣ—татарскую соціальдемократію, чтобы понять, какъ широко разлилась волна національнаго движенія въ Россіи. Она проникла даже въ самые медвѣжьи уголки обширной Россійской имперіи, и изъ глубинъ народной жизни она подняла на поверхность политическаго движенія проблемы областной и національной автономіи. Эти проблемы выдвинуты жизнью со всей категоричностью, онѣ стали кардинальными вопросами государственнаго переустройства Россіи и, безъ сомнѣнія, онѣ займутъ

одно изъ первыхъ мѣстъ въ ordre du jour Россійскаго Учредительнаго Собранія. Ни одинъ серьезный политическій дѣятель не можетъ отрицать первостепенную важность этихъ вопросовъ, и даже архиумѣренный и консервативный графъ Гейденъ долженъ былъ признаться, что „національные вопросы волнуютъ Россію, и ихъ необходимо рѣшить для умиротворенія страны“ (см. его рѣчь на засѣданіи Государст. Думы отъ 13 мая). Но среди этого всеобщаго признанія неминуемости и неотложности національной и областной реформы раздаются одинокіе протестующіе голоса, исходящіе изъ лагеря крайнихъ правыхъ, этихъ ревностныхъ защитниковъ „основъ“, да... по какому-то прискорбному недоразумѣнію, изъ лагеря наиболѣе энергичныхъ борцовъ за полную демократизацію общественной жизни—изъ лагеря соціальдемократовъ. Это схожденіе крайностей тѣмъ болѣе поразительно, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи программъ Р. С.-Д. Р. П. и „истинно-русскихъ“ партій и союзовъ, наталкиваешься на полное почти совпаденіе въ формулировкѣ программныхъ пунктовъ, касающихся областного и національнаго вопроса. С.-д. полагаютъ, что весь областной вопросъ и переплетающійся съ нимъ національный вопросъ исчерпывается третьимъ пунктомъ ихъ программы, гласящимъ: „Широкое мѣстное самоуправленіе; областное самоуправленіе для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія“ *). Къ этому пункту соціальдемократической программы и къ тѣмъ характернымъ дебатамъ, которые онъ вызвалъ на второмъ съѣздѣ Россійской С.-Д. Рабочей Партіи мы сейчасъ вернемся. Но сопоставьте его прежде всего съ соотвѣтствующимъ пунктомъ программы хотя бы... „Отечественнаго Союза“, гласящимъ, что „первымъ и основнымъ положеніемъ своей программы отечественный союзъ признаетъ начало цѣлости и нераздѣльности русскаго государства съ допущеніемъ для *окраинъ лишь такихъ вызываемыхъ мѣстными условіями особенностей, которыми не нарушилось бы единство Россіи* **)—и вы убѣдитесь, что никакихъ существенныхъ различій между этими пунктами не существуетъ. Или вотъ еще одно не лишенное интереса сравненіе. „Партія правового порядка, съ своей стороны, безусловно отвергаетъ, какъ было замѣчено выше, всякую идею о переустройствѣ Россіи по федеративному типу. Не

*) Цитировано по „Полному сборнику платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій“. Изданіе второе. СПБ. 1906. Стр. 15.

**) Ibidem, стр. 124. Курсивъ нашъ.

къ расщепленію государства и его населенія путемъ *автономнаго обособленія отдѣльныхъ мѣстностей и сопряженной съ тѣмъ неизбѣжной территоріальной равноправности жителей мы должны итти, а къ установленію единаго русскаго гражданства, къ равноправности всѣхъ на всемъ пространствѣ Россіи*"...*). Эта цитата взята нами изъ программы партіи правового порядка, но развѣ подъ ней не подпишется всякій „россійскій соціальдемократъ"? Развѣ онъ можетъ выставить какія-нибудь принципіальныя возраженія, когда сама „Искра" въ разныхъ варіаціяхъ и при обильныхъ полемическихъ выпадахъ противъ различныхъ „сепаратистическихъ" автономистовъ со стойкостью, достойной лучшей участи, защищала свой пресловутый догматъ, что „не дѣло пролетаріата проповѣдывать автономію и федерацію"?

Но, можетъ быть, то обстоятельство, что наши соціальдемократы очутились въ удушливыхъ объятіяхъ самой гнусной и отъявленной реакціи въ одномъ изъ кардинальнѣйшихъ вопросовъ государственнаго переустройства Россіи, откроетъ имъ глаза на ту пропасть, въ которую ведетъ ихъ черезчуръ уже прямолинейное увлеченіе идеей централизма. Можетъ быть, слишкомъ уже обидное единодушіе съ „правопорядчиками" заставитъ ихъ критически провѣрить свои основныя положенія въ данномъ вопросѣ и отказаться отъ чудовищныхъ по своей политической нелѣпости выводовъ. Что же, будемъ надѣяться... Но пока же всякій, кто только знакомъ съ литературой россійской соціальдемократіи по интересующему насъ вопросу, долженъ согласиться съ нами, что понятіе „единства и недѣлимости" Россіи стало для нашихъ соціальдемократовъ какимъ-то несокрушимымъ символомъ вѣры, и они даже не пытаются установить предѣлы этого единства, боясь, очевидно, додуматься до какой-нибудь децентралистической ереси.

Читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ наиболѣе характерную, хотя нѣсколько длинную выдержку изъ дебатовъ по вопросу объ областномъ самоуправленіи, имѣвшихъ мѣсто на II очередномъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П.

„Читается § 3 въ редакціи коммиссіи: „Широкое мѣстное и областное самоуправленіе".

„Ленинъ противъ слова „областное", ибо это *очень неясно и можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что соціальдемократія требуетъ раздѣленія всего государства на мелкія области.*

*) Ibidem, стр. 110—111. Курсивъ нашъ.

„Либеръ стоитъ за слово „областное", такъ какъ слова „мѣстное самоуправленіе" есть самоуправленіе деревень и городовъ, *область же есть союзъ деревень и городовъ.*

„Мартовъ не согласенъ съ аргументаціей Либера, такъ какъ она ничего общаго не имѣетъ съ соціальдемократической аргументаціей. За самовольные союзы общинъ мы стоять не можемъ. Но громадное пространство Россіи и опытъ нашего централизованнаго управленія даетъ намъ поводъ считать *необходимымъ и цѣлесообразнымъ существованіе областного самоуправленія для такихъ крупныхъ единицъ, какъ Финляндія, Польша, Литва и Кавказъ.*

„Поэтому онъ вноситъ въ резолюцію поправку и предлагаетъ читать весь § 3 такимъ образомъ: „Широкое мѣстное самоуправленіе; областное управленіе для тѣхъ окраинъ, которыя по своимъ бытовымъ условіямъ и составу населенія отличаются отъ собственно-русскихъ мѣстностей". (Протоколы II съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Женева. 1903 г., стр. 170).

Эта цитата прямо таки изобилуетъ перлами государственной мудрости нашихъ россійскихъ соціальдемократовъ. Казалось бы, что когда поднимается вопросъ о демократическомъ устройствѣ Россіи, въ составъ которой входятъ такія разнообразныя по своимъ климатическимъ, этнографическимъ, бытовымъ, культурнымъ и экономическимъ условіямъ области, какъ Камчатка и Польша, Восточная Сибирь и Кавказъ,— то политическая мысль должна была на первыхъ своихъ шагахъ натолкнуться на проблему областной автономіи, выдвигающуюся во весь свой ростъ. Рѣшенія этой проблемы требуютъ интересы не только демократіи, но и государственной цѣлесообразности. Вѣдь если бы даже центральная законодательная и административная власть была организована на самыхъ демократическихъ началахъ, то и тогда немыслимо было бы охватывать нитями централизаціи все разнообразіе интересовъ различныхъ областей Россіи. Предположите самыя благія намѣренія, добрую волю, политическую зрѣлость и послѣдовательный демократизмъ у всѣхъ депутатовъ будущаго общеимперскаго парламента, то все же непостижимо, посредствомъ какой „интуиціи" житель Архангельской губерніи сумѣетъ постигать и регулировать законодательнымъ путемъ областные интересы какого-нибудь Крыма. Предположите, что всѣ наши будущіе Горемыкины, Стишинскіе и Треповы, однимъ словомъ, всѣ тѣ, которые будутъ стоять у центральнаго административнаго аппарата,—будутъ отличаться всѣми тѣми

рѣдкими качествами и достоинствами, которыми Платонъ надѣляетъ государственныхъ людей въ своей „Politeia“, то все же невѣроятно, чтобы даже эти „мудрые аки зміи“ администраторы, были въ состояніи оріентироваться во всѣхъ разнообразныхъ областныхъ интересахъ и направлять ихъ на путь прогрессивнаго развитія. Очевидно, что если вся полнота законодательной и административной власти будетъ сосредоточена въ центрѣ, то при самой даже счастливой комбинаціи государственныхъ учрежденій и дѣятелей немыслимо болѣе или менѣе планомѣрное удовлетвореніе областныхъ интересовъ. При отсутствіи областной автономіи эти послѣдніе будутъ либо просто игнорироваться, либо же—при нѣкоторомъ болѣе чѣмъ вѣроятномъ усердіи нашихъ централизаторовъ, которыхъ въ немаломъ количествѣ воспитывала вѣковая политика самодержавія—подавляться самымъ рѣшительнымъ образомъ. Такимъ образомъ, при существующихъ въ Россіи политическихъ условіяхъ централизмъ выступаетъ либо какъ неразрывная часть и неотдѣлимое дополненіе бюрократическаго абсолютизма, либо же—перефразируемъ выраженіе Бебеля объ антисемитизмѣ—онъ является *демократизмомъ* глупцовъ. Но кто не ослѣпленъ фанатизмомъ всепоглощающаго централизма, тотъ долженъ проникнуться сознаніемъ всей необходимости и неминуемости децентрализаціи законодательной и административной власти въ видѣ областныхъ и, какъ увидимъ ниже, національныхъ автономій. А между тѣмъ пересмотрите вышеприведенную выдержку изъ „протоколовъ II съѣзда“, прочтите рѣчи другихъ ораторовъ, говорившихъ по интересующему насъ вопросу, и вы будете поражены тѣмъ, что ни первоначальный проектъ дебатировавшагося третьяго пункта программы, ни одинъ изъ говорившихъ ораторовъ ни словомъ не заикнулся объ автономіи (за исключеніемъ развѣ господина Карскаго, который по недоразумѣнію, основанному на смѣшеніи двухъ совершенно различныхъ по своимъ матеріальнымъ и формальнымъ признакамъ понятій „автономія“ и „самоуправленіе“, вскользь упомянулъ объ автономіи*).

*) *Примѣчаніе.* Особенно непростительно это смѣшеніе понятій въ программѣ соціальдемократіи Польши и Литвы, гдѣ фигурируетъ требованіе „*мѣстное самоуправленіе или автономія Польши*“, какъ будто это равнозначущія понятія. Изъ элементарнаго учебника государственнаго права польскіе соціальдемократы могли бы узнать, что подъ *самоуправленіемъ* разумѣютъ извѣстную самостоятельность мѣстныхъ учрежденій въ дѣлахъ *административныхъ*, причемъ административные акты органовъ самоуправленія не могутъ противорѣчить *какому бы то ни было закону или постановленію* центральной законо-

Слово „автономія“ совершенно отсутствуетъ въ политическомъ лексиконѣ нашей соціальдемократіи. Весь споръ вращается вокругъ вопроса о самоуправленіи при всеобщемъ молчаливомъ согласіи, что централизованная законодательная власть отстается внѣ всякихъ посягательствъ. И вотъ соціальдемократическій лидеръ Ленинъ, воспитанный на бюрократически-административномъ дѣленіи Россіи на губерніи и уѣзды, недоумѣваетъ, что такое „область“ и „страха ради іудейска“ („слово „областное самоуправленіе“, видите ли, можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что соціальдемократія требуетъ—о ужасъ!—раздѣленія всего государства на мелкія (?) области“) онъ предлагаетъ выбросить „неясное“ требованіе „областного самоуправленія“, фигурировавшее въ первоначальномъ проектѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое область? Совпадаетъ ли она съ генералъ-губернаторствами и намѣстничествами—этими созданіями самодержавно-бюрократическаго механизма? По мнѣнію представителя Бунда Либера, „область есть союзъ (?!) деревень и городовъ“. Но это, съ позволенія сказать, объясненіе „не имѣетъ ничего общаго не только съ соціальдемократической аргументаціей“, какъ замѣтилъ Мартовъ, но оно также ничего общаго не имѣетъ ни съ государственно-правовой, ни съ историко-политической терминологіей. И вотъ, наконецъ, Мартовъ даетъ свое объясненіе: областями являются „такія крупныя единицы, какъ Финляндія, Польша, Литва и Кавказъ“—для

дательной власти. Между тѣмъ, *автономія* предполагаетъ *право* изданія по тѣмъ или другимъ вопросамъ *законовъ* для данной мѣстности, *замѣняющихъ законы общіе*. Сама польская соціальдемократія вкладываетъ въ свое требованіе „мѣстнаго самоуправленія или автономіи Польши“ слѣдующее содержаніе: „Это значитъ,—говорятъ они,—что вопросы, касающіеся спеціально нашего края, должны *рѣшаться* населеніемъ нашего края, *при посредствѣ собственныхъ чиновниковъ и областного сейма*... и что должны быть введены польскія школы, суды (собственный уголовный и гражданскій кодексъ? Базинъ) и другія необходимыя учрежденія, *въ своей дѣятельности подчиненныя сейму*“ (См. Роза Люксембургъ „Чего мы хотимъ?“—коментарій къ программѣ с.-д. Польши и Литвы. СПБ. 1906, стр. 23 и 25. Курсивъ нашъ). И такую широкую компетенцію они называютъ скромнымъ именемъ „самоуправленія!“ Не хотятъ ли они этимъ именемъ прикрыть свое отступленіе отъ прежней своей позиціи?

Помнится, какъ польскіе соціальдемократы пришли когда то въ умиленіе отъ пресловутаго наставленія „Искры“, что, дескать, не дѣло пролетаріата проповѣдывать автономію и федерацію (См. „Заявленіе делегаціи соціальдемократіи Польши и Литвы, сдѣланное второму съѣзду Р. С.-Д. Р. П. въ „Приложеніяхъ“ къ „протоколамъ“ послѣдняго). А теперь они сами проповѣдуютъ автономію. O tempora, o mores!...

этихъ послѣднихъ „необходимо и цѣлесообразно существованіе областного самоуправленія“.

Теперь ясность, наконецъ, достигнута. Право на областное самоуправленіе признается за нѣкоторыми „счастливыми“ провинціями—за Финляндіей, Польшей etc., за той самой Финляндіей, которая *номинально* (а долгое время и также въ настоящее—фактически) имѣетъ свою конституцію и фактически всегда пользовалась автономіей подъ самодержавнымъ покровительствомъ. Даже въ эпоху самаго дикаго разгула реакціи при достопамятной политикѣ Плеве-Бобрикова финляндскій сеймъ продолжалъ имѣть свои сессіи. Конечно упраздненіе автономіи Финляндіи и замѣна ея (автономіи) самоуправленіемъ составляла завѣтную мечту господъ Плеве, Бобрикова и компаніи,—мечту, которой, увы! не суждено было осуществиться; но согласитесь, что соціальдемократу не приличествуетъ забѣгать впередъ Бобрикова и заднимъ числомъ санкціонировать его доблестные подвиги.

„Все дѣйствительное разумно“—эту формулу Гегеля соціальдемократы кладутъ въ основу своей областной политики. Русскій штыкъ взялъ верхъ надъ геройскими усиліями поляковъ вернуть себѣ политическую независимость—это фактъ, и Польша должна довольствоваться самоуправленіемъ. Самодержавное правительство протянуло свою желѣзную длань къ финляндской конституціи съ стремленіемъ разорвать ее—это *можетъ* стать фактомъ, и, заранѣе учитывая его, соціальдемократы считаются съ Финляндіей, какъ съ русской „областью“, которой ничего больше и не нужно, кромѣ самоуправленія. Если бъ дальневосточная авантюра увѣнчалась успѣхомъ и окончилась бы присоединеніемъ Маньчжуріи къ Россіи, тогда, вѣроятно, какой-нибудь соціальдемократическій лидеръ углубился бы въ своихъ сомнѣніяхъ, можно ли считать Маньчжурію Россійской областью или слѣдуетъ ее просто считать Маньчжурской губерніей Россійской имперіи, въ родѣ Тульской или Тверской губерніи, а другой болѣе рѣшительный лидеръ согласился бы считать ее „областью“ и великодушно выбросилъ бы ей кость „областного самоуправленія“...

Эта явно-реакціонная политика нашла въ соціальдемократической литературѣ свое теоретическое обоснованіе и этическое оправданіе. Сознавая всю антидемократическую сущность своей областной политики, соціальдемократы изъ „Вѣстника Жизни“ оправдываютъ ее такимъ образомъ: „здѣсь демократическій принципъ долженъ отойти на задній планъ передъ соображеніями выс-

шаго порядка, предъ принципомъ наиболѣе благопріятныхъ условій для борьбы за соціалистическій строй“ (П. Тучапскій (П. Лукашевичъ), „Вѣстникъ Жизни“, № 9, стр. 31).

Мы позволимъ себѣ сомнѣваться въ правильности „соображеній высшаго порядка“ г-на Тучапскаго. Мы думаемъ, что побѣды соціалистическаго движенія, купленныя цѣной измѣны демократическому принципу, довольно таки фиктивны. Если стать на шаткую позицію цитируемаго автора, то можно, пожалуй, докатиться по наклонной плоскости до самыхъ чудовищныхъ выводовъ, до признанія съ соціальдемократической точки зрѣнія буржуазной колоніальной политики. Представимъ себѣ на минуту, что экономическое развитіе Россіи пошло бы болѣе быстрымъ темпомъ, ссли бъ Россія завоевала для себя монополію на Китайскомъ или Персидскомъ рынкѣ, тогда г. Тучапскій, будучи послѣдовательнымъ, долженъ былъ бы привѣтствовать всякую побѣду русскихъ штыковъ въ Китаѣ или Персіи. Мы поэтому ни въ коемъ случаѣ не можемъ признать, что интересы пролетаріата могутъ выиграть отъ попиранія ногами демократическаго принципа, и мы полагаемъ, что всѣ кажущіяся коллизіи между соціализмомъ и демократизмомъ исчезаютъ при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, правы ли тѣ, которые полагаютъ, что „условія борьбы за соціалистическій строй“ выдвигаютъ предъ россійскимъ пролетаріатомъ задачу прикрѣпленія окраинъ къ центру?

Одно изъ главныхъ возраженій соціальдемократовъ противъ политической децентрализаціи Россіи состоитъ въ томъ, что децентрализація будто бы препятствуетъ промышленному развитію страны, и уже тѣмъ самымъ она противорѣчитъ интересамъ пролетаріата, заинтересованнаго въ этомъ развитіи.

Посмотримъ, однако, насколько этотъ взглядъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Было бы, конечно, нелѣпо утверждать, что наступательное экономическое развитіе возможно лишь въ государствахъ съ необъятнымъ пространствомъ, лишь въ „имперіяхъ незаходящаго солнца“. Никто не можетъ отрицать, что маленькія Бельгія, Голандія, Данія поставлены въ менѣе выгодныя условія промышленнаго развитія, чѣмъ крупныя европейскія государства. Если даже допустить нелѣпый—съ точки зрѣнія соотношенія силъ въ данный моментъ—случай, что всѣ окраины Россіи совершенно отдѣлились бы отъ нея, то сама центральная Россія не уступаетъ по своимъ природнымъ богатствамъ и количеству населенія

ни одному изъ западно-европейскихъ государствъ, а нѣкоторыя окраины сами по себѣ имѣли бы такія же шансы на промышленное процвѣтаніе, какъ многія изъ современныхъ государствъ Стараго и Новаго свѣта. Конечно, при неразрывной связанности окраинъ съ центромъ, при существованіи 140-милліоннаго рынка, не раздѣленнаго никакими таможенными кордонами и перегородками, процессъ обмѣна не встрѣчаетъ никакихъ искусственно воздвигнутыхъ препятствій. Но развѣ устраненіе этихъ препятствій возможно лишь въ покоренной странѣ? Развѣ не существуютъ таможенныя соглашенія между двумя самостоятельными государствами? Развѣ безпрепятственный обмѣнъ невозможенъ при самой слабой государственной связи между обмѣнивающимися странами, какъ напримѣръ, между Австріей и Венгріей?

Но отбросимъ всѣ эти неопровержимые факты и соображенія и допустимъ, что правъ г-нъ Тучапскій, когда онъ утверждаетъ, что „экономическая жизнь Россіи въ цѣломъ связана *неразрывными нитями*“, что „*одна часть Россіи не можетъ обойтись въ экономическомъ отношеніи безъ другой*“, но все-таки отсюда еще очень далеко до его вывода, что „въ интересахъ всей совокупности экономической жизни не обособлять урегулированіе отдѣльныхъ отраслей этой экономической жизни, а, наоборотъ, *сосредоточивать его въ рукахъ одного центральнаго законодательнаго учрежденія*“. [Ibidem, стр. 30. Курсивъ вездѣ нашъ].

Пусть „одна часть Россіи не можетъ обойтись въ экономическомъ отношеніи безъ другой“, но, принимая во вниманіе все разнообразіе географическихъ и климатическихъ вліяній, которымъ подвержена экономическая жизнь этихъ „частей“, принимая во вниманіе всѣ различныя градаціи ихъ экономическаго и культурнаго уровня необходимо признать, что центральное законодательство въ состояніи болѣе или менѣе правильно и плодотворно нормировать лишь самыя общія, условія совокупной экономической жизни. Общая армія и флотъ, общіе таможенные законы и финансы, общая внѣшняя политика и торговые договоры, общая монета и марка,—это ли еще не прочныя („неразрывныя“) нити, способныя связать различныя части имперіи въ *общемъ* направленіи экономическаго развитія! Но вѣдь за перечисленными государственными функціями стоитъ цѣлый рядъ общественныхъ задачъ и интересовъ, тѣсно связанныхъ съ особенностями мѣстной промышленности, какъ напримѣръ: мѣстные пути сообщенія—сухопутные и водные, оборудованіе портовъ и гаваней,

охрана лѣсовъ и водъ, эксплоатація природныхъ богатствъ, а въ значительной степени и фабричное законодательство и т. п. Для планомѣрнаго регулированія всѣхъ интересовъ, въ виду ихъ сложности и общественной важности, необходимы прерогативы законодательной власти, а между тѣмъ втискиваніе ихъ въ сферу компетенціи *центральной* законодательной власти привело бы къ насильственному нивеллированію индивидуальныхъ особенностей мѣстной экономической жизни. Вѣдь надо быть завзятымъ централистомъ—ex officio или ex amore, чтобы стремиться нормировать по одному шаблону во всѣхъ деталяхъ условія экономической жизни юго-западнаго края, являющаюгося центромъ сахарной промышленности, и той же жизни на Уралѣ, главномъ очагѣ горнозаводской промышленности, или хотя бы—горнозаводскую промышленность на Уралѣ и ту же промышленность въ южныхъ губерніяхъ. Очевидно, что интересы всесторонняго экономическаго развитія, на которыхъ базируютъ соціальдемократы, настойчиво выдвигаютъ необходимость столь ненавистныхъ имъ областныхъ законодательныхъ учрежденій, широкія задачи которыхъ не укладываются въ прокрустово ложе самоуправленія. Ибо какъ бы широко ни было „широкое“ мѣстное и областное самоуправленіе, требуемое соціальдемократіей, оно по публично-правовому смыслу своему лишено права законодательства, а можетъ лишь издавать „обязательныя постановленія“ *въ порядкѣ административномъ* [1]).

Какъ видите, соціальдемократическая басня о пагубномъ якобы вліяніи областной автономіи на ходъ промышленнаго развитія Россіи основана на сплошномъ, мягко выражаясь, недоразумѣніи. Какъ разъ интересы всесторонняго экономическаго развитія выдвигаютъ именно настойчивую потребность въ областной автономіи.

На этомъ мы можемъ, пожалуй, покончить съ вопросомъ объ областной автономіи въ программѣ Р. С.-Д. Р. П., чтобы обратиться къ разсмотрѣнію вопроса о національной автономіи въ той же программѣ.

Признавая все огромное значеніе областной автономіи для политическаго и соціальнаго развитія Россіи, мы, однако, не

---

[1]) Административная децентрализація въ видѣ самоуправленія, хотя и значительно урѣзаннаго, была терпима даже въ самодержавной Россіи, гдѣ земства и города пользовались правомъ изданія обязательныхъ постановленій.

должны забывать, что она представляетъ собой только *одинъ изъ видовъ* государственной децентрализаціи. И поэтому мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ согласиться съ тѣми, которые разсматриваютъ ее какъ *единственную* панацею противъ *всѣхъ* золъ централизма, особенно когда рѣчь идетъ о такихъ Nationalitätenstaaten, какъ Россія.

Дѣло въ томъ, что при россійскихъ условіяхъ національный вопросъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, остался бы во всей своей силѣ даже при наличности автономіи областей. А между тѣмъ болѣе или менѣе правомѣрное регулированіе нац. жизни пріобрѣтаетъ для пролетаріата особенно важное значеніе уже по одному тому, что оно устраняетъ съ его пути одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ правильному развитію его классовыхъ силъ, планомѣрному и цѣлесообразному направленію его классовой политики.

Что областная автономія, не рѣшая нац. вопроса, переноситъ только сферу проявленій нац. борьбы въ областные сеймы, превращая послѣдніе въ арену для нац. столкновеній и треній,—это стало общимъ мѣстомъ съ тѣхъ поръ, какъ печальный опытъ областныхъ ландтаговъ Австріи разсѣялъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Однако, въ послѣднее время нѣкоторыя украинскія партіи—радикально-демократическая и соціальдемократическая,—увлекшись поверхностной аналогіей съ Брюннской программой австрійскихъ соціальдемократовъ, выработанной, конечно, для другихъ этнографическихъ условій, стали защищать идею національно-территоріальной автономіи. Россія, говорятъ они, должна быть раздѣлена на такія территоріальныя единицы, чтобы каждой національности была отмежевана особая область, которая пользовалась бы правами автономіи. Но бѣглый взглядъ на этнографическую карту Россіи можетъ убѣдить насъ въ абсолютной невозможности выкраивать территоріальныя полосы, которыя были бы однородны по національному составу населенія. Попробуйте изъ всего пространства Россіи выдѣлить національную территорію для татаръ, напримѣръ, и вы увидите, что эта территорія клочками разбросана въ разныхъ углахъ имперіи. Если даже сбросить со счетовъ сибирскихъ татаръ и считать только европейскихъ, то оказывается, что они живутъ частью въ Казанской, частью въ Астраханской, частью въ Таврической губерніяхъ, частью же на Кавказѣ, особенно на Восточномъ Закавказьѣ. Приблизительно то же самое получится для поляковъ, которые въ Юго-западномъ краѣ,

Литвѣ и Бѣлоруссіи живутъ почти въ каждомъ уѣздѣ въ перемежку съ другими національностями, и, слѣдовательно, для этихъ послѣднихъ также невозможно выкроить національныя территоріи. Что же сказать про армянъ и евреевъ? Изъ скольких лоскутковъ пришлось бы для нихъ сшивать національную территорію? А если еще принять во вниманіе, что кризисы и безработица, эти неизмѣнные спутники процесса капиталистическаго развитія, должны въ дальнѣйшемъ еще больше перетасовывать населеніе каждой области, тогда станетъ яснымъ, что территоріальное рѣшеніе національнаго вопроса въ Россіи не имѣетъ подъ собою никакой реальной почвы.

Но невозможность территоріальнаго рѣшенія національнаго вопроса придаетъ ему еще больше остроты и жгучести, которыя увеличиваются вмѣстѣ съ возраставшемъ внутреннихъ массовыхъ передвиженій, и въ свою очередь ведущихъ къ увеличенію плоскости національныхъ треній. Какой же выходъ изъ этого стихійно создающагося положенія предлагаютъ намъ россійскіе соціальдемократы? Пролетаріату нѣтъ никакого дѣла до національныхъ раздоровъ, до національной грызни, пролетаріи всѣхъ странъ и всѣхъ націй солидарны между собою, и эта солидарность не оставляетъ мѣста для какихъ-либо національныхъ задачъ, выдвигаемыхъ пролетаріатомъ одной какой-нибудь національности [1])—такъ обыкновенно успокаиваютъ себя и другихъ соціальдемократы. Это не простительно легкомысленное отношеніе къ національному вопросу, теоретически базирующее на извѣстномъ афоризмѣ изъ Коммунистическаго Манифеста—„у пролетаріата нѣтъ отечества“, сквозитъ во всѣхъ разсужденіяхъ соціальдемократовъ о національномъ вопросѣ. Вспомните пресловутую полемику „Искры“ съ „Бундомъ“, когда первая съ серьезнымъ видомъ доказывала, что еврейскую націю выдумалъ Бундъ на своемъ четвертомъ съѣздѣ; пересмотрите протоколы второго съѣзда Россійской соціальдемократіи, на которомъ была фиксирована ея программа—и вы увидите, какія наивно-нелѣпыя и ультра-реакціонныя мысли высказываются нашими соціальдемократами, когда рѣчь заходитъ о правахъ угнетенныхъ національностей. Какое-нибудь элементарнѣйшее національное требованіе о равноправности языковъ, не исключающее, конечно, существованія государственнаго языка,

[1]) Разсужденія на эту тему см., напримѣръ, у Розы Люксембургъ—„Чего мы хотимъ?“ СПБ. 1906, стр. 17—18.

вызвало на съѣздѣ самыя горячія пренія, причемъ Плехановъ предложилъ снять совсѣмъ вопросъ съ очереди, такъ какъ „по его мнѣнію, очевидно, этотъ вопросъ еще недостаточно созрѣлъ (sic!) и требуетъ выясненія въ партійной прессѣ“ [1]). Мы позволимъ себѣ привести еще одно мѣсто изъ уже цитированныхъ „протоколовъ“, которое проливаетъ достаточно свѣта на отношеніе соціальдемократіи къ судьбамъ угнетенныхъ національностей, живущихъ въ Россіи.

„Съѣздъ переходитъ къ обсужденію восьмого параграфа общеполитической части программы, который въ редакціи комиссіи гласитъ такъ: „Право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства“. Членъ делегаціи Бунда (Гольдблатъ), не называя вещей своими именами изъ оппортунистическихъ соображеній въ духѣ Бунда, предлагаетъ прибавить къ § 8 „и созданіе учрежденій, гарантирующихъ имъ полную свободу культурнаго развитія.“ Противъ этого, казалось бы, довольно-таки скромнаго требованія ополчаются всѣ говорившіе ораторы, за исключеніемъ, конечно, бундовцевъ.

„Мартыновъ указываетъ на то, что общія учрежденія *должны* быть устроены такъ, *чтобы они обезпечивали и частные интересы*. (Очень благочестивое пожеланіе! Но какъ ихъ построить? Б.) Невозможно создать никакого особаго учрежденія, обезпечивающаго свободу культурнаго развитія „національности.“

„Егоровъ: Въ вопросѣ о національности мы можемъ *принять лишь отрицательныя предложенія*, т. е., мы противъ всякихъ стѣсненій національности. Но намъ, какъ соціальдемократамъ, нѣтъ дѣла до того, будетъ ли та или другая національность развиваться, какъ таковая. Это—дѣло стихійнаго процесса.“

„Кольцовъ: Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходитъ рѣчь объ ихъ націонализмѣ. Между тѣмъ, та поправка, которая внесена тов. изъ Бунда, чисто націоналистическаго характера. Отъ насъ требуютъ чисто наступательныхъ мѣръ для поддержанія даже тѣхъ національностей, которыя вымираютъ“ [2]). Нечестивый Бундъ! Онъ хотѣлъ увлечь за собою весь соціальдемократическій съѣздъ на путь націоналистическаго грѣхопаденія! Конечно, поправка Гольдблата, предупредительно смягченная въ

---

[1]) Протоколы II съѣзда Р. С.—Д. Р. П. Женева, 1903, стр. 174.

[2]) Ibidem стр. 175—176. Курсивъ вездѣ нашъ.

формулировкѣ представителя Бунда Либера, гласящей: „признаніе за націями права на свободу ихъ культурнаго развитія“, отвергнута всѣми голосами противъ голосовъ делегаціи Бунда, и § 8 былъ принятъ въ редакціи комиссіи: „Право на самоопредѣленіе за всѣми національностями, входящими въ составъ государства.“

Но въ свѣтѣ тѣхъ комментаріевъ къ этому пункту, которые давались на съѣздѣ въ рѣчахъ соціальдемократовъ, выступаетъ наружу вся безсодержательность этого соціальдемократическаго требованія, которое служитъ для соціальдемократовъ фиговымъ листочкомъ для прикрытія ихъ реакціонной политики въ національномъ вопросѣ, но которое, въ сущности, не ведетъ рѣшительно ни къ какимъ измѣненіямъ status quo. Въ самомъ дѣлѣ, разъ соціальдемократы „выдвигаютъ лишь отрицательныя предложенія“ въ національномъ вопросѣ: разъ они считаютъ, что недопустимо созданіе какихъ-либо учрежденій, обезпечивающихъ свободу культурнаго развитія націи; разъ они противъ признанія за націями самаго „права на свободу ихъ культурнаго развитія“ (отвергнутая поправка Либера),—то развѣ ссылка на требованіе права самоопредѣленія для націй не равносильна указанію на пустое мѣсто, развѣ она не напоминаетъ канцелярскую отписку?—Если вы спросите у соціальдемократа, по какимъ признакамъ опредѣляется политическая воля націи, коль скоро отвергается созданіе такихъ учрежденій, въ которыхъ эта воля могла бы правильно формироваться и получить свое конкретное выраженіе [1]); если вы спросите у него, въ какомъ случаѣ нація можетъ разсчитывать на содѣйствіе соціальдемократіи въ осуществленіи своего права на самоопредѣленіе,—то онъ вамъ отвѣтитъ: „Не напугало бы его (т. е. россійскій пролетаріатъ), разумѣется, и полное отдѣленіе отъ русскаго государства той или другой національной единицы, *еслибъ этого требовалъ сознательный пролетаріатъ данной національности*, находя самостоятельное государственное существованіе болѣе соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ.“ [2]) Выходитъ какъ будто, что воля *сознательнаго* пролетаріата суверенна въ опредѣленіи формъ политической жизни своей націи и должна безусловно поддерживаться соціальдемо-

[1]) Подробнѣе объ этомъ вопросѣ см. „Возрожденіе“ ст. „Принципъ національ-дол. авт.“

[2]) П. Тучапскій (Лукашевичъ). „Вѣстникъ Жизни“ № 1, стр. 37. Курсивъ нашъ.

кратіей. Но съ другой стороны, „патенты“ на пролетарскую сознательность выдаетъ сама россійская соціальдемократія, а она уже многократно заявляла, что „въ національномъ вопросѣ она можетъ принять лишь *отрицательныя* предложенія“, а всякія *положительныя* національныя задачи она заранѣе осуждаетъ, какъ сепаратизмъ, какъ мелкобуржуазную политику. Но правда-ли, получается комическое—если не граги-комическое—положеніе. Вы помните школьный примѣръ изъ логики: Аѳинянинъ Аристидъ утверждаетъ, что всѣ аѳиняне лгутъ. Если всѣ аѳиняне лгутъ, то онъ тоже лжетъ и, значитъ, не вѣрно его утвержденіе, что аѳиняне лгутъ; но если аѳиняне говорятъ правду, то онъ тоже говоритъ правду и т. д. Въ такой же заколдованный кругъ вводитъ насъ понятіе права на національное самоопредѣленіе въ соціальдемократическомъ толкованіи этого понятія. *Сознательный* пролетаріатъ каждой національности, воля котораго направляется на достиженіе политической или культурной самостоятельности для своей націи, *можетъ разсчитывать* на содѣйствіе россійской соціальдемократіи въ силу признаннаго ею права національнаго самоуправленія. Но стремленіе къ національной самостоятельности является, по мнѣнію россійскихъ соціальдемократовъ, буржуазной затѣей, мелкобуржуазнымъ сепаратизмомъ—слѣдовательно, пролетаріатъ, ставящій себѣ такія задачи, *не можетъ* считаться сознательнымъ, и на содѣйствіе соціальдемократіи *разсчитывать не можетъ*.

Мы помнимъ, какъ еврейскій пролетаріатъ, организованный въ Бундѣ, считался россійской соціальдемократіей сознательнымъ до того момента, пока онъ не выставилъ требованія культурной автономіи; но, принявши это требованіе на своемъ IV съѣздѣ, онъ превратился въ представленіи и оцѣнкѣ рос. соціальдемократіи изъ „сознательнаго“ въ „сепаратистическій“, шовинистическій“ и т. д. Мы знаемъ также, какъ россійская соціальдемократія „содѣйствовала“ и „содѣйствуетъ“ проведенію бундовскаго требованія культурной автономіи...

Всѣ эти соображенія и факты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что соціальдемократія могла бы безъ ущерба для кого-бы то ни было исключить изъ своей программы § 8, который служитъ тамъ лишь декоративнымъ украшеніемъ, наводящимъ „тѣнь“ на „цѣломудріе“ соціальдемократіи въ національномъ вопросѣ.

Но тутъ предъ нами выдвигается вопросъ, который мы выше поставили: соотвѣтствуетъ ли эта политика соціальдемократіи вѣрно понятымъ интересамъ россійскаго пролетаріата вообще, и пролетаріата подчиненныхъ націй въ частности?—Россію населяетъ много національностей. Многія изъ нихъ еще до момента порабощенія ихъ Россіей продѣлывали, каждая въ отдѣльности, свою самостоятельную исторію, на протяженіе которой складывалась ея соціальная психологія, созидалась ея культура, осаждались ея обычаи и привычки и скристаллизовывалось ея соціально-экономическое строеніе. Двойной гнетъ россійскаго режима—соціальный и національный, накладывалъ неизгладимый отпечатокъ на всю ихъ національную жизнь, коверкалъ ихъ соціальное творчество и втискивалъ ихъ культурное и экономическое развитіе въ тѣсныя рамки, устанавливаемыя мертвящей рукой бюрократіи. Но угнетаемыя національности постепенно приспособлялись, къ этимъ тяжелымъ условіямъ существованія. Подъ вліяніемъ этихъ условій онѣ сокращали свои функціи, доводили до минимума количество развиваемой ими жизненной энергіи, но до полнаго внутренняго разложенія онѣ не доходили. Да и сама система господствовавшаго въ Россіи національнаго гнета, поскольку она имѣла свою внутреннюю логику и не зависѣла отъ случайныхъ капризовъ разныхъ временщиковъ и самодуровъ, была разсчитана не столько на то, чтобы оторвать отъ подчиненной націи какую-нибудь значительную часть, сколько на то, чтобы дезорганизовать ее и привести въ такое состояніе, въ которомъ она не была бы способна проявлять политическое сопротивленіе. Когда же эти націи были втянуты вмѣстѣ со всей Россіей въ процессъ капиталистическаго производства, то степень ихъ общественной организованности сильно поднялась. Обострившъ классовыя противорѣчія и углубляя соціальную пропасть между классами, капитализмъ однако не привелъ къ полной изоляціи классовъ другъ отъ друга, а, наоборотъ, упрочилъ въ извѣстномъ смыслѣ связующія ихъ національныя нити. Каждая нація вступила въ процессъ капиталистическаго производства, охватившій всю Россію, со своимъ культурнымъ багажемъ, со своими навыками мысли, со своимъ запасомъ техническихъ знаній и со своей соціально-экономической структурой, и въ общемъ капиталистическомъ хозяйствѣ Россіи она должна была занять то мѣсто, къ которому ее подготовила исторія ея предшествующей экономической и культурной жизни. Но такъ или иначе, вовлекаясь въ

процессъ капиталистическаго развитія, каждая нація должна была подвергнуться всѣмъ соціальнымъ послѣдствіямъ измѣнившагося способа производства. Въ процессѣ обобществленнаго производства объединялись индивидуальные интересы отдѣльныхъ лицъ, занимающихъ то или другое мѣсто въ этомъ процессѣ, становясь коллективными интересами опредѣленныхъ общественныхъ классовъ, и обособившіеся такимъ путемъ общественные классы должны были начать непримиримую борьбу за экономическое и культурное преобладаніе. Такимъ образомъ капитализмъ вызвалъ въ національной жизни ростъ общественности и организованности, увеличеніе размаха общественной борьбы, подъемъ активности и сознательности широкихъ массъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ повышеніе потенціала самой національной жизни. Угнетенныя національности выросли подъ могучимъ и благотворнымъ вліяніемъ капиталистическаго развитія, ихъ общественные интересы усложнились, и дальнѣйшее ихъ развитіе требуетъ созданія для каждой изъ нихъ сильной и автономной организаціи, которая была бы авторитетна въ силу своей власти и компетентна въ силу своего тѣснаго касанія съ внутренней жизнью націи, для того, чтобы планомѣрно рѣшать все возрастающія задачи этой жизни.

И вотъ, стоя на порогѣ свободной Россіи, національности заговорили объ автономіи, и прежде всего заговорилъ пролетаріатъ угнетенныхъ національностей. Онъ прежде всего нуждается въ національно-автономныхъ учрежденіяхъ для того, чтобы не отставать въ своемъ культурномъ ростѣ отъ прогрессирующаго промышленнаго развитія, онъ нуждается въ публично-правовыхъ національныхъ учрежденіяхъ, какъ въ могучемъ орудіи въ своей борьбѣ съ буржуазіей за удовлетвореніе нуждъ національной жизни въ интересахъ широкихъ массъ; онъ наконецъ, заинтересованъ въ томъ, чтобы національная автономія, размежевавъ плоскости внутренней жизни національностей, освобождала классовую политику пролетаріата отъ всякихъ привходящихъ моментовъ національной борьбы.

Конечно, тутъ возможны и дѣйствительно существуютъ разногласія относительно того, какъ далеко должны простираться функціи національно-автономныхъ учрежденій, какъ широка должна быть сфера ея компетенціи, какъ должно регулироваться отношеніе органовъ національной автономіи къ органамъ общеимперской власти, и т. д. и т. д. Къ этимъ вопросамъ мы еще вернемся въ ближайшемъ нашемъ очеркѣ, гдѣ мы подробнѣе разовь-

емъ лишь бѣгло намѣченныя здѣсь положенія. Но въ настоящій моментъ насъ интересуетъ другой вопросъ: имѣетъ ли отрицаніе за угнетенными національностями всякой автономности въ предѣлахъ Россійской имперіи какую нибудь реальную почву подъ собою? Мы видѣли, что нѣтъ, что отрицаніе это не соотвѣтствуетъ ни общимъ интересамъ политическаго и экономическаго развитія, ни интересамъ развитія пролетаріата, въ частности. Требованіе національной автономіи становится все болѣе популярнымъ и, выдвинутое впервые пролетаріатомъ, оно начинаетъ поддерживаться широкими слоями населенія.

Будетъ ли россійская соціальдемократія при этихъ условіяхъ въ состояніи долго держаться на своей позиціи въ національномъ вопросѣ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Соціальдемократія не можетъ оставаться глухой къ властному голосу жизни; какъ пролетарская партія, она не сможетъ дѣйствовать противъ интересовъ пролетаріата. Вспомните путь, пройденный австрійской соціальдемократіей отъ Гайнфельда до Брюнна, отъ игнорированія національнаго вопроса до выставленія болѣе или менѣе радикальной національной программы. Такой приблизительно путь предстоитъ пройти при другихъ условіяхъ и россійской соціальдемократіи.

Базинъ.

Наши критики.

Статья первая.

Недавно вышелъ въ свѣтъ сборникъ статей подъ заглавіемъ: „Возрожденіе“ (Еврейскій пролетаріатъ и національная проблема). Еврейская пресса почему-то подарила этотъ сборникъ своимъ особеннымъ, хотя и довольно своеобразнымъ вниманіемъ. Почти вся еврейская печать, какъ буржуазная, такъ и пролетарская, въ ея различныхъ теченіяхъ, подвергла его болѣе или менѣе тщательной и притомъ почти всегда чрезвычайно суровой критикѣ. За сравнительно короткое время накопилось такое обиліе критическаго матеріала, что разобраться въ немъ становится дѣломъ далеко не легкимъ. Эта задача особенно усугубляется еще по слѣдующимъ причинамъ.

Уже одно заглавіе сборника: „еврейскій пролетаріатъ и національная проблема“ говоритъ намъ о сложности и обширности тѣхъ проблемъ, которыя онъ необходимо долженъ былъ затронуть. Дѣйствительно, кто станетъ отрицать, что національный вопросъ представляетъ собой одинъ изъ наиболѣе сложныхъ и наименѣе разработанныхъ вопросовъ, какъ научной соціологіи, такъ и практической соціальной политики? Далѣе, кто изъ интересующихся судьбами еврейства не приходилъ къ мучительному сознанію, что еврейская жизнь образуетъ безконечно сложную и запутанную сѣть проблемъ, куда почти совсѣмъ еще не проникалъ свѣтъ научнаго изслѣдованія? Понятно, что совокупность всѣхъ этихъ проблемъ выдвигаетъ передъ всякимъ, желающимъ хоть сколько-нибудь серьезно и добросовѣстно разобраться въ нихъ, до чрезвычайности трудную и обширную задачу: ему по необходимости приходится касаться и даже устанавливать свое отношеніе къ самымъ разнообразнымъ, а подчасъ самымъ основнымъ вопросамъ, относящимся къ различнымъ областямъ общественной науки и политики.

Само собой разумѣется, что авторы упомянутаго сборника ни малѣйше не могли претендовать на то, чтобы въ предѣлахъ журнальныхъ статей дать сколько-нибудь обстоятельное и исчерпывающее выясненіе поставленныхъ вопросовъ. Согласно ихъ собственнымъ заявленіямъ, они пытались намѣчать лишь основныя линіи, общія контуры соотвѣтствующаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, часто, особенно когда рѣчь шла о положеніяхъ, уже высказанныхъ и ставшихъ болѣе или менѣе признанными въ общественной наукѣ, они считали для себя возможнымъ ограничиваться лишь полусловами, отдѣльными намеками, надѣясь при этомъ, что, по крайней мѣрѣ, читатель, знакомый съ литературой вопроса, всецѣло ихъ пойметъ. Но въ своихъ разсчетахъ они, однако, упустили изъ виду одно обстоятельство: крайнее „своеобразіе“ еврейской публицистической критики. Это „своеобразіе“ заключается въ томъ, что авторы, предпринимающіе тѣ или другіе критико-публицистическіе „опыты“, отнюдь не всегда считаютъ своимъ долгомъ имѣть хоть отдаленное представленіе о предметѣ, служащемъ темой для ихъ, порой довольно развязной критики. Яркій образецъ такого рода „критики“ и представляетъ собой большинство статей, посвященныхъ нашему сборнику. Читая эти статьи, вы часто прямо поражаетесь тому невѣроятному невѣжеству, которое сквозитъ здѣсь въ каждой строчкѣ. Положенія, взаимно исключающія другъ друга, то и дѣло чередуются здѣсь съ сочетаніемъ фразъ, не имѣющихъ ровно никакого смысла, и въ результатѣ получается полнѣйшій хаосъ понятій, какая-то невѣроятная путаница. Вотъ почему мы и говоримъ, что такъ трудно разобраться въ накопившемся „критическомъ“ матеріалѣ. Но какъ бы трудной, а порой довольно-таки неблагодарной, ни казалась эта задача, выполнить ее необходимо. Необходимо рѣшительно и настойчиво бороться противъ этихъ печальныхъ явленій еврейской литературы, необходимо хоть сколько-нибудь расчистить авгіевы стойла еврейской критики и публицистики.

I.

Наиболѣе полной и притомъ наиболѣе яростной критикѣ сборникъ „Возрожденіе“ подвергся на страницахъ сіонистическихъ органовъ. Кажется, въ сборникѣ не осталось ни одного живого мѣста, куда острый ножъ сіонистической критики не вонзалъ бы свое лезвіе и не расправлялся бы тамъ по-своему. И въ какихъ только „смертныхъ грѣхахъ“ гг. сіонистическіе критики не

уличаютъ, почему-то не дающихъ имъ спать, „возрожденцевъ“, къ какимъ только пріемамъ они ни прибѣгаютъ для того, чтобы ихъ окончательно дискредитировать!

Въ лейбъ-органѣ русскихъ сіонистовъ,—„Еврейской Жизни“ [1]), „возрожденцы“ прежде всего уличаются въ томъ, что они идеалисты, даже какіе-то „неисправимые идеалисты“, чего имъ гг. сіонисты никакъ простить не могутъ. Кромѣ того „возрожденцы“ народъ крайне трусливый: вслѣдствіе „отсутствія смѣлости быть послѣдовательнымъ и одностороннимъ“, они, будучи чистѣйшими идеалистами, „стараются разсуждать реалистически“. Но и этого мало. „Возрожденцы“, помимо своей идеалистичности и трусливости, по своимъ воззрѣніямъ примыкаютъ къ с.-р., а с.-р., видите ли, находятся совсѣмъ не въ милости у гг. сіонистовъ. По мнѣнію сіонистическаго критика, с-р-овское міросозерцаніе „отличается расплывчатостью и противорѣчіями“, общенародное на практикѣ, крайне революціонное въ теоріи, идеалистическое по существу, критико-матеріалистическое по формѣ, оно вѣчно полно внутреннихъ конфликтовъ“. А „с.-ры еврейства—наши возрожденцы“ [2]). Но и этимъ еще не исчерпывается все грѣхопаденіе „возрожденцевъ“. Оказывается далѣе, что они,—это *возрожденцы-то,-будучи „с.-р. еврейства“, соединяются съ „сеймистами, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія ортодоксальнаго марксизма“*. Ни больше ни меньше! Но тутъ уже чаша терпѣнія сіонистическаго критика переполняется, и онъ въ порывѣ благороднѣйшаго негодованія патетически и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно язвительно восклицаетъ: „Это въ высшей степени интересно: такой или сякой соціализмъ—все равно, а главное—сеймъ и „единственное представительство“ пролетаріата“ [3]). И въ самомъ дѣлѣ, когда подумаешь, что все это гг. сіонисты должны терпѣть въ еврейской средѣ, то, право, вчужѣ жутко становится... Но испытаніямъ, которымъ „возрожденцы“ подвергаютъ сіонистическое долготерпѣніе, прямо нѣтъ границъ. Вы должны еще знать, что „возрожденцы“ имѣютъ прескверное обыкновеніе выпускать въ свѣтъ изъ рукъ вонъ плохія книжки, до того плохія, что гг. сіонисты прямо не находятъ выраженій для того, чтобы заклеймить ихъ въ достаточной степени. Напр.,

---

[1]) См. статьи г. А. И. и г. Д. Пасманника въ книжкахъ „Еврейской Жизни“ за май, іюнь, іюль нынѣшняго года.

[2]) Еврейская Жизнь. Іюнь, стр. 111.

[3]) „Еврейская Жизнь“, іюльская книжка, стр. 128.

г. А. И., въ майской книжкѣ „Еврейской Жизни“ характеризуетъ сборникъ „Возрожденіе“, какъ „плохую компиляцію“, „поверхностную и противорѣчивую“, „страдающую половинчатостью и отсутствіемъ глубины“ и въ общемъ представляющую собой „соединеніе несоединимыхъ мыслей“. Даже стиль въ книжкѣ оказывается совсѣмъ несуразный—какой-то „русско-бернскій“, выраженія тамъ „подпольнаго жанра“ и т. д. и т. д.—словомъ книжка самая что ни на есть нелѣпая. Вы видите, какъ суровъ и безжалостенъ критикъ, какъ зло и яростно онъ клеймитъ сборникъ.

Однако, здѣсь передъ вами неожиданно выступаетъ одно чрезвычайно любопытное и весьма даже поучительное обстоятельство, которое нелишне будетъ отмѣтить.

Казалось бы, что послѣ такой поистинѣ убійственной характеристики сборника критику ничего другого не остается, какъ обѣими руками открещиваться отъ идейной солидарности съ его авторами и выгораживать свое сіонистическое направленіе отъ всякой отвѣтственности за такое несчастное „соединеніе несоединимыхъ мыслей“. Если къ тому еще и сами авторы сборника, съ своей стороны, всячески стараются отмежевать себя отъ сіонистовъ, то, казалось бы, это только на руку критику. Но... неисповѣдимы пути сіонистической критики!... Оказывается, что, раскритиковавъ сборникъ, что называется, въ пухъ и прахъ, не оставивъ въ немъ рѣшительно камня на камнѣ, критикъ вмѣстѣ съ тѣмъ прямо изъ кожи лѣзетъ, чтобы доказать, что книжка эта представляетъ собой ничто иное, какъ именно *одно изъ сіонистическихъ твореній*, и прямо какъ бы тычетъ въ нее пальцемъ на каждомъ шагу: сіонистическое, молъ, ты твореніе, архисіонистическое!... А что уже является верхомъ неожиданности,—а для „непосвященнаго“ читателя, вѣроятно, и совершенно непостижимымъ,—такъ это то, что такую архинелѣпую книжку критикъ ни больше ни меньше какъ рекомендуетъ сіонистамъ для „реферированія въ кружкахъ“. Такъ-таки и сказано: „Несмотря на все это, книжку можно рекомендовать для сіонистскихъ библіотекъ и для реферированія къ кружкахъ“. Не правда ли, точь въ точь какъ совсѣмъ недавно значилась на учебникахъ надпись Министерства Народнаго Просвѣщенія: „одобрено и допущено къ руководству въ учебныя заведенія и въ ученическія библіотеки“... И „непосвященный“ читатель стоитъ пораженный недоумѣніемъ: „Какъ, молъ, такъ?! Это-то „соединеніе несоединимыхъ мыслей“ хранить

въ сіонистическихъ библіотекахъ, да еще „реферировать въ кружкахъ“?! Да, помилуйте, какой же послѣ этого образуется сумбуръ въ головахъ сіонистовъ! Такъ-то вы, гг. теоретическіе лидеры сіонизма, заботитесь объ умственной пищѣ своей паствы!... Непосвященный и наивный читатель! Напрасно вы все это приняли въ серьезъ и такъ укоризненно качаетъ головой въ сторону критика! Вѣдь все это не больше, какъ... пріемъ идейной борьбы. Ваше недоумѣніе, такимъ образомъ, разрѣшается очень просто. Дѣло въ томъ, что гг. сіонисты прекрасно знаютъ, что ничто такъ не можетъ компрометировать „возрожденцевъ“ и дискредитировать ихъ сборникъ, какъ доказательство того, что „возрожденцы“—тѣ же сіонисты, а сборникъ—то же сіонистическое твореніе. И вотъ, въ цѣляхъ борьбы со своими противниками сіонисты и рѣшили воспользоваться этимъ особымъ преимуществомъ своего направленія—дискредитировать всякаго, соприкасающагося съ нимъ. А въ этомъ отношеніи что можетъ быть болѣе убѣдительнымъ, какъ на столбцахъ сіонистскаго лейбъ-органа рекомендовать книжку для сіонистическихъ библіотекъ и для „реферированія въ сіонистическихъ кружкахъ“?

Что же à la guerre, comme à la guerre...

Мы думаемъ, что сказаннаго вполнѣ достаточно для характеристики общихъ пріемовъ сіонистической критики, и, пожелавъ имъ успѣха въ этомъ направленіи, мы можемъ приступить къ разбору ихъ критики по существу.

II.

Уже первое положеніе, устанавливаемое авторами „Возрожденія“, гласящее, что „еврейскій вопросъ, если посмотрѣть на него съ формальной точки зрѣнія, является безспорно вопросомъ чисто національнымъ“—уже это ясное до очевидности положеніе, мы бы сказали, этотъ настоящій трюизмъ не оставляется публицистами „Еврейской Жизни“ безъ надлежащей критики. Констатируя, что нѣкоторые разсматриваютъ еврейскій вопросъ, какъ вопросъ экономическій, другіе—какъ вопросъ національный, и что „возрожденцы“ примыкаютъ къ послѣднимъ, г. Пасманникъ находитъ, что „теоретики „Возрожденія“ гораздо ближе къ правдѣ, чѣмъ чистые „экономисты“. Но находиться въ близкомъ даже сосѣдствѣ съ правдой не значитъ еще овладѣть правдой. И дѣйствительно, оказывается, что настоящая правда заключается въ

томъ, что еврейскій вопросъ „даже формально не есть *чисто* національный, а государственный, а именно: какъ превратить существавшую (?) въ діаспорѣ ненормальную или неполную еврейскую государственность въ нормальную и интегральную:“ Что же г. Пасманникъ понимаетъ подъ словомъ „государственный“? Если вы думаете, что г. Пасманникъ подразумѣваетъ подъ этимъ понятіемъ то, что обыкновенно подъ нимъ понимается въ юридической наукѣ, то вы жестоко ошибаетесь, и онъ поэтому спѣшитъ исправить вашу ошибку, тутъ же присовокупляя: „говоря *государственный*, мы имѣемъ въ виду и территорію, и языкъ, и соціальную структуру, и автономную культуру“ [1]). Если же теперь вмѣсто слова *государственный* вставить то особое содержаніе, которое г. Пасманникъ вкладываетъ въ это понятіе, тогда его формула приметъ слѣдующій видъ: еврейскій вопросъ, даже формально, не есть *чисто* національный, а вопросъ территоріи, языка, соціальной структуры и автономной культуры. Такимъ образомъ, при благодѣтельномъ содѣйствіи г. Пасманника правда окончательно возстанавливается для наивящаго торжества науки.

Мы не станемъ подвергать здѣсь анализу употребляемые г-номъ Пасманникомъ термины „соціальная структура“, „автономная культура“, „языкъ“, „территорія“, хотя не трудно было бы доказать, что нашъ авторъ совершенно не разбирается въ этихъ понятіяхъ: это, однако, не входитъ въ настоящую нашу задачу. Для насъ важно только выяснить, что критика г. Пасманника имѣетъ здѣсь своимъ единственнымъ источникомъ абсолютное непониманіе имъ значенія слова „формальный“, вслѣдствіе чего и явилось его совершенно нелѣпое въ данномъ случаѣ противопоставленіе момента національнаго моменту „государственному“.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы понимаемъ подъ формальной стороной какого-либо явленія? Не что иное, какъ тѣ общіе, такъ сказать, опредѣляющіе данное явленіе моменты, благодаря которымъ оно мыслится нами какъ опредѣленное единство, независимо отъ сложности и многообразія его конкретныхъ проявленій и несмотря на всѣ видоизмѣненія и метаморфозы, которымъ оно подвергается въ процессѣ своей эволюціи. Возьмемъ для примѣра женскій вопросъ. По своему *конкретному содержанію*, женскій вопросъ представляетъ собой сложный и разнородный комплексъ

[1]) Еврейская жизнь. Майская книжка, стр. 97.

вопросовъ соціально-экономическихъ, политическихъ, культурныхъ, этическихъ и т. д., носитъ различный характеръ у различныхъ народовъ и въ разныя эпохи, и даже въ предѣлахъ одного и того же народа одной и той же эпохи рѣзко варьируетъ у различныхъ классовъ. Что же, однако, объединяетъ этотъ чрезвычайно пестрый и разнообразный конгломератъ явленій въ одно цѣлое, сообщаетъ имъ то строгое единство, которое остается при всѣхъ ихъ конкретныхъ видоизмѣненіяхъ? Объединяющій моментъ дается здѣсь самымъ фактомъ раздѣленія половъ. То обстоятельство, что при всемъ разнообразіи, при всей пестротѣ своихъ конкретныхъ проявленій женскій вопросъ для той или другой группы неизмѣнно опредѣляется фактомъ ея принадлежности къ такъ называемому прекрасному полу, и образуетъ тотъ общій, объединяющій данное понятіе моментъ, который мы называемъ *формальнымъ*.

То же самое и съ еврейскимъ вопросомъ. По своему *конкретному содержанію* еврейскій вопросъ также представляетъ собой сложный комплексъ вопросовъ экономическихъ, политическихъ, культурныхъ и т. д., также носитъ различный характеръ въ различныя эпохи и не мѣнѣе рѣзко, чѣмъ женскій вопросъ, у различныхъ классовъ еврейскаго народа. Опредѣленіе характера и объема этого конкретнаго содержанія и составляетъ предметъ коренныхъ разногласій дѣйствующихъ въ еврействѣ партій. Исчерпывается ли еврейскій вопросъ, по своему содержанію, вопросомъ гражданскаго равноправія евреевъ, какъ думаютъ ассимиляторы, или вопросомъ гражданскаго равноправія и національной культурной автономіи, какъ думаютъ бундовцы, или же передъ нами вопросъ „государственный“ въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимаетъ г. Пасманникъ, или, наконецъ, вся суть проблемы сводится къ разрѣшенію задачи о наилучшемъ выполненіи евреями предначертанной имъ свыше какой-то чрезвычайно важной миссіи, какъ это утверждаютъ, съ одной стороны, ассимиляторы Моисеева Закона, а съ другой—наши ультра-націоналисты,—тутъ, по самому существу, допустимы нескончаемые споры и разногласія. Но что уже ни въ коемъ случаѣ не подлежитъ спору и съ чѣмъ не могутъ не согласиться всѣ тѣ, которые просто признаютъ существованіе еврейскаго вопроса, какъ такового, такъ это то, что формальнымъ, опредѣляющимъ моментомъ, сообщающимъ данному разнородному содержанію характеръ цѣлостности и единства, неизмѣнно служитъ моментъ выдѣленія данной совокупности людей, именуемыхъ евреями, въ особую группу, благодаря чему и

создаются для нихъ особыя соціальныя проблемы. Такимъ образомъ, формально, еврейскій вопросъ можетъ быть только вопросомъ евреевъ и ничѣмъ больше.

Такую тавтологію, надо думать, врядъ ли сталъ бы оспаривать г. Пасманникъ, врядъ ли сталъ бы онъ утверждать, что еврейскій вопросъ, даже формально, не есть чисто еврейскій, а, скажемъ, „государственный". Вѣроятно, даже для г. Пасманника была бы слишкомъ уже очевидна вся нелѣпостъ такого рода противопоставленія. Но сюда, видите ли, примѣшалось еще одно обстоятельство, которое черезчуръ уже „осложнило" для г. Пасманника пониманіе этого положенія. Дѣло въ томъ, что понятія „еврей", „еврейскій" не представляютъ собой предѣльныхъ соціологическихъ понятій: они поддаются еще дальнѣйшему анализу. Если вы спрашиваете: какой формальный моментъ отдѣляетъ еврея отъ нееврея, то отвѣтъ можетъ быть только одинъ:—это моментъ *національный*. Опять-таки подчеркиваемъ: *формальный моментъ*, такъ какъ, по своему конкретному содержанію, еврей можетъ отличаться отъ нееврея цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ моментовъ, подверженныхъ къ тому же процессу безпрерывнаго видоизмѣненія. И здѣсь, разумѣется, могутъ быть споры и разногласія въ зависимости отъ того содержанія, которое мы вкладываемъ въ понятіе „національный", „національное" и т. д. Общимъ же и безспорнымъ отличительнымъ моментомъ, который мы называемъ формальнымъ, остается только моментъ національный. Замѣнивъ теперь формальное понятіе „еврейскій" равнозначущимъ ему въ данномъ случаѣ формальнымъ понятіемъ „національный", мы изъ вышеприведенной тавтологіи выведемъ не подлежащее никакому оспариванію положеніе, что „еврейскій вопросъ, если посмотрѣть на него съ формальной точки зрѣнія, является безспорно вопросомъ чисто національнымъ." Но такой формально-логическій анализъ оказался, очевидно, не подъ силу г. Пасманнику. Впрочемъ, въ его сознаніи, очевидно, шевелилась еще какая-то смутная мысль о томъ, что между разсмотрѣніемъ вопроса со стороны формальной и со стороны его конкретнаго содержанія существуетъ извѣстное различіе, но въ чемъ, однако, кроется это различіе, онъ, очевидно, никакъ уловить не могъ. Говоря о томъ, что „возрожденцы" считаютъ еврейскій вопросъ вопросомъ національнымъ, онъ прибавляетъ: „Правда, послѣдніе (т. е., возрожденцы) говорятъ лишь съ формальной точки зрѣнія, но какъ мы увидимъ, они говорятъ и о реальной „національной эксплатоаціи",

т. е., о соціальномъ содержаніи національнаго момента“ *). Да, г. Пасманникъ, вы совершенно правы. Мы дѣйствительно говоримъ, даже очень много говоримъ о „соціальномъ содержаніи національнаго момента“ по той простой причинѣ, что внѣ соціальнаго содержанія національный моментъ былъ бы лишь пустымъ звукомъ. Но что же отсюда слѣдуетъ? Право, г. Пасманникъ, отсюда слѣдуетъ отнюдь не то, что вамъ чудится. Этими „уликами“ противъ „возрожденцевъ“ вы опять-таки только напутали и лишній разъ показали все свое безсиліе разобраться въ давно уже установленныхъ понятіяхъ и терминахъ. А вѣдь терминъ „формальный“ не нами „изобрѣтенъ“, онъ нами только „заимствованъ“,—вѣроятно, у Ахадъ-Гаама или у другихъ сіонистическихъ писателей, прибавимъ уже мы отъ имени критика...

Признаться, намъ чрезвычайно совѣстно останавливаться такъ долго на доказательствѣ такихъ трюизмовъ. Эту неловкость, очевидно, чувствовали авторы „Возрожденія“, когда они устанавливали указанное выше положеніе, и поэтому сопроводили его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Мы подчеркиваемъ это, казалось бы, вполнѣ очевидное положеніе въ виду той чрезвычайной путаницы и крайне некритическаго отношенія къ понятіямъ, которыя господствуютъ въ этомъ пунктѣ среди значительной части сіонистовъ-соціалистовъ“.

Что же дѣлать, когда наши критики поставили себѣ задачу царящій въ ихъ головахъ невообразимый теоретическій хаосъ непремѣнно навязать читателю. Поневолѣ приходится устанавливать трюизмы.

III.

Мы видимъ, что „первое нападеніе“ сіонистической критики оказалось „покушеніемъ съ негодными средствами“. Не лучше обстоятъ дѣла критики и въ дальнѣйшемъ. Если еврейскій вопросъ, какъ установлено нами, есть вопросъ національный, то естественно возникаетъ дальше вопросъ о томъ, что собственно мы подразумѣваемъ подъ понятіемъ „національный“,—словомъ: *что такое нація?* Очевидно, что для авторовъ „Возрожденія“ не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что нація представляетъ собой опредѣленное соціальное единство, своеобразный общественный коллективъ. Эта аксіома принималась ими какъ данное

*) Ibid., стр. 81.

слишкомъ очевидное для того, чтобы его нужно было спеціально отмѣчать, тѣмъ болѣе доказывать. Задача же состояла лишь въ опредѣленіи *особой сущности, отличительнаго характера* этого коллектива. Современное человѣчество распадается на множество соціальныхъ коллективовъ самаго различнаго качества, силы и общественнаго значенія. Таковы: государства, классы, націи, сословія, партіи, союзы, общества, корпораціи и т. д., и т. д. Каждая такая коллективность обнимаетъ опредѣленный кругъ общественныхъ интересовъ и объединяетъ собой извѣстную совокупность людей, примыкающихъ къ ней данной стороной своего соціальнаго существованія. Въ ряду этихъ коллективовъ націи безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. И вотъ спрашивается: какова именно особая, спеціальная природа этого соціальнаго коллектива, именуемаго націей, въ отличіе отъ другихъ соціальныхъ коллективовъ, съ которыми онъ переплетается и перекрещивается порой самымъ причудливымъ образомъ?

Но тутъ васъ сердито обрываетъ сіонистическій критикъ и съ ученымъ видомъ знатока начинаетъ доказывать, будто всякія утвержденія о томъ, что нація есть общественный коллективъ, представляютъ собой пустой вздоръ, старый предразсудокъ, который „возрожденцы“ повторяютъ только вслѣдствіе присущей имъ поверхностности. Но глубокому анализу сіонистической критики удалось окончательно разрушить этотъ традиціонный взглядъ и разъ навсегда установить, что нація... Впрочемъ, нужно сознаться, что на этотъ разъ анализъ оказался настолько глубокимъ, что намъ такъ-таки и не удалось проникнуть въ его сокровенные тайники, и потому мы никакъ не могли выяснить себѣ, что же собственно, по мнѣнію критика, представляетъ собой нація. Но пусть лучше говоритъ самъ критикъ. „Недостаткомъ анализа, говоритъ А. И. въ „Еврейской Жизни“ *), объясняется и то, что авторъ (Возрожденія) повторяетъ старую ошибку и считаетъ евреевъ коллективомъ. Національность, въ какомъ бы смыслѣ мы ее ни понимали, есть *индивидуальная* черта членовъ націи, а сходство индивидуальныхъ чертъ отдѣльныхъ единицъ не дѣлаетъ еще изъ нихъ коллектива. Основное условіе существованія послѣдняго есть фактическое сотрудничество, а посему, напр., нѣмцы всего міра составляютъ одну націю, но не составляютъ коллектива въ смыслѣ соціальномъ. Еврейство есть совокупность индивидовъ,

*) Апрѣльская книжка, стр. 170.

принадлежащихъ къ одной націи и испытывающихъ вслѣдствіе этого разныя невыгоды въ своей экономической борьбѣ, но принадлежащихъ къ разнымъ коллективамъ. Между евреемъ изъ Одессы и евреемъ изъ Варшавы нѣтъ единства на основаніи того, что оба говорятъ на жаргонѣ. Это просто два еврея, говорящихъ на жаргонѣ, со всѣми печальными послѣдствіями, вытекающими изъ этого положенія для того и для другого, но ничего больше".

Мы привели цѣликомъ эту нѣсколько длинную цитату, такъ какъ тутъ, что ни слово, то настоящій шедевръ глубоко-ученой мудрости, и мы врядъ ли были бы въ состояніи въ своей передачѣ воспроизвести полностью всѣ разсыпанные здѣсь драгоцѣнные перлы сіонистическаго глубокомыслія.

Читая эту цитату, можно было бы съ перваго взгляда подумать, что критикъ столь немилостивъ только по отношенію къ евреямъ: имъ то онъ отказываетъ въ правѣ называться коллективомъ, но что касается другихъ націй, то тѣ, пожалуй, могутъ пользоваться такой „привилегіей". Но такое предположеніе, глубоко оскорбительное для критика, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается совершенно не соотвѣтствующимъ его дѣйствительнымъ взглядамъ. Глубоко оскорбительнымъ для критика мы это предположеніе считаемъ главнымъ образомъ потому, что такого рода взглядъ былъ бы совсѣмъ не новъ: его уже давно высказывали всѣ ассимиляторы Моисеева закона, и онъ уже, кажется, давнымъ давно окончательно сданъ въ архивъ хотя бы самими сіонистами, и подстать ли г. А. И. „повторять старыя ошибки". И дѣйствительно, не говоритъ ли самымъ яснымъ и категорическимъ образомъ критикъ, что „нѣмцы всего міра составляютъ *одну націю*, *хотя и не составляютъ коллектива* въ смыслѣ соціальномъ". Ясно, что съ понятіемъ *націи вообще* для критика не связано представленіе о соціальномъ коллективѣ. Нація—это одно, а соціальный коллективъ—другое. Конечно, нѣмцы Германіи, надо полагать, и по мнѣнію критика, образуютъ соціальный коллективъ, но, очевидно, что послѣдній они образуютъ не благодаря своей *принадлежности къ опредѣленной націи*, а благодаря своему *государственному единству*, и поэтому въ составъ его должны одинаково войти какъ нѣмцы, такъ и населяющіе Германію поляки и евреи. Наконецъ, уже само признаніе евреевъ націей, но не соціальнымъ коллективомъ, самымъ неопровержимымъ образомъ говоритъ о томъ, что понятіе

соціальнаго коллектива не образуетъ логически-неизбѣжнаго составного элемента въ понятіи націи. На счетъ же собственной природы націи мы имѣемъ здѣсь только то указаніе, что „національность, въ какомъ бы смыслѣ мы ее ни понимали, есть *индивидуальная* черта членовъ націи, а сходство индивидуальныхъ отдѣльныхъ единицъ не дѣлаетъ еще изъ нихъ коллектива".

Что сходство индивидуальныхъ чертъ отдѣльныхъ единицъ, *само по себѣ* взятое, не дѣлаетъ еще изъ нихъ коллектива,—это, дѣйствительно, истина неоспоримая. Мы, напр., ни въ коемъ случаѣ не можемъ назвать соціальнымъ коллективомъ всѣхъ рыжеволосыхъ, плѣшивыхъ, хромыхъ и т. д., хотя они и обладаютъ сходствомъ индивидуальныхъ чертъ. Намъ кажется, что эти примѣры прекрасно иллюстрируютъ взгляды критика. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмцы всего міра могутъ быть на точномъ логическомъ основаніи сопоставлены здѣсь съ рыжеволосыми всего міра. И тѣ и другіе одинаково обладаютъ лишь сходствомъ индивидуальныхъ чертъ, и тѣ и другіе не составляютъ поэтому соціальнаго коллектива. Евреевъ же всего міра лучше будетъ сравнить съ хромыми всего міра, такъ какъ относительно еврейства еще Гейне сказалъ, что это не религія, а несчастье. И дѣйствительно, по отношеніе къ хромымъ можно будетъ точь въ точь повторить то, что говорится критикомъ по отношенію къ евреямъ: „Между хромымъ изъ Вильны и хромымъ изъ Одессы нѣтъ единства на основаніи того, что они оба хромаютъ. Это просто два человѣка, имѣющихъ несчастье хромать, со всѣми печальными послѣдствіями, вытекающими изъ этого обстоятельства для того и другого, но ничего больше". Не правда ли, эта иллюстрація ярко обрисовываетъ мысль критика? Но, кажется, достаточно только сдѣлать такого рода сопоставленіе, чтобы убѣдиться, до какихъ геркулесовыхъ столповъ нелѣпости и пошлости договаривается здѣсь сіонистическій критикъ. Впрочемъ, если бы критикъ далъ себѣ трудъ хоть нѣсколько вдуматься въ смыслъ своихъ собственныхъ словъ, а не просто бросать фразы зря, на вѣтеръ, на томъ только основаніи, что бумага „Еврейской Жизни" все терпитъ, онъ, вѣроятно, и самъ убѣдился бы, какая безнадежная путаница царитъ въ его головѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если понятіе „*національность*" можно еще толковать въ смыслѣ *сходства индивидуальныхъ чертъ* отдѣльныхъ единицъ, то уже во всякомъ случаѣ понятіе *націи* несомнѣнно обозначаетъ опредѣленный *собирательный объектъ*, а, слѣдова-

тельно, и опредѣленное *соціальное единство*, а собирательный объектъ или соціальное единство, обозначающее соединеніе совокупности людей въ *одно цѣлое*, и составляетъ ничто иное, какъ именно „*коллективъ въ смыслѣ соціальномъ*“. Вѣдь и самъ критикъ говоритъ: „національность, въ какомъ бы смыслѣ мы ее ни понимали, есть индивидуальная черта *членовъ націи*“, „еврейство есть совокупность индивидовъ, *принадлежащихъ къ одной націи*, и, *вслѣдствіе этого*, испытывающихъ различныя невыгоды“ и т. д. Значитъ, понятіе націи, какъ коллективнаго цѣлаго, *уже дано здѣсь заранѣе*. Понятіе національности въ смыслѣ сходства индивидуальныхъ чертъ отдѣльныхъ единицъ, точно такъ же какъ и понятіе *евреи*, опредѣляются здѣсь именно принадлежностью этихъ „отдѣльныхъ единицъ“ и этого „еврея“ къ націи, какъ коллективному цѣлому. Вычеркните изъ вашего сознанія понятіе націи, какъ коллективнаго цѣлаго, и вышеприведенныя фразы критика совершенно теряютъ всякій смыслъ. Одно изъ двухъ: либо понятіе націи содержитъ въ себѣ понятіе соціальнаго коллектива, либо это слово представляетъ собой пустой звукъ, безсмысленное сочетаніе буквъ. Въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, мудрено принадлежать къ націи, быть ея членомъ и т. д. Но тогда также превращаются въ безсмысленныя сочетанія буквъ и слова: „національность“, „еврей“, „нѣмецъ“ и т. д.

Намъ думается, однако, что вся эта чистѣйшая галиматья, которая разводится здѣсь критикомъ, хотя и не можетъ, конечно, имѣть подъ собой никакого логическаго основанія, тѣмъ не менѣе несомнѣнно имѣетъ свое психологическое оправданіе. Дѣло въ томъ, что сіонистовъ въ послѣднее время охватилъ какой-то непреодолимый зудъ казаться наиреволюціонными и наипрогрессивными. Надоѣло имъ слушать вѣчные упреки въ реакціонности, шовинизмѣ, раздуваніи національнаго момента и т. д. Да и время то пошло такое революціонное, что отстать отъ другихъ никакъ невозможно. И рѣшилъ г. А. И во что бы то ни стало „реабилитировать“ сіонистовъ. И вотъ встали они въ одно прекрасное утро и всенародно заявили: какіе, молъ, мы шовинисты, когда мы, на самомъ дѣлѣ, космополитичнѣе самихъ космополитовъ; мы даже не признаемъ факта существованія націи въ смыслѣ соціальнаго коллектива,—отъ этихъ старыхъ предразсудковъ мы уже давно отказались. И у кого, послѣ этого, повернется языкъ упрекать сіонистовъ не только въ шовинизмѣ, но даже просто въ націонализмѣ?..

Однако, слѣдуетъ признать, что, предпринявъ такое безспорно смѣлое теоретическое „предпріятіе“, г. А. И. совершенно не разсчиталъ всѣхъ силъ... Вотъ ужъ поистинѣ усердіе не по разуму...

Но оставимъ на время сіонистическаго критика и вернемся къ поставленному выше вопросу о сущности національнаго момента и о соціальной природѣ націи.

IV.

Попытка дать отвѣтъ на этотъ вопросъ привела авторовъ „Возрожденія“ къ необходимости установить предварительно понятіе *соціальнаго* вообще. Безъ предварительнаго выясненія этого кардинальнѣйшаго пункта, составляющаго основу всякаго соціологическаго изслѣдованія, нельзя серьезно разобраться въ теоретическихъ вопросахъ научной соціологіи, особенно же въ такой основной соціологической проблемѣ, какъ національная. Но болѣе или менѣе близко примыкая, по вопросу объ опредѣленіи понятія „соціальнаго“, къ извѣстному нѣмецкому соціологу Рудольфу Штаммлеру, авторы сочли для себя возможнымъ ограничиться самымъ сжатымъ и схематическимъ изложеніемъ своего отношенія къ этому вопросу, надѣясь, очевидно, что читатели, знакомые съ соціологическими воззрѣніями Штаммлера, всецѣло ихъ поймутъ. Но еще Щедринъ замѣтилъ, что одно дѣло—„читатель-другъ“, а другое дѣло „читатель-врагъ“, въ данномъ случаѣ критики враждебнаго лагеря. Послѣдніе, пользуясь тѣмъ, что авторы здѣсь многаго не договорили, многаго коснулись лишь мелькомъ, усердно принялись либо за безжалостное искаженіе ихъ мыслей, либо же за навязываніе имъ такихъ взглядовъ и идей, съ которыми они ровно ничего общаго не имѣютъ и имѣть не могутъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно отличился бундовскій критикъ г. Гейликманъ. Что же касается до искаженія мыслей авторовъ, то здѣсь пальма первенства безспорно принадлежитъ сіонистическимъ критикамъ, для которыхъ болѣе или менѣе сложные соціологическіе вопросы оказываются вообще печатью за семью замками. Тутъ они нашли особенно широкое поприще для того, чтобы нести свою обычную околесицу и всячески затемнять и запутывать даже совершенно ясныя мысли.

Мы, поэтому, думаемъ подробнѣе остановиться на этомъ пунктѣ.

Намъ предстоитъ рѣшить слѣдующій методологическій вопросъ, который въ новѣйшей соціологической литературѣ впервые

поставленъ Штаммлеромъ съ надлежащей отчетливостью и категоричностью: по какимъ формальнымъ конститутивнымъ признакамъ мы изъ всей совокупности окружающихъ насъ явленій выдѣляемъ извѣстный кругъ ихъ въ особую категорію и присваиваемъ имъ названіе соціальныхъ,—словомъ, какіе объективные формальные моменты дѣлаютъ данныя явленія, именуемыя нами соціальными, особымъ объектомъ научнаго изслѣдованія?

Прежде всего очевидно, что область соціальнаго ни въ коемъ случаѣ не простирается дальше предѣловъ совмѣстной человѣческой жизни. Изолированное существованіе какого-нибудь Робинзонъ-Крузе, которое мы во всякомъ случаѣ можемъ себѣ представить мысленно,—хотя все извѣстное намъ о жизни человѣка на землѣ говоритъ противъ фактическаго существованія когда-либо такого изолированнаго состоянія людей,—не даетъ намъ ничего такого, къ чему было бы примѣнимо понятіе соціальнаго. Но совмѣстная жизнь людей въ смыслѣ физическаго сосуществованія ихъ во времени и пространствѣ, сама по себѣ, также не даетъ еще ничего соціальнаго. Взятый самъ по себѣ, фактъ физическаго сосуществованія людей не содержитъ еще въ себѣ никакихъ новыхъ моментовъ, которые не сводились бы цѣликомъ къ простой суммѣ отдѣльныхъ индивидуальныхъ существованій. Если, напр., Робинзонъ-Крузе направляется къ рѣкѣ пить воду, то въ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего соціальнаго. Точно такъ же нѣтъ еще ничего соціальнаго и въ томъ, если одновременно къ рѣкѣ направляются пить воду много людей. „Несомнѣнно, говоритъ Штаммлеръ, что представленіе *общественной* совмѣстной жизни людей заключаетъ въ себѣ нѣчто *иное и большее*, чѣмъ простой фактъ совмѣстнаго существованія въ пространствѣ и времени“ [1]). Въ чемъ же, однако, заключается это „нѣчто инсе и большее“, не сводимое къ простой суммѣ индивидуальныхъ существованій? Анализируя общественную совмѣстную жизнь людей въ противовѣсъ простому факту ихъ физическаго существованія, мы въ основѣ ея дѣйствительно открываемъ новый, рѣзко выдѣляющій ее моментъ: это *планомѣрное, согласованное сотрудничество, цѣлесообразная координація индивидуальныхъ усилій*. Только фактъ согласованнаго сотрудничества людей соединяетъ ихъ *въ одно цѣлое, въ общество*, представляющее собой новое, индивидуальное образованіе и, какъ увидимъ ниже, формирующее сознаніе и регули-

[1]) Р. Штаммлеръ: „Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи“. Русскій переводъ. стр. 80.

рующее дѣятельность и поведеніе отдѣльныхъ индивидовъ. Область согласованнаго сотрудничества людей, возникающая на почвѣ ихъ совмѣстной жизни, слѣдовательно, и образуетъ область „соціальнаго“. Соціальною дѣятельностью людей мы, такимъ образомъ, будемъ называть ихъ согласованную дѣятельность, соціальнымъ дѣйствіемъ—ихъ планомѣрно-координированное дѣйствіе.

Мы должны поэтому, въ цѣляхъ болѣе опредѣленнаго и конкретнаго выясненія понятія „соціальнаго“, подвергнуть моментъ согласованнаго сотрудничества нѣкоторому дальнѣйшему анализу.

Уже самое понятіе согласованнаго сотрудничества, планомѣрно-координированнаго дѣйствія людей, съ несомнѣнной очевидностью обнаруживаетъ неизмѣнный психическій характеръ всего соціальнаго Въ самомъ дѣлѣ, согласованное дѣйствіе означаетъ сложное дѣйствіе. Образующіе его простые элементы суть не что иное, какъ индивидуальные акты, приспособленные другъ къ другу согласно извѣстному плану, въ соотвѣтствіи съ опредѣленной цѣлью. Но индивидуальные акты предполагаютъ индивидуальныхъ дѣятелей, живыхъ творцовъ этихъ актовъ. Если же послѣдніе планомѣрно и цѣлесообразно координированы между собой, то это, очевидно, должно означать, во-первыхъ, что ихъ творцы находятся между собой въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ, а во-вторыхъ, что эти соотношенія имѣютъ своей основой наличность психическаго взаимодѣйствія соотносящихся индивидовъ, такъ какъ только путемъ психическаго взаимодѣйствія послѣдніе могутъ прійти къ общей цѣли, выработать общій планъ и соотвѣтственно согласовать свои индивидуальныя усилія. Понятно, что изъ сферы соціальнаго исключаются не только всѣ разрозненные, обособленные индивидуальные акты, но также всякаго рода сложныя, соединенныя дѣйствія отдѣльныхъ индивидовъ, которыя не являются результатомъ опредѣленныхъ междучеловѣческихъ соотношеній, хотя, вслѣдствіе механическаго сочетанія своихъ элементовъ, эти сложныя дѣйствія могутъ казаться согласованными. Механически тождественныя человѣческія дѣйствія могутъ въ одномъ случаѣ носить характеръ соціальный, образовывать соціальный феноменъ, въ другомъ же случаѣ оставаться только случайнымъ, механическимъ совпаденіемъ разрозненныхъ индивидуальныхъ дѣйствій: все зависитъ отъ того, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ опредѣленными взаимоотношеніями между индиви-

дами, примыкающими другъ къ другу своими индивидуальными дѣйствіями, или нѣтъ.

Возьмемъ для иллюстраціи слѣдующій элементарный примѣръ. Яковъ срубаетъ лѣсъ для того, чтобы очистить мѣсто для посѣва, а Семенъ беретъ срубленный лѣсъ и строитъ себѣ домъ. Оба сочетающихся другъ съ другомъ индивидуальныхъ акта, образуютъ лишь простую сумму случайно между собой совпавшихъ разрозненныхъ индивидуальныхъ дѣйствій, если между Семеномъ и Яковомъ нѣтъ рѣшительно никакихъ взаимоотношеній, если Яковъ, срубая лѣсъ, совершенно не имѣлъ въ виду какого-нибудь Семена, которому срубленныя деревья могутъ для чего-либо пригодиться, и точно также, если Семенъ, сооружая свой домъ, ничѣмъ не соприкасается съ Яковомъ, хотя онъ случайно воспользовался матеріаломъ, который образовался при очисткѣ Яковомъ мѣста для посѣва. Здѣсь передъ нами нѣтъ ничего такого, чему можно было бы присвоить названіе „соціальнаго“. Отдѣльныя индивидуальныя дѣйствія такъ и остаются разрозненными индивидуальными актами, ихъ случайное механическое сочетаніе не образуетъ здѣсь никакого высшаго единства, не знаменуетъ собой наличность какихъ-то новыхъ моментовъ надъиндивидуальнаго характера. Все цѣликомъ безъ остатка исчерпывается здѣсь сферой индивидуальнаго.

Но такой гипотетическій примѣръ мы можемъ представить себѣ только мысленно. Въ своемъ идеальномъ видѣ онъ, вѣроятно, былъ бы вполнѣ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы люди жили совершенно изолированно, каждый самъ по себѣ. Въ дѣйствительности же люди живутъ обществами, цѣлыми группами и поэтому вынуждены бываютъ работать одни для другого, имѣя въ виду не только свои собственныя потребности, но и потребности другихъ. Въ реальной жизни, когда Яковъ срубаетъ свой лѣсъ онъ прекрасно знаетъ, что этотъ лѣсъ, который ему не нуженъ, можетъ зато пригодиться какому-либо Семену или Сидору, и это обстоятельство онъ вполнѣ предусматриваетъ во время своей работы. Точно такъ же и Семенъ, когда онъ пользуется матеріаломъ, приготовленнымъ для него Яковомъ, ни мало не сомнѣвается при этомъ, что Яковъ потребуетъ соотвѣтствующаго вознагражденія за свои услуги. Здѣсь мы уже находимъ опредѣленныя соотношенія не только между индивидуальными дѣйствіями, но и между живыми агентами этихъ дѣйствій. При этомъ все равно, осуществляются ли эти соотношенія непосредственно, какъ

это, напримѣръ, имѣло мѣсто при господствѣ патріархальнаго коммунистическаго или феодальнаго строя, когда люди непосредственно производили другъ для друга (въ качествѣ ли свободныхъ членовъ коммунистической общины, или же рабовъ и крѣпостныхъ, или, наконецъ, ремесленниковъ, работающихъ на заказъ); или же эти отношенія проявляются лишь косвеннымъ образомъ, „скрываясь за отношеніями вещей“, какъ это имѣетъ мѣсто при современномъ товарномъ хозяйствѣ, когда товары производятся преимущественно не для непосредственнаго потребленія, а для невѣдомаго рынка, и когда производители не имѣютъ, слѣдовательно, никакого конкретнаго представленія о своихъ потребителяхъ. Все равно, сущность междучеловѣческихъ отношеній отъ этого не мѣняется. Въ концѣ концовъ, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ между нашими гипотетическими Семеномъ и Яковомъ имѣются опредѣленныя соотношенія, при чемъ оба они имѣютъ эти соотношеія въ виду при своей дѣятельности.

Эти-то соотношенія и образуютъ то цементирующее начало, которое превращаетъ чисто механическое сочетаніе индивидуальныхъ актовъ въ живое соціальное единство, словомъ, *претворяетъ индивидуальное въ соціальное*.

Эти „чудесныя свойства“ междучеловѣческихъ отношеній объясняются тѣми элементами надъиндивидуальнаго порядка, которые они въ себѣ содержатъ. Мы уже указали на то, что въ основѣ междучеловѣческихъ отношеній мы всегда находили моментъ психическаго взаимодѣйствія соотносящихся индивидовъ. Для какихъ бы цѣлей люди ни входили въ опредѣленныя соотношенія, какія бы потребности ни побуждали ихъ объединяться во всякаго рода союзы—пусть это будутъ даже самыя „матеріалистическія“ цѣли и потребности—сами эти соотношенія и союзы, по существу своему, суть проявленія чисто психическаго порядка. И какія бы соотношенія людей мы ни взяли, отъ самыхъ простыхъ и элементарныхъ до наиболѣе сложныхъ и запутанныхъ,—всюду они неизмѣнно носятъ одинъ и тотъ же характеръ—*психическій*. Другой связи между людьми, помимо психической, и немыслимо себѣ представить. Возьмемъ для примѣра элементарнѣйшую форму междучеловѣческихъ соотношеній—свободный союзъ двухъ людей для одной опредѣленной цѣли. Семенъ и Яковъ рѣшаютъ, напр., заниматься совмѣстно рыбной ловлей. Очевидно, что для того, чтобы этотъ союзъ могъ функціонировать, оба они должны прійти

къ одному и тому же общему рѣшенію, какъ относительно плана самой этой дѣятельности, такъ и относительно условій распредѣленія тѣхъ результатовъ, которые будутъ ими получаться. Это значитъ, что въ сознаніи какъ Семена, такъ и Якова, должны осѣсть и утвердиться, во-первыхъ, одни и тѣ же общія представленія, касающіяся всѣхъ этихъ плановъ и условій, а во-вторыхъ, общая идея объ обязательности для каждаго изъ нихъ строго выполнять всѣ пункты даннаго соглашенія. Безъ этихъ общихъ идей и представленій союзъ былъ бы совершенно немыслимъ. Они единственно образуютъ тѣ нити, которыя связываютъ въ данномъ случаѣ Семена и Якова. Помимо этихъ общихъ идей и представленій, союзъ ихъ въ себѣ ровно ничего не содержитъ. И опять-таки, интересы, которые толкаютъ здѣсь Семена и Якова вступать въ союзъ, цѣли, которыя они преслѣдуютъ, остаются строго матеріалистическими, форма же, въ которую выливается союзъ, является чисто психической.

Эти общія Семену и Якову идеи и представленія, образующія указанный союзъ между ними, представляютъ собой нѣкоторыя особенности, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ чисто индивидуальныхъ, такъ сказать, субъективныхъ элементовъ ихъ психики и выдѣляютъ ихъ въ особую психическую категорію.

То обстоятельство, что эти идеи и представленія одинаково общи какъ Семену, такъ и Якову, составляютъ *ихъ совмѣстное психическое достояніе*, придаетъ имъ внѣиндивидуальный, объективный характеръ, превращаетъ ихъ въ особый, какъ бы самостоятельный объектъ, независимый отъ психики каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Выходя за предѣлы индивидуальнаго сознанія и Семена и Якова, эти идеи и представленія становятся тѣмъ самымъ чѣмъ-то внѣшнимъ, объективнымъ по отношенію къ психикѣ того и другого[1]).

Само собой разумѣется, что объективный характеръ явленій психической жизни слѣдуетъ понимать совершенно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы примѣняли это понятіе по отношенію къ явленіямъ внѣшней природы. Послѣднія мыслятся нами какъ вполнѣ самостоятельные объекты, нисколько независимые отъ какихъ бы то ни было „субъектовъ“, которые являлись бы ихъ „носителями“. Дерево, напр., мыслится нами какъ совершенно самостоятельный объектъ, существующій самъ по себѣ. Въ на-

[1]) См. объ этомъ подробнѣе прекрасную статью С. Франка: „Проблема власти“ въ журналѣ „Вопросы Жизни“ за 1905 г., III кн.

шемъ сознаніи мы не находимъ никакихъ представленій о какомъ-либо субъектѣ, являющемся носителемъ дерева. Наоборотъ, такого рода представленіе кажется намъ просто безсмыслицей. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ явленіями психической жизни. Не признавая бытія „чистыхъ идей", витающихъ гдѣ-то въ потустороннемъ мірѣ въ качествѣ самостоятельныхъ духовныхъ субстанцій, мы не мыслимъ существованія психическихъ явленій внѣ живыхъ субъектовъ, въ сознаніе которыхъ эти явленія входятъ въ качествѣ образующихъ его элементовъ. Когда же мы утверждаемъ, что тѣ или другія психическія явленія носятъ объективный, надъиндивидуальный характеръ, то мы этимъ подразумѣваемъ только то, что они объективны, независимы по отношенію къ *психикѣ каждаго индивида въ отдѣльности*, но отнюдь не по отношенію къ человѣческой психикѣ вообще.

Мы здѣсь разсматривали самую что ни на есть элементарную форму междучеловѣческихъ отношеній. Сущность этихъ соотношеній, выступающихъ здѣсь въ самой примитивной, зачаточной формѣ, остается одна и та же, какъ бы сложны и комплицированы они не были. Однѣ и тѣ же основныя черты мы находимъ во временномъ свободномъ союзѣ всего двухъ людей для одной лишь цѣли и въ постоянныхъ, принудительныхъ союзахъ цѣлыхъ группъ людей, объединяющихся для различныхъ цѣлей. Какъ тамъ, такъ и здѣсь союзъ необходимо носитъ одинъ и тотъ же психическій характеръ, такъ какъ, повторяемъ, другой формы междучеловѣческихъ отношеній и немыслимо себѣ представить.

Но чѣмъ многообразнѣе, сложнѣе и запутаннѣе бываютъ междучеловѣческія отношенія, чѣмъ болѣе органически и стихійно совершается процессъ ихъ образованія и развитія, чѣмъ многочисленнѣе и разнороднѣе группы людей, объединяемыхъ ими въ союзъ,—тѣмъ отчетливѣе и рельефнѣе выступаетъ объективный характеръ психическихъ нитей, образующихъ данный союзъ.

Вся исторія развитія человѣческаго общества служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ и яркой иллюстраціей этого положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое общество? Не то или другое конкретное общество, а человѣческое общество вообще по своимъ общимъ, формальнымъ признакамъ? Исходя изъ всего сказаннаго, мы должны прійти къ заключенію, что общество представляетъ собой болѣе или менѣе сложное, болѣе или менѣе разнородное соединеніе какъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и цѣлыхъ группъ

людей для планомѣрнаго и цѣлесообразнаго согласованія своихъ индивидуальныхъ дѣйствій, направленныхъ къ удовлетворенію своихъ многообразныхъ потребностей. Но мы уже указали, что всякое согласованное дѣйствіе необходимо предполагаетъ, чтобы въ сознаніи индивидовъ, причастныхъ къ этому дѣйствію, утвердились одни и тѣ же общія правила или *нормы*, направляющія соотвѣтствующимъ образомъ ихъ индивидуальные акты, регулирующія ихъ взаимотношенія.

Безъ такихъ общихъ регулирующихъ нормъ немыслимы какія бы то ни было человѣческія взаимоотношенія. Такимъ образомъ, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ должна существовать опредѣленная сфера сознанія, общая всѣмъ входящимъ въ составъ общества членамъ и представляющая собой сумму правилъ или нормъ, регулирующихъ всю совокупность взаимоотношеній этихъ членовъ. Эта система правилъ и нормъ и образуетъ соціальный ферментъ, связывающій воедино, въ одно стройное цѣлое всѣ разрозненные элементы общества.

Но если соціальное сознаніе, или, конкретнѣе говоря, системы нормъ, регулирующихъ междучеловѣческія отношенія въ данномъ обществѣ, входитъ, какъ составная часть, въ сознаніе всѣхъ его членовъ, то это обстоятельство, какъ уже указано нами, дѣлаетъ ихъ независимыми отъ сознанія каждаго изъ этихъ членовъ въ отдѣльности, ставятъ ихъ какъ бы внѣ индивидуальнаго сознанія и сообщаетъ имъ объективный характеръ. Но здѣсь степень объективаціи этихъ нормъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ въ приведенномъ нами выше примѣрѣ, благодаря тому, что онѣ общи сознанію не двухъ только индивидовъ, а цѣлой совокупности людей. Ничтожное значеніе каждаго отдѣльнаго индивида, какъ носителя соціальнаго сознанія, сказывается здѣсь особенно рельефно: оно обратно пропорціонально количеству членовъ, входящихъ въ составъ даннаго общества. А чѣмъ болѣе стушевывается роль отдѣльныхъ индивидовъ, въ качествѣ творцовъ и хранителей соціальнаго сознанія, тѣмъ болѣе оно становится по отношенію къ нимъ внѣшнимъ, независимымъ, словомъ,—объективнымъ.

Но ростъ объективаціи соціальнаго сознанія совершается не только соотвѣтственно количественному росту членовъ общества, но также соотвѣтственно степени продолжительности существованія послѣдняго. Накопляясь на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, соціальное сознаніе постепенно теряетъ всякія индивидуальныя очертанія: все личное, индивидуальное въ

немъ сглаживается, стирается. Надличный, надъиндивидуальный характеръ соціальнаго сознанія начинаетъ выступать все рѣзче, все рельефнѣе. Но этого мало. Соціальное сознаніе, въ процессѣ историческаго развитія общества, становится внѣшнимъ, объективнымъ не только по отношенію къ отдѣльнымъ индивидамъ, но и по отношенію къ цѣлымъ поколѣніямъ. Поколѣнія смѣняются поколѣніями: одни уходятъ въ вѣчность, другія вновь нарождаются, а соціальное сознаніе все живетъ и развивается. Каждое новое поколѣніе, при своемъ появленіи на свѣтъ, находитъ уже вполнѣ готовой и сложившейся, выработанную длинной вереницей предшествовавшихъ поколѣній сложную и многообразную сѣть объективированныхъ нормъ, формулирующихъ его соціальное сознаніе и регулирующихъ его соціальное поведеніе. Здѣсь соціальное сознаніе явственно превращается въ *соціальную среду*, во что-то внѣшнее и независимое, въ особый объектъ существующій и развивающійся совершенно самостоятельно.

Дальнѣйшія ступени объективаціи соціальнаго сознанія составляютъ, во-первыхъ, превращеніе „устнаго преданія“ въ „писанное ученіе“, а затѣмъ процессъ дифференціаціи самого соціальнаго сознанія. И то и другое является въ результатѣ развитія и усложненія общественной жизни.

Чѣмъ сложнѣе и многообразнѣе становятся общественныя отношенія, тѣмъ труднѣе становится удерживать въ памяти всю систему нормъ, регулирующихъ эти отношенія и тѣмъ настоятельнѣе является необходимость фиксировать ихъ въ „формѣ писаннаго ученія“, гдѣ окончательно завершается процессъ ихъ кристаллизаціи. На этой стадіи своего развитія они уже кажутся людямъ не продуктомъ человѣческихъ установленій, а божественнымъ откровеніемъ, проявленій высшей божественной силы, разъ навсегда утвердившей законы человѣческаго поведенія на землѣ.

Дальнѣйшее же развитіе и усложненіе, а слѣдовательно, и дифференціація общественныхъ отношеній неизбѣжно приводитъ къ дифференціаціи общей системы соціальныхъ нормъ на цѣлый рядъ отдѣльныхъ системъ, сообразно тѣмъ различнымъ сторонамъ общественной жизни, которыя они призваны регулировать. Если „устное преданіе“, а первоначально и „письменное ученіе“ представляли собой сложный и запутанный конгломератъ всевозможныхъ установленій и повелѣній, регулировавшихъ до мельчайшихъ подробностей все соціальное поведеніе тогдашняго человѣка,

то въ современномъ цивилизованномъ обществѣ нормы соціальнаго поведенія распадаются на отдѣльныя рѣзко разграниченныя области, изъ которыхъ каждая завѣдуетъ опредѣленнымъ присущимъ ей кругомъ соціальныхъ отношеній. Таковы правовыя нормы, въ свою очередь, подвергшіяся дальнѣйшей дифференціаціи, этическія нормы, такъ называемый кодексъ приличія, нравы и т. д.

Въ ряду нормъ, регулирующихъ общественныя отношенія людей, особое мѣсто слѣдуетъ отвести языку. Если общественныя отношенія людей заранѣе предполагаютъ, какъ свою необходимую логическую предпосылку, наличность психическаго взаимодѣйствія соотносящихся индивидовъ, то языкъ и является той системой объективированныхъ нормъ, которая регулируетъ это психическое взаимодѣйствіе, и благодаря которой оно вообще становится мыслимой. Эти нормы, объективировавшись въ сознаніи людей, служатъ тѣмъ своеобразнымъ звеномъ, которое приводитъ разрозненныя сознанія къ общему объективному единству и, такимъ образомъ, дѣлаетъ возможнымъ для отдѣльныхъ индивидовъ взаимное пониманіе другъ друга.

Резюмируя сказанное, мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ: область соціальнаго есть область согласованнаго сотрудничества. Въ самомъ согласованномъ сотрудничествѣ мы должны, однако, различать двѣ стороны: *самодѣятельность* людей, направленную къ удовлетворенію ихъ потребностей, и *условія, дѣлающія эту дѣятельность согласованной*. Первая образуетъ *матерію*, вторая—*форму* соціальнаго. Первая составляетъ этотъ сырой матеріалъ, тѣ разрозненные составные элементы, которые лишь при опредѣленномъ формирующемъ началѣ могутъ превратиться въ соціальные феномены, пріобрѣсти характеръ соціальнаго единства. Это формирующее начало и есть ничто иное, какъ совокупность объективированныхъ нормъ, прямо или косвенно регулирующихъ взаимоотношенія людей при ихъ совмѣстной жизни и дѣятельности. Объективированныя нормы составляютъ, такимъ образомъ, *логическій* prius всего соціальнаго, лишь онѣ сообщаютъ совмѣстной человѣческой дѣятельности свойство „соціальности“. Мы подчеркиваемъ слова „*логическій* prius“, такъ какъ въ конкретной дѣйствительности регулирующая форма можетъ проявляться лишь при наличности регулируемой матеріи. Если объективированныя нормы призваны регулировать междучеловѣческія отношенія при ихъ совмѣстномъ функціонированіи, то, значитъ, должна конкретно существовать опредѣленная совмѣстная дѣятель-

ность, подлежащая регулированію. Вообще, понятія „форма“ и „матерія“ соціальнаго суть только логическія абстракціи, чрезвычайно плодотворныя въ методологическомъ отношеніи. Въ реальной же жизни матерія и формы соціальнаго сливаются въ одно цѣлое—въ неразрывное единство.

Мы уже сказали, что въ нашемъ пониманіи соціальнаго мы болѣе или менѣе близко подходимъ къ Штаммлеру. Однако, между нашей и Штаммлеровской формулировкой соціальнаго есть различіе и при томъ довольно существенное. Штаммлеръ, говоря о формѣ соціальной жизни, выдвигаетъ исключительно моментъ *внѣшней обязательности* регулирующихъ нормъ. „*Соціальная жизнь*, — говоритъ онъ, — *есть нормируемая внѣшне обязательными правилами совмѣстная жизнь людей*“. „Подъ *внѣшними правилами* человѣческаго поведенія мы разумѣемъ норму, *которая по своему смыслу, представляется совершенно независимой отъ желанія индивида слѣдовать ей*“ [1]). Мысль, что соціальныя нормы требуютъ отъ подчиняющагося имъ только *внѣшней легальности поведенія* повторяется имъ въ книгѣ неоднократно. Поэтому изъ ряда соціальныхъ нормъ, т. е., нормъ, устанавливающихъ понятіе общественной жизни людей, Штаммлеромъ совершенно исключаются этическія нормы, обладающія характеромъ внутренней принудительности и предполагающія, что подчиняющійся имъ внутренно увѣренъ въ ихъ высшей разумности и объективной закономѣрности. Мы же, взамѣнъ *внѣшней обязательности* соціальныхъ нормъ, поддерживаемъ моментъ ихъ *объективированности*. Норма можетъ *фактически регулировать* общественныя отношенія людей, если только она объективировалась въ сознаніи послѣднихъ, при чемъ характеръ обязательности, которой она обладаетъ, здѣсь не имѣетъ значенія. Если люди, повинуясь велѣнію нравственнаго закона, ъ разумности котораго они внутренно убѣждены, опредѣленнымъ образомъ согласуютъ свои дѣйствія другъ съ другомъ, то нѣтъ рѣшительно никакого основанія исключить эту ихъ дѣятельность изъ сферы соціальнаго. Въ этомъ отношеніи правъ одинъ изъ критиковъ Штаммлера, г. Корсакъ [2]), доказывающій, что Штаммлеръ, выдвигая исключительно моментъ внѣшней легальности соціальныхъ нормъ долженъ былъ, пожалуй, прійти къ исключенію изъ ряда этихъ нормъ такихъ стихійно развившихся и органически сросшихся съ человѣческимъ соз-

[1]) „Хозяйство и право“. Стр. 95, 97.

[2]) „Общество правовое и общество трудовое“ (въ сборникѣ „Проблемы реалистическаго міровоззрѣнія).

наніемъ нормъ, какъ языкъ: врядъ ли примѣнимо понятіе внѣшней легальности по отношенію къ поведенію человѣка, чисто инстинктивно, въ силу „внутреннихъ позывовъ“ слѣдующаго опредѣленнымъ формамъ рѣчи. Вообще, слѣдуетъ признать, что въ этомъ пунктѣ агрументація Штаммлера чрезвычайно мало обоснована и, кромѣ того, страдаетъ нѣкоторой неясностью.

Мы изложили здѣсь, въ самыхъ, конечно, общихъ чертахъ, то пониманіе соціальнаго, котораго авторы „Возрожденія“ могли коснуться лишь всколзь, ограничиваясь самыми старыми формулировками.

А теперь обратимся къ нашимъ критикамъ.

V.

Это синтетическое пониманіе соціальнаго послужило однимъ изъ основныхъ пунктовъ бундовской критики „Возрожденія“. Изъ него бундовскимъ критикомъ г. Гейликманомъ выводится, что „возрожденцы“ не должны признавать исторической необходимости наступленія соціализма, принципа классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей, а, слѣдовательно, должны также отрицать всякій смыслъ за самостоятельной организаціей пролетаріата и существованіемъ спеціально пролетарскихъ организацій. Если же, однако, сами „возрожденцы“ не приходятъ къ такимъ логически неизбѣжнымъ для нихъ выводамъ, а наоборотъ, постоянно подчеркиваютъ объективно необходимый характеръ соціалистическаго идеала, если они, вообще, разсматриваютъ общественные идеалы съ точки зрѣнія исторической неизбѣжности ихъ реализаціи, если они, кромѣ того, во главу угла своей теоріи и практики ставятъ именно классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей, то это они дѣлаютъ только потому, что „духъ эклектизма почилъ надъ твореніями „Возрожденія“. А относительно этого духа уже давно извѣстно, что „смягчать самыя острыя подозрѣнія, затушевывать самыя непримиримыя противоположности, колебаться, уклоняться отъ прямыхъ вопросовъ жизни—его потребность“.

Какъ же г. Гейликманъ обосновываетъ эти свои болѣе чѣмъ рѣшительныя положенія?

Способъ доказательствъ г. Гейликмана отличается чрезвычайной простотой и наглядностью. Благодаря этому способу ему удалось на протяженіи всего $2^1/_2$ страничекъ изложить всю соціально-философскую концепцію Штаммлера и сдѣлать изъ нея необходимые ему выводы, привести еще цитаты изъ Маркса, Плеха-

нова и „Возрожденія“—и ясно, какъ день, доказать, что „возрожденцы“—идеалисты, и что они должны отрицать принципъ классовой борьбой за соціализмъ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что г. Гейликманъ сводитъ свои доказательства къ системѣ простыхъ, черезчуръ даже простыхъ силлогизмовъ, при чемъ основныя предпосылки для этихъ силлогизмовъ онъ безапелляціонно декретируетъ тономъ, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ ихъ соотвѣтствія истинѣ. И все получается такъ стройно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто! Вотъ, напримѣръ, г. Гейликману нужно доказать, что Штаммлеръ не признаетъ принципа классовой борьбы. Онъ строитъ силлогизмъ. Первая посылка: „Штаммлеровское пониманіе содержанія и формы соціальной жизни, какъ мы видѣли, необходимо связано съ отрицаніемъ обостренія противорѣчія между производительными силами и пройзводственными отношеніями“. Вторая посылка: „Между тѣмъ на обостреніи этихъ противорѣчій зиждется вся теорія классовой борьбы“ [1]). Выводъ съ логической необходимостью напрашивается самъ собой. Для доказательства же буржуазности и идеалистичности „возрожденцевъ“ онъ опять-таки строитъ силлогизмъ. Первая посылка: „Всѣ отдѣльныя ея (теоріи Штаммлера) элементы такъ взаимно обусловлены, что признаніе основныхъ его посылокъ ведетъ къ признанію всѣхъ выводовъ, вытекающихъ изъ нея“. Вторая посылка и выводъ: „Возрожденцы, близко подходя къ Штаммлеровскому пониманію формы и содержанія соціальной жизни, должны были бы, не убоявшись всей бездны послѣдовательности, раздѣлить и всѣ выводы, вытекающіе изъ этого положенія“ [2]).

Стройно и ясно, а главное, очень коротко! И въ самомъ дѣлѣ, къ чему эти излишнія „разглагольствованія“, когда ларчикъ такъ просто открывается“?.. И, очевидно, самъ пораженный логической силой и убѣдительностью своихъ доводовъ, онъ тутъ же восклицаетъ: „Tertium non datur, тутъ не можетъ быть эклектической безпринципности и срединной половинчатости. Подписавшись подъ Штаммлеровской соціологіей, тѣмъ самымъ ставятъ крестъ надъ классовой борьбой за соціализмъ“.

Мы не станемъ защищать здѣсь Штаммлера отъ суровыхъ нападокъ г. Гейликмана, хотя кое-что можно было бы, пожалуй, сказать и въ его защиту. Но объ этомъ уже, вѣроятно, самъ Штаммлеръ позаботится. Мы же разсмотримъ только послѣдній

[1]) Т. Гейликманъ „О Возрожденіи“. „Наше Слово“, № 2.
[2]) Ibidem.

силлогизмъ, непосредственно насъ затрагивающій, и пусть намъ великодушно проститъ г. Гейликманъ, если мы позволимъ себѣ усомниться уже въ первой посылкѣ этого силлогизма. Мы охотно согласимся съ нашимъ критикомъ, что Штаммлеровское ученіе представляетъ собой стройную соціально-филосовскую концепцію, но, тѣмъ не менѣе, мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что признаніе одной изъ его основныхъ посылокъ необходимо ведетъ къ признанію всей его системы цѣликомъ, по той простой причинѣ, что такихъ посылокъ у него не одна, а нѣсколько. Всѣ эти посылки у Штаммлера, конечно, согласованы между собой, приведены въ логически-стройную связь другъ съ другомъ, но *не вытекаютъ, однако, съ логической необходимостью одна изъ другой*, и поэтому каждая изъ нихъ можетъ *логически сочетаться* съ цѣлымъ рядомъ другихъ посылокъ, подчасъ даже противоположныхъ первымъ. Исторія человѣческой мысли, дѣйствительно, знаетъ не мало такихъ „казусовъ“. Всѣ, напримѣръ, идеалистическія или матеріалистическія философскія системы „близко подходятъ другъ къ другу“ въ нѣкоторыхъ основныхъ предпосылкахъ своихъ, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ не одну только матеріалистическую или идеалистическую систему, а цѣлый рядъ такихъ системъ, при чемъ многимъ изъ нихъ нельзя отказать въ извѣстной стройности и цѣльности ихъ построеній. Объясняется этотъ непостижимый, вѣроятно, для г. Гейликмана фактъ тѣмъ, что такого рода сложныя системы, охватывающія чрезвычайно разнородный и многообразный кругъ явленій и разсматривающія его съ самыхъ различныхъ сторонъ, обыкновенно исходятъ не изъ одного только основного начала, а изъ цѣлаго ряда основныхъ началъ, добытыхъ совершенно различными путями и имѣющихъ, поэтому, различную теоретическую цѣнность. Стройность системы предполагаетъ только, что различныя основныя начала, входящія въ ея составъ, со всѣми вытекающими изъ нихъ выводами, не противорѣчатъ одно другому, *логически сочетаются* между собой, но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что тѣ или другія изъ этихъ основныхъ положеній не могутъ входить въ составную часть другой системы, образовывать новое логичечкое сочетаніе. Можетъ быть, если бы намъ удалось постигнуть всю абсолютную истину во всей ея абсолютной полнотѣ и цѣльности, тогда такого рода „логическимъ безпорядкамъ“ не было бы мѣста, но пока мы абсолютной истиной не обладаемъ(а есть еще безнадежные скептики, сомнѣвающіеся вообще въ возможности

человѣческаго познанія проникнуть въ тайны абсолюта), г. Гейликману волей-неволей придется мириться съ такими печальными явленіями.

Для большей наглядности сошлемся на одинъ-два конкретныхъ примѣра.

Врядъ ли г. Гейликманъ станетъ отрицать, что философской системѣ Гегеля нельзя отказать въ извѣстной стройности, по крайней мѣрѣ, не въ меньшей степени, чѣмъ соціально-фолософской концепціи Штаммлера. Надо полагать, что онъ также не станетъ спорить и противъ того, что пресловутая „діалектика" составляетъ основную посылку философіи Гегеля. И вотъ Карлъ Марксъ, признавъ эту основную посылку философіи Гегеля, логически сочеталъ ее, однако, съ совершенно противоположнымъ кругомъ идей, чѣмъ у Гегеля. Г. Гейликманъ, „не убоявшись всей бездны послѣдовательности", долженъ былъ бы обратиться по адресу Маркса со слѣдующей тирадой выраженной опять-таки въ формѣ силлогизма: „Всѣ отдѣльные элементы системы Гегеля такъ строго взаимно обусловлены, что признаніе основной его посылки ведетъ къ признанію всѣхъ выводовъ, вытекающихъ изъ нея. Марксъ, близко подходя къ основной посылкѣ гегелевской философіи, долженъ былъ бы, не убоявшись всей бездны послѣдовательности, раздѣлить и всѣ выводы, вытекающіе изъ этого основоположенія". При этомъ г. Гейликманъ непремѣнно долженъ былъ бы, съ присущимъ ему пафосомъ, воскликнуть: „Tertium non datur, тутъ не можетъ быть эклектической безпринципности и срединной половинчатости!" А ужъ коль скоро удалось уличить Маркса въ несомнѣнной приверженности къ идеалистической философіи, не избѣжать ему обвиненія въ буржуазности. На этотъ счетъ мы всецѣло можемъ полагаться на г. Гейликмана: до того онъ въ такихъ случаяхъ гораздъ и остеръ, что обязательно превратитъ Маркса въ чистокровнаго буржуя. И не даромъ: подписавшись подъ идеалистической философіей Гегеля, тѣмъ самымъ ставишь крестъ надъ... хотя бы надъ классовой борьбой за соціализмъ. Не правда ли, что Марксъ послѣ этого былъ бы окончательно сконфуженъ, а противникамъ его оставалось бы только торжествовать побѣду?..

Возьмемъ еще одинъ конкретный примѣръ—самую систему Маркса. И ей г. Гейликманъ не откажетъ въ стройности. А вотъ у русскихъ послѣдователей Маркса его соціально-экономическая теорія сочетается то съ философскимъ матеріализмомъ (у Плеха-

нова, Аксельрода и т. д.), то съ эмпиріокритицизмомъ или эмпиріомонизмомъ (у Богданова, Луначарскаго и т. д.). Или можетъ быть г. Гейликманъ принадлежитъ къ числу тѣхъ „непримиримыхъ ортодоксовъ", которые исключаютъ изъ лона марксизма всѣхъ, не исповѣдующихъ матеріалистическую догму?.. Но кромѣ того, станетъ ли г. Гейликманъ утверждать, что въ безспорно стройномъ и цѣльномъ ученіи Маркса признаніе основоположеній историческаго матеріализма съ логической необходимостью ведетъ къ признанію, наприм., теоріи трудовой стоимости и наоборотъ? Впрочемъ, съ г. Гейликманомъ и это можетъ статься...

Вообще, вся исторія эволюціи человѣческой мысли должна, по Гейликману, представлять собой довольно любопытную картину. Всѣ созданныя человѣческимъ умомъ геніальнѣйшія системы, восхищающія насъ своей цѣльностью и логической стройностью, должны были бы г. Гейликманомъ быть отнесены либо къ категоріи сплошныхъ заблужденій, либо же сплошныхъ откровеній истины, потому что одно изъ двухъ: если основная посылка системы вѣрна, тогда, при условіи логической стройности всей системы, должны быть безусловно вѣрны и всѣ вытекающія изъ нея выводы, если же основная посылка невѣрна, тогда вся система представляетъ собой одинъ лишь пустой взоръ, или, въ лучшемъ случаѣ, безплодную эквилибристику досужаго ума. Согласно этому, человѣческая мысль должна была бы совершать свое поступательное движеніе не эволюціоннымъ путемъ, постепенно накопляя осѣдающія въ массѣ заблужденій частицы истины, скажемъ даже не согласно законамъ діалектическаго развитія, а скачкообразно, переходя отъ сплошныхъ заблужденій къ сплошнымъ откровеніямъ истины.

Недаромъ г. Гейликманъ рисуетъ себѣ послѣдовательность въ видѣ „бездны": его послѣдовательность, дѣйствительно, привела бы его въ бездну теоретическаго хаоса...

Но обратимся непосредственно къ Штаммлеру.

Ученіе Штаммлера дѣлится на двѣ различныя части, сообразно различнымъ сторонамъ соціальной жизни, подвергающимся его изслѣдованію. Первая часть включаетъ въ себя разсмотрѣніе соціальной жизни, такъ сказать, со стороны статической, вторая— со стороны динамической. Въ первой части Штаммлеръ пытается твердо установить область соціальнаго, опредѣлить особый объектъ и точныя границы соціальной науки. Относящійся сюда кругъ вопросовъ онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Но въ чемъ

же заключается, все-таки, эта *соціальная жизнь*, что составляетъ ея особенность и дѣлаетъ это понятіе спеціальнымъ предметомъ нашего познанія? Что можно считать разумнымъ образомъ *соціальнымъ феноменомъ?* Какіе *отдѣльные логическіе элементы соціальнаго существованія людей* обнаруживаются, и каково ихъ отношеніе другъ къ другу?“ [1]) Вторая часть изслѣдуетъ *природу соціальной закономѣрности*. Штаммлеръ спрашиваетъ: „Можно ли установить и примѣнять всеобщую *закономѣрность* соціальной жизни людей точно такъ же, какъ закономѣрность природы является основой естествознанія? Или между той и другой областью существуютъ, можетъ быть, какія-либо общія различія?“ [2]) И какъ извѣстно, Штаммлеръ приходитъ къ заключенію, что закономѣрность соціальной жизни существенно отличается отъ закономѣрности природы: явленія природы разсматриваются нами подъ угломъ зрѣнія строгаго детерминизма, какъ рядъ причинъ и слѣдствій, соціальные же феномены образуютъ цѣпь цѣлей и средствъ, и поэтому соціальная закономѣрность представляетъ собой закономѣрность особаго рода—закономѣрность *телеологическую*.

Эти двѣ части Штаммлеровскаго ученія содержатъ въ себѣ основоположенія, почерпнутыя изъ совершенно различныхъ источниковъ. Для того, чтобы установить понятіе „соціальнаго“, намъ нужно подвергнуть формально-логическому анализу и критическому расчлененію употребляемые нами въ примѣненіи къ общественной жизни людей понятія и термины и выяснить, насколько они соотвѣтствуютъ обозначаемымъ ими явленіямъ, причемъ сюда ни въ коемъ случаѣ не должны быть привнесены уже готовыя заранѣе предпосылки, почерпнутыя изъ другихъ сферъ человѣческаго познанія. Наоборотъ, здѣсь передъ вами строго замкнутая область изслѣдованія, гдѣ всѣ данныя имѣются на лицо, и гдѣ вамъ нужно только примѣнять орудіе нашего познанія—критическій анализъ. Научная плодотворность добытыхъ вами результатовъ будетъ зависѣть отъ остроты и тонкости вашего анализа и еще отъ того, ревниво ли вы охраняли область вашего изслѣдованія отъ привнесенія къ ней откуда-то извнѣ апріорныхъ для нея предпосылокъ. Совсѣмъ другое дѣло вопросъ о природѣ соціальной закономѣрности. Здѣсь мы по необходимости должны выйти изъ сферы соціальнаго изслѣдованія и *устанавливаемыя нами внѣ ея основныя положенія мы должны лишь примѣ-*

[1]) „Хозяйство и Право“, стр. 15.

[2]) Ibid., стр. 5.

нять къ этой области. Вопросъ о *соціальной* закономѣрности есть прежде всего вопросъ о закономѣрности *индивидуальныхъ* человѣческихъ дѣйствій, включаются ли человѣческія дѣйствія вообще въ строго детерминированный рядъ, разсматриваемъ ли мы ихъ, какъ цѣпь причинъ и слѣдствій, или же они подвержены закономѣрности телеологической, и ихъ единство мыслится нами не какъ единство причинъ и слѣдствій, а какъ единство цѣлей и средствъ? Этотъ вопросъ естественно приводитъ насъ къ основному вопросу всякой философіи и метафизики—къ пресловутой проблемѣ о свободѣ воли. Изъ того или другого отношенія къ этой основной философской проблемѣ необходимо вытекаетъ то или другое, но уже непремѣнно опредѣленное пониманіе соціальной закономѣрности. Если человѣческія дѣйствія мыслятся въ видѣ свободныхъ актовъ безпричиннаго творчества, то тѣмъ самымъ *принципіально* исключается возможность *научнаго уразумѣнія* соціальныхъ явленій. Наоборотъ, взглядъ на человѣческіе поступки, какъ на явленія причинно обусловленныя, необходимо ведетъ къ признанію принципіальной возможноси научнаго изслѣдованія соціальной жизни. Но данное рѣшеніе вопроса о природѣ соціальной закономѣрности ничуть, однако, не обусловливаетъ собой опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о содержаніи понятія соціальнаго, объ опредѣленіи объекта соціально-научнаго изслѣдованія, и наоборотъ, точно такъ же, какъ, напр., уясненіе вопроса о закономѣрности физическихъ явленій ни малѣйше не содержитъ въ себѣ отвѣта на вопросъ, что такое физическое явленіе вообще. Это двѣ рѣзко разграниченныя сферы вопросовъ, черпающихъ свои рѣшенія изъ совершенно различныхъ источниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что признаніе телеологической закономѣрности соціальной жизни вполнѣ логически сочетается у Штаммлера съ его же опредѣленіемъ соціальнаго—на этотъ счетъ мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство самого г. Гейликмана, и мы, конечно, противъ этого спорить не станемъ. Теперь же мы хотимъ показать, что подъ нашимъ опредѣленіемъ понятія соціальнаго, близко примыкающимъ къ Штаммлеровскому, могли бы подписаться даже такіе строгіе соціальные детерминисты, какъ марксисты, конечно, не такъ называемые ортодоксальные марксисты, а скажемъ, критическіе марксисты типа г. Бельтова въ его статьѣ „О Матеріалистическомъ пониманіи исторіи“ [1]).

[1]) См. „Критика нашихъ критиковъ“. Н. Бельтовъ.

Само собой очевидно, что пониманіе соціальной жизни, какъ опредѣленнымъ образомъ урегулированной совмѣстной жизни людей, нисколько не исключаетъ причинной обусловленности. Ни совмѣстная жизнь, ни формы ея регулированія не перестаютъ, вслѣдствіе такого пониманія ихъ взаимной связи, мыслиться нами по категоріи причинности. Но такое пониманіе соціальнаго, само по себѣ, не противорѣчитъ даже основному положенію марксистскаго ученія, что соціальное развитіе въ цѣломъ опредѣляется ростомъ производительныхъ силъ общества. Конечно, при такомъ синтетическомъ пониманіи соціальнаго приходится отказаться отъ пресловутой теоріи „базиса“ и „надстройки“. Нельзя мыслить себѣ производительныя отношенія въ формѣ базиса, надъ которымъ висятъ какія-то надстройки въ видѣ правовыхъ, этическихъ и т. п. нормъ, уже потому, что самое понятіе производственныхъ отношеній содержитъ въ себѣ представленіе объ опредѣленномъ образомъ *регулированныхъ отношеніяхъ*. Отношенія между хозяйствомъ и правомъ слѣдуетъ, такимъ образомъ, понимать не какъ отношенія базиса и надстройки, а какъ отношенія содержанія и формы. Во всякомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о буржуазномъ строѣ, то никакое соціально-хозяйственное явленіе не мыслится нами иначе, какъ именно правовыми нормами регулированное[1]).

[1]) Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны слѣдующія разсужденія Каутскаго. Говоря о сущности обмѣна, онъ замѣчаетъ: „*Юридическое (правовое) отношеніе* частной собственности является только отраженіемъ *волевыхъ отношеній* обмѣнивающихся лицъ, обусловленныхъ *экономическими отношеніями*. Не потому люди начали обмѣниваться товарами, что считали другъ друга частными собственниками этихъ послѣднихъ. Наоборотъ, они стали признавать другъ въ другѣ частныхъ собственниковъ лишь съ того момента, какъ имъ пришлось обмѣниваться другъ съ другомъ товарами“ („Экономическое ученіе Карла Маркса въ изложеніи К. Каутскаго“, стр. 20. Цитируемъ по русскому переводу изданія „Молота“). Несостоятельность этихъ разсужденій, намъ кажется, прямо бросается въ глаза. Уже самое понятіе обмѣна, какъ опредѣленнаго соціально-хозяйственнаго феномена, содержитъ въ себѣ, въ качествѣ логической составной части, представленіе, что вступающіе между собой въ мѣновую сдѣлку признаютъ другъ въ другѣ частныхъ собственниковъ обмѣниваемыхъ товаровъ. Вычеркните изъ ихъ сознанія представленіе другъ о другѣ, какъ о частныхъ собственникахъ, и вы этимъ самымъ уничтожите явленіе обмѣна, какъ опредѣленнаго соціально-хозяйственнаго феномена. Поэтому на томъ же логическомъ основаніи, на которомъ Каутскій утверждаетъ, что люди стали признавать другъ въ другѣ частныхъ собственниковъ лишь съ того момента, какъ имъ пришлось обмѣниваться другъ съ другомъ товарами, можно утверждать какъ разъ наоборотъ, что люди начали обмѣниваться товарами лишь съ того момента, какъ начали признавать другъ въ другѣ част-

Но синтетическое пониманіе соціальнаго, исключающее всякое представленіе о „базисѣ“ и „надстройкѣ“ и проводится никѣмъ инымъ, какъ именно г. Бельтовымъ въ упомянутой выше статьѣ. Этотъ взглядъ защищается тамъ съ такой опредѣленностью и категоричностью, что не оставляетъ на этотъ счетъ въ читателѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вотъ что говорится въ этой статьѣ: „Благодаря процессу абстрагированія, различныя *стороны* общественнаго цѣлаго принимаютъ видъ обособленныхъ *категорій*, а различныя проявленія и выраженія дѣятельности общественнаго человѣка—мораль, право, экономическія формы и пр., превращаются въ нашемъ умѣ въ особыя, будто бы вызывающія и обусловливающія эту дѣятельность, являющіяся ея послѣдними причинами“[1]). „Но какъ бы ни была законна и полезна въ свое время теорія факторовъ, она не выдерживаетъ теперь критики. Она расчленяетъ дѣятельность общественнаго человѣка, превращая различныя ея стороны и проявленія въ особыя силы, будто бы опредѣляющія собой историческое движеніе общества. Въ исторіи развитія общественной науки эта теорія играла такую же роль, какъ теорія отдѣльныхъ физическихъ силъ въ естествознаніи. Успѣхи естествознанія привели къ ученію объ *единствѣ* этихъ силъ, къ современному ученію объ энергіи. Точно такъ же и успѣхи общественной науки должны были повести къ замѣнѣ теоріи факторовъ, этого плода общественнаго анализа, *синтетическимъ взглядомъ на общественную жизнь*“[2]) „Историческіе „факторы“ оказываются простыми абстракціями, и, когда исчезаетъ ихъ туманъ, становится ясно, что люди дѣлаютъ не нѣсколько отдѣльныхъ одна отъ другой исторіи—исторіи права, исторіи морали, философіи и т. д.—а одну только исторію своихъ собственныхъ общественныхъ отношеній, обусловленныхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ каждое данное время“[3]). О зависимости общественныхъ производственныхъ отношеній отъ состоянія производительныхъ силъ, г. Бельтовъ выражается здѣсь слѣ-

---

ныхъ собственниковъ, такъ какъ всѣ другія формы распредѣленія продуктовъ, существовавшія до этого момента, ни въ коемъ случаѣ не носили характера *обмѣна*. Дѣло именно въ томъ, что оба эти момента совершенно совпадаютъ между собой, логически неотдѣлимы другъ отъ друга, и всякое стремленіе представлять себѣ ихъ соотношенія въ видѣ „базиса“ и „надстройки“ является въ лучшемъ случаѣ безнадежной натяжкой...

[1]) „Критика нашихъ Критиковъ“, стр. 311.

[2]) Ibid, 313.

[3]) Ibid, стр. 336.

дующимъ образомъ: „Всякое значительное измѣненіе состоянія этихъ силъ отражается также и на общественныхъ отношеніяхъ людей, т. е., *между прочимъ*—и на ихъ экономическихъ отношеніяхъ [1]).

Какъ же, однако, всѣ эти утвержденія вяжутся съ не менѣе категорическими утвержденіями того же самаго г. Бельтова въ другихъ его статьяхъ о томъ, что право, мораль и т. д., какъ „идеологическія надстройки" опредѣляются и обусловливаются матеріалистическимъ базисомъ—экономической структурой общества—все это мы оставляемъ рѣшать самому г. Бельтову. А до тѣхъ поръ, пока г. Бельтовъ будетъ ограничиваться по поводу этого „недоразумѣнія" однимъ только голословнымъ, хотя опять-таки чрезвычайно категорическимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ имъ въ предисловіи къ „Критикѣ нашихъ критиковъ", что видѣть здѣсь противорѣчіе могутъ только люди, запомнившіе одни слова и термины,—до тѣхъ поръ мы, обыкновенные читатели, судящіе о понятіяхъ по словамъ и терминамъ, останемся, вѣроятно, при своемъ убѣжденіи, что въ этой статьѣ г. Бельтовъ рѣшительно хотя, можетъ быть, и не безповоротно, отказывается отъ теоріи базиса и надстройки.

Но отрицаніе теоріи базиса и надстройки вполнѣ, однако, можетъ сочетаться съ признаніемъ опредѣляющей роли роста производительныхъ силъ въ процессѣ соціальнаго развитія. Конечно, прямой и непосредственной зависимости между ростомъ производительныхъ силъ и процессомъ соціальнаго развитія мыслить нельзя. Ростъ производительныхъ силъ не прямо и непосредственно вызываетъ измѣненія соціальнаго строя. Всякое новое изобрѣтеніе для того, чтобы оно получило соціальное значеніе и стало факторомъ соціальнаго развитія, должно прежде всего вести къ соотвѣтствующимъ массовымъ проявленіямъ опредѣленнымъ образомъ урегулированныхъ совмѣстныхъ человѣческихъ дѣйствій, или, выражаясь языкомъ Штаммлера, къ образованію массовыхъ соціальныхъ феноменовъ. Но лишь впослѣдствіи, когда накопленіе такихъ „массовыхъ соціальныхъ феноменовъ" начинаетъ стѣсняться регулирующими ихъ нормами, становиться съ ними въ „противорѣчіе", оно вызываетъ соотвѣтствующее измѣненіе этихъ регулирующихъ нормъ. „Паровая мельница, вполнѣ справедливо говоритъ Штаммлеръ, не создаетъ общества съ промышленными

[1]) Ibid, стр. 314. Курсивъ нашъ.

капиталистами въ противоположность соціальному хозяйству съ ручной мельницей, а новое изобрѣтеніе утилизируется при сохраніи опредѣленнаго правового строя, вслѣдствіе чего обнаруживаются массовыя явленія опредѣленныхъ правоотношеній, которыя вслѣдъ за тѣмъ могутъ повлечь за собой преобразованіе этого соціальнаго строя“[1]). Слѣдующій примѣръ, приводимый г. Бельтовымъ въ „Критикѣ нашихъ критиковъ“, можетъ иллюстрировать намъ зависимость между проявленіями „массовыхъ соціальныхъ феноменовъ“ и регулирующими ихъ правовыми нормами: „Предположимъ, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ существуетъ такъ называемая *разрѣшительная* система учрежденій акціонерныхъ обществъ. Извѣстно, что эта система отличается многими неудобствами, стѣсняющими развитіе акціонерныхъ компаній, а слѣдовательно, и крупнаго производства, которое такъ нуждается теперь въ ассоціаціи капиталовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ. Поэтому въ нашемъ обществѣ рано или поздно возникнетъ *противорѣчіе* между *хозяйственными явленіями*—ростомъ крупнаго производства, нуждающимся въ развитіи акціонерныхъ компаній, и *правомъ*—неудобнымъ законодательствомъ, регулирующимъ учрежденіе этихъ компаній. Такое противорѣчіе можетъ быть устранено только однимъ путемъ—путемъ уничтоженія разрѣшительной системы и замѣны ея такъ называемой *явочной* системой, несравненно болѣе удобной“[1]). Г. Бельтовъ, приведя этотъ примѣръ, какимъ-то образомъ хочетъ этимъ доказать, что противорѣчіе между „хозяйствомъ“ и „правомъ“ не можетъ вести къ измѣненію соціальнаго строя, что такое измѣненіе можетъ вызвать только противорѣчіе между *производительными силами* общества и тѣми его *имущественными отношеніями*, на основѣ которыхъ держится свойственное этому обществу *право*“. Конечно, нельзя отрицать, что такого рода частичныя приспособленія „права“ къ „хозяйству“, не затрагивающія основного правового принципа даннаго соціальнаго строя, не ведутъ еще къ реорганизаціи этого строя. Частичныя правовыя измѣненія, въ родѣ замѣны разрѣшительной системы учрежденій акціонерныхъ обществъ такъ называемой явочной, могутъ совершаться и фактически совершаются мирно и безболѣзненно внутри даннаго буржазнаго строя, и отъ этого послѣдній еще не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть,—т. е., буржуаз-

[1]) Хозяйство и право, стр. 280.

[1]) Критика нашихъ критиковъ, стр. 15.

нымъ строемъ. Но совершенно другое дѣло, когда хозяйственная дѣятельность или накопленіе массовыхъ соціальныхъ феноменовъ начинаетъ противорѣчить основному правовому принципу даннаго соціальнаго строя, въ данномъ случаѣ, скажемъ, принципу частной собственности на средства производства. Такого рода противорѣчія уже неизбѣжно ведутъ къ радикальному измѣненію всего экономическаго строя. Эти измѣненія никогда уже не совершаются безболѣзненнымъ путемъ. Вызывающія ихъ противорѣчія несомнѣнно раздираютъ общество на два враждебныхъ лагеря: на одной сторонѣ находятся классы, приспособленные къ старому принципу и заинтересованные въ его сохраненіи, на другой же— классы, могущіе приспособиться лишь къ новому принципу и поэтому стремящіеся къ водворенію его въ жизнь. Измѣненіе соціальнаго строя и сопровождается вслѣдствіе этого судорожными потрясеніями всего общественнаго зданія, именуемыми соціальной революціей.

Итакъ, сказаннаго, мы думаемъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что, близко подходя къ Штаммлеровскому пониманію формы и содержанія соціальной жизни, можно признать и историческую необходимость наступленія соціализма и принципъ классовой борьбы, и что для признанія всего этого вовсе не нужно быть осѣненнымъ особымъ духомъ эклектизма.

Мы такъ долго останавливались на г. Гейликманѣ не потому, конечно, что его, съ позволенія сказать, „силлогизмы“ дѣйствительно того заслуживали. Сами по себѣ, они врядъ ли стоятъ того, чтобы подвергать ихъ разбору. Но дѣло не въ нихъ, а въ тѣхъ жупелахъ, которые г. Гейликманъ распространяетъ въ массу читателей, пользуясь тѣмъ, что большинство читающей публики мало еще знакомо съ штаммлеровскимъ ученіемъ и, такимъ образомъ, легко можетъ повѣрить г. Гейликману на слово. Единственное средство бороться съ этими демагогическими пріемами критики и состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобы раскрыть тѣ таинственныя скобки, въ которыхъ будто бы содержится обоснованіе положеній, пока лишь декретируемыхъ критикомъ.

На этомъ мы пока покончимъ съ гейликмановской критикой, чтобы обратиться опять къ сіонистамъ. Намъ еще, конечно, придется вернуться къ нему по поводу другихъ частей его критики, но тамъ онъ уже обнаруживаетъ такъ мало оригинальности и такъ ревностно пережевываетъ сіонистическихъ критиковъ, что намъ врядъ ли придется выдѣлить его особо.

VI.

Установивъ понятіе соціальнаго, авторы „Возрожденія“ пытаются дать отвѣтъ на вопросъ о сущности національнаго момента. Прежде всего они указываютъ на то, что формы соціальной жизни допускаютъ безконечное разнообразіе своихъ конкретныхъ проявленій. Тардъ гдѣ-то говоритъ, что на одну и ту же выдвигаемую человѣческимъ общежитіемъ соціальную задачу могутъ быть даны одинаково удовлетворительныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ конкретно совершенно различныя рѣшенія. Яркимъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить языкъ. Дѣйствительно, языкъ представляетъ собой рѣшеніе проблемы соціальнаго взаимодѣйствія. Совмѣстная жизнь людей всюду ставитъ передъ ними одну и ту же задачу психическаго взаимодѣйствія, а между тѣмъ эта задача одинаково удовлетворительно рѣшается конкретно различными языками. Повсюду вмѣстѣ съ развитіемъ и усложненіемъ взаимоотношеній между людьми растетъ и развивается у нихъ потребность психическаго взаимодѣйствія, и соотвѣтственно этому совершается развитіе языка. И опять-таки однѣ и тѣ же стадіи развитія могутъ проходить конкретно совершенно различные языки. Такого рода различія въ своихъ конкретныхъ проявленіяхъ допускаютъ и всѣ другія формы, въ которыя выливается соціальная жизнь людей. Возможность давать на одни и тѣ же соціальныя задачи одинаково удовлетворительныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конкретно различныя рѣшенія, должна была вести къ тому, что человѣческія группы, автономно жившія и развивавшіяся и подвергшіяся воздѣйствію различныхъ жизненныхъ условій, неминуемо должны были выработать конкретно различныя формы своей соціальной жизни. Эти конкретно различныя формы соціальнаго мы и называемъ *національными формами жизни*. На вопросъ, что такое нація, авторы „Возрожденія“, такимъ образомъ, отвѣчаютъ: „*Націей является группа лицъ, въ теченіе своей долгой исторической жизни автономно рѣшавшая всѣ свои соціальныя проблемы и выработавшая себѣ такимъ путемъ индивидуальныя, своеобразныя формы соціальной жизни*“.

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, то пониманіе „національнаго“, которое устанавливается авторами „Возрожденія“. Этихъ нѣсколькихъ словъ, однако, надѣемся, будетъ достаточно для того, чтобы разобраться въ сіонистической критикѣ, направленной противъ этого пункта.

Мы не можемъ не отмѣтить здѣсь съ благодарностью одного крайне „благотворнаго“ критическаго пріема, къ которому прибѣгаютъ публицисты „Еврейской Жизни“: благодаря этому пріему наша задача теперь донельзя упрощается. Дѣло въ томъ, что г.г. публицисты изъ „Еврейской Жизни“, помимо своихъ необычайныхъ критическихъ дарованій, оказываются еще и популяризаторами большой руки. Приведя то или другое мѣсто изъ критикуемаго ими текста, они имѣютъ прекрасное обыкновеніе тутъ же популярно излагать его своими собственными словами, а уже эти „популярныя переложенія“ настолько краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что избавляютъ насъ отъ всякихъ коментаріевъ по отношенію къ сопровождающимъ ихъ критическимъ упражненіямъ... Вотъ, напр., какъ г. А. И. собственными словами передаетъ изложенное выше пониманіе соціальнаго и національнаго. „Въ переводѣ на простой языкъ,—говоритъ онъ,—это значитъ, что въ каждомъ обществѣ людей, работающихъ вмѣстѣ для удовлетворенія своихъ нуждъ, кромѣ матеріальной культуры, вырабатывается и духовная культура, состоящая въ языкѣ, правовыхъ, этическихъ нормахъ и т. д., что эта духовная культура различна у разныхъ націй, и это различіе растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ отдѣльныхъ народовъ“ [1]). Коротко и ясно! Духовная культура... Матеріальная культура... Чего можетъ быть проще и понятнѣе?.. Это, конечно, только простое „переложеніе“, а вотъ и критическій анализъ: „Въ сіонистской литературѣ,—говоритъ дальше г. А. И.,—существуетъ два главныхъ теченія: одно выдвигаетъ на первый планъ „объективированныя нормы“, т. е., духовную культуру націй, при чемъ придаетъ ей нѣкоторое самодовлѣющее значеніе, считая сохраненіе ея цѣлью само по себѣ; другое выдвигаетъ „національный типъ“, какъ prius всякой соціальной жизни, нац. особенности, дѣйствующія несмотря на постоянное измѣненіе содержанія „объективированныхъ нормъ“. Авторъ статьи (Возрожденія) придерживается и того и другого вмѣстѣ или, вѣрнѣе, колеблется между ними, хотя обнаруживаетъ явную тенденцію въ сторону перваго теченія, яркимъ представителемъ котораго является Ахадъ-Гаамъ“ [2]). Здѣсь, конечно, мысли уложены уже не такъ ясно и популярно, но зато глубина какая! Одно „національный типъ, какъ prius соціальной жизни“ чего стоитъ! Вамъ, конечно, не удается сразу уловить смыслъ этого сочета-

---

[1]) [2]) „Еврейская Жизнь.“ Апрѣль 1906 г., стр. 167.

нія словъ, но вы такъ и чувствуете, что здѣсь скрыто что-то недосягаемое по своей глубинѣ. Но удивительнѣе всего то, что всѣ эти чрезвычайно глубокія мысли г. А. И. сумѣли вскрыть въ „Возрожденіи“, чего, надо полагать, ни самимъ авторамъ, ни читателямъ и во снѣ ни снилось... Вотъ что значитъ критика!.. Однако, въ интересахъ справедливости слѣдуетъ признать, что по широтѣ философскаго размаха г. А. И. уступаетъ другому публицисту „Еврейской Жизни“—г. Пасманнику. Готъ, напр., по поводу „соціальнаго и національнаго“ сумѣлъ на протяженіи всего 17 страницъ высказать столько „недосягаемыхъ по своей глубинѣ мыслей“, что куда г. А. И. сравняться съ нимъ. Было бы совершенно безнадежной затѣей съ нашей стороны, если бы мы вздумали своими словами передать здѣсь всю глубину мыслей, таящихся тамъ. Мы поэтому настойчиво рекомендуемъ читателю самостоятельно ознакомиться съ самимъ оригиналомъ, и при этомъ мы можемъ ему поручиться, что ничего подобнаго онъ ни въ какой другой литературѣ не найдетъ... Это, дѣйствительно, вполнѣ оригинальное явленіе еврейской публицистической мысли... Чтобы не казаться голословными, мы приведемъ здѣсь оттуда наугадъ нѣсколько цитатъ, и читатель воочію убѣдится, что мы нисколько не преувеличиваемъ.

Г. Пасманникъ такъ же, какъ г. А. И., предварительно излагаетъ въ популярной формѣ мысли критикуемаго автора, потомъ подвергаетъ ихъ критическому анализу, а затѣмъ уже противопоставляетъ имъ свою собственную теорію. Взгляды авторовъ „Возрожденія“ на „соціальное“ и „національное“ г. Пасманникъ популярно излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Переводимъ это (т. е., взгляды „авторовъ Возрожденія“) на всѣмъ понятный языкъ: національное относится къ соціальному, какъ форма къ содержанію. Эта форма должна *предшествовать* содержанію. Чтобы общество могло развиваться, прежде всего требуется языкъ, *предшествующій* всякому соціальному развитію. Слѣдовательно, національность не есть переходящее историческое образованіе, а постоянная форма (по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ) всякаго соціальнаго“ [1]). Читая эти строки, вы прямо поражаетесь творческой силой ума г. Пасманника: даже когда онъ излагаетъ чужія мысли, умъ его безпрерывно творитъ все новое и чрезвычайно оригинальное... И пусть поэтому читатели „Возрож-

[1]) „Еврейская Жизнь“. Май 1906 г., стр. 82. Курсивъ нашъ.

не удивляются, если они въ этомъ „популярномъ изложеніи“ не найдутъ ни одной знакомой имъ по „Возрожденію“ мысли... Здѣсь, дѣйствительно, все ново и оригинально! Покончивъ съ „изложеніемъ“, г. Пасманникъ приступаетъ къ критикѣ: „Подъ понятіемъ соціальной жизни,—говоритъ онъ далѣе,—они понимаютъ „совокупность“ междучеловѣческихъ отношеній, возникающихъ *на почвѣ психическаго взаимодѣйствія умовъ*, какъ будто между людьми нѣтъ другого рода взаимодѣйствія, хотя бы на почвѣ матеріальныхъ потребностей“. [1]) И скажите послѣ этого, что „возрожденцы“ не идеалисты. Про „взаимодѣйствіе на почвѣ матеріальныхъ потребностей“ они-то какъ разъ совершенно позабыли! Слона-то, значитъ, не примѣтили... Развѣ это не свидѣтельствуетъ объ ихъ „непримиримомъ идеализмѣ?..“ Но гораздо любопытнѣе, чѣмъ „изложеніе“ и „критика“—это собственная „теорія“ г. Пасманника. Ее онъ излагаетъ въ слѣдующихъ тезисахъ: „Территорія вообще—апріорная категорія индивидуально-человѣческаго развитія, а территорія въ частности, съ опредѣленными свойствами,—апріорная категорія соціально-человѣческаго развитія“. „И какъ все наше знаніе о внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ невозможно безъ предварительной наличности формъ нашего познаванія, а именно: категоріи пространства и времени, такъ и всякая *общественная* жизнь предполагаетъ предварительно наличность территоріи-пространства и языка-времени“. [2])

Неправда ли, что г. Пасманникъ немножко напоминаетъ вамъ кенигсбергскаго философа? Тотъ въ мышленіи установилъ апріорныя познавательныя категоріи пространства и времени, а вотъ г. Пасманникъ въ общественной жизни также установилъ апріорныя категоріи—территоріи-пространства и языка-времени... Надо, между прочимъ, замѣтить, что излагая Канта, г. Пасманникъ опять-таки пустилъ въ ходъ свое „творчество“. Кантъ, напр., никогда не говорилъ о „*предварительной наличности* формы нашего познаванія“. Но таково уже свойство г. Пасманника, что не творить онъ не можетъ...

Мы знаемъ, находятся безнадежные скептики, которые, не желая или просто не умѣя углубляться въ сокровенный смыслъ всѣхъ этихъ пасманниковскихъ „категорій“, „аргіогі“ и т. д.,

---

[1]) Ibid, стр. 86.
[2]) Ibid, стр. 85.

склонны отрицать за ними какой-либо смыслъ. Это, говорятъ они, г. Пасманникъ только, „для пущей важности“ прибѣгаетъ къ „высокому штилю“, а то вѣдь и онъ самъ ровно ничего не смыслитъ въ своихъ собственныхъ „словосочетаніяхъ...“ Когда вы читаете г. Пасманника или г. А. И., говорятъ далѣе эти скептики,—передъ вами то и дѣло воскресаетъ образъ Сатина, героя Горькаго въ „На днѣ“, который также питалъ непреодолимое влеченіе къ „высокому штилю“... И также „для большаго параду...“ Вы помните, съ какимъ сознаніемъ своего достоинства, съ какимъ комически-серьезнымъ видомъ Сатинъ обыкновенно отпускаетъ „высоко-торжественныя“ слова:

„Ор-га-нонъ! Гиб-рал-таръ! Транс-це-ден-тальный!..“

Ну, скажите, читатель, развѣ тутъ дѣйствительно можетъ быть какая-нибудь почва для аналогіи? Взять хотя бы то, что Сатинъ своихъ „произведеній“, какъ извѣстно, никогда не печаталъ, а вотъ г. Пасманникъ и А. И. неизмѣнно печатаются...

То-то—безнадежные скептики...

Ben-Adér.

Новыя позиціи россійской буржуазіи.

Русское освободительное движеніе родилось подъ знакомъ революціоннаго соціализма. Этотъ огромный, по своему практическому и теоретическому значенію, фактъ составляетъ *основную характеристику* переживаемаго страной историческаго фазиса развитія, и онъ же отличаетъ этотъ фазисъ отъ аналогичныхъ фазисовъ, пережитыхъ въ свое время западно-европейскими странами.

Бюрократическая петля, надѣтая на народности, населяющія территорію Россійскаго государства, глубоко врѣзалась въ живое тѣло народныхъ массъ, причиняя ему кровоточащія раны. Она сушила душу этихъ массъ, коверкала ихъ мозгъ, дѣлала массы нищими, обращала ихъ въ покорныхъ рабовъ, несущихъ крестъ служенія режиму чиновничьяго самовластія.

Но въ этой петлѣ были завитки не только политическіе, но и соціальные, не только правовые, но и экономически-хозяйственные. И тѣ и другіе были вполнѣ согласованы въ дѣйствіи своего давленія на многомилліонные народные низы, представлявшіе собой, символически говоря, одну необозримо широкую потную спину презрѣннаго холопа, запряженнаго въ колесницу самобытной культуры. Традиціонная „политика“ любезно снисходила къ нарождающейся „экономикѣ“, видя въ послѣдней источникъ производственнаго преуспѣянія, необходимаго для занятія болѣе или менѣе почетнаго мѣста въ концертѣ державъ. „Экономика“ подобострастно прикладывалась къ туфлѣ „политики“, прекрасно понимая, что подъ свинцовой тяжестью этой туфли долженъ смолкнуть протестъ противъ невѣроятной эксплоатаціи труда. И „политика“ трогательно сочеталась съ „экономикой“. Представители политическаго гнета дружески пожимали руку представителямъ гнета экономическаго и вмѣстѣ съ послѣдними исполняли дуэтъ „первоначальнаго накопленія“, переложенный на музыку почти азіатскаго абсолютизма.

Дуэтъ былъ изъ рѣдкихъ; онъ ставилъ втупикъ западныхъ теоретиковъ и россійскихъ доктринеровъ, исповѣдующихъ разъ навсегда преподанный катехизисъ. Но за то же и результатъ такого дуэта былъ необычайный: онъ вылился въ одну изъ наиболѣе бурныхъ, кровавыхъ революцій, потрясшую страну во всѣхъ ея далекихъ углахъ и поведшую къ разгрому режима, который въ пользу своего бытія не можетъ привести ни одного даже мнимаго оправданія.

Когда бюрократическая петля, накинутая на шею Россіи, стала чрезмѣрно натянутой, она начала лопаться. Дальневосточная авантюра, которая навсегда опозорила имена высокихъ и сановныхъ особъ, была могучимъ ударомъ, павшимъ на петлю. Отъ этого удара пошли волны, захватившія въ свой круговоротъ цѣлыя массы населенія, подмывшія мертвый материкъ народнаго невѣжества, суевѣрія, холопства. Какъ будто спала пелена съ глазъ народныхъ, не видѣвшихъ дотолѣ источника несчастій, которыми полна была страна.

И было выброшено знамя протеста, на которомъ слова скорби и мольбы чередовались со словами бѣшенаго проклятія.

Вынесъ это побѣдное знамя на улицы и площади городовъ, на проселочныя дороги, въ фабричныя мастерскія, въ деревенскія лачуги революціонный соціализмъ. Онъ, этотъ соціализмъ, былъ знаменосцемъ, глашатаемъ, борцомъ, проповѣдникомъ, опрокидывавшимъ прежніе кумиры и ставившимъ на ихъ мѣсто личность и ея достоинства, трудящіеся классы и ихъ счастье. Онъ сталъ и творцомъ и хранителемъ новыхъ цѣнностей—политическихъ и соціальныхъ—которыя призваны были смѣнить старыя монеты рабской гражданственности, загрязненныя произволомъ, насиліемъ, безправіемъ, эксплоатаціей.

Какую роль въ великомъ потокѣ обновленія жизни играла россійская буржуазія? Самую послѣднюю и, вслѣдствіе этого, чаще всего отмѣнно реакціонную. Оправдалось теоретическое построеніе, которое формулировалось еще „идеалистами"-народниками, указывавшими на близкое родство круговъ буржуазныхъ къ кругамъ правительственнымъ. Оправдалось ихъ предположеніе, что россійская буржуазія *никогда* не сыграетъ роли буржуазіи западно-европейской, такъ какъ ея, буржуазіи, интересы тѣсно связаны съ интересами дѣйствующей политической системы, которая ее окружаетъ, ей протежируетъ, ее защищаетъ отъ натиска пролетаріата.

Практически подтвердилась схема освободительнаго движенія, набросанная еще на зарѣ шестидесятыхъ годовъ тѣми „печальниками“ горя народнаго, которые являлись свѣтлыми звѣздами на темномъ фонѣ россійской опричнины.

Въ послѣдніе два года революціонной борьбы истинная сущность торговой, промышленной, землевладѣльческой буржуазіи обнаружилась со всей возможной очевидностью. Идеологія ея предстала предъ взоромъ наблюдателя, освобожденная отъ какой бы то ни было туманной фразеологіи, отъ всякихъ „либеральныхъ“ румянъ и бѣлилъ, къ которымъ она не прочь была прибѣгнуть тогда, когда Россія являлась въ роли вѣрнаго жандарма Европы, хранящаго во всей надлежащей чистотѣ принципы абсолютизма. На глубочайшей важности вопросъ—быть ли Россіи истинно-свободной страной, или же явить собой помѣсь бюрократическаго всевластія съ псевдоконституціонными началами—буржуазія отвѣтила: быть ей ублюдкомъ революціи, носящимъ на себѣ всѣ признаки мертвящаго прошлаго!

Лучшую иллюстрацію позиціи, занимаемой буржуазіей въ распрѣ, раздирающей страну, даетъ „союзъ 17 октября“ въ томъ его видѣ, какой онъ представляетъ въ ностоящій моментъ, послѣ выхода изъ него Д. И. Шипова. Какія задачи ставитъ себѣ сейчасъ буржуазія, играющая, словно талисманомъ, этикеткой „17 октября“? Тѣ же, что она ставила себѣ и раньше, т. е., *поддержку правительства*. Она поддерживала въ былое время правительственныя мѣропріятія тѣмъ, что, по зову правительства, отпускала ему „свѣдущихъ людей“, съѣзжалась на „совѣщанія“, входила въ составъ „комиссій“, обманывавшихъ народныя ожиданія. Теперь она поддерживаетъ правительство въ его реакціонно-„конституціонныхъ“ планахъ. Она тянется въ хвостѣ ложно-либеральныхъ реформъ, обѣщанныхъ министерствомъ разгона,—и первой реформѣ этого министерства, „скорострѣльной“ юстиціи, казнящей по 5 или 10 человѣкъ въ день, она отвѣшиваетъ низкій и почтительный поклонъ. Нужно ли еще болѣе яркое осязательное доказательство буржуазной реакціонности? Нужно ли еще иное свидѣтельство того душевнаго согласія, которое царитъ между бюрократіей и буржуазіей? Бюрократія идетъ на уступки подъ давленіемъ революціоннаго шквала. На тѣ же—но только на тѣ же по объему и содержанію—уступки идетъ и буржуазія. Она остается вѣрна себѣ, вѣрна въ той мѣрѣ, въ какой слуга оста-

ется вѣрнымъ своему господину, не скупящемуся на щедрыя награды.

Недавно состоялось давно ожидавшееся собраніе „октябристовъ“ въ Петербургѣ. Это собраніе чрезвычайно любопытно въ томъ именно отношеніи, что бросаетъ *окончательный* свѣтъ на мѣсто, которое буржуазія хочетъ занять въ предстоящей борьбѣ. И мѣсто это, какъ явствуетъ изъ рѣчей участниковъ собранія, будетъ лежать „вправо“ отъ общей прогрессивной оппозиціи. По нѣкоторымъ фактамъ не трудно было предугадать неизбѣжность такого перемѣщенія, диктуемаго классовыми интересами буржуазіи. Незадолго до собранія стало, напр., извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комитеты партій „правового порядка“ преобразовывались въ комитеты „союза 17 октября“. Стало также извѣстно, что общеимперскій совѣтъ партіи правового порядка „предполагаетъ дѣйствовать *заодно съ союзомъ 17 октября и другими еще правѣе стоящими партіями*“. А говорить подробно о томъ, во что обходится благожелательная улыбка со стороны такихъ политическихъ организацій, какъ „правовой порядокъ“, нѣтъ нужды. Чтобы купить эту улыбку, „союзъ 17 октября“ долженъ былъ публично предъявить свой реакціонный паспортъ, на которомъ стоитъ мѣтка: готовъ вѣрой и правдой служить находящемуся у власти правительству. Всякой иной мѣткой „правовой порядокъ“ удовлетворенъ бы не былъ. Что же доказываетъ инфильтрація „правопорядцевъ“ въ среду „октябристовъ“? Что доказываетъ желаніе ихъ „дѣйствовать заодно“? Все это доказываетъ только духовное родство послѣднихъ съ первыми и вмѣстѣ съ тѣмъ, родство ихъ съ власть предержащими бюрократическими сферами.

На петербургскомъ собраніи октябристовъ видный членъ союза г. Милютинъ привѣтствовалъ „законодательную“ работу нынѣшняго министерства.

Правда, онъ находилъ эту работу министерства не совсѣмъ „конституціонной“. Но зато онъ видѣлъ въ ней свидѣтельство того, чего не могъ до сихъ поръ видѣть никто другой, а именно онъ видѣлъ, что „даже сложная и громоздкая машина русской бюрократіи начинаетъ проникаться идеалами манифеста 17 октября, *обѣщая въ будущемъ дружную совмѣстную работу народнаго представительства и правительства*“. И имѣя въ виду эту предстоящую „дружную работу“, г. Милютинъ прощалъ „легкій“ конституціонный грѣхъ, въ который впало правительство, нарушая основные и неосновные законы, искажая по своему произволу

избирательный законъ, низводя сенатъ на степень слѣпого исполнителя тѣхъ недобрыхъ намѣреній, которыми полна бюрократія. Г. Милютинъ обходилъ молчаніемъ всѣ тѣ правонарушенія, которыя позволяло себѣ министерство роспуска, назначая въ продажу государственныя земли, невѣроятныя репрессіи, казни, ссылки, аресты, игнорировалъ подавленія свободы печати, слова, собраній, союзовъ и весь тотъ ужасъ, который кровавымъ кошмаромъ виситъ въ каждомъ углу жизни.

„Vivat дружная, совмѣстная въ ближайшемъ будущемъ работа народнаго представительства и правительства!“ И г. Милютинъ спѣшитъ чокаться съ „законодательствующимъ“ противъ правилъ „конституціи“ министерствомъ... Конечно, въ той будущей работѣ, которая рисуется воображенію буржуазнаго „октябриста“ достаточно широкое мѣсто было бы отведено буржуазіи въ награду за то, что она не только за страхъ, но и за совѣсть поддерживаетъ правительство... И вотъ почему „октябристъ“ имѣетъ всѣ основанія кричать „vivat!“.

Наклонъ правопорядцевъ и „разныхъ мастей“ монархистовъ въ сторону октябристовъ и, съ другой стороны, наклонъ послѣднихъ въ сторону первыхъ отмѣтилъ лидеръ „союза“, А. И. Гучковъ. Онъ нашелъ, что „по вопросамъ аграрному, рабочему и школьному ихъ (т. е., „монархистовъ“) стремленія также прогрессивны и демократичны, а потому они *желанные* союзники, если не теперь, то на другой день послѣ выборовъ“. Г. Гучкова какъ-будто нѣсколько пугаетъ „политическая платформа монархическихъ партій“, которая настаиваетъ на „законосовѣщательной Думѣ и классовомъ сословномъ представительствѣ“. Онъ боится ихъ (т. е., монархистовъ), боится, что они не сумѣютъ раздѣлить его вѣры въ то, что монархическій принципъ долженъ быть „конституціоннымъ по формѣ, демократическимъ—по задачѣ“. Но ни испугу, ни боязни г. Гучкова нельзя придавать большого значенія. Монархическій принципъ—достаточно растяжимое понятіе для того, чтобы на концахъ его могли удобно усѣсться и подать другъ другу руки члены „союза русскаго народа“ и члены „союза 17 октября“. Это разъ. А во-вторыхъ, законосовѣщательная Дума въ глазахъ нашей буржуазіи совсѣмъ не есть тотъ сатанинскій призракъ, противъ котораго надобно во что бы то ни стало бороться изображеніемъ истинно законодательнаго представительства. Законосовѣщательная Дума—да это не что иное, какъ постоянно функціонирующая комиссія „свѣдущихъ лицъ“, собранная изъ

„лучшихъ“ людей земли, капитала, торговли! Чего же лучшаго желать?... Такая Дума-комиссія лучше всего обезпечила бы „дружную работу“, по которой тоскуютъ „октябристы“ и къ которой они, съ разрѣшенія начальства, тянутся, какъ къ сладкому плоду.

Прочтите извѣстное письмо А. И. Гучкова къ князю Е. Н. Трубецкому, въ которомъ предсѣдатель „союза“ приноситъ „какъ бы всенародную исповѣдь своей политической вѣры“. И васъ поразитъ то знаменательное обстоятельство, что въ этомъ письмѣ даже не *упоминается* о манифестѣ 17 октября, не дѣлается анализа того „конституціоннаго“ акта, на которомъ базируетъ „союзъ“. Въ „исповѣди политической вѣры“ А. И. Гучкова не включена своеобразная хартія вольностей, датой которыхъ „союзъ“ именуетъ себя!

Я не считаю этого обстоятельства случайнымъ. Ибо, не упоминая объ актѣ 17 октября, А. И. Гучковъ достаточно подробно останавливается на „положеніи 6 августа“, коимъ народу даровалась именно законосовѣщательная Дума. Считая это положеніе 6 августа „актомъ въ высокой степени несовершеннымъ“, г. Гучковъ тѣмъ не менѣе съ чувствомъ особой признательности рекомендуетъ его вниманію общества. Это учрежденіе де таило въ себѣ зачатки безконечнаго развитія. Оно открывало „возможность мирнаго исхода изъ кризиса“. Оно знаменовало собой „цѣлый переворотъ въ нашемъ государственномъ строѣ“. Но „общество не оцѣнило этого поворотнаго момента“. Неблагодарное, мятежное, неразумное—оно поддалось „революціонной смутѣ“. Каковы были результаты этой смуты? Они, по мнѣнію лидера „союза“, на лицо. „То, что въ нихъ есть положительнаго—говоритъ объ этихъ результатахъ въ своей исповѣди г. Гучковъ—*было намъ обезпечено и черезъ посредство Думы 6-го августа*. То, что принесло это движеніе отрицательнаго... поставило наше отечество на край гибели“.

Ясно отсюда, что идеологія лидера октябристовъ застыла на полицейской конституціи, выкроенной Булыгинымъ, что все, происшедшее послѣ даты 6 августа, онъ относитъ въ пассивъ освободительнаго движенія. Далека ли такая точка зрѣнія отъ точки зрѣнія нѣкоторыхъ „истинно-русскихъ“ людей, съ бѣшенствомъ накидывающихся на актъ 17 октября, отъ взглядовъ, исповѣдуемыхъ вообще „монархистами“? Нѣтъ, она чрезвычайно близка къ нимъ. И вотъ почему мы въ правѣ счесть „страхъ и боязнь“ А. И. Гучкова по меньшей мѣрѣ неосновательными.

„Политическая платформа монархическихъ партій“ великолѣпно отразилась въ положеніи 6 августа. Даже „Моск. Вѣдомости“ сказали по адресу этого положенія: „согласны! пусть оно будетъ!“ А вѣдь А. И. Гучковъ говоритъ, что „черезъ посредство Думы 6 августа“ все было обезпечено. Слѣдовательно... Выводъ очевидный: если понадобится въ видахъ спасенія отечества или вящаго возвеличенія его отказаться отъ функціи законодательной въ пользу функціи законосовѣщательной, А. И. Гучковъ пойдетъ и на такую операцію. И вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ весь союзъ 17 октября и вмѣстѣ съ союзомъ пойдетъ буржуазія, которая сливаетъ свои интересы съ видами правительства въ одно неразрывное цѣлое. Идею этой связи „союза“ съ правительствомъ начинаютъ, наконецъ, разгадывать нѣкоторые *не*революціонные публицисты, которые недавно еще съ нѣкоторой надеждой смотрѣли на „октябристскихъ“ друзей. Кн. Евгеній Трубецкой, напр., резюмируя рѣчи, произносившіяся на ноябрьскомъ собраніи „октябристовъ“, говоритъ: „союзъ мало-по-малу очищается отъ конституціонныхъ элементовъ; въ немъ все яснѣе начинаютъ обозначаться новыя и вмѣстѣ *старыя, давно знакомыя* намъ черты!!“. И въ заключеніе князь обращается къ октябристамъ съ вопросомъ: „подумайте, господа, не напрасно ли вы носите ваше устарѣвшее названье? не пора ли вамъ переименоваться въ союзъ 8 іюля?“ Несомнѣнно, давно пора. Давно пора потому, что солнце 6 августа для г. Гучкова свѣтитъ куда ярче тусклой звѣзды 17 октября. И вопросъ кн. Евгенія Трубецкого какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Но для полноты мысли, для болѣе яснаго обозначенія того, какія это старыя „давно знакомыя черты“ открываются на ликѣ „союза“, кн. Евгеній Трубецкой долженъ былъ бы прибавить, что союзъ 17 октября въ той же степени „очищается отъ конституціонныхъ элементовъ“, въ какой это ему диктуется его буржуазной позиціей, его задачей поддержать правительство, охраняющее интересы капитала и капиталистическаго производства.

На томъ же собраніи „октябристовъ“ въ Петербургѣ А. И. Гучковъ говорилъ: „мы въ нихъ (т. е., монархистахъ) найдемъ и чуткое пониманіе исторической миссіи нашего отечества, и готовность итти на великія жертвы, мы найдемъ это въ нихъ, а не въ кругахъ, пропитанныхъ духомъ космополитизма“. А разъ это такъ, разъ, кромѣ того, въ вопросахъ аграрномъ, рабочемъ, школьномъ (!) монархисты оказываются „прогрессивными“, „демократичными“ и т. д., разъ монархисты опираются на широкія

народныя массы, то, очевидно, всѣ элементы для сліянія готовы. И если монархисты purs et simples еще призадумаются передъ тѣмъ, какъ броситься въ объятія октябристовъ, послѣдніе въ правѣ будутъ сказать: aber, mein Liebchen, was willst du noch mehr? Развѣ мало всѣхъ данныхъ до сихъ поръ свидѣтельствъ въ пользу того, что мы стоимъ за правительство и готовы поддерживать его во что бы то ни стало? Мы не реагируемъ на чинимыя беззаконія, мы остаемся глухи къ разстрѣламъ, мы дѣлаемъ видъ, что не замѣчаемъ вопіющихъ правонарушеній, мы притворяемся не понимающими тѣхъ шаговъ, на которые рѣшается бюрократія. Чего же вамъ еще надо больше?

М. А. Стаховичъ въ телеграммѣ, присланной общему собранію „октябристовъ", призывалъ къ „объединенію всѣхъ умѣренныхъ и прогрессивныхъ для борьбы противъ революціонеровъ *справа* и *слѣва*". Можно было бы подумать, что такой призывъ указываетъ на самостоятельность занимаемой буржуазнымъ „союзомъ" позиціи. Но такое заключеніе было бы ошибочно. Борясь съ революціонерами слѣва, октябристы лишь выполняютъ взятую на себя буржуазіей задачу—поддерживать правительство противъ попытокъ соціалистическихъ партій внести крупныя преобразованія въ соціальный строй. Говоря о борьбѣ съ революціонерами справа, октябристы полагаютъ, что здѣсь они также попадаютъ въ тонъ правительственной программы. Эта программа, судя по послѣднимъ даннымъ, уклоняется повидимому въ сторону отъ полной солидарности съ тѣми требованіями возстановленія истиннаго и неограниченнаго самодержавія, которыя выставляются Булацелями и Крушеванами. И пока такое уклоненіе есть фактъ, о которомъ поется на столбцахъ оффиціальной „Россіи" и рептильнаго „Новаго Времени", октябристы за него хватаются съ удивительной даже смѣлостью. „Борьба съ революціонерами справа"... А что будетъ, если правительство убѣдится, что тщетна его попытка созвать вторую и даже третью работоспособную Думу, и что для возстановленія спокойствія необходимо покончить съ вольностями 17 октября? Будутъ ли „октябристы", *какъ организованная партія*, бороться противъ революціи справа, содѣянной по иниціативѣ самой же бюрократіи? Нѣтъ, не будутъ. Заложенная въ этой партіи буржуазная сущность не позволитъ ей пойти противъ воли правительства. Она съ умиленіемъ будетъ глядѣть, слѣдуя примѣру лидера ея, А. И. Гучкова, на положеніе 6 августа, а, можетъ быть, заглянетъ и еще глубже назадъ

напр., упрется въ актъ 12 декабря 1904 года, который тоже вѣдь носилъ на себѣ блѣдное сіяніе либерализма. Реакціонные выходы отдѣльныхъ комитетовъ „союза“, ихъ національная нетерпимость, сосѣдство союза съ „правопорядцами“ даютъ основаніе надѣяться на то, что октябристы еще не мало палокъ вставятъ въ колеса освободительнаго движенія.

„Дружная, совмѣстная работа“ съ правительствомъ—это мечта россійской буржуазіи, великолѣпно оцѣнивающей услуги, оказываемыя ей покровительственной политикой правительства. Для такой работы буржуазія пойдетъ даже на нѣкоторыя жертвы, ибо она понимаетъ, что осуществленіе завѣтной мечты упрочитъ ея положеніе. И союзъ 17 октября лишь отражаетъ это настроеніе буржуазіи, когда онъ устами гг. Гучкова, Милютина и другихъ прощаетъ легкія конституціонныя прегрѣшенія правительства, выдвигая на первый планъ „благодѣтельную работу нынѣшняго министерства“.

Въ лицѣ союза 17 октября буржуазія уже готовится занять пріобрѣтенное ея угодливостью передъ правительствомъ мѣсто рядомъ съ бюрократіей. Удастся ли ей это? Для того, чтобы это случилось, ей нужно побѣдить оппозицію и революцію. Но не забудемъ того, что волны возмущенія, поднявшіяся вокругъ опоръ господствующаго и понынѣ режима, еще далеко не улеглись, что борьба не кончена. Даже мѣстные губернаторы, въ отвѣтъ на запросы центральнаго правительства, сообщаютъ, что „озлобленіе“ растетъ и что наполнить Думу „надежными“ людьми едва ли удастся, если не будутъ приняты совсѣмъ экстраординарныя мѣры. Не забудемъ, что, если знакъ революціоннаго соціализма на время скрылся, то это не значитъ, что онъ уничтоженъ. Страна не можетъ не стать свободной. Кто же дастъ ей эту свободу? Менѣе всего буржуазія, которая теперь, какъ и прежде, склоняется къ туфлѣ бюрократическаго самовластія. Дадутъ эту желанную свободу демократическія массы населенія, для которыхъ политическое освобожденіе—залогъ соціальнаго переустройства. Демократическія же массы идутъ подъ знамя соціализма, какъ подъ свой родной кровъ. И твердо держа это знамя, они восклицаютъ: „симъ побѣдишь!“ И они, дѣйствительно, побѣдятъ.

II.

Положеніе, занятое союзомъ 17 октября, какъ партіей, преслѣдующей опредѣленныя политическія и соціальныя цѣли, пред-

ставляетъ характерныя особенности какъ общаго, такъ и спеціальнаго свойства. Въ этомъ положеніи отражается самосознаніе буржуазіи; по немъ можно судить о культурной силѣ ея, объ озабочивающихъ ее ближайшихъ отношеніяхъ, объ отношеніи къ правительству. Но въ позиціи союза 17 октября имѣются и *специфическія* особенности, которыя играютъ важную роль въ выясненіи той картины, которую представляло освободительное движеніе до сихъ поръ и которую оно представитъ въ наступающій періодъ избирательной кампаніи, созывъ второй Думы и вѣроятный разгонъ ея. Эти особенности имѣютъ не только относительно-научный, но и чисто практическій интересъ, такъ какъ раскрываютъ еще одну сторону протекающаго революціоннаго процесса и вносятъ въ общій комплексъ соціальныхъ силъ новую своеобразную силу. Сначала позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Всякія соображенія о позиціяхъ, занимаемыхъ различными общественными классами въ процессѣ развитія государства, народа, націи, всегда страдаютъ, въ болѣе или менѣе значительной степени, нѣкоторой схематичностью. Объ этой схематичности особенно не слѣдуетъ забывать, когда приходится дѣлать историческія построенія относительно опредѣленныхъ моментовъ эволюціоннаго процесса, когда приходится учитывать роль и политическое значеніе того или иного общественнаго класса въ опредѣленномъ отрѣзкѣ времени. Не слѣдуетъ о ней забывать потому, что *конкретная* обстановка даннаго историческаго дѣйствія или явленія, *реальныя*, образующія эту обстановку, условія таятъ въ себѣ крупныя силы, отклоняющія дѣйствительную, фактически образующуюся равнодѣйствующую явленія отъ той схематической діагонали, по которой ей полагается пройти теоретически.

То, что принято называть „реальнымъ соотношеніемъ силъ“, обусловливающимъ характеръ, физіономію, вѣсъ, устойчивость или, напротивъ, измѣнчивость какой-либо эпохи, не есть величина постоянная, apriori установляемая. Апріорное значеніе—конечно, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова—можетъ быть признано только за *формальнымъ* опредѣленіемъ этого соотношенія, но отнюдь не за реальнымъ его содержаніемъ. Это послѣднее текуче, мѣняетъ—подобно хамелеону—свои цвѣта и краски, появляется въ самыхъ разнообразныхъ—часто совершенно неожиданныхъ—комбинаціяхъ и перспективахъ. „Реальное соотношеніе силъ“ въ исторической жизни можетъ быть, mutatis mutandis, уподоблено реальному

соотношенію силъ въ вопросахъ и фактахъ метеорологіи. Та же многочисленность опредѣляющихъ факторовъ, та же измѣнчивость ихъ сочетаній, та же сложность ихъ комбинацій — и, какъ слѣдствіе изъ этого, то же несовпаденіе дѣйствительной „діагонали“ съ „діагональю“ схематической. Абстрактныя соціологическія построенія имѣютъ, несомнѣнно, огромную цѣнность не только теоретическую, но и непосредственную. Но *такую* же цѣнность имѣютъ и практическіе результаты, обобщенія, выводы, такъ какъ эти результаты и выводы именно укрѣпляютъ, усиливаютъ или видоизмѣняютъ абстрактныя построенія, вкладываютъ въ послѣднія золотую нить истины, близкой людямъ, служащей ихъ болямъ и горестямъ, врачующей раны жизни, истины страстной и отзывчивой на все то, что причиняетъ страданія.

Дѣйствительно, поведеніе людей, группъ, классовъ есть огромный факторъ того „реальнаго соотношенія силъ“, о которомъ, принято, къ сожалѣнію, говорить безъ достаточной ясности, опредѣленности, конкретности. А это поведеніе обусловливается не столько общими контурами историческаго процесса, не столько общими нормами, имѣющими значеніе для длинныхъ историческихъ періодовъ, сколько *непосредственными* инстинктами, побужденіями, интересами, вытекающими изъ реальной обстановки реальныхъ группъ, реагирующихъ другъ на друга вполнѣ реальнымъ, ясно всѣми ощущаемымъ образомъ. Историческій „моментъ“ не есть какое-то безразличное звено въ цѣпи временъ, которое, пожалуй, могло бы и отсутствовать безъ ущерба для конечнаго результата. Нѣтъ, этотъ „моментъ“ и самъ по себѣ есть единица, заключающая въ себѣ созидательную энергію, есть единица своеобразная, не накладывающаяся на схематическій рисунокъ.

Вышесказанное имѣетъ силу для „спокойнаго“ теченія событій, медленно подготовляющаго перемѣны въ соціальномъ строѣ и постепенно видоизмѣняющаго данную структуру общества. Тѣмъ большую силу имѣетъ оно для революціонныхъ періодовъ, которые отличаются бурностью и стремительностью своего развитія, разнообразіемъ и многоцвѣтностью выбрасываемыхъ лозунговъ и знаменъ, остротой и безпощадностью выдвигаемыхъ на ближайшую очередь вопросовъ. Революціонный шквалъ отличается той особенностью, что онъ смываетъ воздвигнутыя общественными классами зыбкія позиціи, на ихъ мѣсто громоздитъ другія, которыя въ свою очередь смываетъ для того, чтобы замѣнить ихъ новыми. Такое непостоянство вполнѣ естественно. Революція *сра-*

зу обнажаетъ дно жизни со всѣми испещряющими его тропинками, сторонами, тѣнями. Однимъ ударомъ она снимаетъ гробовую крышку, подъ которой безсильно бились умъ, чувства и воля населенія. Она внезапно бросаетъ яркій свѣтъ въ темный лабиринтъ почти мертваго бытія. И подъ вліяніемъ этого внезапнаго свѣта, озаряющаго весь ужасъ, хаосъ, неустройство жизни, начинаются конвульсивныя движенія населяющихъ лабиринтъ людей, движенія некоординированныя, недисциплинированныя. Одна сторона жизни требуетъ одного поведенія, другая—другого, третья—третьяго и т. д. Противоположности громоздятся другъ на друга. Общественные классы не могутъ съ надлежащей быстротой ориентироваться въ потокѣ льющихся отовсюду противорѣчивыхъ запросовъ, требованій, притязаній. Требуется отвѣтъ разносторонній, гармонирующій съ революціоннымъ взрывомъ. А этотъ отвѣтъ не заготовленъ; да какъ могъ онъ быть заготовленъ, разъ въ немъ не было до даннаго революціоннаго момента практической надобности? Вотъ почему въ моментъ революцій воздвигаются общественными классами „временныя“ позиціи, которыя они удерживаютъ до того времени, пока эти позиціи могутъ кое-какъ удовлетворять минутной потребности.

Примѣры изъ русской революціи превосходно иллюстрируютъ нашу мысль какъ о несовпаденіи дѣйствительной діагонали съ схематической, такъ и о временныхъ позиціяхъ общественныхъ классовъ. И лучшую изъ иллюстрацій даетъ политическое мѣсто, занимаемое нашей буржуазіей вообще и союзомъ 17-го октября въ частности.

Русское освободительное движеніе заключаетъ въ себѣ одинъ привходящій элементъ, который игралъ, играетъ и, конечно, будетъ играть огромную роль въ характерѣ направленія и, главное—интенсивности этого движенія. Элементъ этотъ — національный.

Съ точки зрѣнія чисто экономическаго или политическаго пониманія переживаемаго нами революціоннаго момента этотъ національный элементъ является побочнымъ привѣскомъ, имѣющимъ какъ бы второстепенное значеніе. Но съ точки зрѣнія „реальнаго соотношенія силъ“, складывающихся изъ многочисленныхъ дѣйствующихъ подъ различными углами линій, онъ является крупной силой, съ своей стороны и въ свою очередь опредѣляющей окончательную діагональ.

Благодаря разнородному племенному и этнографическому составу населенія, осѣвшаго на территоріи россійскаго государства, получалась особая картина развивающейся революціи. Пока самодержавная бюрократія со всей тяжестью полицейскаго пресса давила на жизнь, національный элементъ стирался, какъ стирались, впрочемъ, и всякіе элементы, способные вывести жизнь изъ душнаго каземата, созданнаго варварскимъ режимомъ, на свѣжій воздухъ прогресса и культуры. Но когда давленіе пресса ослабѣло, и по россійской землѣ изъ одного угла ея въ другой пронесся торжествующій кличъ освобожденія массъ отъ оковъ абсолютизма, заглушенные элементы раскрылись и выступили впередъ со всей присущей имъ энергіей. Тогда раскрылся и элементъ національный, раскрылся ярко, выпукло, безудержно. Благодаря этому, часто выходило такъ, что борьба за свободу обще-политическую обращалась въ борьбу за свободу національную. И наоборотъ, участившіяся попытки сбросить съ себя національный гнетъ обращались въ демонстраціи противъ обще-политической системы, порабощавшей все и всѣхъ во имя произвола и неограниченнаго господства небольшой кучки людей.

Какъ протекла бы россійская революція при иномъ, болѣе одностороннемъ племенномъ составѣ населенія? Мы этого не знаемъ, но мы знаемъ, что сѣмена „крамолы“, которую русское правительство тщетно разстрѣливало, вѣшало, ссылало,—нашли для себя благодарную почву, *между прочимъ*, и въ ненависти или враждѣ, которую питали къ русскому правительству порабощенныя націи. Была ли хотя одна національная группа, въ какихъ бы благопріятныхъ условіяхъ она ни жила, которая не стонала бы подъ тяжелой рукой Плеве, которая не рукоплескала бы факту „устраненія“ этой руки отъ распоряженія судьбами огромной страны? Была ли хотя одна національная группа—все равно, землевладѣльческая, крупно-промышленная, торговая или иная—которая не уловила бы въ революціонномъ шумѣ и лязгѣ родныхъ своему обиженному сердцу звуковъ, которая не обратила бы всего своего напряженнаго вниманія въ сторону этого шума, въ предчувствіи, что онъ-то именно и несетъ возстановленіе попранныхъ правъ, удовлетвореніе оскорбленному самолюбію, отмщеніе за нанесенныя оскорбленія? Нѣтъ, такой группы не было.

Буржуазія, поставившая предъ собой безумную задачу воспитать во всѣхъ подвластныхъ ей племенахъ и народахъ благоговѣйное отношеніе къ тѣмъ тремъ китамъ: православію, неогра-

ниченному самодержавію и народности, — которые лежали въ основѣ дѣйствующей системы управленія, подготовила себѣ неумолимаго, безпощаднаго врага. Этимъ врагомъ оказалась мощная совокупность національныхъ требованій, не мирящихся съ кулацки-полицейскимъ строемъ жизни, стремящихся къ реализаціи принциповъ, не сочетающихся со всѣми „незыблемыми“ началами автократической государственности. Національныя требованія выливаются въ форму требованій свободы школы, свободы языка, свободы областного и мѣстнаго самоуправленія, требованій автономій, пропорціональнаго представительства, правъ меньшинства и т. д. Въ какомъ отношеніи стоятъ такія требованія къ режиму самовластія? Въ отношеніи радикально-отрицательномъ. И вотъ почему россійскія „націи“ съ рѣдкимъ единодушіемъ поддержали освободительное движеніе, охватившее всю имперію. Вотъ почему „націи“, не пытаясь распознать самую суть революціоннаго урагана, шли навстрѣчу революціонно-соціалистическому знамени, хотя это знамя въ цѣломъ и было чуждо имъ, и несли ему свой привѣтъ и сочувствіе. „Націи“, какъ нѣкіе обособленные психико-соціальные организмы, чувствовали, что въ протестѣ революціоннаго пролетаріата, интеллигенціи, крестьянства противъ расшатанной бюрократіи заключенъ также протестъ угнетенныхъ народностей противъ народности угнетающей.

И „націи“ не обманулись. Возвѣщенная свобода, дыханіе которой уже прорѣзывало насыщенную атмосферу, словно электрическія искры, которыя срываются съ перегруженныхъ энергіей проводниковъ,— эта свобода обѣщала прежде всего развязать тѣ мертвые узлы, которые были наброшены на отдѣльныя народности и душили ихъ своими петлями. И это развязываніе началось съ лихорадочной быстротой... Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить тотъ набатъ, въ который ударили нововременскіе и иные молодцы по поводу расщепленія Россіи, сепаратизма, распада монархіи и т. д., набатъ, который объяснялся переполохомъ, поднявшимся въ реакціонныхъ сферахъ по случаю „національныхъ“ съѣздовъ, совѣщаній и конференцій, формулировавшихъ списокъ національныхъ требованій.

Національный вопросъ выросъ въ значительную величину. А въ ближайшемъ будущемъ ростъ его будетъ, безъ сомнѣнія, происходить усиленнымъ темпомъ. Но этотъ вопросъ, объединившій на общей платформѣ національнаго протеста различныя народности, раскололъ близкіе по своимъ экономическимъ и полити-

ческимъ интересамъ общественные классы разныхъ націй на враждебныя другъ другу группы. И прежде всего, отчетливѣе всего онъ раскололъ буржуазные ряды.

Союзъ 17 октября одинъ лишь мигъ носилъ буржуазно-либерально-оппозиціонное облаченіе. Мы знаемъ, какъ быстро онъ его сбросилъ. Мы видѣли, какъ онъ, устами А. И. Гучкова, неномѣрно хвалитъ, правда „несовершенное“, но богатое „конституціонными“ задатками положеніе 6 августа и съ тоской во взорѣ смотритъ назадъ. Какой почвы держится этотъ союзъ, характеризующійся типично буржуазными особенностями, въ вопросѣ національномъ? Почвы спеціально *русской*, и по тому одному, враждебной прочимъ *нерусскимъ* національностямъ. Въ программѣ этого союза есть пунктъ о „сохраненіи и нераздѣльности Россійскаго государства“. Въ программѣ союзъ считаетъ необходимымъ настаивать на сохраненіи *„исторически-сложившагося унитарнаго характера“* государственнаго строя, противиться „расчлененію Имперіи“ и замѣнѣ ея „союзнымъ государствомъ“. Онъ признаетъ „за отдѣльными національностями самое широкое право на удовлетвореніе и защиту своихъ *культурныхъ* нуждъ“, но лишь „въ предѣлахъ, допустимыхъ идеей государственности и интересами другихъ національностей“. Отстаивая принципъ „полнаго равноправія“, онъ въ общемъ высказывается за строгую централизацію, съ которой несовмѣстимо истинное національное самоопредѣленіе. Любопытно отмѣтить, что въ этомъ вопросѣ союзъ 17 октября вплотную примыкаетъ къ другой буржуазной группѣ —къ партіи правового порядка. Въ программѣ этой партіи пунктъ объ „единствѣ и недѣлимости Россіи“ признается „самымъ важнымъ при настоящихъ условіяхъ пунктомъ программы.“ Она высказывается „противъ автономіи областей, противъ мѣстныхъ автономій“, высказывается „за равноправіе всѣхъ во всей Имперіи, но противъ привилегіи однихъ мѣстъ передъ другими“. Въ тѣхъ же терминахъ выражаются и такія буржуазныя группы —теперь почти несуществующія и перешедшія, очевидно, къ правопорядцамъ и октябристамъ—какъ торговопромышленный союзъ и прогрессивная экономическая партія. Единство и недѣлимость Имперіи вписаны въ ихъ программы крупнѣйшимъ шрифтомъ.

Однако, что же означаетъ буржуазная словесность октябристовъ, правопорядцевъ и другихъ болѣе мелкихъ политическихъ группъ гласящая о „равноправіи всѣхъ“ при „сохраненіи *исторически* сложившагося унитарнаго характера государственнаго

строя?" Что скрываетъ она подъ собой? Она обозначаетъ *исторически* сложившуюся гегемонію русскаго или даже *велико* русскаго племени надъ прочими народами. Она скрываетъ подъ собой вожделѣнія *русской* буржуазіи, противостоящей буржуазіи польской, армянской, еврейской и т. д.

Россійская буржуазія не едина, не нераздѣльна. Она многосложна. Составъ ея спутанъ. Благодаря „исторически" выработавшемуся прессу бюрократическаго всевластія въ россійской буржуазіи доминирующее положеніе занимала русская буржуазія, которая поклонялась тремъ основнымъ китамъ и, накопляя „рупь на рупь", благословляла играющую ей въ руку судьбу. Стильно-„русская" экономика была на помочахъ у стильно-„русской" политики и платила послѣдней за ея помощь щедрой благодарностью, удивительнымъ послушаніемъ, рабской угодливостью. Невѣроятныя хищенія, форменное казнокрадство, преступное взяточничество, отдача на грабительскій откупъ производительныхъ силъ страны—всѣ эти позорные грѣхи бюрократіи были вѣдомы коренной „русской" буржуазіи. Но она предпочитала не говорить о нихъ вслухъ, предпочитала молчать, потому что этимъ молчаніемъ она покупала свое участіе въ дѣлежѣ добычи, покупала свою крупную долю вліянія на распредѣленіе богатства.

Побѣдоносная революція угрожаетъ, если не уничтожить, то значительно сократить эту долю. Коренная „русская" буржуазія этого не хочетъ. Она чуетъ опасность, она предвидитъ возможность пониженія своего чрезвычайно выгоднаго доминирующаго положенія. И, переживъ первыя минуты растерянности, вызванной революціонной бурей, она обѣими руками хватается теперь за правительственныя фалды, подписываясь подъ теоретической и практической программой бюрократіи. Но эти фалды, какъ раньше такъ и теперь несутъ угнетеніе и униженіе всѣмъ тѣмъ многомилліоннымъ народностямъ, которыя не имѣютъ счастья числиться въ „московскомъ" спискѣ коренныхъ русскихъ людей. Слѣдовательно, открывающіе свои объятія правительству октябристы оказываются въ станѣ враговъ этихъ народностей. И буржуазнымъ классамъ послѣднихъ противостоитъ классъ русской, самобытной, „исторически" сложившейся буржуазіи, стремящейся, въ ущербъ другимъ, закрѣпить за собой свое привилегированное мѣсто.

А. И. Гучковъ, расшаркиваясь и раскланиваясь въ сторону

вправо сидящихъ черносотенныхъ патріотовъ и монархистовъ, говорилъ на послѣднемъ собраніи октябристовъ: „самый составъ ихъ (т. е., монархическихъ партій), опирающійся на широкія народныя массы, какъ бы обезпечиваетъ демократическое (sic!) направленіе въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ въ области соціальныхъ экономическихъ отношеній. А то сильное, живое національное чувство, тотъ *пламенный патріотизмъ*, который ихъ одушевляетъ и который мученіями и униженіемъ нашей родины доведенъ въ нихъ до степени *экзальтаціи, сближаетъ ихъ съ нами*“. Едва ли можно сильнѣе, рѣзче отразить *національное* узкое сословно-классовое настроеніе спеціально-русской буржуазіи, чѣмъ оно выразилось въ словахъ А. И. Гучкова. Сблизиться съ русскими монархистами какого бы то ни было оттѣнка—это значитъ: въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ живущихъ бокъ-о-бокъ національностей стать на точку зрѣнія самаго жестокаго, неуступчиваго шовинизма. Подать руку Грингмутамъ и другимъ воронамъ монархической стаи, которыхъ мы, по словамъ самого же г. Гучкова, „привыкли видѣть на службѣ реакціи“,—это значитъ: до боли сжать въ этой рукѣ людей, имѣющихъ отличные отъ „коренниковъ“ обычаи, языкъ, вѣру, сжать ихъ такъ, чтобы кости захрустѣли, чтобы кровь брызнула.

Сильное живое національное чувство... пламенный патріотизмъ... монархическая экзальтація... У дикихъ черносотенцевъ весь этотъ фейерверкъ словъ, быть можетъ, есть результатъ какого-то страшнаго гипноза, который переходитъ въ отвратительное погромное помѣшательство. Притѣсняя, угнетая, даже избивая иновѣрцевъ, иноземцевъ, инородцевъ, дикій черносотенецъ, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что онъ возвеличиваетъ родину, проявляетъ чувства истиннаго (увы, несомнѣнно, хулиганскаго) патріотизма. Но у г. Гучкова, какъ и у всѣхъ октябристовъ, обнимаемыхъ буржуазнымъ „союзомъ“, весь этотъ словесный „пламень и жаръ“ является не болѣе, чѣмъ разрисованной ширмой, которой прикрыты матеріальныя вождѣленія вполнѣ опредѣленнаго характера. И вождѣленія эти диктуются интересами привилегированной „русской“ буржуазіи, отнюдь не желающей, чтобы эти привилегіи распространялись на буржуазію другихъ націй.

Національный вопросъ, сказали мы выше, внесъ расколъ въ буржуазные ряды. Онъ разбилъ сплошную массу ихъ на отдѣльные сегменты, которые другъ къ другу не приспособились и не приладились. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуя указаніямъ абстрактной

схемы, нужно было бы предположить, что, по существу своему, буржуазный союзъ 17 октября, могъ бы и даже *долженъ* былъ бы включить въ свое лоно всю безъ изъятія россійскую буржуазію, независимо отъ принадлежности ея къ той или иной національности. Вѣдь интересы буржуазіи, какъ таковой, тождественны во всѣхъ широтахъ и долготахъ. Однако, въ дѣйствительности союзъ 17 октября не насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ представителей буржуазіи угнетенныхъ національностей. Среди нихъ нельзя встрѣтить поляковъ, евреевъ, татаръ, армянъ. Исключеніе составляютъ нѣмцы, которые мѣстами входятъ въ составъ союза 17 октября. Но и это исключеніе лишь подтверждаетъ общее правило, ибо россійскіе нѣмцы къ числу угнетенныхъ національностей никоимъ образомъ причислены быть не могутъ. „Націи", какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ инстинктивно чувствовали, что союзъ 17 октября имъ чуждъ. Почувствовали это и буржуазные классы „націй". Когда союзъ только образовывался, когда на челѣ его еще сохранились либеральныя бѣлила въ видѣ „полнаго равноправія", отношеніе къ нему со стороны *не*коренной буржуазіи было подозрительное. Несмотря на широкую агитацію, на оказываемое сверху покровительство, онъ не крѣпнулъ, не росъ, не пріобрѣталъ надлежащаго общественнаго вліянія. Онъ проигралъ избирательную кампанію въ чисто-„русскихъ" губерніяхъ, что было доказательствомъ вообще политической слабости буржуазіи. Но онъ даже не могъ начать такую кампанію на такъ называемыхъ окраинахъ и въ губерніяхъ, гдѣ сконцентрированы „инородныя тѣла", т. е., гдѣ живутъ въ значительномъ количествѣ покоренныя или пришлыя національности. Въ этихъ мѣстахъ союзу совсѣмъ не было мѣста, хотя на лицо и имѣлись многочисленные буржуазные слои, которые по своимъ политическимъ и соціальнымъ воззрѣніямъ совсѣмъ не склоняются къ какому бы то ни было радикализму. Почему это? Потому что изъ-подъ „пламеннаго патріотизма и живого національнаго чувства" октябристовъ ясно выглядывала буржуазно-шовинистическая тенденція, исчерпывающаяся нововременской формулой: „Россія—это мы!" А эта формула иначе гласитъ: „богатство Россіи—это *наше* богатство; коренная русская буржуазія—законный хозяинъ его; а посему—руки прочь отъ *нашего* достоянія!"

Своекорыстная тенденція отпугнула отъ союза буржуазію прочихъ національностей. И это вполнѣ понятно. Такъ, напр., ростовскій

отдѣлъ союза 17 октября уже постановилъ не принимать въ свою среду евреевъ и вычеркнуть изъ своей программы требованіе всеобщаго, а слѣдовательно, и еврейскаго, равноправія. Что видитъ пагубнаго въ этомъ равноправіи ростовскій отдѣлъ? Никакой иной пагубы, кромѣ пагубы конкуренціи со стороны еврейской буржуазіи, уравненной въ своихъ преимуществахъ съ буржуазіей коренной. Конкуренція не желательна, она посягаетъ на вѣрные барыши. И вотъ, чтобы избѣгнуть такого посягательства, русско-буржуазный союзъ 17 октября начинаетъ взволнованнымъ голосомъ говорить о пламенномъ „патріотизмѣ“ и монархической „экзальтаціи“. Это—„экзальтація“ при видѣ убѣгающей въ чужіе карманы прибавочной стоимости...

Буржуазія „прочихъ (т. е., угнетенныхъ) націй“ не примкнула къ союзу 17 октября, *несмотря* на отвлеченную близость и совпаденіе матеріальныхъ интересовъ, потому что этотъ союзъ не обезпечиваетъ удовлетворенія тѣхъ элементарныхъ національныхъ правъ, которыя для буржуазіи почти въ такой же степени важны, въ какой они важны для демократическихъ слоевъ этихъ націй. Буржуазія „прочихъ націй“ en masse примкнула къ конст.-демократамъ и другимъ прогрессивнымъ группамъ, *несмотря* на то, что интересы этой буржуазіи не укладывались въ рамки принятыхъ ими политическихъ программъ, потому что эти прогрессивныя, истинно-конституціонныя группы гарантировали возстановленіе попранныхъ національныхъ правъ. „Прочія націи“, какъ цѣльные аггрегаты, шли навстрѣчу движенію, поднятому революціоннымъ соціализмомъ, потому что этотъ соціализмъ обѣщаетъ излѣченіе отъ національныхъ болячекъ, обѣщаетъ утереть слезы, устранить страданія, причиняемыя происхожденіемъ, вѣрой. Буржуазно-*русскій* союзъ 17 октября выставилъ лозунгъ—единство и недѣлимость Россіи. Но „прочія націи“ прочли настоящую надпись на этомъ лозунгѣ,—и онѣ увидѣли, что имъ готовится западня. Онѣ увидѣли, что отъ союза 17 октября ихъ отдѣляетъ широкая полоса національныхъ проблемъ, остающихся безъ разрѣшенія. Увидѣли это и „прочія буржуазіи“,—и произошелъ расколъ между „братьями“. Одни ушли вправо, другіе ушли влѣво. Ушедшіе влѣво приложили свою силу къ общему параллелограмму соціальныхъ силъ, измѣнили направленіе и величину равнодѣйствующей и отклонили діагональ отъ теоретической линіи. По настоящій моментъ „прочія буржуазіи“ стоятъ подъ знакомъ болѣе или менѣе ясно выраженной оппозиціи. „Русская“

же буржуазія, въ лицѣ союза 17 октября, стоитъ подъ полнымъ знакомъ реакціонно-правительственнымъ.

Сойдутся ли разошедшіеся въ стороны „братья", сознавъ общность преслѣдуемыхъ ими интересовъ? Сольютъ ли они свои усилія для того, чтобы совмѣстной работой направить политическо-соціальную равнодѣйствующую по наиболѣе выгодной для нихъ линіи? И если это случится, то когда? Трудно дать категорическій отвѣтъ на эти вопросы. Абстрактная схема подсказываетъ одно рѣшеніе; но *конкретная* непосредственная дѣйствительность можетъ подготовить рѣшеніе—конечно, не противоположное,—но значительно уклоняющееся отъ схематическаго. Вѣроятно, на нашъ взглядъ, только слѣдующее. Пока правящая бюрократія, будетъ твердо стоять на исконныхъ началахъ россійской государственности, сводящихся въ области національныхъ задачъ къ угнетенію и порабощенію „прочихъ націй", оппозиція буржуазіи соотвѣтствующихъ націй не ослабнетъ. Она будетъ пребывать въ той или иной формѣ до признанія тѣхъ элементарныхъ правъ, которыя буржуазія этихъ націй считаетъ для себя неотъемлемыми. Но стоитъ правительству дать нѣкоторыя, хотя бы скромныя, національныя блага въ руки „прочимъ буржуазіямъ", чтобы оппозиціонное настроеніе послѣднихъ быстро поблекло. И въ арсеналѣ правительственныхъ мѣропріятій нѣтъ лучшаго средства для того, чтобы отвести гнѣвъ разныхъ „національныхъ"—кромѣ, понятно, русско-національной—„буржуазій", какъ сколько-нибудь внимательное отношеніе къ національнымъ притязаніямъ. Правительству пришлось бы въ такомъ случаѣ преодолѣть нѣкоторое сопротивленіе со стороны союза 17 октября. Но это сопротивленіе преоборимо. Да и притязанія буржуазіи всякой націи не идутъ очень далеко. Они отнюдь не покрываютъ собой всего комплекса демократическихъ требованій, выставляемыхъ соціализмомъ. Поторговавшись, съ одной стороны, съ союзомъ 17 октября и правопорядцами, съ другой—съ „прочими буржуазіями", правительство въ концѣ концовъ настояло бы на опредѣленной сдѣлкѣ, водворяющей „худой миръ", который все же лучше „доброй ссоры". И тогда разошедшіеся братья, быть можетъ, снова любезно встрѣтились бы...

Но покуда этого не будетъ, расколъ между „русской" и „прочей" буржуазіей не перестанетъ существовать. Расколъ клиномъ врѣзался въ правительственную политику и мѣшаетъ успѣшному ходу ея. Клинъ надобно вынуть. Способная, талантливая бюрократія

ныталась бы сдѣлать это съ надеждой на удачный исходъ. Но наша бюрократія, загипнотизированная стекляннымъ взглядомъ жадной и ненасытной камарильи, на это, повидимому, неспособна. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ она являла вѣскія доказательства своей фатальной безталанности. Есть ли поводы думать, что она переродилась? Никакихъ.

Но если бы даже расколъ въ буржуазіи былъ устраненъ, то это не означало бы, что національные вопросы тѣмъ самымъ уже и рѣшены. „Прочія буржуазіи"—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться—готовы будутъ продать свои національныя притязанія за чечевичную похлебку, за незначительную ласку. Но на стражѣ полныхъ національныхъ требованій стоитъ демократія, которой отнынѣ и впредь отведена широкая роль въ дѣлѣ государственнаго строительства. На стражѣ національныхъ свободъ стоятъ трудящіяся массы, которыя готовы за свои права положить душу свою. Охрану національныхъ свободъ беретъ на себя соціализмъ, подъ знамя котораго стекаются люди, обремененные трудомъ и заботами, люди, которые, борясь за національную свободу, борятся вмѣстѣ съ тѣмъ за свою жизнь. А нѣтъ лучшаго залога побѣды, чѣмъ тотъ, который дается борьбой за непосредственныя реальныя блага.

Знамя соціализма рѣетъ не только надъ будущностью *свободной* Россіи, но и надъ будущностью *свободныхъ* національностей. Съ этимъ знаменемъ можно и должно побѣдить. То, чего не возьмутъ „прочія буржуазіи", возьмутъ „всѣ" соціалисты...

И. Казимировъ.

Октябрьскіе дни въ Екатеринославѣ.

(Мысли и воспоминанія).

Посвящается памяти погибшихъ въ самообороне товарищей—**Іосифа Брука (Амурскаго)** и **Гершеля Свидскаго** и жертвы „октября“ товарища **Мани Евзеровой.**

„Обнажайте головы: я буду говорить
о мертвецахъ Коммуны!“
Арну, „Мертвецы Коммуны“.

Прошелъ годъ со времени великихъ октябрьскихъ дней Великой Россійской Революціи. Ужъ нѣсколько разъ въ теченіе этого года брался я за перо для того, чтобы сдѣлать достояніемъ читающей публики дорогія мнѣ и товарищамъ имена и событія и чтобы не дать наиболѣе яркимъ моментамъ этихъ дней потускнѣть въ нашей памяти. Но трудно это было, и перо неизмѣнно выпадало изъ моихъ рукъ...

Ужъ слишкомъ свѣжи эти воспоминанія! Чтобы размѣстить ихъ въ стройномъ логическомъ и хронологическомъ порядкѣ, чтобы придать имъ пластическія очертанія и развернуть предъ читателемъ въ видѣ яркой и выпуклой картины,—требуется иной моментъ и иное душевное настроеніе... Для этого надо, чтобы сердце перестало такъ учащенно биться при одной мысли о великихъ дняхъ, чтобъ горло не душили слезы, чтобъ разнообразнѣйшія чувства—гордости и жгучаго стыда, скорби и помрачающей разсудокъ ненависти—не проносились въ душѣ ураганомъ...

Да и можно ли назвать эти потрясающія душу событія „воспоминаніями“,—„историческими воспоминаніями“? Развѣ *для насъ*

они стали достояніемъ исторіи? Развѣ въ нашемъ сознаніи они уже преломились какъ *прошлое*?

Нѣтъ: они представляютъ лишь одинъ мигъ историческаго дня, лишь одинъ стонъ въ еще непрерванныхъ родовыхъ мукахъ, которыми сопровождается возникновеніе новаго общества. И поэтому намъ такъ трудно отдѣлить, оторвать это звено отъ всей цѣпи событій, отъ кошмарной, сочащейся кровью дѣйствительности сегодняшняго дня и взглянуть на него испытующимъ взоромъ историка.

Предо мною лежитъ теперь прекрасная книга: „Исторія Парижской Коммуны“ Лиссагарэ. На сотняхъ страницъ этой дивной книги тянутся одна за другой цѣльныя, художественно-законченныя картины борьбы коммунаровъ; каждый штрихъ этой картины пропитанъ такою пламенной любовью къ коммунарамъ и такой кипучей ненавистью къ версальцамъ, что онъ навѣки запечатлѣвается въ сознаніи читателя; и на каждой страницѣ, въ процессѣ смѣны событій передъ вами вырисовываются силуэты „мертвецовъ Коммуны“. Среди этихъ силуэтовъ для автора нѣтъ ни „избранныхъ“, ни „пасынковъ исторіи“: рядомъ съ Делеклюзомъ и Варлэномъ, Домбровскимъ и Верморелемъ онъ рисуетъ намъ уличнаго мальчика, не желавшаго избѣжать смерти за Коммуну, рисуетъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятелей, —героическія массы выступаютъ въ его освѣщеніи такъ же ярко и рельефно, какъ и отдѣльныя героическія личности.

И вотъ, когда я читаю эту книгу французскаго соціалиста, когда я, съ другой стороны, вспоминаю прекрасные памятники борцамъ за свободу, украшающіе парижскія улицы и кладбища,— Пэръ-Ляшезъ и знаменитую „стѣну федералистовъ“, то меня охватываетъ чувство мучительной зависти... Когда же и мы увидимъ подобные литературные и художественные памятники? Когда же будутъ повѣданы всему борющемуся за соціальную гармонію человѣчеству дорогія имена тѣхъ, чья жизнь вчера лишь потухла на нашихъ глазахъ, чьи голоса звучатъ еще въ нашихъ ушахъ, кого свергла въ бездну небытія та же стихійная сила, которая и насъ еще влечетъ „въ темную даль“?..

Валы революціи стремительно набѣгаютъ одинъ на другой, и вмѣстѣ съ новыми рядами бойцовъ уносятся въ пучину забвенія тысячи именъ, которыя не могутъ и *не должны* быть забыты. И если въ наше время, на еще незасыпанныхъ могилахъ народныхъ героевъ буржуазные „скептики“, въ родѣ

г. Изгоева*), съ безпримѣрною наглостью подвергаютъ сомнѣнію самый фактъ существованія цѣлыхъ сотенъ героическихъ актовъ, то что будутъ знать о нихъ люди грядущаго поколѣнія, если мы своевременно не зарегистрируемъ именъ и фактовъ, еще удержавшихся въ нашей памяти? И не придется ли отправить на смарку эту длинную вереницу живыхъ лицъ и событій, изъ коихъ каждое играетъ своеобразнымъ сочетаніемъ красокъ, своеобразной прелестью *живого*,—и потому индивидуальнаго, конкретнаго лица,—и водрузить *одинъ* общій памятникъ тому Великому Безымянному, имя коему—„возставшій народъ“?...

Но мы не можемъ этого допустить. Мы не можемъ допустить, чтобъ „въ битвѣ великой погибли безслѣдно павшіе съ честью во имя идей“. Не потому не можемъ, что какой-то непонятный внутренній голосъ требуетъ отъ насъ воздать воинскія почести погибшимъ борцамъ, а потому, что ихъ имена служатъ для насъ самихъ боевымъ кличемъ: они зажигаютъ насъ жаждой мести и побѣды и зовутъ впередъ усталыхъ...

Если не пришло еще время для историковъ и поэтовъ, то оно вполнѣ пришло для хроникеровъ.

Итакъ, читатели, „обнажайте головы: я буду говорить о мертвецахъ Коммуны!“

I.

11 Октября.

11-ое октября въ Екатеринославѣ. Уже нѣсколько дней на заводахъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ идутъ перемежающіяся забастовки и попытки забастовокъ. Въ клубахъ, городской думѣ, горномъ институтѣ идутъ многолюдные митинги, вяло и какъ бы неохотно разгоняемые полиціей. Общее вниманіе привлекаетъ новое, необычное явленіе: забастовочное движеніе среди

*) Г. А. С. Изгоевъ въ статьѣ: „Самый свѣтлый и самый черный день моей жизни“ повѣствуетъ о своемъ времяпрепровожденіи въ октябрьскіе дни. При этомъ, разсказывая о своемъ визитѣ генералу Каульбарсу, г. Изгоевъ не преминулъ бросить камнемъ въ героевъ безпримѣрной по своему мужеству одесской самообороны. „Миѳичность „боевыхъ дружинъ“, о которыхъ говорилось на митингахъ,—съ циничнымъ апломбомъ заявляетъ г. Изгоевъ,—была для меня внѣ сомнѣній“... Неужели г. Изгоевъ не могъ найти лучшаго средства для прикрытія буржуазной пошлости своего „визита“, какъ тревожить тѣни людей, возлагавшихъ больше надеждъ на свои „миѳическія“ силы, чѣмъ на реальную мощь генерала Каульбарса?

учащихся среднеучебныхъ заведеній. Жутко смотрѣть на эти толпы подростковъ и дѣтей, нервно твердящихъ знакомыя революціонныя формулы. Чувствуется, что вся эта живая впечатлительная дѣтвора охвачена какимъ-то массовымъ гипнозомъ, что она автоматически воспроизводитъ дѣйствія, воспринимаетъ мысли, заражается чувствами, заимствованными изъ другой жизненной сферы, властвующими на другой жизненной аренѣ. И какъ же сильны и заразительны должны быть эти мысли и чувства, какъ императивны возбуждающіе ихъ нравственные импульсы для того, чтобы они могли завладѣть неразвитымъ дѣтскимъ сознаніемъ, зажечь юныя сердца! Этотъ слабый всплескъ революціонной волны болѣе, чѣмъ что-либо другое, давалъ чувствовать приближеніе революціоннаго шквала. За слабымъ дѣтскимъ лепетомъ явственно слышались могучіе шаги Великой Революціи...

Рано утромъ меня будитъ товарищъ. Съ веселымъ, праздничнымъ видомъ онъ разсказываетъ мнѣ о рядѣ событій бодрящихъ и веселящихъ душу. „Объявлена всеобщая желѣзнодорожная забастовка“. „Городскіе рабочіе, не дожидаясь постановленій комитетовъ партійныхъ организацій рѣшили ее поддержать“. „На Брянскомъ заводѣ строятъ баррикады“...

Баррикады... Есть ли въ революціонномъ лексиконѣ другое слово, которое такъ же магически дѣйствовало бы на русскаго революціонера?

„Страна шопота“ на нашихъ глазахъ превращается въ „страну бурь“. Въ россійскую жизнь вливается новое революціонное содержаніе и порождаетъ новыя слова, мысли, дѣйствія. Но десятилѣтія „шопота“, пришедшія на смѣну вѣкамъ молчанія, грузно ложатся своей громадной тяжестью на плечи революціи. Формы внѣшняго проявленія россійской революціи рѣзко не соотвѣтствуютъ ея внутренней сущности. Эти внѣшнія проявленія какъ бы заклеймены печатью того проклятаго историческаго наслѣдства, которое революція стремится сбросить съ русской жизни Въ самомъ дѣлѣ, какъ проявляется россійская революція *во вне?* Какъ отражается она въ сознаніи обывателя?—Россійская революція покамѣстъ, въ подавляющемъ большинствѣ своихъ внѣшнихъ проявленій окружена ореоломъ пассивнаго мученичества, мрачнаго, не вѣрящаго въ свои ближайшія побѣды героизма. „Закричалъ бы хотъ кто-нибудь смѣло, зарыдалъ бы хоть громко навзрыдъ!“..— „мечталъ“ когда-то, въ годы „шопота“ поэтъ. И мы живемъ именно въ такое время, когда сбывается его пожеланіе. Громко

и неумолчно раздаются по всей странѣ протестующіе голоса и призывные кличи революціонеровъ, стоны жертвъ и рыданія порабощеннаго народа. Но эти крики и стоны *непосредственно* заглушаются. Они вызываютъ во вражескомъ станѣ смятеніе и ужасъ, но этотъ станъ вооружается и укрѣпляется,—наши враги дрожатъ за свое будущее, но въ настоящемъ они увѣрены въ своей побѣдѣ и безнаказанности, и торжествующей жестокостью настоящаго стремятся вознаградить себя за безсильную злобу будущаго... И поэтому россійская революція окрашена въ такой мрачный, хватающій за душу колоритъ. Часто кажется, что культъ русскаго революціонера это не культъ новой жизни, раздвигающей свои внѣшнія матеріальныя рамки и духовные горизонты, культъ полноты жизни, счастья и радости, а культъ страданія, культъ Достоевскаго. Какая революція знаетъ еще въ такомъ огромномъ количествѣ такія формы борьбы, какъ демонстраціи, заранѣе обреченныя на разстрѣлы и избіенія, тюремные голодовки и т. п.?

Какъ все это непохоже на привычныя, знакомыя намъ по литературѣ картины западно-европейскихъ революцій! Сколько движенія, жизни, свѣтлаго радостнаго героизма проявлялось тамъ въ каждомъ революціонномъ актѣ, въ каждой схваткѣ съ народными врагами! Тамъ народныя толпы высыпали на улицу не для того только, чтобы своимъ присутствіемъ послужить memento mori тиранамъ,—тамъ онѣ непосредственно изливали свою накипѣвшую злобу, сокрушали стѣны Бастилій, чинили судъ и расправу надъ своими врагами. Тамъ кучки героевъ не шли на вѣрную смерть, какъ легендарный Данко, изъ поэмы Горькаго, чтобы огнемъ своего сердца освѣтить непроглядную тьму и зажечь сердца трусливыхъ рабовъ,—тамъ онѣ шли несокрушимыми фалангами съ твердой вѣрою въ осязательно-близкую и потому неудержимо-влекущую къ себѣ побѣду.

И въ эти времена кипучей борьбы, мощной энергіи, сверкающей красоты сооружались баррикады... Баррикады не могутъ появиться тогда, когда героическое меньшинство ведетъ свою непосильную борьбу съ мощной тираніей на фонѣ мертваго, тупого спокойствія народныхъ массъ. Когда нарушена инерція народныхъ массъ, когда онѣ цѣликомъ приведены въ состояніе движенія, когда нѣтъ созерцателей, а есть лишь воюющія стороны, тогда—и только тогда—сооружаются баррикады. Возставшій народъ нѣсколькими часами борьбы искупаетъ годы смиренія, и народная стихія однимъ наитіемъ революціоннаго вдохновенія создаетъ но-

выя, непредвидѣнныя врагами, формы и орудія борьбы, носящія на себѣ печать стихійнаго революціоннаго творчества народныхъ массъ.

И вотъ поэтому слово „баррикады“ оказывало на насъ такое магическое дѣйствіе! Когда революціонная Россія въ октябрьскіе дни вышла изъ разросшагося до огромныхъ размѣровъ подполья на арену открытой массовой борьбы, то привыкшіе къ мраку глаза революціонера не сразу увидѣли новыя политическія явленія и новыя условія борьбы въ ихъ истинномъ видѣ. Намъ казалось, что мы попали изъ Россіи 1905 года въ Европу 1848 года. Отсюда тѣ ошибки и увлеченія, которыми такъ богаты были эти великіе дни, отсюда тѣ лишнія жертвы, которыя по справедливости надо считать „жертвами старой западно-европейской исторіи“, жертвами революціоннаго романтизма. Тѣмъ не менѣе, мы предпочитаемъ этотъ романтизмъ тому революціонному мѣщанству, тѣмъ потугамъ на „зміиную мудрость“, которыя такой широкой волной разлились теперь въ революціонныхъ кругахъ подъ желѣзнымъ давленіемъ реакціи.

Мы просимъ извиненія у читателей за это небольшое отступленіе, необходимое для выясненія основного настроенія революціонныхъ круговъ, основного психологическаго фона, на которомъ совершались октябрьскія событія. Возвращаемся къ этимъ событіямъ.

II.

„Баррикады“.

Мы вышли на улицу. На перекресткѣ стояла значительная кучка желѣзнодорожныхъ служащихъ, оживленно между собой разговаривавшихъ. Подходимъ къ нимъ и спрашиваемъ, въ чемъ дѣло.

— „Объявлена всероссійская политическая забастовка!“

— „Кѣмъ и по какому поводу?“

— „Идите на Брянскій заводъ,—тамъ все узнаете. Въ 12 часовъ назначенъ митингъ“.

Выходимъ на проспектъ. Навстрѣчу попадаются одинъ за другимъ товарищи-рабочіе, съ дѣловымъ видомъ перебѣгающіе изъ одной мастерской и магазина въ другой и торопящіеся закрыть ихъ и „снять“ съ работы людей. Ремесленники и приказчики кучками высыпаютъ на улицу. Хозяева не проявляютъ ни

малѣйшаго протеста. У дверей большого магазина столпилась кучка евреевъ-коммерсантовъ. Въ центрѣ стоитъ представительнаго вида еврей и разглагольствуетъ. Прислушиваемся.

— „Все равно: конецъ долженъ быть когда-нибудь“,—разсуждаетъ резоннымъ и убѣдительнымъ тономъ представительный купецъ,—„это“ должно окончиться рано или поздно. Мало бѣдъ и убытковъ имѣли мы не во время забастовки съ самаго начала войны? Можетъ быть, какъ разъ теперь и пришелъ конецъ“.

Слушатели задумчиво и недовѣрчиво покачиваютъ головами.

Проспектъ становится все оживленнѣе и оживленнѣе. Тротуары и бульвары покрываются живой разношерстной толпой. Гимназисты и гимназистки сливаются съ пестрой толпой чиновниковъ и всякаго рода „отцовъ семействъ“ изъ лицъ средняго сословія, пришедшихъ взглянуть, какъ бы чего не вышло съ дѣтворой. Интеллигентная и неинтеллигентная буржуазія сливается съ потокомъ приказчиковъ, ремесленниковъ-евреевъ, и среди этого пестраго потока оазисами выдѣляются здоровенные мельники, съ ногъ до головы покрытые мукою, заводскіе рабочіе и артельные „кацапы“: плотники, столяры, крючники, степенно заложившіе руки въ карманы чуекъ, армяковъ и сермягъ. Настроеніе праздничное, любопытствующее, выжидательное. По мостовой гарцуютъ казаки и драгуны, настроенные, очевидно, не менѣе „выжидательно“.

— „Брянцы идутъ! Брянцы идутъ! Будетъ колоссальная демонстрація“,—радостно сообщаетъ товарищъ—молодой рабочій, неизмѣнно оптимистически настроенный въ такого рода оказіяхъ.

— „Какіе брянцы? Съ чего ты взялъ?“—сердито и недовольно перебиваетъ другой товарищъ: „у нихъ сегодня свой митингъ на заводахъ“.

Когда бы ни подымалась революціонная волна у насъ въ Екатеринославѣ, споръ о „брянцахъ“, гаданія объ ихъ настроеніи, о томъ, „поддержатъ“ они или не поддержатъ городскія выступленія и демонстраціи, неизмѣнно возникаетъ въ нашей революціонной средѣ и раскалываетъ ее на скептиковъ и маловѣровъ, рекомендующихъ подождать съ выступленіями до появленія соотвѣтствующаго настроенія у „брянцевъ“, т. е., у фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, работающихъ въ пригородахъ,—и на сторонниковъ самостоятельной революціонной иниціативы, твердо вѣрящихъ въ заразительность революціоннаго дѣйствія и настрое-

нія. И, правду говоря, тяжелые на подъемъ „брянцы“ въ большинствѣ случаевъ не оправдывали надеждъ: нервная и впечатлительная, быстро воспламеняющаяся еврейская пролетарская масса и революціонная интеллигенція въ большинствѣ случаевъ оставались изолированными въ своихъ выступленіяхъ.

Но на этотъ разъ „брянцы“ не обманули надеждъ. Они, правда, не пришли въ городъ, но ихъ борьба на заводахъ превзошла всякія ожиданія.

Мы пришли на явочную квартиру. Комитетъ нашей организаціи уже работалъ во всю. Печатались прокламаціи, собирались митинги, организовывалась забастовка. Получились уже точныя свѣдѣнія о провозглашенной въ Москвѣ и Петербургѣ забастовкѣ. Съ заводовъ получились прямо-таки головокружительныя извѣстія: тамъ еще наканунѣ вечеромъ былъ созванъ грандіозный митингъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, объявившихъ забастовку; настроеніе было страшно приподнятое, ожидали столкновенія съ войсками и готовились оказать имъ сопротивленіе. Нашъ комитетъ собрался на совѣщаніе. Дѣлались рѣшительныя предложенія: о захватѣ оружейныхъ магазиновъ, почты и телеграфа и т. д. Болѣе хладнокровные товарищи возражали, считали необходимымъ выждать до вечера, чтобы выяснить степень стихійности движенія и познакомиться съ настроеніемъ массъ. Горячіе споры, взаимные упреки въ нерѣшительности, съ одной стороны, въ растерянности—съ другой. Въ результатѣ торжествуетъ второе мнѣніе. Вырабатывается планъ работы до вечера, раздается рядъ порученій, и товарищи спѣшатъ каждый по мѣсту своего назначенія.

Выхожу на улицу и иду по направленію къ Проспекту. По улицѣ снуетъ масса людей, празднично настроенныхъ, болтающихъ съ необычайнымъ оживленіемъ о самыхъ заурядныхъ, будничныхъ дѣлахъ. Въ воротахъ стоятъ кучки любопытствующей прислуги и дѣтей. Какая-то внѣшняя, чуждая каждому въ отдѣльности, стихійная сила нарушила обычное теченіе жизни, взболтнула застоявшуюся жизнь, но всѣ чувствуютъ, что эта сила не враждебная, а дружественная, и каждый ждетъ, какъ-то проявитъ она еще свое живительное дѣйствіе. Вдругъ по улицѣ распространяется какое-то нервное возбужденіе. Всѣ лица вздрагиваютъ, всѣ взоры устремляются въ одномъ направленіи, разноголосый, пестрый говоръ смѣняется полнымъ тревоги, рѣзкимъ гуломъ испуганныхъ человѣческихъ голосовъ... По улицѣ проносится карета скорой помощи, въ окнѣ кареты виднѣется согнутая фигура фельдшера съ

краснымъ крестомъ на рукавѣ. Вслѣдъ за каретой мчится нѣсколько извозчиковъ съ блѣдными, взволнованными, потными лицами сѣдоковъ. Ихъ останавливаютъ, опрашиваютъ, но они отдѣлываются отрывочными, краткими замѣчаніями и летятъ дальше, къ больницѣ.

— „На углу Проспекта и Кудашевской стрѣляли: убито 14 человѣкъ, много раненыхъ“,—вотъ все, что можно узнать отъ нихъ.

Что же случилось? Случилось то, что всегда бываетъ при такихъ обстоятельствахъ: наше правительство не ждетъ рѣшительныхъ аттакъ революціи на свои позиціи,— оно пользуется первымъ революціоннымъ буревѣстникомъ, чтобы самому перейти въ наступленіе... Революціи для перехода къ рѣшительному наступленію нужна, согласно правилу „величайшаго мастера революціи“, Дантона, „смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость“, нужна великая ненависть и презрѣніе къ вѣковымъ устоямъ гнета и косности, нуженъ беззавѣтный энтузіазмъ ея борцовъ. А что требуется правительству для того, чтобы въ безконечную цѣпь тайныхъ кровопусканій народу вплести одно кровопусканіе явное? О для этого требуется очень мало! Для этого надо, чтобы изъ массы трусливой чиновной камарильи выдѣлилось нѣсколько карьеристовъ, наглость которыхъ равнялась бы ихъ нравственному убожеству; для этого надо, чтобы конвульсивныя движенія борющагося народнаго организма дали хотя бы самый ничтожный внѣшній поводъ.

Какъ же это произошло?

Къ полудню обѣ стороны Проспекта и бульваръ, тянущійся посрединѣ, были покрыты пестрыми живыми лентами сновавшаго взадъ и впередъ народа. Въ концѣ Проспекта, тамъ, гдѣ широкій Проспектъ подымается вверхъ, т. е. на углахъ Кудашевской и Заводской улицъ, собралась большая толпа учащихся, незадолго до того пришедшихъ изъ коммерческаго училища въ реальное и вышедшихъ изъ зданія послѣдняго. Въ толпѣ раздавались революціонные возгласы. Публика съ тротуаровъ бросилась туда. Образовалась громадная толпа. Изъ нея выступило нѣсколько ораторовъ. Говорятъ кратко и сильно.

Вотъ и нашъ товарищъ Александръ, любимый всѣми екатеринославскими рабочими агитаторъ, выступилъ на средину толпы, встрѣтившей его аплодисментами. Рѣдко такъ хорошо говорилъ товарищъ Александръ, какъ въ этотъ разъ. Да еще бы: на него глядѣла тысячеглазая толпа рабочихъ, студентовъ, подростковъ—

учащихся. Молодой жизнью, гордой силой вѣетъ на него отъ этой толпы. Тысячи устремленныхъ на него глазъ какъ будто бы соединяютъ его съ толпой электрическимъ токомъ: всѣ ждутъ отъ него зажигательнаго слова, боевого лозунга. А предъ нимъ въ лучахъ осенняго солнца разстилается Проспектъ и колыхающіяся по немъ узкія ленты гуляющихъ кажутся волнами кипящей лавы, текущей изъ вулкана народной революціи... Но что говорить? Всѣ слова кажутся какими-то жалкими, ограбленными предъ лицомъ этой картины. Всѣ они блекнутъ и вянутъ подъ напоромъ волнующаго его чувства... „На баррикады!“ звонкимъ, металлическимъ голосомъ начинаетъ свою рѣчь товарищъ, и это слово сразу выпрямляетъ его фигуру, освѣщаетъ лицо свѣтомъ грядущей борьбы и радостнымъ эхо отдается въ сердцахъ слушателей. Энергичная, полная непосредственнаго чувства рѣчь длится нѣсколько минутъ и заканчивается тѣмъ же властнымъ и радостнымъ призывомъ: „на баррикады!“

Публика не заставляетъ себя убѣждать или упрашивать. Рѣшетки бульвара, камни, куски дерева быстро стаскиваются на середину улицы. Изъ мастерской, расположенной въ подвальномъ этажѣ, выскакиваетъ товарищъ-столяръ, извѣстный у насъ подъ прозвищемъ „Пятнадцатаго“, съ пилою въ рукахъ, и въ двѣ минуты спиливаетъ огромный телеграфный столбъ и бросаетъ его поперекъ мостовой.

Съ Александровской улицы показывается взводъ казаковъ. Они поворачиваютъ на Проспектъ и во весь опоръ мчатся на толпу съ поднятыми нагайками. Толпа разбѣгается по сторонамъ улицы. Казаки поворачиваютъ лошадей и ѣдутъ вверхъ по Проспекту. Толпа смыкается снова и снова берется за дѣло. Казаки останавливаются на склонѣ Проспекта, поворачиваютъ лошадей, спѣшиваются и возятся надъ чѣмъ-то за спинами лошадей. На углу Александровской какъ изъ-подъ земли выростаетъ рота пѣхоты. Казачій офицеръ, сидящій на лошади, машетъ саблей; внизу солдатъ-пѣхотинецъ трубитъ въ рожокъ. Толпа бросается назадъ, къ Кудашевской. Мгновеніе — и съ двухъ сторонъ — сверху, со стороны Проспекта и снизу, прямо напротивъ толпы, подъ прямымъ угломъ показываются двѣ полоски дыма... Трескъ, и снова полоска дыма, и снова: три залпа подъ рядъ. Рожокъ трубитъ отбой, грохотъ барабановъ, толпа въ ужасѣ разсыпается, и изъ груды распластавшихся по землѣ тѣлъ слышны слабые стоны раненыхъ и зловѣщее хрипѣнье умирающихъ...

На землѣ оказались 11 труповъ и около десяти раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ было четверо нашихъ товарищей: Роза Хаина, работница 18 лѣтъ, недавно вступившая въ организацію, товарищъ Лева Овсѣевичъ, переплетчикъ по ремеслу, и двое другихъ, чьихъ именъ я не могу сейчасъ выдѣлить изъ десятковъ извѣстныхъ мнѣ именъ жертвъ революціи этого года. Въ числѣ раненыхъ изъ нашихъ товарищей особенно пострадалъ Сеня Ш..., до сихъ поръ не вылѣчившій искалѣченной руки.

Когда я вышелъ на Проспектъ, то описанная выше сцена была уже закончена. По Проспекту внизъ во весь опоръ мчались казаки. Впереди, размахивая сверкающей на солнцѣ саблей ѣхалъ офицеръ съ возбужденнымъ, краснымъ, какъ у пьянаго, лицомъ. Передъ казаками по тротуарамъ бѣжали кучки народу съ блѣдными, горящими злобой лицами. Бѣгущіе скрываются въ боковыхъ дверяхъ, въ воротахъ домовъ, въ дверяхъ магазиновъ.

Я, въ свою очередь, перехожу Проспектъ и отправляюсь на одну изъ сборныхъ квартиръ. Среди рабочихъ страшное возбужденіе. Не успѣваемъ подѣлиться впечатлѣніями относительно событій на Проспектѣ, какъ приходятъ товарищи съ новыми извѣстіями.

На Военной улицѣ произошла огромная демонстрація служащихъ Управленія Екатерининской жел. дороги, къ которымъ присоединилась масса рабочихъ. Взводъ пѣхоты стрѣлялъ безъ предупрежденія въ демонстрантовъ. Убито двое желѣзнодорожниковъ, одинъ подростокъ и нѣсколько рабочихъ, въ томъ числѣ одинъ нашъ товарищъ — молодая работница.

Въ Нижне-днѣпровскѣ, — на Брянскомъ и другихъ заводахъ, съ утра подъ руководствомъ техниковъ сооружались баррикады. Ихъ строили изъ старыхъ рельсъ и камней. Черезъ всѣ входы и выходы на заводахъ была протянута густая сѣть колючей проволоки. Мѣстоположеніе заводовъ, изолированныхъ отъ города и являющихся какъ бы самостоятельной, недоступной для войскъ и полиціи рабочей территоріей, какъ нельзя болѣе благопріятствовало рабочей самообороне. Наличность металла, всякаго рода строительныхъ матеріаловъ и опытныхъ рабочихъ и техниковъ также была какъ нельзя болѣе на руку. Солдаты и полиція боялись близко подступать къ баррикадамъ: въ ихъ напуганномъ воображеніи носились мины и фугасы, якобы начиненные динамитомъ и подведенные подъ баррикады. Они стояли на приличномъ

разстояніи и обстрѣливали баррикады и окна заводовъ. Рабочіе изрѣдка слабо отстрѣливались.

Подъ прикрытіемъ баррикадъ происходили огромные митинги изъ тысячъ рабочихъ. Видъ баррикадъ, стрѣльба, успѣшное сопротивленіе, все это производило неотразимое впечатлѣніе на умы даже самыхъ отсталыхъ рабочихъ, и митинги проходили съ необычайнымъ подъемомъ. Въ виду героически-смѣлой борьбы зажигательныя рѣчи ораторовъ не казались краснымъ наборомъ округленныхъ фразъ и поэтическихъ образовъ: онѣ звучали въ стройной гармоніи съ тѣмъ, что творилось за стѣнами заводовъ. А на рабочаго энергичное, смѣлое дѣйствіе производитъ въ стократъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ цѣлые потоки горячихъ и искреннихъ словъ.

На воротахъ заводовъ и на баррикадахъ развѣвались огромныя красныя знамена съ соціалистическими надписями. Среди нихъ выдѣлялось большое черное знамя съ надписью: „памяти И. П. Каляева“.

Но я не стану подробно останавливаться на событіяхъ на Брянскомъ заводѣ. Мы, еврейскіе пролетаріи, были случайными гостьми на заводахъ: сфера нашего дѣйствія была невольно ограничена городскими улицами, гдѣ находятся мастерскія, товарные склады и магазины. Надо ли пояснять, насколько условія, средства и орудія нашей борьбы уступали условіямъ борьбы заводскихъ рабочихъ? Это рѣзкое различіе, это трагическое несоотвѣтствіе между революціоннымъ духомъ еврейскаго пролетаріата, между его могучими революціонными порывами и жалкими орудіями его борьбы — кричитъ, вопіетъ изъ каждой страницы исторіи еврейскаго рабочаго движенія. „Порывы мощные и связанныя крылья...“—вотъ сокровенный смыслъ этой исторіи...

Отмѣтимъ, однако, еще одинъ яркій фактъ изъ исторіи борьбы брянскихъ рабочихъ. Когда солдатамъ удалось разрушить нѣсколько баррикадъ и проволочныхъ загражденій, то отрядъ казаковъ, съ дикимъ свистомъ и гиканьемъ, стрѣляя куда попало, помчался по заводскимъ улицамъ. „Очистивъ“ нѣсколько улицъ, они медленнымъ шагомъ возвращались назадъ. Поравнявшись съ однимъ двухъэтажнымъ домомъ, казаки остановились: предъ ними была яма. Весь отрядъ столпился въ кучу. Вдругъ раскрылось окно второго этажа и въ отрядъ со всего размаха грохнулась бомба чудовищной силы... Вся огромная территорія заводовъ задрожала, какъ отъ подземнаго вулканическаго

удара. Въ лужахъ крови валялись куски человѣческихъ и лошадиныхъ тѣлъ, стонали раненые.

По полицейскимъ даннымъ, напечатаннымъ въ газетахъ, здѣсь было 16 убитыхъ и 18 раненыхъ... Нѣкоторые казаки оглохли и ослѣпли отъ страшнаго сотрясенія воздуха. Уцѣлѣвшіе въ паническомъ страхѣ помчались прочь.

Прошло не менѣе часа, пока лазаретные фургоны явились на мѣсто катастрофы.

Кто былъ, подъ какимъ революціоннымъ знаменемъ боролся человѣкъ, метнувшій этотъ чудовищный снарядъ, — этотъ вопросъ споренъ и неясенъ до сихъ поръ. Слухи и бюллетени приписывали это дѣло различнымъ партіямъ.

III.

Революціонныя похороны.

Таковы были главныя событія 11-го октября. Все прочее такъ же, какъ и событія 12-го октября были лишь ихъ отзвуками и отраженіями. Кое-гдѣ шли многолюдные митинги, на всѣхъ перекресткахъ съ утра до вечера стояли рабочіе и раздавали каждому встрѣчному прокламаціи и бюллетени. Съ обычнаго искусственно-приподнятаго стиля прокламацій слетѣла ихъ шаблонность и трафаретность, и короткія, сильныя и искреннія фразы жгли и возбуждали читателя.

Возбужденіе и негодованіе охватило всѣ слои населенія. Всѣ мысли и разговоры вращались около событій 11-го числа. Общественная совѣсть требовала возмездія, искала какого-либо яркаго выраженія общественнаго протеста. Екатеринославскій сатрапъ, губернаторъ Нейдгардтъ рѣшилъ „пойти на встрѣчу“ общественному настроенію, чтобы нѣсколько разрядить атмосферу. Мѣстные либералы не замедлили взять на себя роль посредниковъ между смѣнившимъ гнѣвъ на милость екатеринославскимъ воеводой и „обществомъ“. Екатеринославское отдѣленіе „союза союзовъ“ обратилось къ Нейдгардту съ просьбой разрѣшить устроить открытые похороны жертвамъ 11-го октября. Нейдгардтъ далъ свое разрѣшеніе подъ личной отвѣтственностью организаторовъ за сохраненіе порядка. Этимъ способомъ онъ, очевидно, разсчитывалъ ввести въ берега расходившуюся революціонную стихію.

13-го, съ одиннадцати часовъ утра начались революціонныя похороны...

Картина, которую представляли собой эти похороны, останется, вѣроятно, на всю жизнь въ памяти участниковъ. Какъ бы грандіозны ни были тѣ событія, которыя намъ еще предстоитъ пережить на дальнѣйшихъ этапахъ Россійской Революціи, но нельзя себѣ представить, чтобы эти похороны исчезли изъ нашей памяти!

Въ январѣ (или февралѣ) этого же 1905 года мнѣ пришлось присутствовать на знаменитыхъ похоронахъ Луизы Мишель въ Парижѣ. Эти похороны прошумѣли во всемъ цивилизованномъ мірѣ, но я смѣло утверждаю, что они меркнутъ и стушевываются въ моей памяти предъ похоронами безвѣстныхъ екатеринославскихъ революціонеровъ.

Интересна и поучительна параллель между этими двумя событіями.

Помню площадь Клиши въ Парижѣ, съ которой я смотрѣлъ на похороны Луизы Мишель. Посрединѣ площади стоитъ памятникъ генерала, командовавшаго обороной Парижа во время осады 1870 года. Взобравшись на широкій пьедесталъ этого памятника, я могъ хорошо разсмотрѣть процессію, тянувшуюся черезъ площадь въ теченіе полутора часовъ. Поперекъ площади и на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ стояли густыя цѣпи дюжихъ „корсиканцевъ"—городовыхъ въ короткихъ синихъ плащахъ, зорко всматривавшихся въ толпу. Пестрыя человѣческія волны одна за другой вливались въ это живое человѣческое русло, заранѣе проложенное для процессіи. Толпа на добрыхъ три четверти состояла изъ нерабочей публики: интеллигенціи, учащихся, всякаго рода парижскихъ разночинцевъ и любителей зрѣлищъ. Замѣтна была также масса иностранцевъ, среди которыхъ выдѣлялась наша русская публика съ вѣнками отъ заграничныхъ секцій всѣхъ россійскихъ соціалистическихъ партій. Время отъ времени мои сосѣди по наблюдательному посту указывали мнѣ того или иного соціалистическаго депутата или журналиста. Кортежъ мѣстами прерывался колоннами муниципальныхъ карабинеровъ и взводами конной республиканской гвардіи, замѣняющей въ Парижѣ жандармерію, въ мѣдныхъ каскахъ и стальныхъ панцыряхъ на груди. Полицейскіе коммиссары, стоящіе со взводами городовыхъ въ резервѣ внѣ цѣпи, временами врываются черезъ цѣпь внутрь процессіи для того, чтобы изъять оттуда какого-нибудь итальянскаго анархиста, невзначай затянувшаго карманьолу, или другого какого-нибудь „подозрительнаго" субъекта.

Общее впечатлѣніе этой процессіи было какое-то пестрое и неопредѣленное. Не чувствовалось никакого однороднаго настроенія. Обстановка процессіи скорѣе соотвѣтствовала похоронамъ какой-нибудь литературной или театральной знаменитости, чѣмъ похоронамъ стараго друга рабочаго Парижа, великой коммунарки Луизы Мишель. Это было праздничное шествіе, пріятное зрѣлище для парижскихъ фланеровъ, а не рабочая демонстрація, не грозный вызовъ старому міру.

И лишь когда процессія вышла на окраину города и достигла предмѣстья Levallois Perret, родины Луизы Мишель, лишь тогда демонстрація приняла соотвѣтствующій характеръ. Буржуазная периферія процессіи оттаяла и осталась позади предмѣстья, почувствовалась соціалистическая атмосфера, раздалась кое-гдѣ „интернаціоналка“. Бѣдные дома предмѣстья, съ массой рабочей публики на балконахъ, возгласами „vivent les rouquins!“ *) привѣтствовавшей процессію. Луиза Мишель попала, наконецъ, въ свою родную обстановку и насторожившіеся корсиканцы, цѣпи которыхъ тѣснѣе и безцеремоннѣе стиснули процессію, какъ бы почувствовали себя лицомъ къ лицу съ врагомъ...

Обратимся теперь отъ столицы жирующаго мѣщанства, осѣненной великими тѣнями Коммуны, къ Екатеринославу.

Нельзя было, даже приблизительно, опредѣлить составъ похоронной процессіи: въ ней былъ *весь Екатеринославъ*. Не хватало развѣ крупной буржуазіи, офицеровъ и чиновниковъ: эти господа или просто сидѣли по домамъ, или лорнировали процессію изъ оконъ и балконовъ, когда она проходила мимо ихъ домовъ. Старики, дѣти, женщины, которые не могли итти въ процессіи, густыми шпалерами стояли по сторонамъ улицы, такъ что она казалась залитой сплошной человѣческой массой.

Во избѣжаніе столкновеній „союзъ союзовъ“ условился съ Нейдгардтомъ, чтобы полиціи не было на улицахъ. И дѣйствительно, по всему пути слѣдованія процессіи полиція блистала своимъ отсутствіемъ. Лишь внимательно всматриваясь въ толпу, можно было узнать кой-гдѣ типичныя рожи переодѣтыхъ околоточныхъ и городовыхъ, опасливо шмыгавшихъ по улицамъ. Распорядители, махая на углахъ бѣлыми платками, показывали путь. Порядокъ поддерживался двумя живыми цѣпями державшихъ другъ друга за руки людей, отдѣлявшихъ процессію, шедшую по мостовой, отъ тротуаровъ.

*) „Да здравствуютъ красные!“ Rouquin—народная кличка соціалистовъ.

Въ этихъ живыхъ цѣпяхъ лицъ разнаго возраста и пола, званія и состоянія, съ какимъ-то бодрымъ и дѣловитымъ видомъ тянувшихъ другъ друга за руки, медленно двигаясь по мостовой, какъ бы символизировалась революціонная солидарность, солидарность возставшаго народа. Общее горе, общая ненависть и борьба отражалась на лицахъ, придавая имъ своеобразный отпечатокъ угрюмости и дружной рѣшительности.

Такой характеръ носилъ хвостъ процессіи, огромной, непрерывной лентой тянувшейся по нѣсколькимъ улицамъ. Не то было въ головѣ процессіи. За цѣлымъ рядомъ гробовъ, сопутствуемыхъ русскимъ духовенствомъ, шли еврейскіе гробы съ хоромъ синагогальныхъ пѣвчихъ позади, а за ними тянулся цѣлый лѣсъ вѣнковъ и знаменъ. Каждый вѣнокъ несли три человѣка: одинъ шелъ посрединѣ и несъ на палкѣ высоко надъ головой вѣнокъ, два другіе по краямъ несли палки съ прикрѣпленными къ нимъ концами лентъ, на которыхъ виднѣлись огромныя надписи. Крайніе поочередно громко выкрикивали содержаніе надписей: отъ какой организаціи или лица и надпись вѣнка. Такимъ образомъ, имена соціалистическихъ организацій и революціонные возгласы непрестанно оглашали воздухъ. Знамена и огромные, обтянутые трауромъ, плакаты съ надписями: „слава погибшимъ борцамъ!“, „смерть или свобода!“, высоко вздымались надъ толпой и придавали всей процессіи мрачный и торжественно-величественный видъ.

Впереди всѣхъ вѣнковъ, тотчасъ же вслѣдъ за гробами шелъ коренастый рабочій въ высокихъ сапогахъ. За нимъ на трехъ палкахъ несли длинную красную тряпку. Это былъ кусокъ окровавленной марли, которой перевязывали раны одного изъ погибшихъ... „Это не простая красная тряпка, товарищи“,—звонкимъ металлическимъ голосомъ кричалъ рабочій,—„это кровь нашихъ братьевъ, павшихъ въ борьбѣ за народную свободу!“... И его голосъ рѣзкой, звенящей нотой прорывался среди общаго звукового хаоса, и зловѣщая эмблема, подымавшаяся надъ его головой, и жуткій сразу непонятный смыслъ его словъ заставляли болѣзненно вздрагивать и сжиматься сердце... А возгласъ все повторялся и повторялся, и чѣмъ болѣе рѣзкимъ и хриплымъ становился голосъ кричавшаго, тѣмъ мрачнѣе и угрюмѣе становились лица толпы.

Процессія показалась на Военной улицѣ—мѣстѣ одного изъ разстрѣловъ 11-го числа. На балконѣ небольшого двухъэтажнаго

домика стояла семья убитой здѣсь дѣвушки—нашего товарища. Пожилая женщина, вѣроятно, мать, истерически рыдала, глядя на процессію... Проходимъ еще десятокъ саженей и вдругъ... толпа дрогнула и остановилась: на противоположномъ тротуарѣ съ обнаженными головами и съ ружьями, взятыми „на молитву", стоитъ стройная шеренга солдатъ... Въ толпѣ раздаются кое-гдѣ негодующіе возгласы. „Это тѣ, что стрѣляли въ процессію!",—кричитъ возбужденнымъ хриплымъ голосомъ какой-то желѣзнодорожный чиновникъ,—„убійцы! пришли прощенія просить у покойниковъ!" Знаменоносцы демонстративно потрясаютъ знаменами, равняясь съ солдатами. Но на лицахъ солдатъ трудно уловить какое-либо отраженіе ихъ внутреннихъ чувствъ или думъ: бритыя круглыя головы симметрично повернулись и сосредоточенно глядятъ въ одну и ту же точку, симметрично сложенныя руки съ фуражкой, симметрично приставленныя къ ногѣ ружья, сѣрыя шинели—все это производитъ впечатлѣніе, что какой-то властный голосъ велѣлъ имъ застыть въ этой позѣ манекеновъ, и они застыли, наслаждаясь своей позой, ритмомъ своихъ шаговъ, силой и стройностью движеній, приведшихъ ихъ къ такой позѣ, создавшихъ гармонію и симметрію изъ хаоса человѣческихъ тѣлъ и движеній...

Распорядители процессіи замахали бѣлыми платками, закричали на знаменоносцевъ, и замѣшательство прошло, процессія тронулась дальше.

Но вотъ она поравнялась съ зданіемъ тюрьмы... Четыре бѣлыхъ каменныхъ башни съ небольшими оконцами, массивныя стѣны, тяжелыя желѣзныя ворота въ глубинѣ низкой каменной амбразуры, мрачно насупившись, глядѣли на процессію и напоминали ея участникамъ о всѣхъ мрачныхъ ужасахъ и безысходныхъ страданіяхъ настоящаго, о грозной неизвѣстности будущаго. Толпа не выдержала... Она остановилась, какъ оцѣпенѣвшая. Остановилась длинная цѣпь гробовъ, остановились десятки знаменъ и вѣнковъ и тысячи людей, и вся эта человѣческая масса повернулась лицомъ къ тюрьмѣ, и изъ ея груди раздался безсильный и въ то же время грозный человѣческій вой, какъ изъ груди раненнаго звѣря. Красныя знамена и черные плакаты съ надписями поднялись надъ толпой и безсильно трепыхались въ воздухѣ и надъ всѣми ними одиноко торчалъ длинный кусокъ марли съ запекшейся на немъ человѣческой кровью, благородной кровью революціонера...

Я не думаю, чтобы зрѣлище знаменитаго разрушенія Басти-

ліи,—о которомъ такъ много разсказывается въ старыхъ, полныхъ чарующей прелести революціонныхъ легендахъ,—чтобы это зрѣлище такъ же потрясало душу своихъ участниковъ, какъ описанный мною незначительный эпизодъ.

Когда на мѣстѣ грозной Бастиліи валялась груда мусора и кирпичей, тогда нѣсколько веселыхъ парижанъ воткнули въ землю на мѣстѣ Бастиліи столбъ и прибили къ нему доску съ надписью: „Ici l'on danse“ (здѣсь танцуютъ). Рухнутъ когда-нибудь стѣны и нашихъ Бастилій, и остатки боевого авангарда нашего поколѣнія,—„поколѣнья для казни посланнаго въ свѣтъ“, добредутъ какъ-нибудь до этого завѣтнаго этапа. Будемъ ли и мы тогда проявлять такую же простую и непосредственную дѣтскую радость, какъ эти „дѣти Парижа“, о веселой выходкѣ которыхъ повѣствуетъ намъ исторія? Нѣтъ! Мы не будемъ танцовать на этихъ проклятыхъ развалинахъ: передъ нами всегда будутъ носиться мрачныя видѣнія надъ этими развалинами, и при ихъ видѣ обрывки разнороднѣйшихъ чувствъ всегда будутъ сливаться въ бурный потокъ злобы и ненависти.

Такой потокъ клокоталъ въ груди тысячной толпы тамъ, у стѣнъ тюрьмы, гдѣ гробы жертвъ и живые цвѣты вѣнковъ, красныя знамена борьбы и запекшаяся кровь, утопая въ морѣ горящихъ мрачнымъ энтузіазмомъ человѣческихъ лицъ, сливались въ причудливый хаосъ жизни и смерти.

Процессія пришла къ кладбищу и залила его своими волнами. Въ огромную общую могилу одинъ за другимъ опустили рядъ гробовъ. Послѣ короткой литургіи на кучу земли, насыпанной на краю могилы, начали подыматься одинъ за другимъ ораторы. Рѣчи были одна другой безсвязнѣе, страннѣй и непонятнѣй для толпы. Видно было, что ораторы не привыкли къ такой аудиторіи и теряли самообладаніе. Но объ этомъ рѣчь впереди, когда мы будемъ говорить о 17-мъ и 18-мъ октября.

Еврейскіе гробы ждали за оградой русскаго кладбища. По окончаніи похоронъ громадная толпа, не уменьшаясь въ числѣ, направилась на еврейское кладбище. Процессія вышла въ степь, за городъ, и далеко растянулась по степной дорогѣ.

Было уже совершенно темно, когда по той же дорогѣ толпа потянулась обратно. Это была уже не стройная процессія, съ развернутыми знаменами, окаймленная двумя живыми человѣческими цѣпями: это шли уже разрозненныя кучки людей и отдѣльные люди, уставшіе и понурившіе головы.

Желтоватый отблескъ потухающей вечерней зари освѣщалъ разнообразные человѣческіе силуэты, двигавшіеся по степи. И при всемъ разнообразіи ихъ очертаній они были проникнуты однимъ общимъ настроеніемъ: у всѣхъ головы были пригнуты къ землѣ, и фигуры выражали усталость и тоску неизвѣстности. Сумерки спустились надъ ними, и сумеречно было у нихъ въ душѣ...

IV.

17 октября.

Что сказать мнѣ о 17-мъ (точнѣе о 18-мъ) октября?

Факты, мысли и настроенія, связанныя съ этимъ днемъ, настолько общи и однородны для всѣхъ мѣстъ Россіи и для всѣхъ нашихъ современниковъ и настолько свѣжи въ общей памяти, что нѣтъ еще надобности возстановлять ихъ въ общихъ чертахъ. Съ другой стороны, какъ всякое крупное историческое событіе, „17-ое октября“ было *стихійнымъ движеніемъ* по тѣмъ психологическимъ аффектамъ, которые владѣли его участниками, и какъ таковое, оно почти не оставляло мѣста для индивидуальныхъ актовъ и душевныхъ переживаній, не отражающихъ въ себѣ стихійность движеній и настроеній народныхъ массъ. И если мы рѣшаемъ теперь не говорить объ этомъ „общемъ“, знакомомъ всѣмъ, то намъ почти не приходится говорить о „личномъ“, о тѣхъ индивидуальныхъ моментахъ, которые почему-либо особенно интересуютъ насъ.

Итакъ, мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые штрихи въ грандіозныхъ очертаніяхъ великаго событія.

18-го вечеромъ я безцѣльно слонялся съ одного митинга на другой, изъ одной залы въ другую. „По долгу службы“, какъ профессіональный агитаторъ, я чувствовалъ необходимость говорить, „использовать“ по мѣрѣ возможности громадныя массовыя собранія и въ цѣляхъ общей соціалистической пропаганды и съ извѣстной „задней мыслью“: распропагандировать спеціальное идейное достояніе Е. С. Р. П. Но и то и другое надо было дѣлать на почвѣ политической оцѣнки даннаго момента и значенія совершившагося событія, а именно эту-то почву я и утратилъ изъ-подъ ногъ. Я никакъ не могъ постичь смысла совершившагося, не могъ также согласовать „манифестъ“ и „докладную записку“ Витте съ открытыми митингами, многотысячными де-

мочстраціями, безчисленными знаменами и всеобщимъ энтузіазмомъ. Въ особенности жуткимъ и непонятнымъ казалось мнѣ полное отсутствіе полиціи, жандармеріи и войскъ на улицахъ. По городу ходили слухи о политической забастовкѣ городовыхъ, но было непонятно, почему это они забастовали въ такой моментъ, когда, казалось бы, и бастовать-то не зачѣмъ. Ясно было, что самодержавное чудовище вобрало въ себя свои когти и щупальцы, что полицейскія и жандармскія своры и казачьи банды притаились въ полицейскихъ застѣнкахъ, въ охранкахъ и другихъ логовищахъ.

Я ходилъ какъ пришибленный. Въ моихъ ушахъ звучалъ насмѣшливый голосъ товарища, резюмировавшаго свои впечатлѣнія краткой формулой: „въ воздухѣ пахнетъ тумакомъ!“

Прихожу въ аудиторію народныхъ чтеній. Яркое освѣщеніе, стѣны и хоры декорированы красными знаменами, огромная толпа, на красиво убранной трибунѣ засѣдаетъ президіумъ изъ представителей различныхъ партій. Въ толпѣ нестройный гулъ. Вдругъ по знаку предсѣдателя съ хоровъ гремитъ похоронный маршъ: „Мы жертвою пали въ борьбѣ роковой“... Толпа подхватываетъ съ огромнымъ энтузіазмомъ, на глазахъ у многихъ выступаютъ слезы, и вся аудиторія дрожитъ отъ величественныхъ и скорбныхъ звуковъ гимна. Гимнъ затихаетъ. Въ толпѣ на мгновеніе какъ-будто тихій ангелъ пролетѣлъ: водворяется мертвая тишина. Затѣмъ начинаетъ литься потокъ рѣчей. Говорятъ о чемъ угодно: о побѣдахъ настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ, о жертвахъ самодержавія, о незаконченной борьбѣ, о революціонныхъ лозунгахъ. Нѣтъ самаго главнаго: оцѣнки даннаго момента и ближайшихъ перспективъ революціи. И я чувствую въ рѣчахъ ораторовъ ту же зыбкую почву, какъ и подъ самимъ собой.

Ухожу въ реальное училище. Тамъ то же самое, но вмѣсто одного большого митинга рядъ маленькихъ, вмѣсто большой, свѣтлой залы публика толпится въ маленькихъ и душныхъ классахъ. Ораторы также сортомъ похуже. Впечатлѣніе такое, какъ будто бы мы присутствуемъ на нелегальныхъ массовкахъ добраго, но отнюдь еще не „стараго“ времени. Необычна лишь публика, — необычна пестротой своего состава.

Въ рѣчахъ замѣчается бо́льшая фразистость и крикливость и меньшій энтузіазмъ, чѣмъ на нелегальныхъ собраніяхъ. Запомнился мнѣ въ этотъ вечеръ лишь одинъ ораторъ. Это былъ са-

пожный подмастерье, малый лѣтъ 18-ти, блѣдный, нечесаный, въ грязномъ фартукѣ. Его окружала небольшая сравнительно кучка здоровенныхъ булочниковъ, прибѣжавшихъ, какъ стой, съ засученными рукавами, безъ шапокъ и въ фартукахъ изъ сосѣдней булочной; извощиковъ, зашедшихъ съ угловой стоянки погрѣться и послушать и не рѣшавшихся подняться дальше вестибюля, въ которомъ стоялъ ораторъ; прислуги, посланной для того, чтобы увести малолѣтнихъ учениковъ съ митинга домой, и зазѣвавшейся на невиданное зрѣлище. Юный ораторъ говорилъ о самыхъ обыденныхъ житейскихъ проявленіяхъ безправія въ жизни рабочаго человѣка, о мелкихъ притѣсненіяхъ и обидахъ, но въ глазахъ его свѣтилась сознательная мысль и по общему ходу его рѣчи можно было легко догадаться, что онъ ведетъ ее къ обоснованію программы-минимумъ соціализма. Онъ говорилъ неправильнымъ и немного смѣшнымъ простонароднымъ языкомъ: „поньжакъ“, „кирисинъ“, „околотокъ“, и т. п. вмѣсто „пиджакъ“, „керосинъ“ и „околоточный“. Рѣчь его пестрѣла яркими и колоритными бытовыми картинками, и, повидимому, эти картинки вліяли на слушателей: они задумчиво и сосредоточенно слушали его, потупивъ глаза.

И кажется, что это была единственная, заслуживающая вниманія рѣчь этого дня.

Утромъ 19-го былъ назначенъ грандіозный митингъ, или точнѣе, рядъ митинговъ въ городскомъ саду. Народъ съ красными ленточками въ петлицахъ валилъ въ садъ. Въ воротахъ сада и въ первой аллеѣ стояло нѣсколько десятковъ индивидовъ всякаго вида и рода, съ кружками въ рукахъ и собирали деньги на нужды революціонныхъ организацій и просто на нужды революціи, весьма разнообразнаго свойства... Среди нихъ было нѣсколько странныхъ и подозрительныхъ субъектовъ, въ которыхъ опытный глазъ отказывался признать революціонера. Ихъ возгласы отличались какой-то особой, искусственной и явно-утрированной „революціонностью“. „На гвозди на гробъ губернатору,—и копейка въ прокъ пойдетъ!“—неистово вопіялъ, напримѣръ, какой-то оборванецъ. Въ старыя времена мы не задумались бы опредѣлить отношеніе этихъ типовъ къ охранному отдѣленію, но теперь, въ дни „свободы“ самая охранка мыслилась упраздненной, и революціонная публика, весело смѣясь, проходила мимо.

На широкихъ полянахъ городского сада, вокругъ открытыхъ сценъ, эстрадъ для оркестра и павильоновъ, превращенныхъ въ

агитаціонныя трибуны толпилось цѣлое море головъ. На шести или семи трибунахъ подъ красными знаменами показываются ораторы. На вышкѣ какого-то павильона виднѣется внушительная фигура товарища Маркуса: онъ не удовольствовался обыкновенной трибуной и взобрался на второй этажъ павильона. Зычнымъ голосомъ зоветъ онъ къ тюрьмѣ освобождать политическихъ заключенныхъ. За нимъ уходитъ изъ сада небольшая толпа.

Ораторы успѣли немного за ночь собраться съ мыслями для произнесенія программныхъ рѣчей, но дѣло отъ этого не выиграло: та же трафаретность, шаблонность и искусственность. Всѣ рѣчи похожи одна на другую, какъ двойники. Послѣ небольшой агитаціонной увертюры на всѣхъ парахъ проносятся четыре демократическихъ свободы съ различными добавленіями, затѣмъ летитъ четырехчленная формула избирательнаго права съ небольшими комментаріями; критика буржуазно-демократическаго строя, соціальный вопросъ, аграрный вопросъ, женскій вопросъ, національный вопросъ, соціалистическій идеалъ, нѣсколько возгласовъ... и ораторъ подъ шумъ жиденькихъ аплодисментовъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга покидаетъ трибуну.

Всходитъ другой агитаторъ и съ небольшими варіантами говоритъ то же самое. Каждый агитаторъ какъ будто бы боится позабыть какой-нибудь „вопросъ“ и открыть брешь для полемическихъ ударовъ своихъ политическихъ противниковъ. Но больше всего, конечно, дѣйствуетъ на нихъ и обезцвѣчиваетъ рѣчи необычайность и непривычность обстановки: открытое, ясное небо, спокойная многотысячная толпа. А мы, агитаторы, старыя крысы революціоннаго подполья, не привыкли къ открытому небу...

Помню я сценку изъ моей личной агитаціонной дѣятельности. Дѣло было въ маленькомъ городкѣ „черты“. Массовка должна была состояться на берегу рѣки Березины, на опушкѣ лѣса, далеко за городомъ. Мы должны были туда отправиться на лодкахъ. Я вышелъ изъ комнаты въ настроеніи, вполнѣ подходящемъ для агитаціонной рѣчи. Въ головѣ у меня ясно сформулировались немногія логическія положенія, а въ душѣ была та сгущенная, знойная атмосфера, которая такъ знакома всякому агитатору и которая такъ необходима для того, чтобы слова лились горячимъ потокомъ и устанавливали электрическій токъ между говорящими и слушателями. Я сѣлъ на весла и сталъ грести, и по мѣрѣ того, какъ грудь моя выпрямлялась отъ гребли, я ощущалъ движеніе лодки, и холодныя брызги воды обдавали

мою разгоряченную голову,—я чувствовалъ, какъ разряжается электричество въ моей груди, и во мнѣ возстанавливается столь ненужное для меня въ данный моментъ душевное равновѣсіе...

Мы высадились на берегъ. Я прошелъ десятка два саженей и прилегъ на землю, подъ деревомъ, въ ожиданіи, пока массовка окончательно соберется. Уже стемнѣло, дулъ прохладный ночной вѣтерокъ, и съ темносиняго неба глядѣли безчисленныя звѣзды. Меня цѣликомъ охватило настроеніе прохладнаго лѣтняго вечера, хотѣлось дремать и слушать голоса природы. Вдругъ меня позвали. Я вскочилъ и никакъ не могъ понять сначала, гдѣ я, и чего отъ меня хотятъ... На пригоркѣ и между деревьевъ сидѣло и лежало нѣсколько сотъ человѣкъ. Посрединѣ на колѣняхъ стоялъ товарищъ—предсѣдатель массовки. Очередь была за мной. Я прошелъ между рядами лежавшихъ на землѣ товарищей и сталъ посрединѣ. Съ большимъ напряженіемъ мысли вспомнилъ я тезисы моей рѣчи, взялъ высокую ноту и началъ развивать свои положенія, стараясь облечь ихъ въ плоть и кровь жизненныхъ образовъ, горячихъ словъ и округленныхъ періодовъ. Въ темнотѣ нельзя было различить лицъ слушателей,—на землѣ виднѣлись лишь неясно очерченные силуэты,—и я перевелъ глаза на небо. А тамъ ярко мерцали звѣздочки... Кругомъ темный лѣсъ шумѣлъ о своихъ тайнахъ, стрекотали кузнечики, и природа дышала полной грудью, далекая отъ людскихъ заботъ и волненій. И звуки моего собственнаго голоса казались мнѣ какими-то странными и причудливыми, нарушающими гармонію вечера и природы. Они казались мнѣ, однако, все ровнѣе и тише, до тѣхъ поръ, покамѣстъ совсѣмъ не затихли...

— „Что ты молчишь, Д., продолжай!“—раздался съ земли рѣзкій голосъ, и лежавшій на землѣ товарищъ грубо потянулъ меня за рукавъ...

Вотъ въ этой-то рѣзкой и причудливой смѣнѣ настроеній и слѣдуетъ искать ключа къ пониманію психологіи событій 17 и 18 октября.

Такъ иногда случается просидѣть всю ночь надъ книгой при свѣтѣ лампы, покамѣстъ первые лучи солнца не ворвутся въ комнату. Яркій солнечный свѣтъ, смѣшиваясь съ тусклыми свѣтовыми кругами отъ лампы, болѣзненно рѣжетъ глаза. Окружающіе предметы мелькаютъ въ глазахъ въ какихъ-то неясныхъ и причудливыхъ очертаніяхъ. Открываешь окно и густая струя

свѣжаго весенняго воздуха врывается въ спертую и душную атмосферу комнаты.

17 октября—это миражъ, рожденный борьбою ночныхъ тѣней съ предразсвѣтной зарею,—миражъ, за который мы заплатили такою страшной цѣною...

V.

Погромъ.

Въ Екатеринославѣ погромъ начался однимъ или двумя днями позже, чѣмъ въ другихъ городахъ. Вслѣдствіе почтовой забастовки мы не имѣли понятія о томъ, что творится въ другихъ городахъ: правильная газетная и почтовая корреспонденція не были еще тогда возстановлены.

Первый симптомъ начинающагося погрома имѣлъ мѣсто въ четвергъ вечеромъ, 19-го октября. Часовъ въ 9 вечера стало извѣстно, что у входа въ аудиторію народныхъ чтеній, гдѣ въ это время происходилъ митингъ, собралась кучка хулигановъ, манифестировавшихъ передъ тѣмъ на проспектѣ. Хулиганы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ въ выходившихъ изъ аудиторіи, но никого не ранили, а лишь произвели панику и, вслѣдъ за тѣмъ, сами разбѣжались. Большинство публики разошлось изъ аудиторіи, остались лишь организованные рабочіе для того, чтобы обсудить положеніе дѣла.

Узнавъ про все это, я присосѣдился къ товарищу Пинѣ, ѣхавшему въ аудиторію, и мы поѣхали туда вмѣстѣ. Когда мы зашли въ аудиторію, тамъ было уже закончено обсужденіе, и въ нижнемъ этажѣ аудиторіи въ различныхъ комнатахъ шла перекличка членовъ разныхъ организацій: всѣ готовились къ самооборонѣ.

Мы, въ свою очередь, получили опредѣленныя порученія отъ своихъ товарищей и отправились на главный сборный пунктъ самообороны нашей организаціи.

Въ пустомъ дворѣ одной синагоги, въ темнотѣ виднѣлось сотни полторы товарищей, успѣвшихъ уже собраться по требованію комитета организаціи. Товарищъ Михаилъ звонкимъ голосомъ производилъ перекличку, подсчетъ оружія и распредѣлялъ отряды по пунктамъ. Мы съ Пиней получили назначеніе въ центральную дежурную квартиру нашей организаціи, назначенную на Казачьей улицѣ, куда и отправились немедленно.

До глубокой ночи продолжалась бѣготня въ поискахъ за квартирами для отрядовъ, за телефонами для наблюдательныхъ пунктовъ, патронами для оружія и т. д. Распредѣлялись люди по отрядамъ, оружіе, снаряжались динамитные патроны. Наконецъ, мы всѣ уснули и проснулись въ пятницу утромъ при обстоятельствахъ, отнюдь не свидѣтельствовавшихъ о началѣ погрома. Жизнь въ городѣ текла совершенно спокойно, и вчерашніе страхи казались кошмарнымъ сномъ, навѣяннымъ разстроеннымъ воображеніемъ. Но это только казалось...

Въ 11 часовъ, считая, что всякія хлопоты по дѣламъ самообороны излишни, я отправился на квартиру товарища Фильки, гдѣ обыкновенно собирался кой-кто изъ товарищей. Разговоръ шелъ о погромныхъ страхахъ. Большинство товарищей считало ихъ вполнѣ основательными. *Гершель Свидскій*—портной рабочій, одинъ изъ самыхъ старыхъ членовъ екатеринославской организаціи, былъ въ числѣ скептиковъ, отрицавшихъ возможность погрома. Его мысль была занята текущими организаціонными дѣлами, въ которыя, по его словамъ, экстраординарныя событія, предшествовавшія и сопутствовавшія „днямъ свободы“, внесли безпорядокъ и путаницу. Въ нашей массѣ ослабло чувство партійности и организованность,—говорилъ Гершель. Это были *послѣднія слова и послѣднія мысли*, которыми Гершель дѣлился съ своими товарищами: *черезъ 3 часа онъ палъ первой жертвой въ рядахъ нашей организаціи...*

Около часу дня въ квартиру Фильки пришли съ тревожными извѣстіями: въ предмѣстьѣ Чечелевкѣ и на Проспектѣ, около Думы собирались хулиганскія манифестаціи подъ предводительствомъ переодѣтыхъ полицейскихъ, повсюду замѣчалось тревожное настроеніе. Я отправился на дежурную квартиру, гдѣ мнѣ суждено было пробыть почти до конца погрома.

Тамъ работа кипѣла. Со всѣхъ наблюдательныхъ постовъ по телефону летѣли донесенія и распоряженія, приходили и уходили патрульные. Между прочимъ, вбѣгаетъ одинъ товарищъ съ взволнованнымъ лицомъ и сообщаетъ, что на Базарной улицѣ только что убитъ нашими патрульными хулиганъ. Мы всѣ вздрогнули: „началось“!—подумалъ каждый изъ насъ и въ душу забралось что-то холодное и страшное...

Всѣ были, однако же, возмущены этимъ извѣстіемъ и неосторожностью товарищей: первая жертва не должна была пасть отъ руки *самообороница*,—это могло провоцировать погромъ. Началось

горячее обсужденіе, поднялся шумъ отъ негодующихъ возгласовъ и замѣчаній, и въ этотъ моментъ въ комнату съ блѣднымъ, какъ у покойника, лицомъ вошелъ товарищъ *Іоська Амурскій* (Іосифъ Брукъ).

— „Іоська! ты не знаешь, кто убилъ хулигана на Базарной?“—обратился къ нему Пиня.

— „Знаю“,—рѣзкимъ и увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ Іосифъ Амурскій.

Мы втроемъ ушли въ сосѣднюю комнату, и Іосифъ въ немногихъ словахъ разсказалъ намъ суть дѣла. Убійцей хулигана былъ онъ самъ... Патрулируя съ другимъ товарищемъ на Троицкомъ базарѣ, онъ замѣтилъ тамъ двухъ пьяныхъ хулигановъ, ворвавшихся въ еврейскую лавчонку и ломавшихъ тамъ все, что имъ попадалось подъ руку. Іосифъ зашелъ въ лавку и пригрозилъ хулиганамъ револьверомъ. Хулиганы вышли изъ лавки съ площадной руганью и отправились вдоль базара, бросая по пути каменья въ окна еврейскихъ лавокъ и приглашая прохожихъ съ собою „бить жидовъ“. Іосифъ съ товарищемъ неотступно слѣдовали за хулиганами, хорошо понимая, что эти ребята безъ труда могутъ начать погромъ. Хулиганы отпуская щедрую брань по адресу Іосифа, направились на Базарную улицу. Навстрѣчу имъ попался старенькій еврей, переходившій улицу. „Держи жида! Жидъ, молись Богу!“—рявкнулъ одинъ изъ хулигановъ, вытащилъ изъ голенища длинный ножъ и сверкнулъ имъ въ воздухѣ... Въ одно мгновеніе Іосифъ былъ подлѣ хулигана, прицѣлился ему въ грудь, грянулъ выстрѣлъ, хулиганъ грузно зашатался, рука съ ножемъ странно мелкнула въ воздухѣ, и онъ всѣмъ тѣломъ повернулся лицомъ къ Іосифу... Раздался второй и третій выстрѣлъ, почти въ упоръ. Хулиганъ распластался на землѣ, старикъ-еврей побѣжалъ въ ужасѣ, а Іосифъ, не спѣша, спустилъ предохранитель у браунинга, положилъ его въ карманъ и на глазахъ у присутствующихъ исчезъ въ воротахъ большого дома...

„По долгу службы“ мы сочли нужнымъ сдѣлать нѣсколько рѣзкихъ упрековъ Іосифу за неосторожность, и я сказалъ ему нѣсколько грубыхъ словъ, отъ которыхъ и теперь еще краска стыда выступаетъ на моемъ лицѣ... Пусть послѣдній долгъ, который я отдаю тебѣ, Іосифъ Амурскій, хоть отчасти искупитъ мою вину!..

Въ лицѣ у Іосифа что-то дрогнуло. „Вы бы сами поступили

такъ же на моемъ мѣстѣ“,—возразилъ онъ намъ, стараясь придать спокойный тонъ своимъ словамъ.

Мы вышли изъ комнаты. Іосифъ остался въ ней одинъ. Спустя нѣсколько минутъ, я заглянулъ въ комнату. Іосифъ, склонивъ голову, стоялъ лицомъ къ окну. Время отъ времени онъ подносилъ платокъ къ лицу: онъ плакалъ...

Дѣла принимали угрожающій оборотъ. Гдѣ-то на окраинахъ двигалась „патріотическая манифестація“. Ясно было, что разгорается погромъ. Мы старались выяснить мѣсто погрома и стянуть туда районные отряды самообороны.

Въ 4 часа дня одинъ изъ такихъ отрядовъ, подъ начальствомъ тов. Мотеля, поднимался вверхъ по Садовой улицѣ. По-путно къ нему пристало нѣсколько одиночекъ-самооборонцевъ, не успѣвшихъ еще попасть въ свои отряды. Въ томъ числѣ были и Іосифъ Амурскій, числившійся въ боевомъ отрядѣ, и Гершель. Поднявшись вверхъ, отрядъ направился по діагонали, черезъ площадь Вдругъ передъ нимъ, на близкомъ разстояніи, вдоль улицы вытянулось нѣсколько шеренгъ солдатъ. Безъ всякаго предупрежденія, солдаты взвели курки и начали стрѣлять залпами, сначала вверхъ, а затѣмъ на прицѣлъ по отряду. Смѣшно было отвѣчать имъ изъ револьверовъ: револьверныя пули не долетаютъ и на десятую часть того разстоянія, на которое хватаютъ ружейныя пули. Отрядъ бросился врассыпную назадъ черезъ площадь. Пули жужжали и свистали въ догонку товарищамъ въ теченіе 7—8-ми минутъ. Ворота домовъ были наглухо заперты по приказу полиціи. Смерть въ теченіе восьми минутъ гналась за своими жертвами. Но ей удалось поймать только одного человѣка: это былъ Гершель Свидскій... Пуля пробила ему затылокъ и вышла черезъ глазную впадину. Смерть послѣдовала мгновенно. Товарищъ Максимъ нагнулся надъ трупомъ Гершеля, думая его поднять и помочь ему, но въ этотъ моментъ солдаты нагнали Максима и какой-то башибузукъ нанесъ ему легкую рану штыкомъ. Максимъ упалъ на землю и, когда солдаты прошли, вскочилъ на ноги и пошелъ прочь...

Трупъ Гершеля мы съ большимъ трудомъ разыскали черезъ 3 дня послѣ погрома въ часовнѣ городской больницы: лицо его превратилось въ отвратительную маску, и мы съ трудомъ опознали его трупъ.

Отрядъ Мотеля съ криками: „отворяйте ворота!“ прибѣжалъ и снова собрался на Тихой улицѣ, гдѣ какой-то еврей первый открылъ ему ворота и съ радостью впустилъ къ себѣ самооборонцевъ. Всѣ товарищи чувствовали себя разбитыми: грозный характеръ погрома былъ совершенно ясенъ послѣ стрѣльбы солдатъ, тяжелымъ камнемъ давила неожиданная смерть Гершеля. Іосифъ Амурскій предложилъ отправиться на погромъ. „Зачѣмъ итти? развѣ мы въ состояніи будемъ справиться съ солдатами?“— возражали ему слабые и печальные голоса. Іосифъ вспылилъ: „какъ вы смѣете отказываться? я буду стрѣлять въ перваго, кто не пойдетъ за мной!“—Отрядъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ: подѣйствовала, конечно, не угроза, а горячій и мужественный тонъ Іосифа. Черезъ минуту всѣ были на улицѣ и гнались за кучками хулигановъ, со всѣхъ сторонъ появившихся на улицѣ.

Мы сидѣли въ дежуркѣ. Извѣстіе о смерти Гершеля, о стрѣльбѣ солдатъ дошли уже до насъ, но они тонули въ цѣломъ морѣ аналогичныхъ извѣстій. Погромъ былъ въ полномъ разгарѣ. Я съ Пиней стоялъ около телефона, и мы, не отрываясь, выслушивали извѣстія, одно другого ужаснѣе. Надо было дѣйствовать, отдавать приказанія, распредѣлять людей и оружіе, и у насъ не было времени присматриваться и прислушиваться къ тому, что творилось на улицѣ. А тамъ было страшное смятеніе: въ домахъ закрывались ворота и внутреннія ставни въ окнахъ, бѣгали нервныя и растерянныя человѣческія фигуры—прятавшихся евреевъ, трусливо озиравшихся солдатъ и хулигановъ. Доносился неясный гулъ: на обоихъ концахъ улицы шелъ разгромъ домовъ. Но мы не могли обращать на это вниманія: въ нашихъ рукахъ находились всѣ нити, связывающія между собой всѣ 18 отрядовъ нашей самообороны. Подъ кроватью лежало самое страшное орудіе революціонера...

Вдругъ трескъ выстрѣловъ раздался у насъ подъ самымъ ухомъ и страшный гулъ сотенъ человѣческихъ голосовъ послышался подъ самыми окнами. Пиня выпустилъ изъ рукъ телефонную трубку, всѣ товарищи схватились за оружіе и подбѣжали къ окну, открытому на улицу. Изъ-за угла противоположнаго дома, выходившаго на другую улицу, вертикально перекрещивающую нашу,— внизъ по этой же улицѣ бѣжала огромная толпа хулигановъ. Среди нихъ преобладали мукомолы, рабочіе съ пристани и бося-

ки. Толпа, издавая звѣриный ревъ, роняя награбленныя вещи, падая и спотыкаясь другъ о друга, бѣжала внизъ. А за нею гремѣли перемежающіеся выстрѣлы. На углу, защищая входъ въ нашу улицу, стояло человѣкъ восемь самооборонцевъ и не переставая заряжали и разряжали револьверы.

Это нашъ боевой отрядъ принималъ свое первое боевое крещеніе!

Мы выбѣжали на улицу. Черезъ нѣсколько минутъ толпа была окончательно прогнана, и боевой отрядъ собрался посрединѣ улицы.

Никогда не забуду я этой картины! Нѣсколько десятковъ молодыхъ и сильныхъ людей столпились въ кружокъ вокругъ начальника боевого отряда, оживленно жестикулировавшаго и объяснявшаго товарищамъ дальнѣйшій планъ дѣйствій. Лица и движенія горѣли энергіей и отвагой. И во всей этой группѣ было столько молодой силы, огня и пластической красоты, что такъ и хотѣлось отлить ее изъ бронзы!

Черезъ нѣсколько минутъ боевой отрядъ исчезъ, и послышался мѣрный топотъ шаговъ. Я спрятался въ простѣнкѣ между окнами и осторожно, чтобы не быть замѣченнымъ съ улицы, выглянулъ въ окно. По обоимъ тротуарамъ, гуськомъ, по одному человѣку, тянулись двѣ цѣпи солдатъ, ружья каждой изъ этихъ цѣпей были направлены на окна домовъ противоположной стороны: они боялись бомбъ, которыя могли полетѣть въ нихъ изъ оконъ, и готовились стрѣлять въ каждаго, кто показался бы у окна.

Я не стану подробно и послѣдовательно описывать всѣхъ перипетій погрома, всѣхъ проявленій „безумія и ужаса“, всѣхъ благородныхъ смертей и героическихъ актовъ.

„Сколько ихъ было, всѣхъ не перечесть!“

Общія черты октябрьскихъ погромовъ вездѣ были совершенно одинаковы. Вездѣ начало погрома возвѣщалось объявленіемъ губернатора, предупреждающимъ, что „безпорядки и насилія, въ случаѣ ихъ возникновенія, будутъ подавляться рѣшительными мѣрами“. Вездѣ на третій день погрома утромъ появлялось другое объявленіе, увѣщевавшее самооборону сложить оружіе, и это означало, что погромъ долженъ будетъ сейчасъ достичь своего кульминаціоннаго пункта.

И внѣшняя картина погрома была вездѣ поразительно однообразна. По улицѣ съ гикомъ и свистомъ пролеталъ отрядъ ка-

заковъ. Они стрѣляли въ прохожихъ, работали нагайками и „очищали“ улицу. Это требовалось для того, чтобы навести страхъ на самооборону. Улица замирала, и вотъ въ этотъ-то моментъ появлялись банды хулигановъ. Начинался погромъ, и черезъ полчаса дѣло бывало сдѣлано: дома разрушены, битое стекло, обломки мебели, пухъ и перья покрывали мостовую, слипаясь съ грязными ручейками крови. Затѣмъ появлялись солдаты: они „прикрывали тылъ“ хулиганамъ все отъ той же еврейской самообороны. Солдаты прикалывали штыками раненыхъ, набивали свои ранцы и мѣшки остатками отъ хулиганской добычи, насиловали женщинъ. Въ это время казацкіе выстрѣлы раздавались уже гдѣ-то вдалекѣ, и „процессія“ двигалась дальше на звукъ этихъ выстрѣловъ.

Задачи самообороны были страшно затруднены при такихъ условіяхъ: казаки и солдаты обстрѣливали ее на большомъ разстояніи и не подпускали близко къ хулиганамъ; приходилось поэтому прибѣгать къ обходнымъ движеніямъ.

Я разскажу здѣсь объ одномъ изъ наиболѣе яркихъ моментовъ нашей борьбы, о которомъ съ гордостью вспоминаютъ всѣ товарищи.

VI.

Въ ночномъ туманѣ.

Это было въ пятницу ночью, въ началѣ 10-го часа. Со всѣхъ пунктовъ доносили намъ въ дежурку, что погромъ успокаивается Въ этотъ день (первый день погрома) самооборона дѣйствовала прекрасно: намъ быстро и успѣшно удавалось локализовать погромъ въ разныхъ частяхъ города, и мы имѣли всѣ основанія быть довольными собой. Несмотря на значительное количество жертвъ, перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ. Отряды собирались отдыхать и только патрульные неустанно дежурили на улицахъ и окликали всѣхъ прохожихъ. Мы съ Пиней и другими товарищами, находившимися въ дежуркѣ, тоже было собирались вздремнуть по очереди, какъ вдругъ насъ какъ громомъ пришибла страшная новость: съ одного изъ пунктовъ близъ пароходной пристани сообщили, что въ 7 часовъ вечера къ пристани подъѣзжалъ пароходъ съ массою евреевъ, спасавшихся отъ погромовъ изъ различныхъ городковъ по верхнему теченію Днѣпра; на пристани этотъ пароходъ поджидала толпа хулигановъ въ чаяніи

добычи; какъ ни просили и ни молили несчастные пассажиры, матросы отказывались повернуть пароходъ обратно, и, едва пароходъ причалилъ къ пристани, какъ на него ворвалась дикая банда, и началась расправа... Нѣсколько десятковъ человѣкъ раненыхъ побросали въ воду, около десяти труповъ выплыло впослѣдствіи на берегъ.

Въ 7½ часовъ утра долженъ былъ прибыть слѣдующій пароходъ, и мы должны были во что бы то ни стало предупредить новую катастрофу. Сонъ, разумѣется, какъ рукой сняло... Мы немедленно дали знать боевому отряду и предложили ему въ опредѣленный часъ утра принять довольно рѣшительныя мѣры. Съ другой стороны, мы повели переговоры съ директоромъ пароходнаго общества, требуя отъ него выслать къ утру лодку навстрѣчу пароходу съ предупрежденіемъ.

И вотъ въ этотъ-то моментъ раздался рѣзкій и продолжительный звонокъ телефона. Мы невольно вздрогнули: телефонъ молчалъ уже часа 2; неужели же опять началось?..

Съ Ульяновской улицы (на окраинѣ города), изъ дома купца-еврея,—назовемъ его Черемухинъ,—сообщали: кварталомъ ниже, на углу Херсонской и Скаковой слышенъ шумъ голосовъ и трескъ,—очевидно, тамъ идетъ погромъ... Просятъ помощи.

Кровь прилила мнѣ въ голову. Мнѣ представились всѣ ужасы погрома ночью, на глухой окраинѣ, гдѣ даже рыданья и крики о помощи должны прозвучать одинокимъ отзвукомъ въ ночномъ туманѣ. И если эти звуки даже и долетятъ до ушей кого-либо изъ сосѣдей, то они только глубже уткнутъ голову въ подушку, не въ силахъ совладать съ истерзанными дневными ужасами нервами...

Ясно было, что тамъ дѣйствуетъ шайка худшихъ хулигановъ, людей, рѣжущихъ дѣтей въ лапшу, вколачивающихъ гвозди въ глаза и творящихъ подобные же ужасы, которые, по выраженію Карлейля, можетъ дѣлать не человѣкъ, а развѣ „сумасшедшій дьяволъ“. Солдаты спали на своихъ постахъ и въ казармахъ, и мы имѣли полную возможность расправиться съ этими звѣроподобными существами.

Мы позвали начальника боевого отряда*), и послѣ краткаго

*) Здѣсь будетъ, быть можетъ, интересно указать составъ нашего боевого отряда по профессіямъ. Изъ 32 человѣкъ, числившихся въ немъ, тамъ было: 6 столяровъ, 3 слесаря, 7 портныхъ, 1 маляръ, 1 граверъ, 1 переплетчикъ, 1 ювелиръ, 5 лѣсниковъ, 2 конторщика, 2 прикащика, 2 экстерна, 1 студентъ.

обсужденія плана нападенія, онъ быстро насъ покинулъ и ушелъ къ своему отряду. Черезъ часъ онъ пришелъ къ намъ блѣдный, съ горящими глазами: порученіе было исполнено,—„сумасшедшіе дьяволы“ получили кровавую баню.

Но Черемухинъ звонилъ, не переставая. Каждыя 10—15 минутъ раздавался рѣзкій, долго непрекращающійся звонокъ телефона, мы поочередно брали въ руки телефонную трубку и слышали нервную волнующуюся рѣчь Черемухина, передающаго и то, что онъ дѣйствительно слышалъ и видѣлъ, и фантастическія видѣнія своего напуганнаго воображенія. По его словамъ, погромъ не прекращался; послѣ нападенія самообороны на время все стихло, а затѣмъ звуковой хаосъ зазвучалъ гдѣ-то вблизи отъ Черемухина: погромъ, очевидно, приближался къ Ульяновской.

Надо было сдѣлать еще болѣе рѣшительное нападеніе. Мы рѣшили сконцентрировать въ двухъ пунктахъ четыре отряда и окружить Ульяновскую съ двухъ сторонъ.

Необходимыя приготовленія и распоряженія были сдѣланы. Товарищъ Аркадій, обучавшій у насъ въ организаціи стрѣльбѣ, отправился изъ дежурки, назначенный вести одинъ изъ отрядовъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ сѣлъ я на подоконникъ у открытаго окна и вытянулъ голову въ ночную мглу. Черемухинъ звонилъ, почти не переставая: онъ не сообщалъ уже свои наблюденія, а молилъ и просилъ о помощи. Пиня, блѣдный, прерывистымъ голосомъ успокаивалъ его, телефонная трубка дрожала въ его рукахъ. Въ густомъ туманѣ виднѣлись бѣлесоватыя пятна свѣта вокругъ электрическихъ фонарей, и раздавался протяжный и пугливый вой собакъ. Вдругъ... сквозь этотъ слитный вой раздались рѣзкіе и отчетливые звуки стрѣльбы. Залпъ, перемежающіеся одинокіе выстрѣлы, пауза... и опять залпъ, опять разрозненные, какъ бы запоздавшіе выстрѣлы... Все смолкло, и опять собаки залились еще болѣе дружнымъ и громкимъ хоромъ.

Сердце мое неистово, до острой боли забилось. Что творилось тамъ, въ ночномъ туманѣ? Вышли ли товарищи снова побѣдителями изъ неравной борьбы? Разогнали ли они этихъ исчадій ада?

Въ полусознательномъ состояніи сидѣлъ я на подоконникѣ минутъ десять, покамѣстъ внизу, у параднаго входа не раздался рѣзкій и нетерпѣливый звонокъ колокольчика. Пиня схватилъ свѣчку, и мы стремглавъ бросились по лѣстницѣ внизъ, къ выходной двери. Едва открыли мы дверь, какъ въ нее ворва-

лись Перецъ (начальникъ боевого отряда), Аркадій и Леонъ. Блѣдные и молчаливые, поднялись они по лѣстницѣ и направились внутрь комнаты.—„Что случилось?“—дрожащимъ прерывистымъ голосомъ спросилъ Пиня.—Перецъ молча снялъ съ головы круглую поярковую шляпу и протянулъ ее намъ: шляпа была прострѣлена съ двухъ сторонъ: волосы на головѣ Переца были обожжены. Всѣ молчали.

Наконецъ, Леонъ разрѣшилъ общее недоумѣніе. Въ краткихъ словахъ онъ разсказалъ намъ, въ чемъ дѣло. Когда три отряда уже собрались на Базарной улицѣ и остановились у подножья холма, въ ожиданіи отряда Фильки, съ которымъ надо было условиться относительно нападенія съ двухъ сторонъ,—сверху холма раздался зычный окрикъ: „кто тамъ идетъ?“—„Филька, это ты?“—крикнулъ одинъ товарищъ и повторилъ условный пароль.—„Стой, не расходись“, загремѣло сверху, и вслѣдъ затѣмъ затрещала ружейная пальба: тамъ были солдаты. По счастью темнота мѣшала имъ цѣлиться, и пострадала лишь шляпа Переца. Товарищи легли на землю и подъ свистъ пуль вползли въ ворота ближайшаго дома. Два раза пробовали они выходить изъ дому, все еще полагая, что сверху, по недоразумѣнію, стрѣляетъ Филькинъ отрядъ, и оба раза должны были отступать подъ градомъ пуль. Они поняли, что на холмѣ стоятъ солдаты, и всякая надежда выйти изъ воротъ и отправиться на выручку Черемухину—напрасна... Перецъ съ двумя товарищами пробрались къ намъ въ дежурку сообщить о своей неудачѣ.

Судьба Филькина отряда была неизвѣстна. По всей вѣроятности, онъ долженъ былъ наткнуться на солдатъ...

Волосы стали у меня дыбомъ. Всякая надежда на спасенье Черемухина и его жильцовъ пропала: мы должны были безропотно отдать ихъ на пиръ звѣрей... Пестрые обрывки дневныхъ впечатлѣній, смерть и ужасъ, драма на пароходѣ, дрожащій голосъ Черемухина, протяжный, хватающій за душу лай собакъ, ночная мгла—все это всплыло въ моей душѣ и закружилось въ какой-то дикой пляскѣ. Въ вискахъ стучало, во ртуѣ—сухой, палящій жаръ. Мнѣ казалось, что я схожу съ ума.

Аркадій, Перецъ, Пиня и Аронъ сидѣли кругомъ стола. Ихъ блѣдныя, анемичныя лица, еле оживленныя тусклымъ свѣтомъ неподвижныхъ, лишившихся всякаго выраженія глазъ, казались странными, уродливыми масками, какими любители святочныхъ шутокъ пугаютъ людей. Тѣнь догорающей свѣчи играла на нихъ

и придавала имъ землистый оттѣнокъ, столь характерный для мертвецовъ.

— „Давайте чай пить!“—глухимъ голосомъ проговорилъ Ниня и сталъ разливать чай изъ холоднаго самовара по стаканамъ.

— „Какой тамъ чай! Съ ума вы сошли: что будетъ съ Ульяновской?“—плачущимъ голосомъ возразилъ я.—Но товарищи молча сидѣли кругомъ стола и пили холодный чай, неподвижнымъ взоромъ уставившись въ стаканы.

Вдругъ въ мертвую тишину ворвался рѣзкій звонокъ телефона. Мы вздрогнули всѣмъ тѣломъ и вскочили. Я держалъ уже въ рукахъ телефонную трубку, но звонокъ трещалъ и трещалъ безъ конца. Кровь прилила мнѣ въ голову: ясно—въ домъ Черемухина, очевидно, уже ворвались хулиганы, и онъ звонилъ, какъ утопающій за соломинку, держась за ручку телефона... Наконецъ, звонокъ остановился. Я приложилъ къ уху телефонную трубку, но ничего нельзя было разобрать: въ телефонѣ слышались непонятные, нечленораздѣльные звуки,—не то плачъ, не то истерическій смѣхъ. Трубка дрожала и прыгала въ моей рукѣ: я ясно представлялъ себѣ, что Черемухинъ ведетъ послѣднюю борьбу съ хулиганами и ко мнѣ несется его предсмертное хрипѣнье... Жизнь и смерть соединялись телефонной проволокой!..

— „Черемухинъ! Голубчикъ! Милый! Что съ вами? Ради Бога, говорите!“—кричу я въ телефонъ, захлебываясь отъ плача и волненія.

Но вотъ изъ хаоса неясныхъ звуковъ выдѣляются ясныя и отчетливыя слова. Боже мой! Что такое?

— „Ура! Пришла самооборона! Филькинъ отрядъ! Убито девять хулигановъ! Мы спасены! Спасибо, голубчики!“..

Я бросаю телефонную трубку. Рыданья душатъ мое горло...

Есть моменты счастья, которые безсильно выразить человѣческое слово...

Воспроизведемъ описанные два эпизода со словъ самихъ участниковъ этой борьбы.

Въ половинѣ десятаго вечера, когда боевой отрядъ получилъ первый приказъ—идти на уголъ Херсонской и Скаковой, товарищи зарядили свои „Смиты“ и „браунинги“ и подъ начальствомъ товарища Пятнадцатаго бодро отправились въ путь.

Чрезъ густой туманъ поднялись они на Херсонскую улицу и дошли до угла Скаковой. На противоположной сторонѣ Скаковой улицы виднѣлись раскрытыя двери булочной. Въ дверяхъ и въ окнахъ мелькали огоньки, вырисовывались силуэты хулигановъ и людей въ полушубкахъ и форменныхъ фуражкахъ,—повидимому, пожарныхъ.

— „Кто тамъ такой?“—громкимъ голосомъ закричалъ товарищъ Пятнадцатый по направленію къ булочной,—„расходитесь немедленно!“

— „Братцы! это свои—русскіе!“—отвѣтилъ изъ темноты хриплый голосъ.

Въ боковомъ домѣ на Херсонской раскрылась дверь, и въ ней показались двѣ фигуры: мужчина и женщина съ иконой и лампадкой въ рукахъ. Пятнадцатый выстрѣлилъ въ воздухъ, двери порывисто закрылись, икона исчезла.

— „Казаки! казаки! сюда,—жиды стрѣляютъ!“—зашумѣло сразу нѣсколько голосовъ на Скаковой. Прожужжала откуда-то спереди пуля. Товарищъ Исаакъ слегка вскрикнулъ: пуля оцарапала ему ухо.

Отрядъ поравнялся съ Скаковой и вытянулся вдоль забора на Херсонской улицѣ, противъ котораго приходится Скаковая. Вдоль Скаковой улицы, въ густомъ туманѣ виднѣлась масса надъ чѣмъ-то копошащихся человѣческихъ фигуръ. На лѣвой сторонѣ улицы—въ булочной и въ двухэтажномъ домѣ и на правой—въ какой-то лавчонкѣ мелькали огоньки.

Отрядъ выстроился въ два ряда съ интервалами вдоль забора, лицомъ къ Скаковой. Пятнадцатый громовымъ голосомъ скомандовалъ пальбу, и одинъ за другимъ раздались три залпа вдоль Скаковой. Послышались крики и стоны, изъ булочной замелькали бѣгущія человѣческія фигуры.

Товарищи гурьбой бросились на Скаковую. Разбившись на два отряда, они окружили булочную на одной сторонѣ улицы и лавочку—на противоположной.

Около тротуара, спрятавшись за дерево, стоялъ хулиганъ. Блескъ мѣднаго таза,—добычи, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ,—выдалъ его. Нѣсколько выстрѣловъ въ упоръ пронзили его грудь, и онъ, скорчившись, склонился къ стволу дерева и упалъ на землю.

Въ лавочкѣ на правой сторонѣ улицы дверь была полузакрыта, но въ окнѣ виднѣлось около десятка человѣческихъ фигуръ,—

преимущественно пожарныхъ съ ломами, топорами и мѣшками въ рукахъ, возившихся,—повидимому, надъ раскрытымъ погребомъ. У самаго окна со свѣчой въ рукѣ стоялъ бородатый пожарный, старавшійся разсмотрѣть, что творится на улицѣ.

Нѣсколько товарищей подошли къ лавочкѣ, закрыли плотнѣе дверь и стали стрѣлять изъ браунинговъ черезъ окно во внутрь лавочки, покамѣстъ тамъ все ни стихло, и тѣни человѣческихъ силуэтовъ перестали отражаться на стѣнѣ противъ окна...

Тогда Пятнадцатый собралъ весь отрядъ, и товарищи бросились во весь опоръ преслѣдовать хулигановъ. Преслѣдованье продолжалось до угла Полевой улицы. Тамъ хулиганы бросились въ разсыпную во всѣ стороны и скрылись за оврагами и за мостикомъ. Преслѣдовать дальше не имѣло смысла. Товарищи сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ во всѣ стороны и пошли назадъ. Революціонная пѣсня рвалась изъ груди и просилась на уста, но Пятнадцатый не разрѣшалъ пѣть. Ночная мгла охватила снова товарищей, безчисленными холодными ручейками вливалась имъ въ грудь и тушила искры разгоравшейся жизни и радости. Клубы тумана, въ смутномъ желтоватомъ свѣтѣ, сворачивались въ неясныя очертанія человѣческихъ тѣлъ и лицъ. Казалось, что только-что видѣнные реальные люди поднялись вверхъ, рѣютъ въ воздухѣ и продолжаютъ тамъ возиться и копошиться. Завывающій лай собакъ стономъ стоялъ въ воздухѣ и, казалось, силился заглушить крикъ о помощи, дѣтскій плачъ и пьяную радость, звучавшую гдѣ-то вдали, а, можетъ быть, и здѣсь близко... *)

Отрядъ съ понурыми головами возвратился въ свою сборную квартиру. Но не прошло и получаса, какъ явился Перецъ съ приказомъ объединиться съ другими отрядами и идти на Ульяновскую. Четыре отряда: боевой отрядъ, подъ начальствомъ Аркадія и Пятнадцатаго, два простыхъ отряда нашей организаціи, взятые подъ начальство Перецомъ и Филькой и смѣшанный отрядъ бундовцевъ и нашихъ товарищей должны были собраться на углу Воскресенской и Базарной и, разбившись на двѣ части, пойти на Ульяновскую. Одна половина этого соединеннаго отряда должна была подняться выше Ульяновской, черезъ Вознесенскую и Безулов-

*) Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и покойный тов. Іосифъ Амурскій (Брукъ).

скую и отрѣзать отступленіе хулиганамъ, а другая половина должна была идти прямо на Ульяновскую снизу.

Три отряда уже стояли на Базарной, но Филькина отряда все еще не было. Отправили на развѣдки товарища, извѣстнаго у насъ въ организаціи подъ прозвищемъ „Китаецъ“.

Въ этотъ моментъ сверху раздался окрикъ солдатъ, принятыхъ товарищами за Филькинъ отрядъ, и разыгрался инцидентъ, уже описанный выше. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ выйти изъ воротъ подъ солдатскими выстрѣлами, товарищи размѣстились въ двухъ квартирахъ и стали выжидать. Перецъ съ Аркадіемъ отправились на центральную квартиру.

Гдѣ же былъ Филькинъ отрядъ?

Филькинъ отрядъ по недоразумѣнію пришелъ не на уголъ Базарной и Воскресенской, а на уголъ Первозвановской. Туманъ мѣшалъ разглядѣть другъ друга. Китаецъ набрелъ на отрядъ уже послѣ стрѣльбы, и Филька рѣшилъ вести свой отрядъ по раньше предполагавшемуся направленію черезъ Безуловскую и Вознесенскую.

Спустившись къ Старогородней улицѣ, расположенной по одной линіи съ Ульяновской, Филька встрѣтилъ патрульныхъ отъ непартійнаго отряда мѣстныхъ жителей, охранявшихъ свой кварталъ. Забравъ оттуда всѣхъ самооборонцевъ, вооруженныхъ револьверами, Филька пошелъ прямо на Ульяновскую. Оттуда доносился смутный гулъ. Туманъ сгустился еще больше, и не было видно ни зги. Отрядъ былъ уже на углу Ульяновской и все еще не зналъ, что тамъ творится.

Догадливый Китаецъ нашелся, какъ поступить. „Филька, ложись на землю!“—предложилъ онъ вполголоса Филькѣ. И они вдвоемъ растянулись на спинѣ по тротуару, поднявъ головы. Дѣйствительно, на самой землѣ туманъ приподымался, и можно было хорошо видѣть, что дѣлается вдоль улицы. Сотни ногъ виднѣлись посередь мостовой и на тротуарахъ, туловищъ не было видно: они утопали вверхъ въ туманѣ. Сквозь смутный гулъ можно было различить трескъ ломаной мебели, оконъ и стеколъ.

Отрядъ выстроился поперекъ улицы и сдѣлалъ подрядъ нѣсколько залповъ. Смутный гулъ превратился въ какой-то страшный, звѣриный ревъ. Раздался топотъ сотенъ убѣгающихъ ногъ. Товарищи пробѣжали часть улицы и остановились у дома Черемухина; со второго этажа этого дома летѣли обломки мебели. Нѣсколько человѣкъ выстрѣлили туда.

За фонарнымъ столбомъ, плотно прижавшись къ нему, притаился какой-то человѣкъ. Товарищъ Лазарь подошелъ къ нему, когда нѣсколько человѣкъ прицѣлились въ него. „Перестаньте, меня застрѣлите!“—крикнулъ Лазарь и наклонилъ голову. Нѣсколько пуль просвистало надъ Лазаремъ. Человѣкъ за столбомъ продолжалъ стоять. Лазарь подошелъ къ нему вплотную и выстрѣлилъ. Человѣкъ упалъ.

Товарищи обошли и тщательно осмотрѣли Ульяновскую. На землѣ валялось около десятка труповъ., виднѣлись ручейки крови. Отъ огромной толпы и слѣдъ простылъ.

Филька отправился къ телефону.

Спустя сутки, въ ночь съ субботы на воскресенье домъ Черемухина былъ сожженъ: хулиганы улучили-таки моментъ для расплаты за жертвы, понесенныя ими около этого дома.

VII.

Конецъ погрома. Въ больницѣ.

Въ ночь съ субботы на воскресенье насъ лишили телефоновъ: со станціи дали знать, что телефонъ испорченъ. Испорченными оказались, конечно, какъ разъ тѣ номера, которые особенно усердно переговаривались съ центральной квартирой самообороны и телефонъ самой центральной квартиры. Впослѣдствіи выяснилось, что это было сдѣлано по приказу Нейдгардта, чтобы къ воскресенью,—когда онъ собирался устроить достойный финалъ погрома,—парализовать какъ-нибудь слишкомъ энергичныя дѣйствія самообороны.

Такимъ образомъ самооборона, какъ цѣлый организмъ, всѣ части котораго были связаны и согласованы другъ съ другомъ,—оказалась упраздненной. Городъ превратился въ военный лагерь, солдатскія и казацкія банды шмыгали во всѣхъ направленіяхъ и не давали возможности нашимъ отрядамъ сообщаться другъ съ другомъ. Евреи, еврейскіе дома и квартиры какъ живыя горящія пятна выступали на холодномъ фонѣ общей массы людей и домовъ. Достаточно было взглянуть на рядъ оконъ и дверей на улицѣ, и если среди нихъ попадались двери, на которыхъ не было бѣлыхъ крестовъ, окна, на которыхъ не было иконъ съ лампадками и висѣли занавѣски,—то за ними чувствовались прита-

ившіяся человѣческія существа и сдерживаемое дыханіе той особой человѣческой породы, которая была теперь выдѣлена изъ общей массы для потѣхи и удовольствія.

Самооборона пріобрѣла случайный и неорганизованный характеръ. Центральную квартиру, въ коей я находился, пришлось за ненадобностью упразднить. Ее выслѣдили, и патрулировавшіе товарищи дали намъ знать, чтобы мы перемѣнили, если возможно, номеръ телефона и оставили квартиру.

Возстановить сношенія по телефону было, разумѣется, невозможно, и мы, разбитые и подавленные, должны были уйти съ квартиры и перейти на частную квартиру въ противоположномъ домѣ, въ какую-то еврейскую семью.

Со страшной душевной болью покинули мы свою квартиру, свой боевой постъ, на которомъ мы въ теченіе свыше двухъ сутокъ въ безпрерывномъ нервномъ напряженіи переживали всѣ ужасы погрома, всѣ перипетіи борьбы. Мы вошли въ бѣдную, неуютную квартирку какой-то многочисленной буржуазной еврейской семейки. Было уже 12 часовъ ночи, но вся семья не спала; за большимъ столомъ сидѣлъ старикъ еврей, съ двумя сыновьями среднихъ лѣтъ и съ нѣсколькими малышами. За тонкой перегородкой слышно было покачиванье люльки. Дѣтвора съ расширенными глазами на блѣдныхъ личикахъ окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Взрослые встрѣтили насъ чрезвычайно радушно и гостепріимно, усадили за столъ, поили чаемъ и кормили, но отъ этой трогательной любви и заботливости становилось почему-то больно и тоскливо на душѣ...

Точно такое настроеніе переживалъ я въ дѣтствѣ, когда наша семья осталась безъ матери. Когда окончились похороны, и мы, дѣти, остались сами съ собой въ дѣтской, то каждый изъ насъ,— обыкновенно капризной и эгоистичной дѣтворы,—старался чѣмъ-нибудь обрадовать, услужить, обласкать другъ друга. Но за этими маленькими вспышками душевнаго тепла, которымъ мы хотѣли согрѣть другъ друга, зіяла огромная душевная пустота, висѣло громадное, жестокое, непонятное и непоправимое горе... и чувствовалось, что *его* мы ничѣмъ не отвратимъ, что образованной *имъ* душевной пропасти мы не засыплемъ никакими дѣтскими ласками...

Мы просидѣли такимъ образомъ до утра. Несмотря на двухдневныя терзанія и усталость, мы не могли заснуть. Ночь казалась полной дикихъ звуковъ и кошмарныхъ видѣній.

На утро къ намъ пришли товарищи. Съ какой-то неестественной веселостью они сообщили намъ, что погромъ конченъ, что всюду расклеено объявленіе губернатора, возвѣщающее конецъ погрома и приглашающее самооборону сложить оружіе. Ихъ посинѣвшія лица отражали страшную усталость. Въ часъ дня долженъ былъ состояться молебенъ въ соборѣ, и были всѣ основанія ожидать продолженія погрома, но наши нервы не могли этого выдержать, и мы *должны были*, мы страстно *хотѣли* вѣрить, что конецъ уже наступилъ.

Мнѣ предложили пойти къ одному знакомому отдохнуть, но я не чувствовалъ еще себя въ силахъ оторваться отъ всей психологической обстановки погрома, я боялся этого, какъ боятся одиночества въ комнатѣ, откуда только что вынесли покойника. Я рѣшилъ пойти въ ближайшую больницу, гдѣ, по слухамъ, была масса дѣла и требовались люди.

Я зашелъ сначала въ нижній этажъ больницы, превращенный въ покойницкую.

Первый трупъ, который мнѣ попался на глаза, былъ трупъ Сени,—русскаго рабочаго соціалдемократа. Его подстрѣлилъ изъза угла, на разстояніи двухъ кварталовъ какой-то одинокій, страннаго вида солдатъ съ сорванными нашивками, немедленно же скрывшійся изъ виду. Онъ упалъ и скатился по ступенькамъ лѣстницы къ двери подвальнаго этажа. Двое товарищей—самооборонцевъ подхватили его, но у него изо рта уже шла пѣна, и раздавался предсмертный хрипъ.

Глаза Сени были страшно выкачены, лицо вздуто, но, тѣмъ не менѣе, можно было разглядѣть и узнать черты его лица. Не то съ другими трупами.. Тамъ лица представляли собою тѣ, знакомыя всѣмъ, видавшимъ погромы, отвратительныя маски, по которымъ нельзя узнать даже самое родное и близкое человѣческое лицо. Особенно страшенъ былъ одинъ старикъ, котораго убили ударами сифона отъ сельтерской воды по головѣ. Куски стекла торчали изъ его лица.

Я поднялся на верхній этажъ больницы. Измученныя сестры приняли меня съ распростертыми объятіями. Я облачился въ больничный халатъ и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей, въ качествѣ санитара. Я отправился въ палаты прислуживать больнымъ, когда меня позвали въ операціонную комнату

держать больного при перевязкѣ. На операціонномъ столикѣ лежалъ на половину раздѣтый молодой человѣкъ. Это былъ теперь уже умершій самооборонецъ, бундовецъ Болотинъ. Съ лѣвой стороны у него виднѣлся большой, почти полуцилиндрическій вырѣзъ, правильный, какъ на онатомическомъ атласѣ. Фельдшеръ черезъ трубочку накачивалъ воду внутрь раны, черезъ другую трубочку выливалась обратно бурая жидкость. Глаза Болотина выражали застывшее, невыразимо-сильное страданіе.

— „Не рановато-ли вамъ дѣлать перевязки?“—спросилъ докторъ, глядя на меня испытующимъ взоромъ.

Я пріосанился, поднялъ изголовье Болотина и перевелъ глаза съ его лица на рану. Въ вискахъ у меня стучало.

Послѣ перевязки я пошелъ въ фельдшерскую комнату, думая прилечь тамъ и отдохнуть. Мнѣ предложили сначала выпить стаканъ чаю. Я взялъ стаканъ, сѣлъ на стулъ и... вдругъ почувствовалъ, что меня съ неудержимой силой тянетъ внизъ къ полу... 65-часовое бодрствованіе и волненія дали себя чувствовать: я грохнулся на землю и въ глубокомъ обморокѣ пролежалъ свыше десяти минутъ.

Когда я пришелъ въ себя, то я лежалъ на диванѣ, а около меня суетились фельдшерицы. Я почувствовалъ стыдъ за свою слабость, вскочилъ, привелъ себя въ порядокъ и отправился въ палаты.

Было уже около двухъ часовъ дня, когда меня позвали въ корридоръ между палатами. Тамъ стояли два, почтеннаго вида господина, очень прилично одѣтыхъ, красныхъ и взволнованныхъ.

— „Вы—Д.?“—обратились они ко мнѣ.

— „Да, я.“

— „Можете-ли вы вступить съ нами въ переговоры отъ имени организаціи самообороны?“

— „Нѣтъ, не могу.“

— „Ради Бога,—время-ли теперь конспирировать?“

Я разъяснилъ имъ, что имѣю отношеніе лишь къ комитету самообороны нашей организаціи, но и тотъ теперь дезорганизованъ.

— „Губернаторъ требуетъ, чтобы самооборона сложила оружіе и перестала стрѣлять по улицамъ. Лишь въ этомъ случаѣ процессія, идущая теперь изъ собора, не превратится въ новый погромъ.“

— „Сомнѣваюсь,—быть или не быть новому погрому—это всецѣло зависитъ отъ губернатора, а не отъ насъ. Но чего же вы хотите отъ меня, господа?“

— „Мы ѣдемъ сейчасъ къ губернатору. Дайте намъ слово, что самооборона складываетъ оружіе“.

— „Такого слова я вамъ дать не могу; но, для того, чтобы общество впослѣдствіи не имѣло поводовъ насъ обвинять, я могу вамъ поручиться за нашу организацію, т. е. за самую сильную изъ организацій обороны, что мы не начнемъ дѣйствовать до начала погрома“.

— „Но чѣмъ же мы можемъ гарантировать губернатора въ выполненіи вашего обѣщанія?“

— „Моею личностью: передайте губернатору, что я—такой-то—нахожусь тамъ-то, и въ случаѣ неисполненія моего обѣщанія онъ можетъ меня арестовать“.

Разумѣется, что дать такое обѣщаніе мнѣ было какъ нельзя болѣе легко. Надо-ли, съдругой стороны, пояснять, насколько излишня была вся эта миссія мягкосердыхъ либераловъ?

Не прошло и часу времени, какъ на нижней лѣстницѣ раздался топотъ двухъ десятковъ ногъ. Я побѣжалъ къ дверямъ: десятка полтора евреевъ, рабочихъ и лавочниковъ среднихъ лѣтъ, съ несчастнымъ, пришибленнымъ выраженіемъ лица и всклокоченными бородами, на двухъ импровизированныхъ носилкахъ тащили вверхъ по лѣстницѣ раненыхъ... За ними опрометью вбѣжала фельдшерица съ краснымъ крестомъ на рукавѣ.

— „Боже мой, Боже, что я тамъ видѣла!“—плача навзрыдъ и ломая руки, кричала она.

Со всѣхъ сторонъ сбѣжались испуганныя фельдшерицы и сестры. „Началось! погромъ снова начался!“—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Это былъ знаменитый въ исторіи екатеринославскаго погрома разгромъ дома Шнейдера.

Двѣ кареты немедленно поѣхали туда. То, что тамъ творилось, не поддается никакому описанію... Тамъ было найдено 18 труповъ!*) Дворъ и мостовая были залиты моремъ крови.

---

*) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ всѣхъ жертвъ екатеринославскаго погрома было: 126 евреевъ, убитыхъ солдатами и хулиганами, и 47 русскихъ, убитыхъ самообороной. По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами на кладбищѣ, русскихъ было не 47, а 65.

Такая непонятная свирѣпость объяснилась впослѣдствіи тѣмъ, что въ домѣ Шнейдера, по мнѣнію полиціи, было гнѣздо революціонеровъ. Невидимая рука какого-то „Владиміра Николаевича", дирижировавшая погромомъ, оставила себѣ этотъ домъ на кровавый дессертъ...

Если вамъ, таинственный Владиміръ Николаевичъ, попадутся какъ-нибудь невзначай эти строки, то знайте: будетъ время, когда возставшій народъ сниметъ и съ васъ вашу шапку-невидимку и вамъ придется объясниться по поводу этого „дессерта"!...

Къ восьми вечера погромъ совершенно стихъ.

Въ больничныхъ палатахъ пахло разлагающимся мясомъ и іодоформомъ, слышны были стоны и бредъ больныхъ. Большинство больничнаго персонала спало. Я, еще съ нѣкоторыми дежурными, остался на ночное дежурство. Мы сновали, какъ тѣни, среди коекъ въ полутемныхъ палатахъ, вполголоса шептались съ больными, еще не потерявшими сознанія, и обмѣнивались другъ съ другомъ дневными впечатлѣніями.

Было уже около полуночи, когда я зашелъ въ кухню для того, чтобы налить изъ водопроводнаго крана воды для больного. Наливая воду, я разсѣянно смотрѣлъ въ окно и вдругъ замѣтилъ, что окно окрашено въ какой-то странный цвѣтъ: оно было не темнаго цвѣта, а какого-то багрово-бураго. Я повернулъ электрическую кнопку и потушилъ электричество. Въ окнѣ виднѣлась на близкомъ, страшно-близкомъ разстояніи, цѣлая стѣна пламени, окутаннаго густымъ дымомъ... У меня душа замерла; я опрометью бросился въ корридоръ. Взявъ подъ руку фельдшера, я привелъ его къ окну. Окно выходило во дворъ больницы. Сейчасъ же за противоположнымъ заборомъ двора виднѣлось пламя; бѣлая колокольня церкви служила ему экраномъ и увеличивала пламя до громадныхъ размѣровъ. Мы вышли въ корридоръ и подошли къ другимъ окнамъ: и тамъ, въ двухъ мѣстахъ виднѣлось зарево пожара, но уже съ другихъ сторонъ и въ значительномъ отдаленіи. Дѣло было ясно. Хулиганы рѣшили увѣнчать погромъ грандіозными поджогами.

Предъ нами сталъ роковой вопросъ: что дѣлать, если пожаръ дойдетъ до больницы. У насъ на рукахъ было до тридцати раненыхъ, въ томъ числѣ были и смертельно-раненые. Въ случаѣ пожара надо было вынести ихъ во дворъ по узенькой и кру-

той лѣстничкѣ. Я съ нервной дрожью вспомнилъ, какъ я передъ вечеромъ тащилъ по этой лѣстницѣ нижній конецъ койки съ трупомъ только что умершаго, и какъ покойникъ слетѣлъ на меня, прижавшись своимъ холоднымъ и склизкимъ, зловоннымъ лицомъ ко мнѣ и болтая въ воздухѣ окаменѣвшими руками.

Мы рѣшили не будить сестеръ и прочій персоналъ до рѣшительнаго момента и стали вдвоемъ обсуждать положеніе. Въ нѣсколько минутъ мы выработали планъ дѣйствій. Мы рѣшили, если пожаръ перейдетъ на сосѣдній домъ, разбудить товарищей, привязать больныхъ около поясницы полотенцами къ койкамъ, укрыть ихъ всѣмъ имѣвшимся въ больницѣ бѣльемъ и платьемъ и вытащить такимъ образомъ въ глубину двора, гдѣ пламя не могло ихъ достигнуть. Принявъ это рѣшеніе, мы вдругъ почувствовали себя чрезвычайно хорошо: планъ дѣйствій былъ ясенъ, и намъ было даже какъ-то весело представлять себѣ фантастическую картину,—рядъ коекъ во дворѣ и самихъ себя въ бѣлыхъ халатахъ при свѣтѣ пламени со всѣхъ сторонъ...

Мы ушли въ палаты, но каждыя четверть часа подбѣгали къ окну въ кухню и съ тревогой глядѣли на пламя. Оно то увеличивалось, то уменьшалось, покамѣстъ въ 5 часовъ утра стало замѣтно потухать.

Изъ больныхъ, лежавшихъ въ моей палатѣ и скончавшихся на моихъ глазахъ, я считаю своимъ долгомъ помянуть трехъ самооборонцевъ, раненыхъ солдатскими пулями въ бою: *Андрея Брагина, Шапиро,* и *Самуила Шустерова.*

Андрей Брагинъ былъ молоденькій рабочій, соціалдемократъ, сапожный подмастерье, недавно только вступившій въ соціалдемократическую организацію и нашедшій въ ея рядахъ преждевременную, но геройскую смерть. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, съ юношескимъ увлеченіемъ воспринимавшій святое слово соціализма. Двѣ пули прострѣлили ему животъ; онъ испытывалъ поэтому мучительную жажду, но ему можно было лишь изрѣдка давать ничтожные глотки воды,—ибо у него начиналось воспаленіе брюшины. Онъ страшно мучился и умоляющими глазами просилъ воды. Чтобы сколько-нибудь развлечь его, я читалъ ему старые номера „Начала“ и „Сына Отечества“. Выраженіе боли и страданія смѣнялось въ его глазахъ радостнымъ огонь-

комъ, когда я читалъ ему какую-нибудь особенно революціонную статью, и онъ перебивалъ чтеніе наивными и восторженными замѣчаніями. Но затѣмъ физическія страданія брали свое, глаза его заволакивались, и запекшіяся губы шептали: „воды, еще ложечку воды! Потомъ я больше не буду пить!“...

Шапиро былъ молодымъ человѣкомъ неизвѣстнаго званія и профессіи. Онъ безпрерывно бредилъ, и его крупная фигура неистово металась по кровати, еле удерживаемая фельдшерицей. Какъ говорятъ, онъ принадлежалъ къ самымъ низинамъ общества и при жизни его вѣчно видѣли во всевозможныхъ притонахъ. Въ бреду онъ принималъ ухаживавшихъ за нимъ сестеръ и фельдшерицъ за падшихъ женщинъ и осыпалъ ихъ страшнымъ сквернословіемъ...

И въ этомъ человѣкѣ, всю жизнь купавшемся въ грязи и развратѣ, передъ смертью, неизвѣстно подъ какимъ наитіемъ, загорѣлась искорка святого огня: онъ умеръ въ самооборонѣ, смертью героя!

Онъ былъ раненъ въ одномъ изъ двухъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на Провіантской улицѣ и прославившихся своею храбростью и ловкостью: одинъ изъ нихъ былъ отрядъ соціалистовъ-революціонеровъ, а другой составился изъ безпартійныхъ добровольцевъ, среди которыхъ былъ и Шапиро.

Я не могу, наконецъ, безъ глубокаго волненія вспомнить о смерти соціалиста-революціонера *Самуила Шустерова*, столяра по профессіи, оставившаго послѣ себя жену и двухъ дѣтей. Шустеровъ былъ раненъ двумя солдатскими пулями въ грудь и животъ, когда отрядъ, въ которомъ онъ состоялъ, отступалъ за уголъ улицы. Онъ упалъ на землю, держа револьверъ въ рукѣ. Къ нему подошелъ солдатъ и, грозя штыкомъ, потребовалъ револьверъ. Шустеровъ, лежа на землѣ, выпустилъ револьверъ изъ руки. Это воспоминаніе мучило его и не давало ему покоя. „Какъ *я—соціалистъ-революціонеръ*—отдалъ солдату оружіе!“—нѣсколько разъ восклицалъ онъ съ глубокой тоской.

Но еще болѣе трогательна была смерть Шустерова. Передъ смертью онъ испытывалъ страшныя мученія, но крѣпился и молчалъ, напрягая всѣ свои силы, чтобы преодолѣть страданія. И вдругъ, за полчаса передъ концомъ, когда лицо его было желто, какъ пергаментъ, и на немъ уже играла улыбка смерти,—Шустеровъ запѣлъ, неестественно-громко и отчетливо... Со всѣхъ палатъ сбѣжались сестры и фельдшера; они просили его пере-

стать пѣть и поберечь свои послѣднія силы, но онъ, повидимому, ничего не слыхалъ. Громко и отчетливо выговаривая слово за словомъ, пропѣлъ онъ „Дубинушку“ и затѣмъ съ невыразимой тоской въ голосѣ затянулъ: „Доля моя долюшка, до чего ты, моя доля, меня до...“ и на этомъ слогѣ соціалистъ-революціонеръ Шустеровъ испустилъ духъ...

Я не буду вспоминать другихъ смертей, перечислять другихъ дорогихъ именъ, и нашихъ товарищей и чужихъ, и пусть не сѣтуютъ за это на меня товарищи: борьба еще не окончена, и не намъ спѣшить подводить ея полный кровавый итогъ.

VIII.

Послѣ погрома.

Во вторникъ вечеромъ я вышелъ изъ больницы. Жизнь понемногу входила въ свою колею. Начали уже хоронить жертвы погрома, и въ городѣ царило специфически-„еврейское“ настроеніе: то настроеніе, когда вѣчный народъ припадаетъ головою къ своимъ старымъ кладбищамъ и ему чудится, что „многія поколѣнія его предковъ, загубленныхъ и замученныхъ на всѣхъ перекресткахъ человѣческой исторіи, откликаются ему замогильнымъ эхомъ“ *).

Новости и разсказы, одинъ другого печальнѣе и мрачнѣе, переходили изъ устъ въ уста. Недосчитывались то того, то другого товарища. Особеннымъ ударомъ было извѣстіе о смерти Іосифа Брука (Іоськи Амурскаго). Онъ былъ убитъ уже послѣ погрома. Въ воскресенье вечеромъ, видя, что въ самооборонѣ ему уже дѣлать нечего, онъ, безъ оружія, возвращался къ себѣ домой, въ предмѣстье Амуръ. На мосту черезъ Днѣпръ его встрѣтила шайка хулигановъ и, звѣрски надругавшись надъ нимъ, бросили его въ Днѣпръ... Такъ погибъ этотъ мужественный и благородный юноша, котораго никогда не забудетъ никто изъ насъ, видѣвшихъ, какъ геройски боролся онъ въ послѣдніе дни своей жизни.

Трупъ Іосифа никакъ нельзя было разыскать. Полупомѣшанная отъ горя, мать бродила по берегамъ Днѣпра, совѣтовалась съ гадалками, но никакъ не могла разыскать тѣло своего сына... Лишь недѣли три спустя его трупъ нашелся въ одной деревнѣ,

*) См. „Возрожденіе“, 1904 г., Парижъ, ст. „Погромныя перспективы и задачи народной самозащиты“

верстахъ въ 10 отъ города, куда его, вмѣстѣ съ другими трупами, занесло сильное въ этихъ мѣстахъ теченіе Днѣпра...

Въ городѣ было какъ-то жутко и сиротливо. Газетъ все еще не было, но изъ другихъ городовъ доносились какіе-то смутные и зловѣщіе слухи. Реальные страхи и опасности исчезли, но въ воздухѣ носились фантастическіе слухи о фантастическихъ опасностяхъ. Говорили о будто бы готовящемся избіеніи интеллигентовъ. Интеллигенція, дѣйствительно, въ паникѣ разбѣгалась. Мои нервы не выдержали, и я рѣшилъ во что бы то ни стало уѣхать изъ города, чтобы вырваться изъ гнетущей атмосферы Екатеринослава. Я поѣхалъ съ одного кладбища на другое.

Я съ товарищемъ Александромъ сѣлъ въ поѣздъ. И когда поѣздъ тронулся и загромыхалъ по рельсамъ, то мы оба облегченно вздохнули: мѣрный звукъ колесъ какъ будто бы разрывалъ на части нашъ душевный кошмаръ и въ голову начинали приходить простыя, обыкновенныя и спокойныя мысли. Но вотъ съ боковыхъ станцій начали подсаживаться евреи изъ разныхъ городковъ и мѣстечекъ екатеринославской губерніи. Они передавали намъ все новые и новые ужасы. Въ Юзовкѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ было брошено въ доменныя печи, въ другихъ селахъ и мѣстечкахъ десятки еврейскихъ труповъ валяются неприбранными на улицахъ. Мы начали смутно догадываться о размѣрахъ нашего народнаго несчастья. Но вотъ мы пріѣхали на станцію Знаменку и получили свѣжіе номера петербургскихъ газетъ.

Какъ сейчасъ помню широкіе листы „Руси“, которые дрожали у меня въ рукахъ. Длинные столбцы петита состояли изъ десятковъ корреспонденцій о погромахъ. И въ этомъ петитѣ мелькали безчисленныя цыфры убитыхъ, раненыхъ, изнасилованныхъ. Мы Насчитали 67 погромовъ! Бумага выпала изъ моихъ рукъ: сквозь газетные столбцы сочилась кровь...

Я окончилъ свои воспоминанія. И теперь, когда все мое существо полно этими горестными воспоминаніями, когда мнѣ кажется, что вѣтеръ Революціи шелеститъ этими страницами, — я хочу выдѣлить изъ хаоса мыслей и чувствъ, разбуженныхъ ими, одно чувство, одно душевное стремленіе, властный голосъ котораго заглушаетъ всѣ другія.

„Пусть мертвые живутъ среди живыхъ!“

Не помню, гдѣ и по какому поводу какой-то французскій поэтъ бросилъ это прекрасное, полное глубокого смысла пожеланіе. Но именно оно, какъ нельзя болѣе полно и гармонично, выражаетъ мое теперешнее настроеніе.

Всѣмъ, кто видѣлъ послѣдній огонекъ потухающей жизни въ глазахъ умирающаго товарища, кто ощущаетъ еще въ своей рукѣ прикосновеніе его холодѣющей, судорожно подергивающейся руки, въ чьихъ ушахъ еще звучитъ послѣдній звукъ его голоса,—всѣмъ намъ я желалъ бы удержать въ своей памяти эти чувства до великаго часа послѣдней борьбы, до великаго часа побѣды! Что говорилъ послѣдній проблескъ ихъ сознательной мысли, боровшейся съ надвигавшимся мракомъ небытія? Что говорила послѣдняя конвульсія ихъ еле-пульсирующей жизни, послѣднимъ страстнымъ усиліемъ рвавшейся изъ лещяныхъ объятій смерти?—Они говорили о мести, которою *мы* отомстимъ, они говорили о ненависти, которою *мы* возненавидимъ проклятое кровожадное чудовище!..

Вы слышите, читатель, какъ притаилось это чудовище, какъ оно караулитъ насъ изъ-за каждаго угла, какъ оно прислушивается къ каждому біенію нашего сердца, каждому звуку нашего голоса, каждому смѣлому движенію нашему?

Такъ пусть же наша любовь къ страждущему человѣчеству,—этотъ двуликій Янусъ революціонера,—обернется своимъ другимъ ликомъ, пылающимъ злобой и яростью къ его врагамъ, къ гасителямъ жизни и свѣта!

Такъ пусть же мертвые живутъ среди живыхъ!...

В. Дальманъ.

Октябрь 1906 г.

Матеріалы
къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія.

I. Къ исторіи Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи.

Въ сентябрѣ 1903 года въ одномъ изъ городовъ юго-западнаго края состоялось совѣщаніе представителей различныхъ еврейскихъ общественныхъ теченій, имѣвшее большое значеніе въ развитіи послѣднихъ. Мы говоримъ о той конференціи, которая рѣшила издавать „органъ еврейской революціонной мысли „Возрожденіе.“ Просматривая теперь брошюру: „Отчетъ конференціи „Возрожденія,“ [1]) передающую, къ сожалѣнію, очень неполно содержаніе преній,—мы безъ труда замѣчаемъ тамъ въ рѣчахъ различныхъ участниковъ конференціи тѣ элементы мысли и настроенія, которыя впослѣдствіи получили свое законченное выраженіе въ ,,Сіонистско-Соціалистической Рабочей Партіи“ и ,,Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи,“ сдѣлавшихъ вмѣстѣ свои первые шаги въ еврейскомъ пролетаріатѣ и столь рѣзко разошедшихся впослѣдствіи.

Составъ участниковъ этой конференціи былъ до чрезвычайности пестрый: въ небольшомъ числѣ (на конференціи было всего около 15 человѣкъ) тамъ были представлены чуть-ли не всѣ общественныя теченія въ еврействѣ, отъ кающагося ассимилятора соціалиста-революціонера и до сіониста-революціонера. Въ общемъ конференція эта, по выраженію составителя ,,Отчета“, явилась результатомъ ,,интерференціи двухъ волнъ“: національно-революціонной и національно-соціалистической, шедшихъ отъ сіонизма, и ассимиляторско-соціалистической.

Неопредѣленность соціально-политической программы, къ выработкѣ которой стремилась конференція, и противорѣчивость отдѣльныхъ, боровшихся въ ней стремленій какъ нельзя болѣе ярко выразились въ вводномъ рефератѣ одного изъ организаторовъ конференціи, подъ названіемъ: ,,Куда мы идемъ?“ Рефератъ этотъ подвергся энергичной критикѣ со всѣхъ сторонъ. Приводимъ его въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ брошюрѣ:

„Основная ошибка сіонизма заключается, по мнѣнію референта, въ томъ, что онъ выставилъ слишкомъ конкретный идеалъ автономной жизни на собственной территоріи. Считая непосредственное осуществленіе этого идеала ближайшей задачей еврейской массы, которая должна затемнять всѣ другія наши задачи въ діаспорѣ (борьбу за гражданскія и національныя права, классовую борьбу и т. д.),—сіонисты совершенно упускали изъ виду, что—наряду съ безспорно существующими силами и тенденціями для основанія въ ближайшемъ будущемъ автономнаго общества на собственной территоріи—существуютъ еще другія тенденціи, другія силы, ведущія къ осуществленію цѣлаго ряда менѣе конкретныхъ національныхъ автономій въ діаспорѣ. Въ своемъ бѣгломъ обзорѣ сіонистскаго движенія референтъ, между прочимъ, указалъ на два кризиса, быстро слѣдовавшіе другъ за другомъ въ міросозерцаніи сіонистской

---

[1]) Лондонъ, 1904 г.

интеллигенціи. Выбравшись изъ затхлой духовной атмосферы „гетто“ съ ея подавленностью и умственнымъ убожествомъ, еврейская интеллигенція увлеклась „общечеловѣческими“ идеалами, какъ она тогда думала, въ дѣйствительности же она прониклась задачами русской или польской передовой молодежи. Но печальныя событія еврейской дѣйствительности, вмѣстѣ съ выступившимъ на историческую арену сіонистскимъ движеніемъ, заставили ее очнуться, и тогда наша кающаяся интеллигенція послѣ мучительнаго кризиса отдѣлалась отъ того космополитическаго кошмара, который навела на нее безпочвенность и некультурность еврейскаго народа, и съ пыломъ, характернымъ для нея, она ухватилась за яркій идеалъ возрожденія еврейской націи.

Скоро, однако, и сіонизмъ доказалъ, что онъ не можетъ оправдать всѣхъ надеждъ, которыя на него возлагала еврейская интеллигенція. Несмотря на серьезность формулированнаго сіонизмомъ національнаго идеала и на обаятельность радикальнаго рѣшенія еврейскаго вопроса, предлагаемаго имъ, онъ страдаетъ существенными дефектами, которые должны были отталкивать отъ него еврейскую интеллигенцію. Скудость и убожество его теоретической формулировки, шаткость и утопичность средствъ, долженствовавшихъ вести къ торжеству сіонистскаго идеала, реакціонная практика сіонистскаго движенія, вытекавшая изъ тактики компромиссовъ, преобладаніе въ сіонистской организаціи мелкой буржуазіи, изгонявшей изъ нея всякую прогрессивную мысль и придавшей такой реакціонный видъ сіонистскому движенію и,—самое главное, —чрезмѣрное увлеченіе отдаленными идеалами будущаго, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ полное игнорированіе задачъ, вытекавшихъ для еврейскаго народа изъ его положенія среди другихъ народовъ,—все это, вмѣстѣ взятое, заставило передовую сіонистскую интеллигенцію приступить къ переоцѣнкѣ своего національнаго идеала и вызвало въ ней тѣ идейныя шатанія, которыя представляютъ въ настоящее время ея отличительную черту. Подводя итогъ своей критикѣ сіонизма, референтъ формулировалъ дефекты политическаго сіонизма въ слѣдующихъ тезисахъ:

1. Современный политич. сіонизмъ не выработалъ никакой цѣльной идеологіи и нуждается еще въ объективно-научномъ обоснованіи.

2. Сомнительно, чтобы сіонизмъ въ ближайшемъ будущемъ былъ отвѣтомъ для большинства еврейской массы, а какъ частичное рѣшеніе вопроса онъ теряетъ свое обаяніе.

3. Практическія орудія сіонистскаго движенія не даютъ достаточныхъ гарантій успѣха, они предполагаютъ скорѣе вѣру, чѣмъ убѣжденіе.

4. Существуетъ непримиримое противорѣчіе межлу конечнымъ идеаломъ сіонизма и его Gegenwartsprogramm. На практикѣ создается двойственность психологіи и отношеній.

5. Современный мелкобуржуазный фазисъ сіонизма отталкиваетъ своими формами и тормозитъ развитіе движенія.

Переходя затѣмъ къ критикѣ другого политическаго движенія въ еврействѣ, къ Бунду, референтъ указалъ на его основные дефекты, которые не даютъ болѣе дальновидной интеллигенціи возможности примкнуть къ нему на почвѣ совмѣстной дѣятельности и, такъ же, какъ и въ сіонизмѣ приводятъ лучшихъ представителей его къ умственной смутѣ, порождающей пессимизмъ и чувство неудовлетворенности своей практической дѣятельностью. Бундъ страдаетъ своей безличностью. Несмотря на политическую самостоятельность своей организаціи и на, не совсѣмъ удобный для него, идеалъ національной автономіи,—а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этихъ аксессуаровъ,—онъ съ чрезвычайной некритичностью перенесъ въ объясненіе различныхъ вопросовъ еврейской дѣйствительности политическую и экономическую схему эволюціи обществъ, сложившихся и развивающихся въ совершенно иной соціальной средѣ. Отсюда произошло не выдерживающее критики отождествленіе еврейскаго рабочаго вопроса съ рабочимъ вопросомъ свободныхъ и господствующихъ націй и полное игнорированіе національныхъ интересовъ еврейскихъ трудящихся массъ. Свою критику Бунда референтъ резюмировалъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Б. принялъ общую схему пролетаризаціи народныхъ массъ безъ ея провѣрки для еврейской массы, исторически живущей при исключительныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ.

2. Вытекающее отсюда пролетарски-классовое рѣшеніе всѣхъ жизненныхъ вопросовъ еврейскихъ трудящихся массъ не имѣетъ мѣста въ нашей дѣйствительности.

3. Практическая программа Б. страдаетъ игнорированіемъ ближайшихъ задачъ ради отдаленной конечной цѣли.

4. На практикѣ Б. все еще проникнутъ ассимиляціонными вѣяніями, чѣмъ онъ тормозитъ наше національное развитіе.

5. Въ своихъ отношеніяхъ къ сіонизму Б. проявляетъ слишкомъ мало объективности и продуманности и удѣляетъ слишкомъ много мѣста нелитературной, некорректной полемикѣ, затемняющей вопросъ и обостряющей наши взаимныя отношенія во вредъ дѣлу.

Исходя изъ критики сіонизма и Бунда, референтъ указалъ на главный принципъ, который долженъ лечь въ основу программы новой политической партіи, желающей отвѣтить на всѣ потребности еврейской массы. По его мнѣнію, такимъ принципомъ является принципъ *автономизма*. Для нѣкоторой части еврейскаго народа этотъ принципъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ начнетъ воплощаться въ конкретныя формы самостоятельной жизни на собственной территоріи. Для остальной же части еврейскаго народа территоріальное рѣшеніе вопроса есть идеалъ далекаго будущаго, и автономизмъ, поэтому, послужитъ лишь регулятивнымъ принципомъ въ борьбѣ за максимумъ національныхъ правъ, полученіе которыхъ возможно въ діаспорѣ. Изъ такой формулы разрѣшенія еврейскаго вопроса вытекаетъ какъ положительное отношеніе къ сіонистическому идеалу, если выдѣлить изъ него его утопическіе элементы, такъ и отрицательное отношеніе къ реакціонной его тактикѣ, заключающейся въ проповѣди индифферентизма ко всякой прогрессивной практической работѣ на мѣстѣ. Съ другой же стороны, указаннымъ принципомъ національный еврейскій вопросъ ставится какъ самостоятельная проблема, изъ чего вытекаетъ отрицательное отношеніе ко всѣмъ партіямъ, игнорирующимъ въ большей или меньшей степени прогрессивное значеніе національнаго фактора въ исторіи."

Рефератъ встрѣтилъ сильную оппозицію. *Оппонентъ А.* началъ съ указанія, что неувѣренность въ томъ, представляетъ ли сіонизмъ полное или только частичное рѣшеніе еврейскаго вопроса, создаетъ такое психологическое настроеніе, при которомъ рѣчи не можетъ быть о составленіи программы для политической партіи: „разумная вѣра создаетъ какъ партіи такъ и партійныхъ людей." По мнѣнію оппонента сіонизмъ даетъ не только качественное, но и количественное рѣшеніе еврейскаго вопроса. Не нужно забывать, что чартеръ, котораго добиваются сіонисты, представляетъ такой политическій минимумъ давленія, о которомъ не мечтаютъ евреи даже въ самыхъ свободныхъ странахъ. Чартеръ представляетъ для эмигрантовъ гарантію болѣе полной свободы дѣйствій и кромѣ того значительно расширяетъ рынокъ для приложенія всякаго рода труда. Понятно, что это обстоятельство усилитъ въ значительной степени эмиграціонный потокъ. Кромѣ того, шестой конгрессъ доказалъ, что сіонисты намѣрены примѣнять наиболѣе совершенныя съ экономической и технической стороны системы колонизаціи (кооперативныя поселенія Оппенгеймера, которыми исключается крупное землевладѣніе, дѣлающее невозможнымъ болѣе плотное заселеніе, при сохраненіи въ надлежащихъ размѣрахъ крупнаго товарищескаго производства). Наконецъ, сіонистское движеніе сумѣло привить еврейскому народу мысль, что концентрація эмиграціи на собственной территоріи должна представлять его жизненную задачу, что отъ этого зависитъ его „быть или не быть," и создало такія организаціи, которыя, вмѣстѣ съ указаннымъ психологическимъ факторомъ, дадутъ сіонизму возможность мобилизировать массу интеллигентныхъ и финансовыхъ силъ и концентрировать ихъ на своей колонизаціи.

Что касается другихъ силъ и тенденцій въ еврейскомъ народѣ, то онѣ имѣютъ, по мнѣнію оппонента, не только антинаціональный, но и тѣсно связанный съ нимъ антисоціалистическій характеръ. Для еврейской массы въ

діаспорѣ не существуетъ ни національнаго ни соціалистическаго идеала, который ей придется осуществить. Національная автономія безъ территоріи представляетъ для евреевъ понятіе безъ содержанія, политическое требованіе безъ реальнаго базиса, и можетъ только затемнить пробудившееся національное самосознаніе, ибо тѣ элементы національной жизни, которые сохранились въ еврейскомъ народѣ, какъ-то: языкъ, рудименты національнаго права и національныхъ общественныхъ учрежденій, являются наслѣдіемъ безправія и голуса и должны исчезнуть при соприкосновеніи съ политическими и культурными формами жизни сосѣднихъ съ нимъ болѣе сильныхъ народовъ. Національная проблема еврейской націи тѣмъ и отличается отъ національной проблемы другихъ угнетенныхъ націй, что первымъ пунктомъ ея должна явиться концентрація разсѣяннаго народа на опредѣленной территоріи, и потому всѣ національныя требованія, игнорирующія эту первую задачу, забѣгаютъ впередъ и представляютъ воздушныя созданія, пережитки талмудической пилпулистики. Кромѣ того, выставленіе національной автономіи, какъ идеала для еврейскихъ трудящихся массъ въ діаспорѣ, представляетъ крупную ошибку въ прогнозѣ еврейской дѣйствительности, и по тому одному партія, выставляющая изъ оппортунизма этотъ „идеалъ“, окажется позади дѣйствительности, и еврейскій народъ пройдетъ черезъ нее. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи національной экономики и политики, національная культура теряетъ свой жизненный нервъ и представляетъ только хранилище болѣе или менѣе глубокихъ переживаній былого національнаго величія. Это и случилось у нѣмецкихъ евреевъ, весь націонализмъ которыхъ выразился въ созданіи т. н. „еврейской науки“, т. е. въ воздвиженіи памятника народу-мертвецу. О такомъ памятникѣ или суррогатѣ національной жизни у русскихъ евреевъ начали мечтать съ шестидесятыхъ годовъ, и несмотря на то, что эти бальзамировщики еврейскаго народа въ настоящее время потеряли всякое вліяніе на народныя массы, ихъ голоса тамъ и сямъ прорываются въ лицѣ Дубнова и вообще „восходовцевъ“ и находятъ свое эхо въ теоріи и дѣятельности Ахадъ-Гаама. Идеаломъ въ діаспорѣ можетъ служить только ассимиляція, т. е. переживаніе русской культуры, какъ идеологія, лучше всего соотвѣтствующая той экономической функціи, которую евреямъ предстоитъ выполнять по достиженіи равноправія.

Тенденцію же экономическаго развитія евреевъ въ Россіи легко начертать по аналогіи съ завершившимися экономическимъ развитіемъ евреевъ въ западныхъ государствахъ и съ зачатками сходной эволюціи въ лондонскомъ и американскомъ гетто. Уклоненія могутъ быть только количественныя, но не качественныя. По достиженіи равноправія буржуазныя профессіи, начиная съ финансовыхъ до чисто интеллектуальныхъ представятъ для евреевъ, какъ народа городскихъ жителей, путь наименьшаго сопротивленія. Не выдерживая конкуренціи въ области физическаго труда, они становятся тѣмъ необходимѣе въ области умственнаго труда. О будущемъ развитіи среди евреевъ соціализма можно стало быть говорить постольку, поскольку у нихъ развитъ интересъ къ умственному труду и властно прорываются чувство міровой скорби и стремленіе денаціонализировать весь міръ. Эти психологическіе факторы вытекаютъ изъ сознанія рабскаго положенія еврейской націи. Однимъ словомъ, еврейскій народъ представитъ благодарную почву для выдѣленія соціалистовъ—интеллигентовъ, но ни въ коемъ случаѣ для образованія еврейской соціалистической арміи. Причина кроется въ отсутствіи экономическаго базиса для развитія соціализма, точно такъ же, какъ его нѣтъ въ современномъ еврейскомъ соціалистическомъ движеніи. Не слѣдуетъ забывать, что еврейскій пролетарій представляетъ далеко не равноцѣнный пролетаріямъ нормальныхъ націй элементъ въ соціалистическомъ движеніи.

Въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ еврейскій пролетаріатъ занятъ въ данное время, онъ не можетъ стать истиннымъ носителемъ соціализма.

Еврейскій соціализмъ, въ противоположность германскому и даже русскому, скорѣе теоретическій, взятый больше изъ книгъ, чѣмъ изъ дѣйствительности. Главный контингентъ еврейской соціалистической арміи представляютъ подмастерья, которые не имѣютъ конкретнаго представленія о сконцентриро-

званныхъ средствахъ производства и потому не видятъ такого рѣзкаго противорѣчія между обобществленнымъ производствомъ и частной собственностью; они фактически не могутъ еще такъ сильно сознавать ни излишней экономической функціи мастера или предпринимателя-купца, ни такой великой соціальной пропасти между собою и хозяиномъ, какую сознаютъ, напримѣръ, рабочіе крупновскихъ заводовъ. Соціализмъ распространяется такъ легко среди еврейской трудящейся массы, благодаря ея развитымъ умственнымъ способностямъ, и укрѣпляется на почвѣ революціоннаго чувства, имѣющаго свои глубокіе корни въ безправномъ положеніи еврейскаго народа и проникающаго его въ большей или меньшей степени съ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ слоевъ. Съ сверженіемъ самодержавія и полученіемъ равноправія исчезнетъ главнѣйшій источникъ еврейскаго соціализма—революціонное чувство. Ассимиляція и ея оборотная сторона—русскій буржуазный патріотизмъ—съ поддакиваніемъ утилитаризму филосемитовъ, вродѣ Южакова, Субботина и т. д., станутъ господствующей идеологіей еврейскаго народа. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что такъ называемая Gegenwartsprogramm въ лучшемъ случаѣ получаетъ значеніе палліатива безъ широкихъ общенаціональныхъ идеаловъ и не измѣняетъ ненормальной экономической структуры еврейскаго народа—главнаго источника его страданій; потому что эта ненормальная структура находится въ тѣсной зависимости съ его ненормальной національной жизнью. Съ другой стороны, такимъ образомъ устанавливается унія между сіонизмомъ и всемірнымъ соціализмомъ, потому что это національное движеніе есть ничто иное, какъ обращеніе народа капиталистическаго par excellence къ производительному труду посредствомъ совершенныхъ политическихъ и экономическихъ организацій, или, другими словами,—сіонизмъ есть реализація соціализма въ еврейскомъ народѣ".

„Оппонентъ А. Всѣ указанныя... національныя требованія, за которыя евреямъ якобы слѣдуетъ бороться, въ сущности не носятъ національнаго характера.

За проявленіе нашихъ національныхъ особенностей насъ не преслѣдуютъ, потому что всѣ сознаютъ, что имп не культивируются болѣе реальныя національныя требованія. Германцы не могутъ равнодушно смотрѣть на свободу польскаго языка, потому что она служитъ опаснымъ предвѣстникомъ свободы Польши. Русское самодержавіе прекрасно понимаетъ, что при свободѣ жаргона у евреевъ не возникнетъ мысль объ отдѣленіи Литвы, и потому оно не преслѣдуетъ жаргонъ, а общее образованіе, преподносимое на этомъ языкѣ. По этой причинѣ намъ свободно позволяютъ устраивать хедера, но запрещаютъ имѣть свои собственныя гимназіи, потому что прекрасно понимаютъ, что въ еврейскихъ гимназіяхъ на первомъ планѣ будутъ стоять русскіе предметы. Раввинскій институтъ могъ бы и понынѣ процвѣтать, если бы его воспитанники удовольствовались изученіемъ еврейской науки. Съ другой стороны, евреи вовсе не дорожатъ здѣсь національными формами жизни, и сами первые отдѣлались бы отъ нихъ, еслибъ имъ не былъ загражденъ путь къ національнымъ формамъ жизни коренного населенія.

Что же касается борьбы за самоуправленіе, то наврядъ ли возможно будетъ когда бы то ни было говорить о еврейскомъ губернскомъ или городскомъ самоуправленіи, не говоря уже о національной автономіи, ибо даже въ настоящее время, при громадной скученности еврейскаго населенія въ чертѣ, евреи Могилевской губерніи представляютъ 10—12% коренного населенія, а Могилевская, какъ извѣстно, самая населенная евреями губернія. Борьба же за равноправіе уже по одному тому не можетъ быть названа національной, что *всякое стремленіе стать болѣе тѣсной интегральной частью какого-нибудь государственнаго организма въ діаспорѣ усиливаетъ только пропасть между отдѣльными группами евреевъ. Вообще, по моему глубокому убѣжденію, всякая политическая дѣятельность, не направленная на концентрацію евреевъ, носитъ неизбѣжно при настоящемъ положеніи нашего народа антинаціональный характеръ* (нашъ курсивъ)"*).

*) Подъ „концентраціей евреевъ" ораторъ разумѣлъ исключительно *колонизаціонную* дѣятельность.

Наряду съ этими эклектическими точками зрѣнія, выраженными въ цитированныхъ нами рефератѣ и рѣчахъ „оппонента А.“,—воззрѣнія котораго замѣчательны тѣмъ, что его эклектизмъ есть эклектизмъ *принципіальный*, исходящій изъ послѣдовательнаго признанія наличности противорѣчивыхъ, исключающихъ одна другую тенденцій въ самой еврейской дѣйствительности,—на конференціи была выражена и третья точка зрѣнія, монистически разсматривавшая основныя тенденціи еврейской дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія равнодѣйствующая различныхъ тенденцій еврейской національной жизни ведетъ къ національному *возрожденію* еврейскаго народа и, опираясь на эту тенденцію, приверженцы даннаго воззрѣнія стремились выработать монистическую, строго согласованную въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ національную программу, способную вызвать къ жизни максимумъ еврейской національной энергіи и поставить текущія задачи національнаго движенія въ діаспорѣ и территоріализмъ въ отношеніе программы-максимумъ къ программѣ-минимумъ. Но этотъ синтезъ достигался сторонниками этой точки зрѣнія лишь путемъ самыхъ общихъ, абстрактныхъ соображеній, лишенныхъ того реальнаго соціально-политическаго содержанія, которое было вложено въ нихъ впослѣдствіи программой національно-политической автономіи, впервые выставленной Е. С. Р. П.

Авторъ реферата „Куда мы идемъ?“ выставлялъ, правда, въ своей программѣ принципъ автономизма, но сущность этого принципа, какъ съ формальной, такъ и съ реальной стороны, была у него весьма неопредѣленна. „Есть непроходимая пропасть,—говорилъ онъ въ своемъ заключительномъ словѣ,—между *автономизмомъ*, т. е. принципомъ, долженствующимъ регулировать нашу локальную политику и включающимъ въ себѣ, какъ конечный національный *идеалъ*, территоріальную автономію, — и *автономіей* (хотя бы и бундовской), выдвигаемой, какъ *идеалъ въ діаспорѣ*“.

Что касается общей теоретической точки зрѣнія, то представители сіонистско-соціалистическихъ рабочихъ организацій и „Cheyruth'a“ стояли въ то время на точкѣ зрѣнія болѣе или менѣе широко и самостоятельно интерпретируемаго *историческаго матеріализма*, но наряду съ ними развивались и иныя соціологическія воззрѣнія, болѣе или менѣе сходныя съ воззрѣніями *русской субъективной школы въ соціологіи*. Значительный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи прочитанный на конференціи рефератъ на тему: „Классы и націи съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность.“ Многія изъ воззрѣній, высказанныхъ въ этомъ рефератѣ, получили впослѣдствіи дальнѣйшее развитіе на страницахъ „Возрожденія“.

Приводимъ этотъ рефератъ цѣликомъ, по его изложенію въ „Отчетѣ“:

„Формально сходясь съ творцомъ теоріи „борьбы за индивидуальность“, Михайловскимъ, въ выдвиганіи имъ этого фактора, какъ могучаго движущаго стимула соціальной жизни, референтъ, однако, радикально расходится съ нимъ въ пониманіи того содержанія, которое нужно вкладывать въ это понятіе. По мнѣнію референта, Михайловскій подъ борьбой за индивидуальность понимаетъ борьбу за какой-то абстрактный біологическій типъ, за какія-то абстрагированныя и опредѣленнымъ образомъ скомбинированныя человѣческія черты, и отсюда вытекаетъ его безплодное требованіе окончательной однородности общества, полнѣйшей соціальной нивеллировки. Референтъ же понимаетъ борьбу за индивидуальность, какъ борьбу за конкретную, реальную человѣческую личность, а эта послѣдняя, поскольку она разсматривается съ единственно законной въ данномъ случаѣ соціологической точки зрѣнія, всецѣло является продуктомъ соціальной среды и, слѣдовательно, прогрессивное развитіе, усложненіе и дифференцированіе личности можетъ происходить лишь на почвѣ прогрессивнаго развитія, усложненія и дифференціаціи порождающей ее соціальной среды. Нивеллированіе же послѣдней неизбѣжно ведетъ за собой и обезцвѣчиваніе личности. Идеалъ однородности общества, который отстаиваетъ Михайловскій, основанъ, очевидно, на смѣшеніи двухъ рѣзко различныхъ явленій: дисгармоническаго развитія личности съ ея индивидуализаціей. Первое заключается въ усиленномъ, одностороннемъ развитіи однихъ способностей и подавленіи, атрофіи другихъ. Получаемая при такомъ крайне ненормальномъ, дисгармоническомъ процессѣ развитія разнородность общества

безспорно является слѣдствіемъ уродливыхъ условій соціальной жизни и, въ свою очередь, служитъ источникомъ общественныхъ аномалій. Индивидуализація же личности, наоборотъ, основана на самобытномъ, своеобразногармоническомъ синтезѣ въ данномъ субъектѣ различныхъ сторонъ человѣческой природы. Ярко выступающая оригинальность личности служитъ показателемъ не односторонности, а своеобразнаго богатства природы этой личности. Подобная оригинальность и самобытность можетъ возникать лишь на почвѣ богатой и сложной соціальной среды. Дѣйствительно, весь ходъ исторіи служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ того положенія, что возрастающая индивидуализація личности неизмѣнно сопровождаетъ процессъ прогрессивнаго соціальнаго развитія. Съ другой стороны, соціальный прогрессъ, въ свою очередь, обусловливается исключительно этой самой возрастающей индивидуализаціей личности, такъ какъ все содержаніе соціальной среды, въ концѣ концовъ, исчерпывается всецѣло той совокупностью индивидуальныхъ вкладовъ, которую Тардъ обобщилъ подъ общимъ названіемъ „открытій и изобрѣтеній," а цѣнность этихъ послѣднихъ опредѣляется исключительно степенью ихъ самобытности и оригинальности, что, въ послѣднемъ счетѣ, находится въ полной зависимости отъ степени индивидуализаціи личности въ данномъ обществѣ. Такимъ образомъ, соціальный прогрессъ и индивидуализація личности взаимно порождаютъ и обусловливаютъ другъ друга.

Каково же, однако, конкретное содержаніе борьбы за индивидуальность? Это борьба за исчерпывающія индивидуальность жизнь и развитіе, такъ какъ жизнь личности можетъ быть тѣмъ полнѣе и многообразнѣе, тѣмъ шире и сложнѣе, чѣмъ шире и глубже она проникаетъ и охватываетъ всѣ индивидуальныя самобытныя струны души человѣка. Въ соціологическомъ же смыслѣ, борьба за индивидуальность выражается въ борьбѣ за наиболѣе соотвѣтствующія индивидуализаціи формы соціальной жизни. Это, слѣдовательно, борьба противъ всякихъ стихійныхъ силъ, гнетущихъ и сковывающихъ личность, борьба противъ всякихъ тенденцій нивеллировать и обезцвѣтить ее, это именно борьба за всѣ тѣ условія, которыя способствуютъ самобытности, оригинальности личности, борьба за полный расцвѣтъ всѣхъ творческихъ силъ послѣдней—словомъ, это борьба за прогрессивное развитіе и обогащеніе жизни, за раскрытіе и обнаруженіе всѣхъ ея скрытыхъ потенціальныхъ возможностей.

Каково-же соотношеніе между борьбой за существованіе и борьбой за индивидуальность? Это соотношеніе формы и содержанія, такъ какъ реальное содержаніе борьбы за существованіе всегда заключается именно въ отстаиваніи своей индивидуальности. Степень же отстаиванія своей индивидуальности у человѣка соотвѣтствуетъ, съ одной стороны, степени индивидуализаціи личности въ данномъ обществѣ, а съ другой—степени власти его надъ стихійными силами, отъ которыхъ зависитъ его жизнь и развитіе. При слабомъ развитіи индивидуализаціи личности, слѣдовательно, при полной податливости послѣдней и при наибольшемъ господствѣ стихійныхъ силъ надъ человѣкомъ, онъ для отстаиванія основной формы своей индивидуальности, т. е. своего индивидуальнаго существованія, жертвуетъ содержаніемъ своей индивидуальности, всячески приспособляя послѣднюю къ этимъ стихійнымъ силамъ. По мѣрѣ же того, какъ индивидуальность все ярче проявляется, все рѣзче обозначается и, слѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ послѣдняя становится все болѣе упорной и неподатливой, и также по мѣрѣ того, какъ параллельно съ этимъ идетъ, все возрастая, господство человѣка надъ стихійными силами, онъ все менѣе становится способнымъ жертвовать содержаніемъ своей индивидуальности и все болѣе стремится приспособлять послѣдней эти стихійныя силы. Такимъ образомъ, тенденція историческаго развитія, поскольку она выражается въ возрастающей индивидуализаціи личности и „переходѣ отъ царства необходимости къ царству свободы"—съ объективной необходимостью ведетъ къ возрастающему заполненію формы борьбы за существованіе содержаніемъ борьбы за индивидуальность. Этимъ самымъ утверждается, что борьба за индивидуальность, какъ движущій факторъ соціальной жизни, имѣетъ тенденцію прогрессивно возрастать и что, такимъ образомъ, со временемъ этотъ факторъ долженъ стать доминирующимъ факторомъ историческаго процесса. Исходя отсюда, референтъ мытается опредѣлить сущность и историческую тенденцію раз-

витія классовъ и націй. Принципы классовый и національный, по мнѣнію референта, рѣзко различаются между собою. Выведеніе ихъ за одну общую скобку основано опять-таки на смѣшеніи понятій дисгармоническаго развитія и индивидуализаціи.

Получаемая при классовомъ подраздѣленіи общества, соціальная дифференціація является характернымъ выраженіемъ дисгармоническаго развитія со всѣми сопровождающими его условіями. Сущность классоваго принципа заключается всецѣло въ существованіи привилегій для однихъ общественныхъ группъ и ограниченій для другихъ. Такимъ образомъ, ограниченіе, суживаніе сферы соціальной жизни служитъ логической функціей понятія класса. Дѣйствительно, какъ ограниченія, такъ и привилегіи до уродливости суживаютъ формулу жизни данныхъ общественныхъ группъ и вносятъ въ соціальную среду элементы разложенія. Очевидно, что классовый принципъ общества является именно той стихійной, какъ бы извнѣ поставленной силой, къ которой личность, уродуя и коверкая себя, должна приспособлять свою индивидуальность, вмѣсто того, чтобы эти силы приспособлять себѣ. Національный же принципъ, наоборотъ, ничего общаго не имѣетъ съ привилегіями и ограниченіями, и, слѣдовательно, не суживаніе сферы соціальной жизни служитъ его началомъ. Національное подраздѣленіе общества основано на оригинальномъ, самобытномъ сочетаніи, на своеобразногармоническомъ синтезѣ всей совокупности элементовъ культурно-соціальной жизни у каждой отдѣльной націи. Само собой разумѣется, что чѣмъ богаче, сложнѣе и многообразнѣе становится культурно-соціальная жизнь данной націи, тѣмъ ярче выступаетъ у насъ своеобразіе сочетаній этихъ элементовъ и тѣмъ рельефнѣе обозначается его оригинальность и самобытность. Присоединяясь къ данному Милюковымъ и общему всѣмъ новѣйшимъ соціологамъ опредѣленію „соціальнаго", какъ психическаго взаимодѣйствія умовъ, референтъ смотритъ на національность какъ на своеобразно сложившіяся формы соціальной жизни, наиболѣе соотвѣтствующія успѣшному плодотворному психическому взаимодѣйствію всѣхъ индивидуальностей, входящихъ въ составъ данной національности. Безформенная, такъ называемая интернаціональная соціальная жизнь есть чистѣйшая абстракція. Вся соціальная жизнь неизмѣнно выливается въ національныя формы, и эти формы развиваются и усложняются вмѣстѣ съ развитіемъ и усложненіемъ самой соціальной жизни. Всякое взаимодѣйствіе между личностью и соціальной средой производится исключительно въ сферѣ національной. Слѣдовательно, личность является продуктомъ не какой-то абстрактной соціальной среды, а соціальной среды, вылившейся въ данную національную форму и, наоборотъ, личность способствуетъ развитію и наростанію не просто соціальной среды, а среды соціально-національной. Отсюда само собой вытекаетъ, что личность тѣмъ болѣе способна къ творческой дѣятельности, тѣмъ полнѣе въ состояніи проявлять свою индивидуальность, чѣмъ шире, полнѣе и свободнѣе тѣ національныя формы соціальной жизни, среди которыхъ она развивается, живетъ и творитъ. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что національныя условія нашего существованія представляются не тѣми стихійными условіями, къ которымъ личность должна приспособлять свою индивидуальность, а, наоборотъ, сами эти условія являются характернымъ выраженіемъ внутренней сущности индивидуальности. Слѣдовательно, поскольку борьба за индивидуальность выражается въ стремленіи къ уничтоженію этихъ стихійныхъ силъ, къ которымъ личность, суживая и уродуя себя, должна приспособляться, постольку она становится въ полное противорѣчіе съ принципомъ классовымъ и идетъ совершенно въ унисонъ съ принципомъ національнымъ. Эта тенденція довольно ясно намѣчается уже теперь въ современной жизни. По мѣрѣ того, какъ народныя массы активно вовлекаются въ соціальную жизнь, по мѣрѣ того, какъ послѣдняя, вслѣдствіе этого вовлеченія, все болѣе обогащается и усложняется, личность все сильнѣе и сильнѣе сталкивается лицомъ къ лицу съ застывшими, стихійными, сковывающими условіями классоваго общества, съ одной стороны, и несоотвѣтствіемъ современныхъ національныхъ формъ соціальной жизни съ самой этой соціальной жизнью—съ другой. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ въ чистый принципъ національнаго развитія врѣзываются клиномъ совершенно чуждые, противоположные ему принципы классоваго общества.

Эти послѣдніе или прямо суживаютъ національныя формы нашей жизни или же прикрѣпляютъ ихъ къ опредѣленнымъ, застывшимъ устоямъ. Первое имѣетъ мѣсто преимущественно по отношенію къ угнетеннымъ національностямъ, куда господствующія національности цѣликомъ пересадили основной классовый принципъ привилегій и ограниченій. Второе же наблюдается, главнымъ образомъ, у національностей господствующихъ. Привилегированные классы, отстаивающіе современный соціальный строй, всегда стремятся санкціонировать его священнымъ для народа національнымъ принципомъ и для этой цѣли отождествляютъ принципъ свободнаго національнаго развитія съ тѣми или иными конкретными устоями. Примѣромъ могутъ служить всѣ націоналистическія движенія господствующихъ классовъ вплоть до славянофильства включительно. Для нихъ націонализмъ является не формой развитія, содержаніе которой безконечно текуче, а какой-то опредѣленной, застывшей сущностью, подрывающей въ корнѣ всякую возможность свободнаго прогрессивнаго развитія. Но, очевидно, что мѣрѣ того, какъ жгучіе вопросы борьбы за существованіе будутъ терять свою остроту, и борьба за индивидуальность будетъ становиться наиболѣе властнымъ, движущимъ стимуломъ соціальной жизни, борьба за полное и свободное національное развитіе будетъ выступать все на первый планъ, становясь все рѣшительнѣе и непримиримѣе. Признавая, что націонализмъ является формой, въ которую неизмѣнно выливается вся соціальная жизнь, референтъ считаетъ безсмысленными теоретическія попытки отвести націонализму исключительно такъ называемыя чистокультурныя задачи. Борьба за національную свободу есть борьба за полное, всестороннее самобытное соціальное творчество.

Такимъ образомъ, „анализъ существующихъ историческихъ тенденцій“ приводитъ референта къ убѣжденію, что къ рѣшенію не только соціальнаго, но и національнаго вопросовъ ведетъ объективная историческая необходимость. Это рѣшеніе заключается въ уничтоженіи принципа классоваго и утвержденія принципа національнаго. „И тотъ день, когда эти вопросы будутъ рѣшены, заканчиваетъ референтъ свой докладъ, будетъ днемъ истиннаго торжества личности, величайшей побѣды индивидуальности“.

Изъ рефератовъ и дискуссій, слѣдовавшихъ за ними, выяснились какъ разногласія такъ и общія воззрѣнія, раздѣляемыя всѣми членами конференціи. Въ виду этого, можно было приступить къ выясненію своихъ отношеній къ различнымъ партіямъ, пытающимся такъ или иначе отвѣтить на жизненные вопросы еврейской массы. Конференція нашла возможнымъ, послѣ обмѣна мнѣній, фиксировать эти отношенія въ слѣдующихъ положеніяхъ.

При опредѣленіи нашихъ отношеній къ господствующимъ направленіямъ въ германской, польской и русской соціалдемократіи, мы должны принять во вниманіе ея слѣдующія характерныя черты:

1. Игнорированіе національной проблемы у угнетенныхъ національностей.

2. Упомянутая черта вытекаетъ изъ систематически грубаго толкованія историческаго матеріализма и невѣрно понятаго интернаціонализма; свою нравственную санкцію она получаетъ въ утилитарной этикѣ. Все это признаки соціализма господствующихъ націй.

Въ примѣненіи къ еврейскому народу эти общіе признаки принимаютъ конкретную форму слѣдующихъ воззрѣній:

1. Не существуетъ еврейской націи.

2. Евреи не имѣютъ права стремиться къ національной самостоятельности.

3. Утилитарный взглядъ на евреевъ, какъ на средство для тѣхъ народностей, среди которыхъ они живутъ.

Изъ этой характеристики вытекаютъ наши отношенія къ соціалистическимъ партіямъ:

1. Солидарность съ ними въ ихъ защитѣ политическихъ и экономическихъ интересовъ пролетаріата господствующихъ націй.

2. Борьба съ ними за ихъ отношеніе къ еврейскому національному вопросу, выражающееся въ проповѣди и поддержкѣ ассимиляціи.

Наше отношеніе къ Бунду вытекаетъ изъ слѣдующей его характеристики:

1. Бундъ недостаточно подчеркиваетъ различіе политическихъ и экономическихъ интересовъ еврейскихъ трудящихся массъ и русскаго пролетаріата и даетъ этому различію ложное, одностороннее историческое освѣщеніе. Это лишаетъ Бундъ возможности дать правильный историческій прогнозъ развитію еврейскихъ трудящихся массъ.

2. Бундъ не поставилъ еврейскаго вопроса, какъ самостоятельную національную проблему.

3. Бундъ не имѣетъ національнаго идеала.

4. Бундъ не даетъ себѣ отчета о конкретныхъ условіяхъ, нужныхъ для нормальной національной жизни и игнорируетъ историческія силы въ еврействѣ, ведущія къ такой нормальной жизни.

Отсюда вытекаетъ наше отношеніе къ Бунду:

1. Полная солидарность съ нимъ, поскольку онъ развиваетъ въ еврейской трудящейся массѣ политическое и классовое самосознаніе.

2. Борьба съ его воззрѣніями на національную проблему еврейскаго народа и пріемами рѣшенія еврейскаго вопроса.

Характеристика сіонизма:

1. Изъ отрицательной характеристики Бунда вытекаютъ всѣ положительныя черты сіонизма.

2. Сіонизмъ неправильно оцѣнилъ средства, ведущія къ достиженію цѣли.

3. Изъ этого вытекаетъ его реакціонная тактика, мѣшающая культурному развитію еврейской націи.

Этимъ обусловливается слѣдующее отношеніе къ сіонизму:

1. Борьба съ его реакціонной тактикой.

2. Содѣйствіе всѣми силами достиженію намѣченныхъ имъ идеаловъ.

Формулировкой этихъ резолюцій, принятыхъ, между прочимъ, единогласно, пришлось заключить теоретическую часть работы конференціи, такъ какъ времени для дальнѣйшихъ засѣданій осталось очень мало, а на очереди стоялъ еще цѣлый рядъ практическихъ вопроссвъ, изъ которыхъ важнѣйшими были вопросы: 1) объ изданіи періодическаго органа и 2) о съѣздѣ.

Объ органѣ.

Всѣми сознавалось, что приступить къ формулировкѣ положительныхъ тезисовъ, которые должны быть положены въ основу программы новой партіи, пока еще преждевременно, что этому должна еще предшествовать трудная и сложная работа коллективной мысли. Много принципіальныхъ вопросовъ осталось еще невыясненными, многое спорнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, стало ясно, что выработкой опредѣленнаго критическаго отношенія къ существующимъ у насъ партіямъ и программамъ конференція въ значительной степени расчистила почву для постройки зданія такой новой партіи и намѣтила тотъ путь, по которому должна слѣдовать дальнѣйшая теоретическая работа нашей мысли. Такимъ образомъ самимъ ходомъ вещей былъ выдвинутъ вопросъ не только объ издательствѣ Вольной Еврейской Прессы, но также объ изданіи нелегальнаго періодическаго органа, который способствовалъ бы дальнѣйшей теоретической разработкѣ общихъ взглядовъ конференціи и открылъ бы дискуссію по всѣмъ спорнымъ пунктамъ. При защитѣ этого предложенія, не встрѣтившаго, между прочимъ, никакихъ серьезныхъ возраженій, указывалось на то, что у конференціи достаточно общихъ мотивовъ, связывающихъ всѣхъ ея членовъ, и что разногласія, возникшія между послѣдними по тѣмъ или другимъ пунктамъ, не настолько уже велики, чтобы сдѣлать невозможнымъ ихъ совмѣстное сотрудничество въ одномъ органѣ. Съ другой же стороны, въ доказательство необходимости такого органа приводилось еще и то соображеніе, что не только въ общерусской нелегальной печати, но даже въ еврейской (бундовской), еврейскій вопросъ трактуется крайне поверхностно и односторонне, съ поразительнымъ незнаніемъ дѣла и полнымъ игнорированіемъ историческихъ судебъ еврейства. Отсутствіе серьезныхъ спеціальныхъ изслѣдованій по еврейскому вопросу осложняется у нихъ еще догматическимъ стремленіемъ втискивать

крайне своеобразную, неподдающуюся никакой общей готовой схемѣ еврейскую жизнь въ прокрустово ложе чужихъ формулъ и доктринъ.

Этими критическими замѣчаніями опредѣлялись, съ формальной стороны, общія задачи новаго органа. Главной же принципіальной его задачей признавалась, конечно, теоретическая, идейная подготовка будущаго съѣзда, на которомъ должно было быть положено основаніе новой партіи.

Когда же приступили къ выработкѣ спеціальныхъ инструкцій, которыми должна руководиться редакція этого органа, то единогласно было рѣшено, что она должна строго держаться общаго духа резолюцій, принятыхъ на конференціи, допуская дискуссіи лишь по тѣмъ пунктамъ, которые или совершенно не были затронуты конференціей, или признавались ею спорными.

Помимо же изданія періодическаго органа рѣшено было открыть при послѣднемъ спеціальное издательство отдѣльныхъ книгъ и брошюръ, при чемъ рамки этого издательства, по сравненію съ органомъ, рѣшено было значительно расширить: тамъ могутъ даже печататься вещи, расходящіяся со взглядами конференціи, но лишь проникнутыя національно-революціоннымъ духомъ.

Горячія пренія возбудилъ вопросъ о языкѣ, на которомъ долженъ издаваться первоначально органъ: на русскомъ или на жаргонѣ. Доводы въ пользу того и другого предложенія были настолько убѣдительны, что конференція, наконецъ, рѣшила приложить всѣ силы, чтобы издавать два органа: одинъ на русскомъ языкѣ подъ названіемъ „Возрожденіе“, а другой на жаргонѣ подъ названіемъ „Die Jüdiche Freiheit“.

О съѣздѣ.

Утвердительное рѣшеніе вопроса о созывѣ съѣзда было уже предвосхищено всѣми предыдущими рѣшеніями и, поэтому, предложеніе это было принято единогласно, безъ всякихъ преній.

Былъ поставленъ вопросъ о составѣ будущаго съѣзда. Рѣшено было, что, помимо членовъ конференціи, которая можетъ присутствовать на съѣздѣ въ полномъ своемъ составѣ, организаціонный комитетъ, который будетъ завѣдывать подготовкой съѣзда, можетъ, по своему усмотрѣнію, приглашать туда съ правомъ голоса новыхъ лицъ, какъ частныхъ, такъ и стоящихъ во главѣ тѣхъ или другихъ организацій.

Дальнѣйшая судьба направленій, представленныхъ на конференціи, не вполнѣ соотвѣтствовала принятымъ резолюціямъ. Изо всѣхъ резолюцій конференціи была осуществлена лишь резолюція относительно изданія органа, но и то не совсѣмъ въ согласіи съ первоначальными намѣреніями. Изъ среды членовъ конференціи были избраны двѣ комиссіи: технически-издательская и редакціонная, на которыхъ было возложено изданіе органа „Возрожденіе“, остальные же члены конференціи должны были оказывать техническое и литературное содѣйствіе органу. Надо замѣтить, что тѣ рабочія организаціи, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались „Сіон.-Соціалистич. Рабочая Партія“ и „Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія“, въ то время не были связаны между собой ни одинаковой программой, ни организаціонно, такъ что отношеніе этихъ организацій къ „Возрожденію“ было самое различное. Фактически случилось по различнымъ причинамъ, что все дѣло изданія органа пришлось нести на своихъ плечахъ группѣ, выдѣленной для этого конференціей.

Первый номеръ „Возрожденія“ (№ 1—2) появился заграницей въ апрѣлѣ 1904 года одновременно съ брошюрой: „Отчетъ конференціи „Возрожденія“, второй номеръ (№ 3—4) вышелъ въ Парижѣ осенью того же года, наконецъ, третій номеръ появился уже въ Россіи—въ Петербургѣ, въ концѣ 1905 года,— въ видѣ книги, съ подзаголовкомъ: „Пролетаріатъ и національная проблема“; „Jüdische Freiheit“, представляющее дословный переводъ № 1—2 „Возрожденія“, вышло лѣтомъ 1904 г.; наряду съ Россіей оно получило значительное распространеніе въ Галиціи.

Группа товарищей, взявшихся за изданіе „Возрожденія“, тѣмъ самымъ была отдѣлена во всѣхъ частяхъ своей работы (въ изданіи и распространеніи органа, въ агитаціи въ заграничныхъ колоніяхъ и т. д.) отъ остальныхъ товарищей, участвовавшихъ въ конференціи, большинство которыхъ занялось

работой въ массѣ. Такимъ образомъ „возрожденцы“ имѣли возможность совмѣстно заниматься разработкой программныхъ вопросовъ, и коллективной мыслью группы „Возрожденія“ была выработана ихъ современная національная программа.

Тѣмъ временемъ сіонистско-соціалистическое движеніе значительно выросло, и весною 1905 года была организована„ Сіон.-Соціалистич. Рабочая Партія“. Учредительный съѣздъ этой партіи не соотвѣтствовалъ первопачальнымъ намѣреніямъ его участниковъ: на немъ по нѣкоторымъ случайнымъ причинамъ не могли быть представлены различныя теченія въ соціалистическо-территоріалистическомъ движеніи; составъ съѣзда былъ сравнительно однороденъ въ принципіальномъ отношеніи, и на немъ, между прочимъ, сразу установилось отрицательное отношеніе къ идеѣ національной автономіи, отстаиваемой „возрожденцами“. Вслѣдствіе этого группа „Возрожденія“ не вступила въ „Сіон.-Соціалистич. Раб. Партію“ и начала работать самостоятельно. Но въ это время изъ рядовъ сіонистовъ-соціалистовъ выступили нѣкоторые очень вліятельные члены партіи, по тѣмъ же принципіальнымъ мотивамъ, какъ и „возрожденцы“. Эти товарищи, объединившись съ „возрожденцами“, вступили въ ряды нѣкоторыхъ организацій „Poialei-Zion“, которыя, по различнымъ принципіальнымъ мотивамъ, не вступили въ „Сіон.-Соц. Раб. Партію“.

Осенью 1905 г. на конференціи представителей этихъ организацій было рѣшено образовать „Организаціонный Комитетъ“ для созыва учредительнаго партійнаго съѣзда и руководства текущей партійной работой. Несмотря на крупныя революціонныя событія, въ которыхъ организаціямъ пришлось принимать весьма активное участіе, въ нихъ не прекращалась широкая дискуссія по всѣмъ программнымъ вопросамъ, и къ апрѣлю 1906 г.,—моменту созыва учредительнаго съѣзда Е. С. Р. П.,—всѣ элементы новой партіи достигли полной солидарности въ пониманіи основныхъ моментовъ соціалистической программы еврейскаго пролетаріата.

Въ апрѣлѣ же 1906 г. „Организаціонный Комитетъ“ выпустилъ „Декларацію“ объ образованіи „Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи“.

„Декларація“ вкратцѣ излагаетъ исторію образованія Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи изъ указанныхъ выше двухъ элементовъ: довольно многочисленныхъ и накопившихъ уже извѣстныя революціонныя и соціалистическія традиціи, но не сплоченныхъ въ единое организаціонное и идейное цѣлое, рабочихъ организацій, и почти совершенно оторванной отъ массовой жизни, но зато поставленной въ болѣе благопріятныя условія для теоретической работы—интеллигентской группы „возрожденцевъ“.

Какъ мы уже сказали, процессъ конструированія партіи и необходимая для того организаціонная и идейная работа совершались въ разгарѣ революціонной борьбы. Отмѣтимъ нѣкоторыя проявленія этой борьбы и главнѣйшія политическія выступленія Е. С. Р. П.

Въ „октябрьскіе дни“ всѣмъ организаціямъ Е. С. Р. П. пришлось принять активнѣйшее участіе во всѣхъ непосредственныхъ революціонныхъ схваткахъ (екатеринославскихъ баррикадахъ, севастопольскомъ возстаніи, гдѣ члены Е. С. Р. П. подъ выстрѣлами крѣпостной артиллеріи сняли съ растрѣливаемаго корабля и свезли на берегъ 40 возставшихъ матросовъ и т. д.), организаціи политической забастовки, митингахъ и, наконецъ, въ погромной самооборонѣ. При этомъ нѣкоторыя организаціи потерпѣли огромный ущербъ. Такъ въ *Симферополѣ*, во время нападенія черной сотни на демонстрантовъ, выходившихъ съ митинга, послѣ геройскаго сопротивленія погибли девять товарищей, въ томъ числѣ *весь комитетъ организаціи* и незадолго до того вступившая въ группу „Возрожденія“, молодой симпатичный товарищъ—*Маня Евзерова*. Въ *Ростовѣ на Дону* погибъ въ борьбѣ геройски руководившій самообороной студентъ, товарищъ *Г. Огузъ*, самый цѣнный и полезный партійный работникъ въ ростовской организаціи. Въ *Екатеринославѣ* на баррикадахъ и въ самооборонѣ, кромѣ десятковъ раненныхъ и изувѣченныхъ, погибли нѣкоторые лучшіе партійные работники, въ томъ числѣ: *Гершель Свидскій*, *Л. Овсѣевичъ*, *Іосифъ Брукъ* и другіе. Тоже самое было и въ другихъ южныхъ городахъ; сѣверо-западный край погромная волна, какъ извѣстно, почти миновала.

Все это не могло, конечно, не внести извѣстной дезорганизаціи въ наро-

ждающуюся партію и не затормазить ея нормальнаго развитія. Декабрьская забастовка встрѣтила еще въ общемъ относительно наиболѣе дружную поддержку со стороны еврейскаго пролетаріата, доведеннаго погромами до крайней степени революціоннаго возмущенія. Но послѣ декабря реакція, не прекратившаяся еще и до сихъ поръ, давала себя особенно сильно чувствовать въ средѣ еврейскаго пролетаріата, особенно сильно пораженнаго бѣдствіями безработицы и голода и ведущаго свою борьбу въ средѣ мелкобуржуазнаго еврейства, до крайности терроризованнаго страхомъ погромовъ. И если, несмотря на все это, Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія продолжала и продолжаетъ неизмѣнно расширять сферу своего политическаго вліянія, то это слѣдуетъ, очевидно, отнести на счетъ тѣхъ новыхъ программныхъ и боевыхъ лозунговъ, которые она впервые провозгласила въ еврейскомъ пролетаріатѣ.

Въ дальнѣйшей политической дѣятельности Е. С. Р. П. слѣдуетъ отмѣтить избирательную кампанію, которая дала ей возможность наиболѣе широко распропагандировать свои программные лозунги. Е. С. Р. П. выставляла самостоятельныхъ кандидатовъ въ пяти губерніяхъ: Подольской, Екатеринославской, Витебской, Волынской и Могилевской. Тѣмъ не менѣе, никого изъ этихъ кандидатовъ не удалось провести въ Думу, по тѣмъ же общимъ причинамъ, по которымъ и другія еврейскія соціалистическія фракціи потерпѣли пораженіе въ этой избирательной кампаніи: въ Подольской и Витебской губерніяхъ несомнѣнные кандидаты Е. С. Р. П. въ депутаты были заблаговременно „разъяснены“, въ Екатеринославской губ. кандидатъ партіи провалился вмѣстѣ со всѣмъ блокомъ крайнихъ лѣвыхъ противъ кадетовъ и достиженцевъ, въ Волынской и Могилевской губерніяхъ—вмѣстѣ со всѣмъ оппозиціоннымъ блокомъ противъ черной сотни.

Тактическая позиція Е. С. Р. П. въ избирательной кампаніи опредѣлилась слѣдующимъ образомъ: Е. С. Р. П. поддерживала с.-ровъ противъ с.-д., бундъ противъ сіонистовъ-соціалистовъ.

Литературная дѣятельность Е. С. Р. П. выразилась въ изданіи двухнедѣльнаго органа на еврейскомъ языкѣ (вышло уже 4 номера), вскорѣ превращающагося въ еженедѣльникъ, и въ созданіи двухъ издательствъ, — русскаго и еврейскаго,—выпустившихъ рядъ брошюръ и сборниковъ на общія соціалистическія темы, и въ частности по національному вопросу съ соціалистической точки зрѣнія.

Число членовъ Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи достигаетъ теперь 12.000 человѣкъ.

II. Проектъ программы Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи.

Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія является однимъ изъ отрядовъ всемірной соціалистической арміи. Она ставитъ своей задачей организовать еврейскій рабочій классъ, руководить его классовой борьбой въ соотвѣтствіи съ принципами интернаціональнаго соціализма и вести его, въ союзѣ со всѣмъ международнымъ пролетаріатомъ, къ конечной цѣли соціалистическаго движенія, заключающейся въ экспропріаціи и обобществленіи орудій и средствъ производства и замѣнѣ капиталистическаго строя—коллективистическимъ.

Вслѣдствіе своей принадлежности къ угнетенной національности, еврейскій пролетаріатъ имѣетъ, кромѣ того, свои спеціальныя задачи, отчасти общія ему съ пролетаріатомъ другихъ угнетенныхъ націй, съ которыми онъ живетъ подъ одной государственной кровлей, отчасти же вытекающія изъ его особаго положенія среди другихъ народовъ міра и всѣхъ особенностей многовѣковой исторіи еврейскаго народа.

Соціалистическая партія является повсюду сознательной выразительницей интересовъ труда, въ борьбѣ за которые создалось современное рабочее движеніе. Направленіе и формы этого движенія обусловливаются главнымъ образомъ характеромъ буржуазнаго общества и основными тенденціями его историческаго развитія.

Основныя черты современнаго буржуазно-капиталистическаго общества опредѣляются институтами частной собственности и прибавочной стоимости, на которыхъ оно покоится. Безконечно увеличивая раздѣленіе и производительность труда, капиталистическій способъ производства создаетъ высокую степень хозяйственнаго развитія и накопленія общественнаго богатства. Онъ представляетъ собой такимъ образомъ одну изъ стадій общественнаго прогресса и, разъ окрѣпнувъ въ жизни, служитъ ступенью къ переходу въ высшія коллективистическія формы соціальнаго бытія. Но тотъ же процессъ капиталистическаго развитія порождаетъ цѣлый рядъ отрицательныхъ явленій. Безпрестанно растущее накопленіе ведетъ къ перепроизводству товаровъ, выражающемуся въ періодическихъ—то острыхъ и внезапныхъ, то затяжныхъ кризисахъ, вносящихъ глубокія потрясенія въ хозяй-

ственный организмъ. Все углубляющееся общественное неравенство, ростъ соціальной пропасти между имущими и неимущими, необезпеченность существованія трудящихся массъ, періодическая безработица и физическія лишенія — все это подрываетъ устои капитализма, требующаго для своего развитія всѣхъ наличныхъ экономическихъ и соціальныхъ силъ. Капиталистическія богатства въ своемъ непрерывномъ ростѣ имѣютъ тенденцію концентрироваться въ рукахъ немногихъ представителей капитала, эксплоатирующихъ широкія массы трудящихся. И тутъ вскрывается основное противорѣчіе капиталистическаго строя,—противорѣчіе, образующее всю его историческую силу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ведущее его къ гибели. Быстро распространяясь вширь и вглубь, захватывая все новыя и новыя отрасли промышленности и втягивая все болѣе широкіе кадры рабочихъ въ свою сферу, капиталистическое производство стихійнымъ ходомъ своего развитія раскалываетъ общество на два лагеря, находящіеся въ непримиримомъ антагонизмѣ. Въ одномъ лагерѣ находится сравнительно небольшое количество капиталистовъ, сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ всѣ матеріальныя богатства, а въ другомъ—творецъ этихъ богатствъ, лишенный средствъ производства рабочій классъ, на долю котораго выпадаетъ ничтожная часть продукта его труда. Но, съ углубленіемъ соціальной пропасти между классами и обостреніемъ классоваго антагонизма, пролетаріатъ, вызванный къ жизни капиталистическимъ строемъ, становится его могильщикомъ. Порожденное капитализмомъ обобществленіе производства и высшія формы коллективнаго труда способствуютъ, съ одной стороны, сплоченію, организаціи и прояснению классоваго самосознанія пролетаріата, а, съ другой стороны, создаютъ матеріальныя условія для перехода отъ капиталистическихъ производственныхъ отношеній къ коллективистическимъ. На высшей ступени капиталистическаго развитія этому переходу должна предшествовать соціальная революція, задачей которой является экспропріація и переходъ въ общественное пользованіе средствъ производства и обмѣна.

Таковъ общій ходъ соціальнаго развитія, общія рамки соціальной борьбы. Но современный историческій процессъ, постепенно усложняясь, вноситъ все новыя измѣненія въ соціальную среду, дѣлая ее все болѣе разнородной, и тѣмъ самымъ вызываетъ на арену соціальной борьбы все новые факторы и силы. Среди нихъ первое мѣсто по своему значенію въ общественной борьбѣ занимаютъ тѣ антагонизмы, которые возникаютъ на почвѣ національнаго подраздѣленія современнаго общества.

Безгранично совершающееся развитіе капиталистическаго производства, въ связи съ ростомъ эксплоатаціи рабочаго класса, дѣлаетъ для буржуазіи каждой данной націи все болѣе узкими предѣлы ея національнаго хозяйства. Въ безпрерывной погонѣ за новыми рынками для сбыта безгранично-растущаго количества товаровъ она стремится подчинить своему господству другіе національно-

хозяйственные организмы. Эти завоевательныя тенденціи буржуазныхъ классовъ влекутъ за собою либо безпощадныя войны, либо вооруженный миръ; и то и другое всей своей тяжестью ложится на трудящіяся массы и выражается въ безпощадной эксплоатаціи буржуазіей господствующихъ націй болѣе слабыхъ національностей. Пользуясь своимъ экономическимъ, политическимъ и культурнымъ преобладаніемъ, господствующія націи въ лицѣ своихъ эксплоатирующихъ классовъ, узурпируютъ всѣ преимущества государственной организаціи для своихъ цѣлей, игнорируя особые интересы живущихъ въ томъ же государствѣ національныхъ меньшинствъ и оттѣсняя ихъ на низшія ступени общественной лѣстницы.

Въ свою очередь, буржуазія угнетенныхъ національностей, пользуясь своими классовыми привиллегіями, стремится взвалить всю тяжесть національнаго гнета на неимущіе классы. Кромѣ того, своей проповѣдью надклассовой политики и забвенія классовыхъ противорѣчій въ виду общаго врага, она пытается затемнить классовое самосознаніе пролетаріата и дезорганизовать его ряды.

Эти эксплоататорскія и шовинистическія стремленія буржуазіи встрѣчаютъ все болѣе и болѣе рѣшительное противодѣйствіе въ растущей силѣ и сознательности пролетаріата.

Капиталистическое производство нуждается для своего развитія въ наличности свободнаго рабочаго класса, безпрепятственно продающаго свой трудъ, и поэтому оно уничтожаетъ всѣ виды крѣпостничества, всякія формы личной зависимости, тяготѣющія надъ широкими народными массами, и дѣлаетъ эти массы доступными для непосредственной эксплоатаціи капитала. Но этимъ самымъ капитализмъ открываетъ предъ ними широкій просторъ для активнаго участія въ гражданской и политической жизни и вовлекаетъ ихъ въ послѣднюю. Изъ пассивныхъ рабовъ онѣ постепенно превращаются въ активныхъ гражданъ.

Этотъ процессъ прогрессивнаго возрастанія сплоченности и активности народныхъ низовъ, выводя наружу всѣ скрытыя силы и тенденціи общества, все болѣе и болѣе развертываетъ тѣ своеобразныя формы, въ которыхъ протекаетъ историческая жизнь различныхъ національностей. У каждой отдѣльной національности, съ развитіемъ капитализма въ ея средѣ, начинаетъ отчетливѣе выступать своеобразное классовое расчлененіе общества, особыя комбинаціи политическихъ силъ и культурныхъ формъ. Такимъ образомъ капитализмъ, внѣдряясь въ опредѣленную національную среду, еще рѣзче проявляетъ ея національныя особенности.

Національнизирующее вліяніе капитализма съ особенной силой выступаетъ въ пролетаріатѣ, стихійно сплачивающемся и организующемся процессомъ капиталистическаго развитія. Изъ пассивной аморфной массы онъ постепенно превращается въ организованный активный классъ, ярко отмѣченный печатью своей національной индивидуальности. И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ соціальной жизни, классовые интересы пролетаріата

совпадаютъ съ тенденціей историческаго развитія. Свободное развитіе классовыхъ силъ пролетаріата предполагаетъ свободное развитіе производительныхъ силъ націи, устраненіе всякихъ видовъ національнаго гнета и эксплоатаціи, какъ одного изъ худшихъ золъ, дезорганизующихъ пролетаріатъ.

Поэтому пролетаріатъ, познавшій свои классовые интересы, становится въ авангардѣ національно-освободительныхъ движеній, и, вопреки шовинистической или агрессивной политикѣ захвата со стороны буржуазіи, онъ стремится къ радикальному рѣшенію національнаго вопроса путемъ установленія для каждой отдѣльной націи свободныхъ и самостоятельныхъ—автономныхъ—формъ національной жизни.

Въ результатѣ борьбы всѣхъ указанныхъ силъ и факторовъ, изъ которыхъ слагаются національныя отношенія, въ опредѣленный историческій моментъ, когда эти явленія достигаютъ достаточной зрѣлости, національныя тренія разноплеменнаго государства пріобрѣтаютъ такую напряженность, что государственная система оказывается безсильной сдерживать революціонный натискъ національно-освободительныхъ движеній, и тогда, чтобы уравновѣсить центробѣжныя силы, грозящія разорвать на части государство, господствующіе классы вынуждены бываютъ удовлетворять требованія угнетенныхъ національностей, поддерживаемыя всѣмъ сознательнымъ пролетаріатомъ страны и всѣми демократическими слоями общества. Единственнымъ же способомъ разрѣшенія національной проблемы средствами даннаго государства является предоставленіе каждой національности права на автономное управленіе всею совокупностью интересовъ ея внутренней жизни, причемъ государственная компетенція должна быть распространена на органы національной автономіи.

Исполняя свои функціи независимо отъ территоріальнаго распредѣленія отдѣльныхъ частей націи, національная автономія, охватывающая всѣхъ членовъ данной націи, независимо отъ ихъ мѣстожительства, представляетъ собою единственную форму юридически нормированныхъ національныхъ отношеній, при которой становится болѣе или менѣе возможнымъ мирное сожительство національностей въ разноплеменномъ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта государственно-правовая организація становится неизбѣжной стадіей развитія, чрезъ которую должны пройти угнетенныя національности по пути къ полному своему освобожденію. Она создастъ также для націй, находящихся въ меньшинствѣ политическую арену, гдѣ пролетаріатъ въ вопросахъ внутренней національной жизни можетъ вести свою классовую политику, борясь съ буржуазіей по всей линіи соціальныхъ интересовъ.

Наиболѣе яркій типъ національнаго меньшинства представляетъ собою еврейская нація. Разсѣянная по всему земному шару, она ни въ одномъ государствѣ, ни въ одной области не составляетъ компактнаго большинства. На ея развитіи поэтому съ осо-

бенной силой отразились всѣ отрицательныя стороны современныхъ національныхъ отношеній.

Совершенно исключительныя условія исторической жизни выработали изъ еврейской націи своеобразный національный организмъ. Еврейская нація прочно сложилась еще въ періодъ своей многовѣковой самостоятельной жизни, предшествовавшей римскому завоеванію. Послѣ же своего изгнанія изъ родины евреи вдругъ большими массами очутились въ нѣдрахъ чужихъ національныхъ и государственныхъ организмовъ. Не въ одиночку, не въ разбродъ, а сплошными массами, какъ коллективное цѣлое, еврейство начало процессъ своего приспособленія къ этой чуждой ему этнографической и соціальной средѣ. Стремленіе приспособиться къ этой подвижной, активной и къ тому еще довольно враждебной внѣшней средѣ, опираясь притомъ на силу всего еврейскаго національнаго коллектива, — опредѣляетъ собою всю дальнѣйшую историческую жизнь евреевъ. Съ одной стороны, безпрерывная напряженная борьба, которую приходится вести еврейской націи, сообщаетъ ей особенную силу устойчивости, вырабатываетъ ея удивительно прочную внутреннюю организацію; съ другой стороны, процессы ея внутренней жизни и развитія становятся въ громадной степени зависимыми отъ эволюціи окружающей ее внѣшней соціальной среды. Все это нашло свое яркое выраженіе въ своеобразной соціально-экономической структурѣ, въ особомъ укладѣ политической и культурной жизни еврейскаго гетто.

Этотъ основной характеръ еврейской жизни не мѣняется и послѣ того, какъ вмѣстѣ съ паденіемъ феодализма рушатся стѣны гетто.

Тяжелыя условія зависимости экономической жизни еврейскаго народа отъ окружающей его соціальной среды проявляются особенно сильно вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма. Процессъ капиталистическаго развитія, охватившій восточно-европейскія страны —Россію и Австрію, гдѣ сосредоточено огромное большинство еврейской націи, заставляетъ видоизмѣняться всю ея соціально-экономическую структуру, вынуждая ее приспособляться къ новымъ производственнымъ отношеніямъ. Но, состоя въ подавляющемъ большинствѣ изъ городской мелкой буржуазіи—торговой и ремесленной—при почти полномъ отсутствіи земледѣльческаго и землевладѣльческаго классовъ,—еврейская масса по своему соціальному составу оказалась мало подготовленной къ переходу къ высшимъ формамъ производства. Еврейская мелкая буржуазія, чрезмѣрно вытѣсняемая изъ всѣхъ своихъ экономическихъ позицій, подъ двойнымъ напоромъ развитія капитализма и обостряющейся параллельно съ нимъ національной борьбы, встрѣчаетъ, однако, даже при вступленіи въ ряды рабочей арміи сильныя затрудненія, какъ въ видѣ общественнаго антисемитизма, гражданскихъ и политическихъ правовыхъ ограниченій, такъ и въ видѣ внутренней— технической и соціальной—неприспособленности къ новымъ фор-

мамъ производства. Эти же причины вынуждаютъ еврейскій пролетаріатъ сосредоточиваться преимущественно въ отсталыхъ отрасляхъ производства, при чемъ чрезмѣрный наплывъ пролетаризирующихся массъ, непропорціональный ростъ резервной рабочей арміи и Lumpenproletariat'a до чрезвычайности затрудняютъ его классовую борьбу.

Подъ давленіемъ всей совокупности указанныхъ причинъ національная проблема у евреевъ пріобрѣтаетъ особенно жгучій характеръ, національныя тренія между евреями и другими народностями достигаютъ наивысшаго напряженія, и еврейскій пролетаріатъ испытываетъ на себѣ сугубую тяжесть невыносимаго національнаго гнета. И національно-политическая автономія пріобрѣтаетъ для еврейскаго пролетаріата и всего еврейскаго народа значеніе безусловной исторической необходимости.

Но путь историческаго освобожденія отъ созданнаго вѣками національнаго гнета, представляетъ собою длинную цѣпь, состоящую изъ послѣдовательнаго ряда отдѣльныхъ звеньевъ. И національно-политическая автономія для евреевъ въ мѣстахъ разсѣянія представляетъ собою лишь одинъ изъ этаповъ въ національномъ освобожденіи еврейскаго народа.

Съ осуществленіемъ автономнаго устройства для всѣхъ національностей разноплеменнаго государства, воочію выяснится и въ самыхъ рельефныхъ формахъ обнаружится невыгодное положеніе евреевъ, не занимающихъ сплошной территоріи и разсѣянныхъ всюду, какъ меньшинство, среди большинства чужихъ народовъ. Автономное устройство требуетъ для своего успѣшнаго осуществленія затраты огромнаго запаса національной энергіи и планомѣрной концентраціи національныхъ силъ. И въ этомъ отношеніи всѣ реальныя преимущества окажутся на сторонѣ тѣхъ націй, которыя, занимая сплошную территорію, могутъ на ней съ наименьшей затратой силъ достигнуть наибольшихъ результатовъ въ своемъ національномъ развитіи.

Вотъ почему для евреевъ національная автономія въ мѣстахъ ихъ разсѣянія является лишь переходною ступенью, и процессомъ историческаго развитія, укрѣпляющаго автономныя начала національной жизни, все рѣшительнѣе выдвигается историческая необходимость въ территоріальной концентраціи евреевъ. А по мѣрѣ того, какъ эта необходимость проникаетъ въ общественное сознаніе и освѣщается имъ, территоріальная концентрація еврейской націи и достиженіе ея національной самостоятельности становится сознательной цѣлью планомѣрныхъ общественныхъ движеній тѣхъ классовъ, развитіе которыхъ сдавлено оковами національнаго гнета. Впереди всѣхъ этихъ классовъ и элементовъ общества еврейскій пролетаріатъ, организованный въ Еврейскую Соціалистическую Рабочую Партію, опираясь на процессъ измѣненія формъ политической и соціальной жизни и черпая силы въ своей классовой борьбѣ, находитъ условія для достиженія своего національнаго идеала по пути своего соціальнаго развитія. Въ безпрестанной борьбѣ за

свое правовое, политическое, культурное и экономическое освобожденіе, шагъ за шагомъ отстаивая и укрѣпляя свои соціальныя позиціи по пути къ осуществленію автономныхъ началъ національной жизни, еврейскій пролетаріатъ, а, вмѣстѣ съ нимъ, и весь еврейскій народъ, объективнымъ ходомъ историческаго развитія направляется къ территоріальной концентраціи и къ воплощенію территоріальной автономіи тамъ и тогда, гдѣ и когда созрѣетъ къ тому реальная комбинація соотвѣтствующихъ историческихъ силъ.

Исходя изъ выше развитыхъ положеній, — примѣняясь къ конкретнымъ условіямъ россійскаго общественнаго строя, требующаго радикальнаго переустройства на демократическихъ началахъ, и къ историческому движенію еврейскаго народа, раскрѣпощающагося изъ-подъ оковъ національнаго гнета, — Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія, — въ тѣсномъ единеніи съ пролетаріатомъ другихъ націй, выставляетъ слѣдующія программныя требованія:

I.

Въ области основныхъ правъ гражданъ.

1) Равенство передъ закономъ всѣхъ гражданъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія. Уничтоженіе всѣхъ сословныхъ разграниченій и привиллегій. Отмѣна всѣхъ законовъ, устанавливающихъ ограниченіе публичныхъ и частныхъ правъ гражданъ въ отношеніи пола, національности и вѣроисповѣданія.

2) Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.

3) Свобода слова, печати, собраній, союзовъ и стачекъ.

4) Неприкосновенность личности и жилища, свобода передвиженія.

II.

Въ области государственнаго устройства.

Образъ правленія. 5) Осуществленіе во всей полнотѣ истиннаго народовластія, конечнымъ выраженіемъ котораго является демократическая республика.

Законодательство. 6) Верховная законодательная власть въ государствѣ принадлежитъ представительному собранію, избираемому всѣми гражданами, достигшими 20 лѣтъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія; представительное собраніе учреждается въ видѣ одной палаты; никакой законъ, изданный представительнымъ собраніемъ, не можетъ быть отмѣненъ или пріостановленъ какой-либо другой властью; представительное собраніе устанавливаетъ роспись всѣхъ общегосударственныхъ доходовъ и расходовъ (не исключая расходовъ на военное дѣло); никакіе налоги не могутъ быть установлены, и никакіе государ-

ственные займы не могутъ быть заключены безъ его согласія; безъ одобренія представительнаго собранія никакіе международные договоры и трактаты не имѣютъ силы; представительному собранію принадлежитъ контроль надъ всѣми дѣйствіями исполнительной власти, и министрами могутъ быть только лица, пользующіяся его довѣріемъ и отвѣтственныя предъ нимъ. Прямое участіе народа въ законодательной дѣятельности путемъ предоставленія народу права референдума и законодательной иниціативы.

Избирательное право. 7) Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборахъ во всѣ существующія въ государствѣ учрежденія. Тайное голосованіе при выборахъ. Пропорціональное представительство.

Судъ и администрація. 8) Преобразованіе суда и предварительнаго слѣдствія на началахъ безусловной гласности и публичности. Упраздненіе всѣхъ исключительныхъ судовъ. Отправленіе правосудія судьями, избранными народомъ. Освобожденіе суда отъ административной опеки и вмѣшательства. Безплатное судопроизводство и безплатная юридическая помощь. Введеніе институтовъ условнаго осужденія и досрочнаго освобожденія, а также вознагражденіе невинно-привлеченныхъ къ суду, осужденныхъ и заключенныхъ.

Отмѣна всѣхъ исключительныхъ законоположеній (усиленной охраны, чрезвычайной охраны и т. п.). Примѣненіе выборнаго начала при замѣщеніи административныхъ должностей. Отвѣтственность уголовная и гражданская должностныхъ лицъ въ общемъ порядкѣ. Отмѣна смертной казни.

Школа. 9) Введеніе всеобщаго, безплатнаго и обязательнаго обученія въ начальной школѣ. Полная автономія высшихъ учебныхъ заведеній. Уничтоженіе всѣхъ стѣсненій къ поступленію въ школы, связанныхъ съ различіемъ пола, религіи и національности. Свобода частной и общественной иниціативы въ дѣлѣ открытія школъ всѣхъ типовъ, а также въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія. Широкое развитіе профессіональнаго образованія.

Военное дѣло. 10) Замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ.

11) Рѣшеніе вопросовъ войны и мира народнымъ представительствомъ. Учрежденіе третейскаго суда для разрѣшенія международныхъ конфликтовъ.

Церковь и религія. 12) Отдѣленіе церкви отъ государства и религіи отъ національности. Объявленіе религіи частнымъ дѣломъ каждаго гражданина. Признаніе всѣхъ церковныхъ и религіозныхъ общинъ частными союзами, самостоятельно управляющими своими дѣлами. Признаніе обязательнымъ гражданскаго устройства церкви.

III.

Въ области мѣстнаго самоуправленія.

13) Основнымъ закономъ государства гарантируется широкая, демократически организованная областная автономія для всѣхъ мѣстностей, отличающихся особыми географическими, экономическими и исторически-бытовыми условіями.

14) Установленіе такихъ областей и ихъ строгое территоріальное разграниченіе производятся въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства, при обязательномъ и самомъ полномъ участіи въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ представителей заинтересованныхъ областей.

15) Органами областного самоуправленія являются организованныя на демократическихъ началахъ областныя учрежденія, созываемыя на основѣ всеобщаго, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, съ обязательнымъ примѣненіемъ корректива, ограждающаго интересы всѣхъ живущихъ въ предѣлахъ данной области національностей.

16) За означенными органами областной автономіи признается вся сумма законодательныхъ правъ по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго управленія, включая сюда полицію и финансы.

17) Для областей, автономія которыхъ признана основнымъ закономъ, общегосударственное законодательство имѣетъ примѣненіе лишь къ кругу вопросовъ, исключенныхъ изъ компетенціи автономныхъ учрежденій.

18) Для осуществленія означенныхъ выше цѣлей за органами областного самоуправленія признается право на самостоятельное установленіе и расходованіе своего бюджета.

19) Въ цѣляхъ объединенія жизни и дѣятельности сосѣднихъ автономныхъ областей допускается организація соотвѣтствующихъ межъобластныхъ союзовъ.

20) Всѣ споры и столкновенія между отдѣльными автономными областями разрѣшаются особымъ верховнымъ судомъ.

21) Примѣненіе внутри областей, организованныхъ на широкихъ демократическихъ началахъ, городскаго и сельскаго самоуправленія.

IV.

Въ области національнаго самоуправленія.

А. *Основнымъ закономъ государства гарантируются слѣдующія общія права всѣхъ безъ исключенія національностей, живущихъ въ предѣлахъ Россіи:*

22) Признаніе равноправія языковъ всѣхъ безъ исключенія національностей въ школѣ, судѣ и администраціи, въ частныхъ

документахъ, телеграфныхъ сношеніяхъ, на публичныхъ собраніяхъ и вообще повсемѣстно въ общественной жизни.

23) При достиженіи въ какой-либо мѣстности данной національностью опредѣленнаго, установленнаго закономъ процента, органы мѣстной власти обязаны пользоваться языкомъ этой національности во всѣхъ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ съ ея членами.

B. *Дѣла и нужды, непосредственно касающіяся исключительно какой-либо данной національности, входятъ въ кругъ вѣдѣнія автономныхъ учрежденій, покоящихся на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ:*

24) Каждый народъ, живущій въ предѣлахъ Россіи, независимо отъ занимаемой имъ территоріи, конструируется въ автономную группу, которая вполнѣ самостоятельно удовлетворяетъ и регулируетъ всѣ свои національныя потребности на основахъ демократическаго строя и съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ положеній.

25) Территоріальныя дѣленія сохраняютъ исключительно областное значеніе и не оказываютъ никакого вліянія на строй національныхъ отношеній и на сумму правъ, присваиваемыхъ той или иной національностью.

26) Каждая національность, въ совокупности всѣхъ частей, разсѣянныхъ въ различныхъ областяхъ и пунктахъ государства, образуетъ вмѣстѣ одинъ національный союзъ, который завѣдуетъ всѣми своими національными дѣлами совершенно автономно.

27) Формы и строй національной жизни для каждаго народа въ отдѣльности первоначально устанавливаются національными учредительными собраніями, созванными для этой цѣли на основахъ всеобщаго, безъ различія пола, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, и получаютъ утвержденіе въ порядкѣ общаго законодательства; при этомъ производится тщательное согласованіе различныхъ положеній, выработанныхъ отдѣльными національными учредительными собраніями, какъ между собою, такъ и съ общими основами демократическаго строя, опредѣленными общегосударственными законами.

28) Членомъ даннаго національнаго союза считается всякое лицо, принадлежащее по происхожденію къ данной національности и не заявившее о своемъ выходѣ изъ состава союза. Лицо инонаціональнаго происхожденія вступаетъ въ данный національный союзъ при условіи подачи особаго о томъ заявленія.

29) Для удовлетворенія національныхъ нуждъ органамъ національнаго самоуправленія предоставляется право на самостоятельное установленіе и расходованіе своего бюджета.

30) Всѣ споры и столкновенія между отдѣльными національностями разрѣшаются особымъ верховнымъ судомъ.

C. *Примѣнительно къ историческому прошлому и современнымъ соціально-бытовымъ условіямъ жизни своего народа Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія будетъ стремиться къ слѣдующей организаціи національно-политической автономіи еврейскаго народа:*

31) Единицей національнаго самоуправленія на мѣстахъ является еврейская національная община, въ составъ которой входятъ всѣ члены еврейскаго національнаго союза, живущіе въ предѣлахъ данной, точно очерченной въ административномъ отношеніи мѣстности.

32) Органомъ дѣятельности общины является общинный совѣтъ, избираемый еврейскимъ населеніемъ данной мѣстности на основѣ всеобщаго, безъ различія пола, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

33) Въ цѣляхъ систематизаціи и объединенія дѣятельности еврейскихъ общинъ, разсѣянныхъ по территоріи страны, образуются областные союзы еврейскихъ общинъ, охватывающіе опредѣленный мѣстный и административный районъ.

34) Органомъ дѣятельности областныхъ общинныхъ союзовъ является союзный общинный совѣтъ, избираемый еврейскимъ населеніемъ данной области на основѣ всеобщаго, безъ различія пола, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

35) Верховнымъ органомъ еврейскаго національнаго самоуправленія и представителемъ объединеннаго россійскаго еврейства является всероссійскій еврейскій національный сеймъ, созываемый на основѣ всеобщаго, безъ различія пола, равнаго, прямого и тайнаго голосованія одинъ или два раза въ годъ, въ точно опредѣленные закономъ сроки.

36) Рѣшенія сейма публикуются во всеобщее свѣдѣніе и приводятся въ исполненіе черезъ особый исполнительный комитетъ на началахъ обязательности для всѣхъ подчиненныхъ ему органовъ еврейскаго національнаго самоуправленія.

37) Сейму принадлежитъ также право, въ огражденіе интересовъ еврейскаго народа, обращаться съ петиціями и требованіями въ общегосударственныя, областныя и національныя учрежденія, а также онъ является единственнымъ представителемъ всероссійскаго еврейства по дѣламъ, носящимъ общенаціональный характеръ.

38) Въ кругъ вѣдѣнія всѣхъ перечисленныхъ еврейскихъ національныхъ учрежденій, при условіи строго установленнаго въ законѣ начала ихъ внутренняго соотношенія и соподчиненія общимъ основамъ демократическаго строя, входятъ слѣдующія нужды и проблемы еврейской жизни въ Россіи:

a) организація народнаго образованія (устройство школъ, гимназій, университетовъ, учительскихъ курсовъ и институтовъ и т. д., и завѣдываніе ими);

b) созданіе учрежденій, способствующихъ развитію національной культуры (устройство библіотекъ, театровъ, музеевъ, художественныхъ галлерей и т. д.);

c) организація профессіональнаго образованія въ цѣляхъ поднятія уровня технической подготовки еврейскихъ рабочихъ;

d) организація общественнаго призрѣнія и народнаго здравія

(устройство больницъ, инвалидныхъ домовъ, санаторій, безплатныхъ и дешевыхъ столовыхъ, дѣтскихъ яслей и т. п.);

e) организація взаимной и трудовой помощи (учрежденіе дешеваго кредита, взаимнаго страхованія, обществъ трудовой помощи, потребительныхъ и производительныхъ товариществъ и т. п.);

f) организація распространенія среди трудящагося населенія сельскохозяйственныхъ знаній съ цѣлью приспособленія еврейскаго труда къ сельскохозяйственной промышленности, въ особенности къ городскимъ культурамъ ея (устройство сельскохозяйственныхъ фермъ, школъ огородничества, садоводства и т. п.);

g) организація статистики по всѣмъ вопросамъ еврейской жизни;

h) руководство эмиграціоннымъ и переселенческимъ дѣломъ въ цѣляхъ огражденія интересовъ еврейскаго труда и урегулированія этого крупнаго явленія народной жизни въ направленіи территоріальной концентраціи народныхъ массъ,—

и другіе вопросы по опредѣленію Еврейскаго Національнаго Учредительнаго Собранія.

V.

Въ области рабочаго законодательства.

39) Ограниченіе рабочаго времени восемью часами въ сутки для всѣхъ наемныхъ рабочихъ съ полнымъ запрещеніемъ сверхурочныхъ работъ и съ установленіемъ для каждаго рабочаго еженедѣльнаго отдыха, непрерывно продолжающагося не менѣе 42 часовъ.

40) Воспрещеніе ночной работы во всѣхъ производствахъ за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ таковая является безусловно необходимой по техническимъ соображеніямъ, одобреннымъ рабочими организаціями.

41) Широкая законодательная охрана труда, какъ въ фабричной и сельской промышленности, такъ и въ домашней промышленности и торговлѣ, сообразно требованіямъ научной гигіены, подъ наблюденіемъ демократически организованной фабричной инспекціи (нормальная обстановка труда, гигіеническое устройство помѣщеній, запрещеніе работы малолѣтнихъ и ограниченіе работы несовершеннолѣтнихъ; запрещеніе женскаго труда въ извѣстныхъ отрасляхъ производства и въ опредѣленные періоды).

42) Установленіе минимальныхъ заработныхъ платъ по соглашенію между органами самоуправленія и профессіональными союзами рабочихъ съ воспрещеніемъ выдачи заработной платы товарами и производства денежныхъ вычетовъ изъ заработной платы по какимъ бы то ни было основаніямъ.

43) Государственное страхованіе рабочихъ во всѣхъ его видахъ (отъ несчастныхъ случаевъ, на случай болѣзни и старости, отъ безработицы и т. п.) за счетъ государства и хозяевъ и на началахъ самоуправленія рабочихъ.

VI.

Въ области аграрной политики.

44) Конфискація государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ земель съ цѣлью созданія общенароднаго фонда для передачи всей земли трудящимся.

Примѣчаніе. Вопросъ о формахъ землевладѣнія и землепользованія остается дискуссіоннымъ впредь до ближайшаго съѣзда партіи.

VII.

Въ области финансовой политики.

45) Уничтоженіе косвеннаго обложенія на всѣ предметы, за исключеніемъ предметовъ роскоши.

46) Введеніе прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства, при полномъ освобожденіи отъ налога мелкихъ доходовъ ниже извѣстной нормы.

47) Уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ.

VIII.

Въ области коммунальной политики.

48) Партія будетъ добиваться муниципализаціи освѣщенія, водоснабженія и другихъ отраслей городского хозяйства.

Къ политическому моменту.

(Въ странѣ и въ Думѣ).

„Совѣсть замерзла. О, конечно, это всегда такъ бываетъ: стоитъ понизиться на два градуса температурѣ тѣла, и совѣсть замерзаетъ... законъ природы..."

. . . . . .

„Вы помните, вѣроятно, легендарные разсказы о полярныхъ странахъ средневѣковыхъ путешественниковъ. Зимой слова замерзаютъ и лежатъ мерзлыми льдинами до тепла. А потомъ оттаиваютъ и опять становятся словами..."

Вл. Короленко,—„Морозъ".

Слова, поставленныя нами въ эпиграфѣ этой статьи, какъ нельзя лучше выражаютъ состояніе общественнаго сознанія, сознанія широкихъ массъ революціоннаго народа въ данный историческій моментъ...

Никогда еще не вѣяли такіе суровые вѣтры, никогда еще не свирѣпствовала такая жестокая стужа на улицѣ россійскаго обывателя. Въ самомъ дѣлѣ: возьмите любую изъ язвъ, хронически разъѣдающую народный организмъ, любой изъ „ядовъ", которыми, по историческому выраженію Столыпина, нашъ „добросовѣстный врачъ"—правительство врачуетъ этотъ организмъ,—не взяты ли всѣ эти яды въ максимальной дозѣ, не приходится-ли говорить обо всемъ этомъ въ одной лишь превосходной степени?

Въ деревняхъ—голодъ охватилъ двадцать губерній и свирѣпствуетъ съ небывалой силой. Деревенскіе ходоки, пришедшіе къ своимъ депутатамъ въ Петербургъ, чтобы донести слабый стонъ голодныхъ до слуха Государственной Думы, своимъ видомъ напоминаютъ голодающихъ индусовъ. Въ голодныхъ губерніяхъ улицы городовъ покрыты толпами голодающихъ крестьянъ: дѣти, бабы и старики прибрели въ городъ за милостыней,—въ деревнѣ и подать некому. На самыхъ глухихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ поѣзда осаждаются голодными, „какъ саранчей", по выраженію какого-то брезгливаго пассажира, корреспондирующаго въ

„Новое Время“. А что же дѣлается тамъ, въ самой деревнѣ? Сколько стоновъ пропадаетъ тамъ втунѣ?..

Въ городахъ безработица разлилась широкой волною. Изъ рѣчей депутатовъ Джапаридзе, Березина и Церетелли мы узнаемъ, что есть города, вродѣ Саратова, гдѣ пятая часть населенія осталась безъ работы; что „голодные рабочіе посылаютъ своихъ малолѣтнихъ дочерей продавать свое тѣло“ и чудовищная по своимъ размѣрамъ проституція доходитъ до продажи одиннадцатилѣтнихъ дѣвочекъ; что на почвѣ безработицы выросло специфическое явленіе послѣдняго года—экспропріаторство, и не видать конца этой эпидеміи...

Но и помимо неурожая и безработицы „царь-голодъ“ заручился еще однимъ новымъ союзникомъ: массовыми локаутами. Устраиваетъ эти локауты правительство, разсчитывая рабочихъ съ крамольныхъ казенныхъ заводовъ, устраиваютъ одни фабриканты, организуемые и инспирируемые правительственными агентами, устраиваютъ, наконецъ, другіе — по собственной иниціативѣ, пользуясь промышленнымъ кризисомъ, безработицей и беззащитностью рабочихъ массъ. Локауты сводятъ на нѣтъ всѣ завоеванія многолѣтней и упорной экономической борьбы, сѣютъ разладъ и дезорганизацію въ рабочіе ряды и множатъ безъ конца армію голодныхъ и безработныхъ.

Голодъ и безработица породили въ рядахъ своихъ жертвъ страшное культурное одичаніе и моральное отупѣніе, влекущіе за собой невѣроятную уголовную преступность, но что составляетъ этотъ штрихъ въ подавляющей своимъ ужасомъ картинѣ современности?

Человѣческая жизнь обезцѣнена до нельзя, и десятки людей ежедневно героически пріемлютъ мученическую кончину за нѣсколько „экспропріированныхъ“ цѣлковыхъ, за убійство городового и тому подобные мелочные акты, отъ которыхъ и въ ничтожнѣйшей степени не колеблются устои ненавистнаго режима. Смерть стала слишкомъ привычной гостьей, она стала будничной, и никто уже не страшится глядѣть ей въ глаза.

А что дѣлаетъ созидательница этого кромѣшнаго ада, что дѣлаетъ рука нашего „добросовѣстнаго врача“?

О, эта спасительная десница не дремлетъ! Въ своемъ неудержимомъ шествіи по пути прогресса она каждодневно даритъ насъ новыми сюрпризами, и послѣдній изъ этихъ сюрпризовъ возвращаетъ насъ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ временамъ Торквемады... Да, читатели, теперь уже никто не вправѣ скрывать отъ себя то обстоятельство, что въ нашихъ политическихъ тюрьмахъ *инквизиціонныя пытки пріобрѣли уже права гражданства!...* Смущенное общество не хотѣло вѣрить, оно „цѣломудренно“ затыкало уши, когда пришли первыя извѣстія о ломаніи суставовъ, выворачиваніи пальцевъ, выдергиваніи ногтей въ тюрьмахъ прибалтійскаго края. Но теперь ужъ ни одинъ нравственный трусъ не въ силахъ скрыть этого отъ своей совѣсти. Пытки прочно уко-

ренились во всемъ Прибалтійскомъ краѣ, акклиматизировались уже кое-гдѣ въ Польшѣ и на Кавказѣ, а на-дняхъ къ намъ прибыла телеграмма изъ Казани о томъ, что и тамъ пала первая жертва инквизиціи—крестьянинъ, замученный въ полицейскомъ застѣнкѣ. Не ясно ли, что эти примѣры, при настоящихъ условіяхъ, неизбѣжно должны вызвать всеобщее подражаніе? Неужели столь многочисленные у насъ потомки Малюты не соблазнятся высокимъ развитіемъ инквизиціонной техники у своихъ прибалтійскихъ собратьевъ? Неужели ихъ не поощритъ безнаказанность послѣднихъ?

Военныя и чрезвычайныя положенія опутали всю страну. Это—старая язва, но и въ ней выступили нѣкоторыя новыя черты. Въ своемъ логическомъ развитіи военныя положенія привели къ децентрализаціи самодержавія. И вслѣдствіе этого обыватель подвергнутъ двоякому произволу: произволу, распоряжающемуся судьбами обывателя изъ центра, и произволу мѣстныхъ самодержцевъ. Но военное положеніе приняло двойственный характеръ: не только бюрократія объявила на военномъ положеніи гражданъ, но и граждане держатъ на военномъ положеніи бюрократію... Ни одинъ сколько-нибудь значительный бюрократъ не осмѣливается выйти на улицу безъ охраны...

Вотъ объективное положеніе. Какъ же реагируетъ на него общественное сознаніе, сознаніе громадныхъ пластовъ угнетеннаго народа въ его активныхъ массовыхъ проявленіяхъ?

„Замерзла совѣсть“... Только этими словами и можно охарактеризовать это отношеніе. Бывали у насъ за послѣдніе годы и меньшіе ужасы, чѣмъ тѣ, что творятся теперь, а народныя массы реагировали на нихъ мощными, хотя и стихійными взрывами и всѣми чувствовалось, какъ содрагается народная душа, какъ наростаетъ народный гнѣвъ. А теперь? Пассивное недовольство страшно растетъ,—яркимъ показателемъ этого явились хотя бы выборы въ Думу,—но когда жъ оно выльется въ активныя формы, перейдетъ въ наступленіе и перестанетъ размѣниваться по мелочамъ? Или чаша горя народнаго еще не полна?

И невольно приходятъ въ голову слова Короленко: быть можетъ, зимняя стужа слишкомъ сильно сковала члены народныхъ массъ,—„стоитъ понизиться на два градуса температурѣ тѣла, и совѣсть замерзаетъ... законъ природы“...

Но развѣ мало было сдѣлано для пробужденія этой совѣсти? Развѣ мало свѣта было пролито въ народныя массы? Мало говорилось народу о его нуждахъ и путяхъ къ свободѣ?

Должно быть, и въ этомъ виновата чрезмѣрность народныхъ несчастій: „зимой слова замерзаютъ и лежатъ мерзлыми льдинами до тепла. А потомъ оттаиваютъ и опять становятся словами“...

Не здѣсь-ли, не въ этихъ-ли „оттаявшихъ словахъ“ искать выхода революціи?—Да, фактически революція давно уже обратила сюда свои взоры: недаромъ въ самый разгаръ реакціи та-

кая масса революціонныхъ силъ была поглощена борьбой за Государственную Думу, подготовкой этой грандіозной „агитаціонной трибуны“, съ которой какъ набатъ звучитъ боевой призывъ къ народнымъ массамъ.

Обратимся же къ этому центру политическаго сознанія страны, къ этому высокому мѣсту, откуда за послѣдніе дни звучитъ святое слово соціализма и льется въ страну яркій снопъ солнечныхъ лучей.

„Революціоннѣйшій парламентъ міра стоитъ лицомъ къ лицу съ реакціоннѣйшимъ правительствомъ міра“,—этими словами депутатъ Алексинскій охарактеризовалъ положеніе Думы въ день ея открытія на университетскомъ митингѣ.

Этими словами опредѣляются существеннѣйшія особенности въ положеніи Думы, предрѣшается ея судьба и ея возможная роль въ развитіи революціи.

Какъ на громадномъ экранѣ, отражается въ думскихъ рѣчахъ состояніе страны, соотношеніе ея общественныхъ силъ и ихъ борьба. Но никто уже не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Дума есть только „экранъ“, что она даетъ лишь отраженіе борьбы въ странѣ, но не въ силахъ еще фиксировать и закрѣплять результаты самой борьбы. Еще накакунѣ созыва Думы г. Милюковъ характеризовалъ нашу „конституцію“ словами: въ „нашей конституціи собрано худшее изъ худшихъ европейскихъ конституцій“. И хотя г. Милюковъ страстно стремится теперь приспособиться къ этой „худшей изъ худшихъ конституцій“, но въ ней то самой ничего не измѣнилось: безправіе, фактическая немощь Думы проходятъ красной нитью чрезъ всю ея дѣятельность. Кто можетъ еще сомнѣваться въ этомъ безправіи и немощи, тому мы предлагаемъ обратиться къ думскимъ бюджетнымъ преніямъ.

Всѣмъ, конечно, памятно, какъ во время предвыборной кампаніи кадеты лукаво подмигивали избирателямъ въ сторону бюджета. „Пусть только откроется Дума!“—говорили кадеты,—„и мы сумѣемъ прижать правительство почувствительнѣе, чѣмъ это думаютъ сдѣлать соціалисты. Не утвердимъ займа, скомпрометируемъ финансовую репутацію правительства предъ европейскими банкирами, а въ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ... о, здѣсь мы совсѣмъ поймаемъ бюрократію, какъ въ мышеловкѣ“.

И вотъ послѣднія пренія обнаружили всѣмъ, кто въ этомъ еще сомнѣвался, всю фиктивность бюджетнаго права, все бюджетное безправіе Думы и ярко показали тщету этого ultima ratio кадетской философіи борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, депутаты Волкъ-Карачевскій, Алексинскій и Струве пространно и убѣдительно разъяснили странѣ смыслъ ст. 9-й правилъ о государственной росписи. Статья эта гласитъ: „при обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи

на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ Верховнаго управленія послѣдовавшихъ". Слѣдовательно, только послѣ многолѣтней,—весьма, разумѣется, проблематичной по своимъ прямымъ результатамъ,—законодательной дѣятельности Думы, когда рухнетъ цѣлый лѣсъ устарѣлыхъ законовъ, мыслима станетъ реформа нашего „бронированнаго", по выраженію министерской газеты, бюджета. Сверхъ этихъ законовъ надо отмѣнить цѣлый рядъ распоряженій уже чисто-административнаго характера, а какъ ихъ отмѣнить въ рамкахъ дѣйствующаго законодательства,—этого вопроса еще не удалось разрѣшить ни одному изъ мудрыхъ Эдиповъ кадетской юриспруденціи. Чтобы сократить россійскую полицію, надо пересмотрѣть 518 законовъ, а сокрушить всю твердыню россійскаго произвола—министерство внутреннихъ дѣлъ—можно лишь въ предѣлахъ 4,1% его бюджета! Но мало того: бюрократія сохранила за собой про запасъ 380 милліоновъ государственныхъ долговъ, расходы Государственнаго Совѣта, императорскаго двора и канцеляріи, расходы, покрытые густымъ флеромъ „государственной тайны" и, наконецъ, вѣдомство императрицы Маріи, доходы котораго, по выраженію Коковцева, „сложились исторически", а стало быть только исторія и займется современемъ ихъ ревизіей...

Не ясно-ли, что Думѣ остается—или въ рамкахъ конституціонности ограничиться, по предложенію Струве, „безпредметной бюджетной демонстраціей", или же принять предложеніе с.-р., с.-д. и н.-с. и не утверждать бюджета?

Такова фактическая сила Думы, но обратимся къ болѣе для насъ важному и существенному—къ ея демонстративному и воспитательному значенію. Въ этомъ отношеніи сила Думы необъятно велика!

Ничего новаго нѣтъ въ томъ, что говорится съ думской трибуны. Тѣ же партійныя программы, тѣ же боевые лозунги на развернутыхъ во всю ширь партійныхъ знаменахъ. Но всѣ эти „замерзшія слова" какъ будто оттаяли и снова стали словами: подъ мертвой зыбью, которой покрылась наша общественная жизнь, чувствуется то напряженное вниманіе, съ которымъ прислушивается къ нимъ страна, и въ этомъ вниманіи чувствуется приближеніе оттепели... Присмотримся, однако, къ главнымъ схваткамъ на думской трибунѣ.

Еще наканунѣ открытія Думы кадеты дальновидно распредѣлили роли между различными думскими партіями. Передовица „Рѣчи" откровенно объясняла, какъ они не погнушаются поддержкой правыхъ, чтобы задавить революцію и обратно. Г. Родичевъ до первой Думы, сравнивалъ себя съ „юношей, влюбленнымъ въ прекрасную женщину"—Думу *) и стремящимся въ ея

*) См. ст. М. Б. Ратнеръ: „Что же дальше?", въ „Народномъ Вѣстникѣ", № 3—4, 1906 г.

объятія, но, увы! на засѣданіяхъ по продовольственному дѣлу этой красавицей оказались г.г. Столыпинъ и Пуришкевичъ, столь нѣжно заключившіе его въ свои объятія. Г. Изгоевъ писалъ, что страна ждетъ отъ правыхъ упорной, но „конституціонной“ защиты своихъ позицій, отъ к.-д.—законопроектовъ и мудраго „строительства Россіи“, а отъ лѣвыхъ—„смѣлой борьбы съ произволомъ“... Съ небольшими варіантами ожиданія г. Изгоева сбылись.

Правые—развѣ они недостаточно „конституціонны“ въ изгоевскомъ смыслѣ?.. Предъ нами г. Столыпинъ съ либеральной декларацiей въ рукахъ. Онъ озабоченъ „превращеніемъ нашего отечества въ государство правовое“, созиданіемъ „новыхъ основъ общественности и государственности“ и установленіемъ „тѣхъ матеріальныхъ нормъ, въ которыя должны воплотиться новыя правоотношенія, возникающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени“. Каковы же эти реформы, наличныя и предполагаемыя?— Онѣ льются на насъ изъ декларацiи, какъ изъ рога изобилія.— „Равноправіе отдѣльныхъ слоевъ населенія и свобода вѣроисповѣданій“. Свобода слова, печати, собраній и союзовъ считается уже „установленной“ временными правилами, и для завершенія зданія демократическихъ свободъ намъ обѣщаютъ свободу совѣсти и неприкосновенности личности, жилища и тайны корреспонденціи. Въ области администрацiи и мѣстнаго самоуправленія возвѣщается: самоуправляющаяся всесословная волость, сельская земская единица, учрежденіе административнаго суда, какъ смѣшанной административно-судебной коллегіи, гдѣ съ соблюденіемъ началъ состязательнаго процесса будутъ разсматриваться жалобы на должностныя лица и учрежденія. Въ области суда: упраздненіе земскихъ начальниковъ, гражданская и сословная отвѣтственность служащихъ, допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи, условное осужденіе и условное досрочное освобожденіе и т. д. Полицейская реформа и, наконецъ, просто установленіе свободы человѣка и человѣческаго труда, которыя почему-то должны явиться результатомъ уничтоженія общины... А въ области аграрнаго вопроса: передача крестьянамъ земель государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ, реформа Крестьянскаго Банка для льготной продажи крестьянамъ 11 милліоновъ десятинъ, дешевый кредитъ мелiоративный, переселенческій и земельный. А для рабочихъ правительство собирается осуществить чуть ли не всю соціалистическую программу-минимумъ: ненаказуемость стачекъ, свободу профессіональныхъ организацій, ограниченіе труда дѣтей и женщинъ, организація врачебной помощи, страхованіе... И въ довершеніе въ нѣкоторой туманной перспективѣ — всеобщее начальное образованіе...

Правда, въ любой изъ этихъ Столыпинскихъ розъ торчитъ змѣиный шипъ: свобода вѣроисповѣданія дополняется сохраненіемъ *господствующей* церкви, гражданскія „свободы“—исключительными положеніями, которыя ихъ могутъ во всякій моментъ уничтожить, административный судъ лишается всякаго значенія при

отсутствіи выборности чиновниковъ и т. д., и т. д. Правда, многихъ „свободъ“ не хватаетъ еще для того, чтобы даже эти куцыя свободы пріобрѣли какой-нибудь реальный смыслъ. Но будемъ справедливы къ деклараціи: не забилось-ли бы лѣтъ пять-шесть назадъ радостнымъ трепетомъ сердце какого-нибудь либерала при одномъ упоминаніи всѣхъ этихъ реформъ? И, на самомъ дѣлѣ, при чтеніи деклараціи можетъ зародиться сомнѣніе: не имѣемъ ли мы въ лицѣ г. Столыпина не одного изъ творцовъ „кроваваго бреда,“ а представителя болѣе или менѣе „просвѣщеннаго“ абсолютизма?...

Гробовымъ молчаніемъ загремѣло въ отвѣтъ на эту декларацію народное представительство, а депутатъ Церетелли пояснилъ это молчаніе словами: „правительство говоритъ о томъ, что оно намѣрено сдѣлать, а мы хотимъ говорить о томъ, что оно сдѣлало“... И правительство вскорѣ вынуждено было заговорить своимъ настоящимъ языкомъ: отъ рѣчей Столыпина запахло кровью и застѣнкомъ...

Но не эти рѣчи явились новымъ словомъ въ дѣятельности правительства: этимъ новымъ словомъ явились слова и дѣла правыхъ депутатовъ. Новостью является кн. Святополкъ-Мирскій, по новѣйшимъ буржуазнымъ учебникамъ „откровенно“ отстаивающій интересы дворянъ, отцы-іезуиты, Платонъ и Евлогій, Крушеванъ, Пуришкевичъ и другіе сыскныхъ и заплечныхъ дѣлъ мастера. На смѣну засохшей муміи—Побѣдоносцеву пришелъ „хладнокровно-волнующійся и уравновѣшенно-страстный“, по выраженію г-жи Ю. Загуляевой изъ „Москов. Вѣдомостей“,—ораторъ Пуришкевичъ съ кликушескими выходками и съ явно утвержденной свыше миссіей—держать про запасъ погромныя банды...

Да, жутко становится отъ этихъ новостей, въ особенности при сопоставленіи съ душу раздирающими стонами нашихъ румынскихъ братьевъ и съ убійствомъ Іоллоса!... Но взглянемъ влѣво: въ лагерь оппозиціи и революціи.

Тамъ все по-старому. Кадеты дали нѣсколько новыхъ примѣровъ того, какъ не надо бороться за народную свободу. Подъ флагомъ реальной политики они дали такіе примѣры политической наивности, которые окончательно дискредитируютъ ихъ, надо думать, даже въ глазахъ буржуазной демократіи. Боязнь народа,—вотъ, что характерно для всей тактики партіи народной свободы. Боязнь, какъ бы народъ своимъ вмѣшательствомъ не смѣшалъ карты ихъ „конституціонной“ игры, какъ бы Дума не заговорила языкомъ чуждымъ бюрократіи. По двумъ вопросамъ, затрагивающимъ самыя насущныя интересы рабочихъ массъ—продовольственному и вопросу о безработныхъ,—к.-д. высказались противъ посылки депутатовъ на мѣста и образованія мѣстныхъ комитетовъ и въ первомъ случаѣ провалили эти предложенія, опираясь на правыхъ. Совершенно такъ же высказались они въ первой Думѣ по поводу предложенія трудовиковъ объ образованіи аграрныхъ комиссій на мѣстахъ. Элементарная истина, высказан-

ная депут. Сѣровымъ: „только работа въ народѣ, на его глазахъ можетъ создать могучую поддержку, необходимую Думѣ“—остается для нихъ книгой за семью печатями. Въ спорѣ о томъ, кого слѣдуетъ причислить къ безработнымъ: только ли пострадавшихъ отъ промышленнаго кризиса или и тѣхъ, кого выбросили на улицу стачки, политическая борьба, погромы, — кадетское большинство продало интересы массы жертвъ революціи,—все изъ той же боязни народа, страха и постыднаго оппортунизма передъ правительствомъ. Нѣтъ, не партія народной свободы вынесетъ дѣло народной свободы на своихъ плечахъ!

„Тонкіе юристы“, какъ характеризовалъ кадетовъ Столыпинъ, они хотятъ въ рамкахъ старыхъ, даже по мнѣнію правительства разрушающихся, правовыхъ нормъ обосновать то единственное право, которое еще осталось народу: *право революціи.* Но это право нельзя обосновать убѣдительными для Столыпина формальными соображеніями: его лишь можно осуществить...

Да, правы оказались наши будущіе правители—кадеты въ своемъ распредѣленіи ролей: не ошиблись они въ томъ, что „смѣлой борьбы съ произволомъ“ страна ждетъ не съ ихъ стороны... И, кажется, что не за горами уже тотъ день, когда надъ нами снова взовьется красный стягъ.

Прошло уже 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Народная Воля думала испугать гонителей призракомъ неизбѣжно надвигающагося „судорожнаго взрыва, кровавой перетасовки“. Но видно не призраку, какъ бы страшенъ онъ ни былъ, одолѣть реальныя темныя силы. И вотъ россійскій соціализмъ, устами Архангельскаго, снова подтвердилъ, что для насъ „нѣтъ ничего цѣннѣе человѣческой жизни“... Но, если этому призраку силой желѣзной исторической необходимости суждено воплотиться въ страшную дѣйствительность, тогда мы скажемъ: „пусть сильнѣе грянетъ буря“!..

Пока же... пока и та часть еврейскаго рабочаго класса, которая сорганизована подъ знаменемъ Е. С. Р. П., идя нога въ ногу со всѣмъ россійскимъ рабочимъ классомъ, будетъ продолжать свое дѣло организаціи еврейскаго пролетаріата, голоса котораго, по жестокой ироніи судьбы, не слыхать на думской трибунѣ, но который тѣмъ слышнѣе раздастся въ хорѣ россійской революціи...

24 Марта 1907 г. **В. Гофманъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. **М. Борисовъ.** Наши задачи 3
2. **Х. Житловскій.** Націонализмъ и классовая политика пролетаріата. 55
3. **Людвигъ Кульчицкій.** Федерализмъ и соціалистическая политика. 91
4. **Базинъ.** Вопросы децентрализаціи въ программѣ Р. С. Д. Р. П. 117
5. **Ben-Adèr.** Наши критики. Статья первая 138
6. **И. Казиміровъ.** Новыя позиціи россійской буржуазіи. . . . 179
7. **В. Дальманъ.** Октябрьскіе дни въ Екатеринославѣ 200
8. **Матеріалы къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія:**
   I. Къ исторіи Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи 248
   II. Проектъ программы Е. С. Р. П. 261
9. **В. Гофманъ.** Къ политическому моменту 274

„Современное Обозрѣніе".

Годъ изданія первый.

Харьковъ, Николаевская пл., домъ Огурцова, № 7. Тел. № 1256.

ОТЪ КОНТОРЫ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: городской—на годъ—9 руб., 11 мѣс.—8 р. 30 к., 10 мѣс.—7 р. 50 к., 9 мѣс.—6 р. 75 к., 8—6 руб., 7 мѣс.—5 р. 30 к., 6мѣс.—4р.50к., 5 мѣс.—3 р. 90 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 25 к., 2 мѣс.—1 р. 70 коп., 1 мѣс.—90 коп.; иногородней— на годъ—10 р., 11 мѣс.—9 р. 10 к., 10 мѣс.—8 р. 50 к., 9 мѣс.—7 р. 60 к., 8 мѣс.—6 р. 70 к., 7 мѣс.—5 р. 90 к., 6 мѣс.—5 р., 5 мѣс.—4 р. 10 к., 4 мѣс.—3 р. 20 к., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 2 мѣс.—1 р. 80 к., 1 мѣс.—1 р. За границу—вдвое.

Подписка принимается съ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народнымъ учителямъ, фельдшерамъ, акушеркамъ, желѣзнодорожникамъ, безплатнымъ народнымъ библіотекамъ-читальнямъ, рабочимъ и приказчикамъ—75 коп. въ мѣсяцъ. При подпискѣ черезъ профессіональныя общества—разсрочка по соглашенію.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА 1907 г.

на научный, литературный и политическій журналъ.

„Вѣстникъ Жизни".

Вышли и разосланы подписчикамъ №№ 1 и 2.

Журналъ выходитъ по измѣненной и расширенной программѣ.

Редакція ставитъ своею цѣлью дальнѣйшую разработку теоретическихъ основъ марксизма, на ряду съ освѣщеніемъ съ точки зрѣнія интересовъ рабочей партіи текущихъ задачъ общественно-политической жизни Россіи, а также—анализъ всѣхъ направленій, ученій, и партійныхъ программъ, противопоставляемыхъ ученію международной соціаль-демократіи, захватывая при этомъ всѣ стороны культурной жизни современнаго общества—науку въ точномъ смыслѣ слова, политику, философію, этику, эстетику и искусство.

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ книжками, въ 8-10 печатныхъ листовъ каждая, содержащими слѣдующіе отдѣлы: 1. Беллетристика, поэзія.—2. Статьи по вопросамъ экономіи, политики, права, исторіи.—3. Философія, этика, эстетика.—4. Политическое обозрѣніе. —5. Художественно-критическое обозрѣніе.—6. Обозрѣніе международнаго соціалистическаго и рабочаго движенія.—7. Обзоръ выдающихся новинокъ литературы, книжной и журнальной.

Постоянные сотрудники: Авиловъ, Б.; Арцыбашевъ М., Алексѣевъ Н., Алексинскій Г., Базаровъ В., Берманъ Я., Блюмъ А., Богдановъ А., Бончъ-Бруевичъ В., Величкина В., Вольскій А., Гольденбергъ І., Горькій М., Григорьевъ С., Гусевъ-Оренбургскій С., Давыдова О., Залевскій К., Каменевъ Ю., Канель Я., Каутскій К., Ксандровъ В., Кирдецовъ, Ленинъ Н., Линдевъ Г., Лещенко Д., Луначарскій А., Лунцъ М., Лядовъ М., Люксембургъ Роза, Ольминскій М., Найденовъ С., Орловскій П., Паннекекъ А., Петровъ С., Покровскій М., ПоповъВ., Поповъ П., Радинъ Б., Радековъ Н., Роландъ-Гольстъ Г., Романовъ Н., Рукавишниковъ А., Румянцевъ М., Свидерскій А., Семеновъ Т., Серафимовичъ А., Скандеръ П. (М-чъ), Скиталецъ, Степановъ И., СуворовъС..Таганскій М., Таежный, Троицкій Н., Тучапскій П.,Чеботаревская А., Чириковъ Е., Чужакъ А. ,ШанцеръВ., Шлихтеръ А., Финнъ-Енотаевскій А.,Фриче В., Херсонская Е.,Цейтлинъ С., Цензоръ Д., Юшкевичъ С., Яшновъ Е.

Подписная цѣна съ доставкой въ Россіи: 1 г.—6 р., 6 м.—3 р., 3 м.—1 р. 50к. Заграницей: 1 г.—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к. Подписка на 1 мѣс. не принимается. Цѣна отдѣльнаго номера 35 к. Подписка и розничная продажа производится въ Конторѣ журнала: Невскій 102, кв. 37, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Издатель **Я. Штенбергъ.** Отвѣтст. ред. **А. Кузьминъ.**

С. П. Б. Литературный кружокъ „Грядущій день“.

Принимается подписка на второй литературный сборникъ

„ГРЯДУЩІЙ ДЕНЬ“

при участіи слѣдующихъ лицъ: Евг. Ващенко, С. Городецкій, Яковъ Годинъ, Н. Ефимовъ, И. Журавскій, А. Зарницынъ, Левъ Зиловъ, Осипъ Зелигманъ, Н. Кондаковъ, Ал. Полтавцевъ, Ал. Толстой, Юрій Слезкинъ, Дмитрій Цензоръ и др. Размѣръ сборника 20 печ. листовъ. Цѣна при подпискѣ безъ перес. —50 к., съ перес.—60 к., по выходѣ—70 к. Выйдетъ сборн. въ мартѣ мѣс. с. г. Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ изданія кружка: 1. — Сборникъ первый „Грядущій день“ ц. 70 к. 2.—Ю. Слезкинъ.—Въ волнахъ прибоя. Ц. 20 к. Адресовать подписку: Ю. Л. Слезкину, С.-П.Б., В. О. 15 линія, д. 72, кв. 7.

ОТКТЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ и еженедѣльную газету

РАЗСВѢТЪ

ПРОГРАММА „РАЗСВѢТА“ — ПРОГРАММА „ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ“.

Сотрудники: Ани (Нью-Іоркъ). Бороховъ Б., Бабковъ Л. С., Бреннеръ І., Брускусъ Ю. Д., Бутовскій М., Вальдштейнъ (Нью-Іоркъ). профес. Варбургъ О., Волинъ Ю. С., Гейманъ С., Гепштейнъ С. К., Гитинъ Я.. Гольдбергъ Б. А., Гольденбергъ О. Б., Гольдштейнъ А. М., Горѣликъ, Гликманъ Д., Дубновъ С. М., Жаботинскій В. Е., Заръ, Идельсонъ А. Д., Клейнманъ М. (Галиція), Клаузнеръ І., Крейнинъ М., Круповецкая А., Левинсонъ С. (Южн.-Африка), Левинъ Ш. Х., Людвиполь А. Д., Маршакъ С., Нейфахъ И. І. (Константинополь), Новый (Палестина), Оппенгеймеръ Ф., Пасманикъ Д. С.. Португаловъ Г. М., Поляковъ С., Рабиновичъ З., Усышкинъ М. М., Цейтлинъ М. Л., Соскинъ С., Соловейчикъ М., Теплицкій Я. М., Тривусъ И., Членовъ Е. В., Шенфельдъ (Берлинъ), Эберлинъ (Парижъ), Яновскій С. Я., Яффе Л. ч др.

Подписная цѣна на 1907 годъ:

на ежемѣсячный журналъ: въ Россіи: на годъ 5 р., на полгода 2 р. 50 к., на три мѣсяца 1 р. 25 к.; за границу: на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к.; **на еженедѣльную газету:** въ Россіи: на годъ 5 р., на полгода 2 р. 50 к., на три мѣсяца 1 р. 25 к.; за границу: на годъ 6 руб., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 25 к.; **на оба изданія:** въ Россіи: на годъ 10 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к.; за границу: на годъ 12 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 р.

Подписка принимается только съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября.

Цѣна въ розницъ: книжки 50 к., № газеты 10 к.

Адресъ Редакціи и Конторы: С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. 19, кв. 6.

Редакторъ-издатель **М. Л. Цейтлинъ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 Г. (II годъ изданія).

На ежедневную политическую, литературную и общественную газету.

„Южная Заря“

Условія подписки: Въ Екатеринославѣ съ доставкой 12 м. 6 р., 11 м. 5 р. 50 к., 10 м. 5 р., 9 м. 4 р. 75 к., 8 м. 4 р. 50 к., 7 м. 4 р., 6 м. 3 р. 50 к., 5 м. 3 р., 4 м. 2 р 50 к., 3 м. 2 р., 2 м. 1 р. 40 к., 1 м. 70 к. Иногороднимъ съ пересылкой: 12 м. 7 р., 11 м. 6 р. 50 к., 10 м. 6 р., 9 м. 5 р. 50 к., 8 м. 5 р., 7 м. 4 р. 50 к., 6 м. 4 р., 5 м. 3 р. 50 к., 4 м. 3 р., 3 м. 2 р. 50 к., 2 м. 1 р. 80 к., 1 м. 90 к. За границу: 12 м. 12 р., 11 м. 11 р. 50 к., 10 м. 11 р., 9 м. 10 р., 8 м. 9 р., 7 м. 8 р., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 коп. **Учителямъ народныхъ школъ 25% уступки.** Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ „Южная Заря“ (Проспектъ, д. Ильева около Яковлевскаго сквера). Контора открыта отъ 9—7 ч. в., а по воскресеньямъ отъ 9—1 д.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ НАХОДЯТСЯ:

Въ Александровскѣ у Ротшильда, Никополѣ у Можаровскаго, Нововоронцовкѣ у Баскина, Павлоградѣ у Аккермана, Верхнеднепровскѣ у Луцкаго, Новомосковскѣ у Зильбера, Маріуполѣ у Авруцкаго, Камепскомъ у Профес. Союза Рабочихъ, Юзово у Войнова, Енакіево у Толчинскаго, Пологи и Гуляй-поле у Фонарева, Долгинцево у Литмановича, Алмазное у Гуревича.

Редакторъ **А. Я. Ефимовичъ.** Издатель **П. Г. Гезе**

ЖУРНАЛЪ

„ЗА КНИЖКОЙ“

(Обозрѣніе новыхъ книгъ и книжнаго дѣла).

Пособіе для самообразованія.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ размѣрѣ около двухъ печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 24 номера 1 руб. 40 коп. съ пересылкой.

Въ розничной продажѣ цѣна отдѣльнаго номера 7 коп.

При выпискѣ двухъ экземпляровъ одного номера пересылка безплатно. Деньги просятъ впередъ, можно марками.

Книгопродавцы пользуются уступкой 25%.

Объявленія позади текста: 20 руб. страница, 12 руб. 1/2 стр. и 6 р. 50 к. 1/4 страницы—за одинъ разъ.

Подписка принимается въ магазинѣ „Книжный Музей“ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Редакторъ-Издатель **Н. Ф. Тарховъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ (II годъ изданія).

на политическую, общественную и литературную газету

Витебскій Голосъ

независимый, внѣпартійный органъ печати, поставившій себѣ цѣлью настойчивое проведеніе въ жизнь прогрессивныхъ формъ общественности.

Безпристрастіе въ изложеніи фактовъ, полнота и всесторонность извѣстій и разнобразіе содержанія—одна изъ основныхъ задачъ нашего изданія. Отражая явленія общерусской и заграничной жизни и исходя всегда изъ идеи вѣротерпимости и равноправія гражданъ, газета удѣляетъ особое вниманіе вопросамъ, имѣющимъ мѣстное общественное значеніе. О наиболѣе важныхъ событіяхъ государственной и общественной жизни „Витебскій Голосъ“ получаетъ ежедневно сообщенія по телеграфу отъ двухъ агентствъ одновременно со всѣми столичными газетами. Во время сессій Государственной Думы — подробные отчеты передаются по телеграфу въ самый день засѣданія. Собственные корреспонденты въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ городахъ, а также и въ уѣздахъ Витебской губерніи.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой въ Витебскѣ—5 руб. съ пересылкой въ другіе города—6 р., на полгода—3 р., на 3 мѣс.—1. 50 к., на 2 мѣс.—1 р. Подписка принимается въ Витебскѣ: въ конторѣ редакціи (Замковая улица, д. Хайкина), насл. Пеймана, въ книжныхъ магазин.: М. Залшупина, Х. Гольдина (Вокзальная ул.) и Фридмана.

Въ Двинскѣ у Надеждина,
„ Полоцкѣ—Гофеншефера,
„ Велижѣ—Л. Левинтова,

Въ Невелѣ у М. М. Рябчика,
„ Лепель—М. М. Капельмана.
„ Бѣшенковичахъ—И. Авебруха.

Издатель **Г. А. Теодоровичъ.** Редакторъ **И. Васильевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ (II годъ изданія).

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Программа журнала: Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати. Библіографическія монографіи. Критическій разборъ сочиненій. Библіографія русскихъ и иностранныхъ писателей. Свѣдѣнія и сообщенія о книжномъ дѣлѣ, общественныхъ и частныхъ библіотекахъ. Книжный спросъ и предложеніе. Вопросы и отвѣты по библіографіи и книжному дѣлу. Почтовый ящикъ. Объявленія. Иллюстраціи, относящіяся къ библіографіи и книжному дѣлу, въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ и т. п.

Подписная цѣна на годъ 2 рубля.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Библіографическій Листокъ“ г. Сызрань, Московская, 15.

Редакторъ **Е. И. Аркадьевъ.**